П-74
1958
4
4

Советское
военное обучение
№ 4. 1958.

П-74

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

4

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1958

Bonné A. Studies in economic development. With special reference to conditions in the underdeveloped areas of Western Asia and India. London. Routledge and Kegan Paul, [1957]. X, 294 p.

Dia, Mamadou. L'économie africaine. Études et problèmes nouveaux. Paris, Presses univ. de France, 1957. 119 p.

Étude sur l'industrie syrienne. Damas, Bureau des documentations syriennes et arabes, [1957]. 196 p.

Falk, A. Visa pour l'Arabie. Paris, Gallimard, [1958]. 255 p.

Himmelheber, U. Schwarze Schwester. Von Mensch zu Mensch in Afrika. Bremen, Schünemann, [cop. 1957]. 213 S.

Hoffherr, R. Coopération économique franco-africaine. [Paris], Sirey, 1958, 173 p.

India and the United Nations. Report of a study group set up by The Indian council of world affairs. Prep. for the Carnegie endowment for international peace. New York, Manhattan publ. Co., 1957. XI, 229 p.

Иран аз назар-е хавар-шенасан. Тарджоме ба [illegible] фар. Тегеран, [illegible]

Kapoor, A. N. [illegible] States of India [illegible] of the prospect[illegible] new states an[illegible] after the states[illegible] 1956. Delhi, M[illegible] 77 p.

Lartéguy, J. Le[illegible] mes, confréries[illegible] chel, [1957], 2[illegible]

Lefebvre, J. Af[illegible] péenne. Bruxel[illegible] [1957]. 124 p.

Lengyel, E. Egy[illegible] Washington, [illegible] 1957]. 147 [illegible]

Maxwell, G. [illegible] London [a. [illegible] Co., [1958].

Mersadier, Y. [illegible] chez 136 fam[illegible] centres urba[illegible] 1957. 102 p.

Muddathir, A. [illegible] rung der wirts[illegible] afrikanischen [illegible] kungen auf [illegible] Beitrag zur [illegible] wirtschaftlich[illegible] Rahmen eine[illegible] nalen Arbeits[illegible] & Humboldt,

*Публикуя сп[illegible] лать на них рец[illegible]

Peter, P. C. Some industrial problems (with special reference to Travancore-Cochin). With a foreword by Shri Nityanand Kanungo. Bombay [a. o.], The popular book depot, [1957]. III, 250, V p.

Saksena, Mohan Lal. Second five-year plan. New Delhi, Rama Krishna, [1957]. 99p.

Velayudhan, R. Kerala — the red rain land. [Delhi], Indian inst. of social affairs, [1957]. VI, 160p.

Ward, W. E. A short history of Ghana. London [a. o.], Longmans, Green and Co., [1957]. XI, 275 p.

Zeine, Zeine N. Arab-Turkish relations and the emergence of Arab nationalism. Beirut, Khayat, [cop. 1958]. 156 p.

A comprehensive history of India. Ed. by K. A. Nilakanta Sastri. Vol. 1—2. Bombay [a. o.], Orient Longmans, [1957].

Ал-Йавиджи, Камал ва Карам, Антун Г'аттас. А'лам ал-фалсафа ал-арабиййа. Дирасат муфассала ва нусус мубаввваба машруха. Карам. [Бейрут], Ладжна ат-та'лиф ал-мадрасийа, [1957]. 1072 с.

Ал-Хуфи, Ахмад Мухаммад. [illegible] ат-Таххиди. Т. 1—2. [Каир], [illegible]7].

Пхеньян. Куннин 81 с.

но, Иванами сётэн, [illegible]

ндра. самараджъя ка удай и, Атмарам, 1956.

[illegible]хванъялок ки хинди Гаутам бук дипо,

[illegible]ûm ed-Dîn ou Vi-[illegible]s de la foi. Analyse [illegible]. Bousquet. Paris, [illegible] p.

ари, Рамананд. [illegible]ластра ка Итихас. [illegible]гани экэдэми, 1950.

[illegible]oire des Berbères et [illegible]ulmanes de l'Afri- T. 4. Suivi de la [illegible]et l'index général... [illegible]rès. 1956, 628 p.

[illegible]энкю. Токио, Ёси-[illegible]6. 5, 345, 27 с.

(на 3-й стр. обложки)

с просьбой присы-

П-74 П 19366
Советское востоковедение 1958: № 4
П-20310

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

4

ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1958

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. С. БРАГИНСКИЙ (главный редактор),
М. О. АУЭЗОВ, А. М. ДЬЯКОВ, Б. Н. ЗАХОДЕР,
Н. И. КОНРАД, А. А. КУЗНЕЦОВ, И. М. ЛЕМИН, А. Ф. МИЛЛЕР,
А. А. ПАШКОВСКИЙ, Б. В. РЖЕВИН (отв. секретарь),
В. В. СТ'РУВЕ, Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ (зам. главного редактора),
Г. В. ЦЕРЕТЕЛИ

П2030
ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
АН Киргизской ССР

Технический редактор *Л. М. Уша*

Адрес редакции: Москва, Армянский пер., 2, Тел. К5-91-64

Т 09212 Подписано к печ. 10/IX 1958 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л. 7¹/₂
Печ. л. 20,55+1 вкл. Уч.-изд. листов 23,4. Зак. 665 Тираж 2650

2-я тип. Издательства АН СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10

МАТЕРИАЛЫ ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ К. МАРКСА

Ниже печатается продолжение записей К. Маркса, сделанных им при изучении работы М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» (материал глав IV и V)*).

Учитывая своеобразие формы рукописи, не предназначавшейся автором для печати, при публикации ее применяется принятая Институтом система типографских выделений: текст собственных замечаний Маркса и отдельные слова, вставленные им от себя в конспект или выписки, даются ***черным курсивом***, а в случае, если они подчеркнуты Марксом, — ***черным курсивом в разрядку***. Подчеркнутые Марксом слова и выражения из конспектируемых работ напечатаны *светлым курсивом*, подчеркнутые дважды — *светлым курсивом в разрядку*. Прямые и круглые скобки принадлежат Марксу. В фигурные скобки заключены отдельные слова, вставленные редакцией для пояснения. Слова, написанные Марксом по-русски, отмечаются в тексте звездочкой *. На полях воспроизводится нумерация рукописных страниц.

Текст подготовлен к печати научным сотрудником Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Р. П. Конюшей. Примечания в конце текста составлены научным сотрудником Московского государственного университета А. М. Осиповым.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

B) История поземельных отношений в Индии в эпоху туземных раджей

Чем ближе к нашему времени *памятники законодательства*, тем многочисленнее в них свидетельства *признания общинной собственности* *)•) на землю господствующим типом поземельных отношений в Индии. Причина этого: *обычное право* (*местное*) почти совершенно исключено из *сводов законов*; постепенно оно все больше и больше *вносится* в *писаное* право брахманов. В самом *кодексе Ману* [1] за королем признается право «придавать силу закона тому, что было установлено практикой ученых и добродетельных мужей, принадлежащих к *дважды-рожденным* [2], каждый раз, когда выведенные из нее ***(этой практики)*** правила *соответствуют юридическим обычаям провинций, округов, каст и семейств*». Из этих обычаев более поздние кодификаторы Индии, авторы многочисленных сборников, известных в индийской юридической литературе под именем

*) Начало публикации см. «Советское востоковедение», 1958, № 3.
*)•) У Ковалевского: владения.

«*Smriti*»[3], черпали материал для толкования Ману. *Обычное право* доставляло главный материал для пополнения скудных чисто юридических и преимущественно чисто этических *) правил древнейших кодексов, регулирование которых первоначально предоставлено было внутреннему управлению сел, городов и провинций (89). *[Кольбрук называет дату «Вед» — 1400 год до нашей эры, а Элфинстон в «Institutes of Mapи» (основанных на отрывочных религиозных поэмах — «Веды») — примерно 900-й год до нашей эры, хотя сэр Вильям Джонс, переводчик Ману, относит их ко времени примерно 1280 года до н. э.; «Рамаяна» — это примерно 1400 год до н. э.; «Махабхарата» — следующая историческая поэма, «Илиада» индусской литературы.]*

1) Ковалевский находит в Ману (см. цитату из французского перевода Луазелер Делоншана) «следы как общинного землевладения, так и одновременного возникновения частной земельной собственности *)*), либо путем *выдела из общинных земель индивидуальных наделов*, либо вследствие того, что *новые поселенцы* завладевали теми или другими участками общинных пустошей и леса и обращали их под плуг, — однако, *лишь с предварительного согласия общинно-родовых союзов*» (90). *[Цитаты о границах селений не указывают непосредственно на общинную собственность в селениях].*[4] Как и теперь, так и в *Индии IX века* {до н. э.}, наряду с земельной собственностью *)*)*) целых родов и сел существует и *нераздельная семейная собственность на землю* (книга IX, статья 104 Ману) (91)[5]. *В статье 20 книги IX* упоминается × *)*)*)*) о *кооперативных обществах*, т. е. о людях, которые объединяются с целью содействовать, каждый своим трудом, успеху общего предприятия. Существование таких кооперативных обществ указывает на распространение в Индии с древнейших времен не только принципа *общинного землевладения*, но *также и совместной эксплуатации земли членами родовых союзов*; их возникновение можно объяснить лишь перенесением фактической общинной кооперации в обработке земли родовыми союзами на добровольные, основанные на договоре, союзы *[в которых общая собственность и кооперация]*. Аналогия с *русской артелью* (92). *[Однако, это о том, что} у кочевых и даже диких народов {это имело место} до существования земельной собственности — общей или частной, — вызвано условиями охоты и т. д.]*

Хотя общая собственность *)*)*)*)*) на землю является господствующим типом в эпоху кодекса Ману, все же уже встречается и частная собственность, на что указывает упоминание об *огораживаниях*, о захвате кем-либо чужого поля *и т. д.* (стр. 92). Этот кодекс знает и *передачу семейной собственности* — еще не *путем дарения или за-*

*) У Ковалевского: частно-правовых.

)) У Ковалевского: владения.

))*) У Ковалевского: владением.

))*)*) — поставленный здесь и вынесенный на поля такой же знак стоит в рукописи Маркса.

))*)*)*) У Ковалевского: общинное владение.

вещания, несовместимых с принципом ее нераздельности, — а путем *продажи*, и то только с *согласия сочленов, родичей и соседей*; но это указывает на *возникновение отдельных владений* из индивидуальных наделов общинной земли*; с другой стороны, *Ману признает труд основанием собственности*; этим он прямо указывает на возникновение последней путем *обращения под плуг пустошей общины*, что *имеет место и по сей день* в богатых землей «*братствах*» *Пенджаба*. «*Очистка земли от джунглей*, — говорится в *отчете об управлении Пенджабом в 1849—51 годах*, — часто рассматривается как веское и неопровержимое доказательство права собственности» (93). Последнее право, предоставляемое лицам посторонним общине, можно объяснить огромными размерами общинно-родового землевладения (93).

Однако, тот факт, что общинные пользователи превращают свои индивидуальные наделы в частную собственность, ссылаясь на давность [давность* владения* — срок владения], Ковалевский считает возможным объяснить лишь из опыта современной практики, который показывает, какая опасность грозит системе наделов, определяемых степенью родства, со стороны 35 || ***более отдаленных потомков и новых поселенцев, || причем этот антагонизм в конечном счете ведет даже к системе периодического передела общинных земель на равные наделы (93). [Ковалевский считает, что владельцы (по степени родства) принимали профилактические меры против этой будущей опасности, превращая свои наделы в частную собственность. Другими словами: он объясняет это положение вещей посредством гипотезы, что уже ко времени кодекса Ману владельцы (по крайней мере, более крупных наделов соответственно степени родства) уже видели угрозу своему владению и потому старались превращать его в частную собственность. Если принять в качестве предпосылки эту тенденцию, непонятно, почему применение принципа давности, который мы встречаем всюду наряду с этой тенденцией, — должно представлять особую трудность или казаться загадочным].*** *Установление принципа* давности владения сначала в 20 лет, а затем в 10 лет, как *титула приобретения частной собственности*, является в моих ***(Ковалевского)*** глазах средством легального *выхода** из выше упомянутой опасности и имеет своим последствием превращение *по меньшей мере пахотной земли*, а в некоторых местах и сенокосов в частную *) собственность ее временных владельцев (94). ***[Гораздо проще сказать: раздоры, возникавшие вследствие увеличивавшегося неравенства наделов, которое в дальнейшем должно было привести к другим имущественным неравенствам, — неравенству притязаний и т. д., короче, ко всякого рода общественному неравенству, — должно было вызвать со стороны фактически привилегированных лиц***

*) У Ковалевского: бесповоротную.

стремление укрепиться в качестве собственников.] *Вышеуказанные причины* самопроизвольного разложения родовых и сельских общин должны быть более древними, нежели влияния, оказанные в том же направлении *постепенно организующейся кастой религиозно-ученого сословия, а также усилившейся властью племенных* ***начальников*** (старейшин), ставших с течением времени раджами отдельных царств ***(княжеств)*** и, наконец, *раньше или позже развившейся в сельском населении эмиграцией в городские и торговые центры,* — эмиграцией, которая нарушала прежнюю связь народа с землей и неизбежно вела к разложению *родового принципа* ***[который однако снова появляется там, прежде всего, в городах в форме господства родов]*** и общинного землевладения (94). В эпоху Ману эти последние 3 причины могли действовать лишь очень слабо ***или совершенно не могли действовать.*** *Ни* в *одной статье* его кодекса не упоминается о *праве раджей раздавать общинные земли,* — что несколькими веками позже {было} в полном действии. Далее: *брахманам было запрещено* заниматься возделыванием земли, что исключало возможность дарения *недвижимой собственности* {в пользу духовенства}; в книге X, статья 115, также упоминается о *дарении брахманам лишь движимости.* Наконец, *сельская жизнь* решительно преобладала *над городской*, и процветал сохранившийся доныне обычай *заниматься ремеслом и торговлей*, не выходя *за пределы сельских поселений* (l. c.).

2) *Период, начинающийся сводом законов Яджнявалкьи*[6] *и институтами Нарады*[7] *и заканчивающийся завоеванием страны мусульманами,* т. е. *с 9—5 века до нашей эры до 5—6 века* нашей эры, ***до империи Могола (1526—1761).***

а) *Использование общинно-родовых и сельских союзов для целей управления и суда.*

В обоих сводах законов *Яджнявалкьи* и *Нарады* члены сельских общин называются *общинными союзами* или *собраниями родичей*, которым центральная власть *поручает полицейские и судебные функции*, т. е. охрану мира. Это означает: эти родовые союзы и общины *уже* из *независимых органов* {отправления} этих функций превращаются в *низшие — полицейские и охранные инстанции* ***государства. [Принадлежавшие им первоначально общественные функции — суд и полиция — становятся теперь функциями, возложенными на них, вверенными и предписанными им государством].*** С этого момента *круговая** *порука**, с древнейших времен связывавшая их между собой, становится *круговой порукой перед государством**); в кодексах, определяющих ответственность *родовых союзов* за происшедшее в их пределах нарушение мира, имеется *целый ряд таких постановлений.* [Такие постановления встречаются также в *целом ряде позднейших сборников законов*, что дает возможность проследить развитие в Индии тех или иных институтов частного или публичного права вплоть до нашего времени.] Таким образом {материальная} ответственность [вира*], которую *несли* раньше в пределах общины или родового союза [ближайшие родственники преступника] перед родственниками лица, пострадавшего от преступления или проступка, становится теперь *денежным штра-*

*) У Ковалевского: центральной администрацией.

фом, уплачиваемым ***государству****), ***властям***, как штраф за невыполнение возложенной на общину обязанности поимки преступника. Так, *в статье 271, том II* (*Яджнявалкья*) — в случае обнаружения следов преступника в пределах сельской черты, виновным считается начальник селения. Так, в *ст. 271 и 272, II тома Яджнявалкьи* говорится: «Всякий раз, когда нельзя открыть следов убийцы или вора вне пределов сельской черты, *денежная ответственность* падает на селение, в округе которого совершено убийство; если след преступника найден в пределах соседней деревни, жители ее обязаны уплатить денежный штраф; если след обнаруживается в 5 или 10 деревнях, все и каждая из них в принудительном порядке несут денежную ответственность» (95, 96).

36 ‖ *Круговая порука общины, в отношении уплаты ею государственных налогов*, разверстка которых среди ее членов проводится самой общиной × — *размер налогов ни в коем случае не должен превышать* $^1/_6$ *части чистого дохода общины* — (*институт Нарады, гл. XVII, статья 47*[8]) — приобретает *юридический характер* с подробной ее разработкой**) лишь в кодексах V и VI *веков нашей эры* (96).

Кроме *поддержания мира и уплаты сборов*, члены родовой общины выполняют {также} функции *гражданского и полицейского судопроизводства*, а {также} *участвуют в разбирательстве так называемых бесспорных** *дел**. По поводу судопроизводства *Яджнявалкья*, как и Нарада, упоминают в числе прочих судов {также и} *собрания* ***общинных*** *совладельцев*, которым, как высшим инстанциям, подчинены, с одной стороны, *семейные советы*, а с другой, *собрания ремесленников*, — и которые, в свою очередь, имеют над собой *назначенного королем высшего чиновника и самого короля.* Объекты правосудия, подчиненные «*суду соседей*» *(сожителей**)* (ныне называемому «*punchayet*»), по своему характеру те же, что и объекты *судопроизводства марки*, или *общины*, в германское средневековье, или, как и доныне, волостных или окружных судов (судов* верви*) в Швейцарии и России. *Статья 5, книга II институтов* Нарады сохраняет за *королем* прерогативу {решения} лишь запутанных дел; в отношении других судов выдвигается лишь требование *коллегиальных [а не единоличных] приговоров.* Отсюда следует, что *все судебные иски*, о которых упоминается в кодексах *Яджнявалкьи и Нарады*, проходили в низшей инстанции через *суды** *общин** [юрисдикция *семейных* и *ремесленных судов* имеет специфический характер]: прежде всего *иски о нарушениях одним лицом или целой общиной границ владения.* Согласно *индийскому праву*, как и русскому, *межи (Grenzen, termini) не подлежат давности (Ману, книга VIII, статья 200*[9]; *Яджнявалкья, книга II, ст. 25*[10]) (97, cf. 98). Если возникает такой спор по поводу границы между *целыми общинами*, то приговор по этому процессу принадлежит компетенции королевского суда (98). {Разбирательству} общинных судов подлежат также жалобы на совершение действий, имеющих целью последующий захват чужой собственности, каково *преднамеренное уничтожение* тех или иных знаков * межеваний * (l. c.)[11].

К другой категории процессов, подлежащих {разбирательству} общинных собраний, относится *нарушение прав собственности* отдельных членов или целой общины, путем *потравы, присвоения чужих плодов, рубки чужого леса, самовольного возведения плотин*

*) У Ковалевского: правительству.

**) У Ковалевского: в подробности.

и т. д., упоминаемые во многих статьях обоих названных кодексов. Разграничение между юрисдикцией *общинной* и юрисдикцией королевской: каждый раз, когда судебное дело требует применения одного из известных индийскому праву видов *ордалий* (**ordeals**), право вынесения приговора принадлежит суду короля или назначенной им *судебной коллегии (Нарада)* (99). [*Согласно статье 104 V главы, I части института Нарады*[12], право обращаться к ордалиям признается за судьей каждый раз, когда он путем обращения к другим видам доказательств не может прийти к определенному выводу относительно гражданской ответственности или уголовной виновности одной из двух сторон] (99).

К *третьей категории* процессов, *подлежащих ведению общинных судов*, относятся *всякого рода гражданские процессы*, возникающие между лицами полноправными и не подсудными *специальным судам* в том случае, если при их решении обращение к ордалиям не признается неизбежным (l. c.). (Специальным судам подчинены: *члены нераздельных семей — семейным судам*, *члены ремесленных и торговых корпораций — ремесленным судам*, l. c.) (*Ордалии*, например, применялись в спорах о депозите, когда одна сторона отрицает получение его от другой стороны; поэтому {право решения} (согласно Нараде) в данном случае принадлежит исключительно *королевским судам*) (l. c.).

Уголовная юрисдикция, **по-видимому**, принадлежала исключительно *королевским судам* (99, 100).

Судопроизводство общин в так называемых бесспорных делах. Уже у *Ману* совершение *купли-продажи недвижимой собственности* требовало *согласия соседей*. *Четыре века спустя* принцип частной собственности на землю уже настолько окреп в обществе, что требуется еще лишь *публичность такой продажи* [**ditto**, дарения недвижимости], чему *соответствует обычай совершения акта в общинном собрании* (100) (**смотри примечание там же**).

Эти *статьи, касающиеся коммунальной**) *юстиции и полиции в сводах законов V и VI веков нашей эры*, являются единственным *указанием на существование в этот период коммун**)*). Этои понятно, так как в своих имущественных отношениях общинам было предписано руководствоваться в своем управлении, как и до сих пор, местными обычаями и установлениями; *обязательная сила этих обычаев* зачастую явно признается Яджнявалкьей и Нарадой (l. c.). [Относительно *организации* самих *коммун**)* и *форм общей собственности* *)*)* имеются лишь отдельные следы (**смотри ниже**).]

37 ‖ В *кодексе Ману* не содержится ничего об *организации общинного управления*; зато: *Яджнявалкья* и *Нарада* подтверждают *назначение общинных старейшин* (**начальников**) *самими общинами*, оба советуют выбирать их из среды лиц, понимающих как следует свои обязанности, бескорыстных и чистых душой; они предписывают членам общин беспрекословное повиновение *предписаниям* выбранных таким образом {людей}[13] (101).

Нарада в некоторых статьях называет членов общинных собраний *)*)*)*) «*родичами*», в других только «*сожителями*» * (**Hausgenossen, Nachbaren**). Следовательно, тогда существовали двоякого рода общины—«*родовые общины*» и «*сельские*» *. Существование *первых*

*) У Ковалевского: общинной.
)) У Ковалевского: общин.
))*) У Ковалевского: общего пользования.
))*)*) У Ковалевского: союзов.

{еще} за *4 столетия до нашей эры* у *Страбона*[14], кн. XV, гл. I (а именно в *327 г. до нашей эры Александр Великий* завоевывает *Афганистан* и переходит затем Инд на *территории, называемой Таксила*, с князем которой Александр заключает союз против великого *раджи Пора* или *Пуру*, царствовавшего в *Канори* и господствовавшего над всем Индостаном, и т. д. Приведенная ниже выдержка взята из следующего сообщения *македонского генерала Неарха* (одного из генералов Александра): *законы неписаные*; они частью общие, частью специальные, сильно отличающиеся от законов других народов, ***и т. д.*** *Другие совместно со всеми своими родичами собирают плоды урожая; и затем каждый берет себе необходимое для пропитания на год.* × Остальное они сжигают для того, чтобы необходимо было снова трудиться, а не жить праздно *).

Эта выдержка, следовательно, должна указывать на *родовую коммуну**)*), основанную на принципе *общинной эксплуатации*, в то время как встречаются также и такие коммуны, которые основаны на принципе *отдельного пользования каждым семейством принадлежащим ему по наследственному праву определенным наделом общинной земли*.

Обе формы *родовой общины* встречаются также в *5—6 веке нашей эры*, по крайней мере, в некоторых местностях, а именно в тех (Северо-Западная Индия), где они встречаются еще и в настоящее время. Но уже в *5—6 веке до нашей эры* господствующим типом в Индии очевидно были:

а) сельские общины, притом такие, в которых *индивидуальные наделы* определялись не степенью родства с родоначальником, а *фактическим владением*, другими словами — *действительной обработкой*. Иначе нельзя было бы объяснить постоянное упоминание в кодексах не о *кровном родстве*, а о * *соседях* *, *собрание которых* {и} *составляет* сельский* сход**. Далее: *особо* {*важное*} *значение*, которое придает законодатель в обоих кодексах {фактическому} владению, иначе обработке. С одной стороны [*Яджнявалкья*[15] и Нарада], законодатель отказывается признать в качестве *титула собственности факт незаконного владения*, хотя бы и тремя поколениями беспрерывно, в том случае, *если владение не сочеталось с обработкой*; с другой стороны, владельцем участка, покинутого его прежним **собственником** [т. е. владельцем], законодатель признает того, × кто *приложил к нему свой труд* (102). *[Так(там же, примечание 4)* между прочим у Нарады: «Если владелец того или другого участка не в состоянии, по бедности, его обработать, а также в случае смерти или исчезновения владельца, доходы с участка принадлежат тому, кто непосредственно приступит к его обработке». «*Земля, которая в течение 5 лет остается без обработки, считается* **бесхозяйной** *[т. е. пустопорожней*]*». С другой стороны, мы встречаем следы *частной земельной собственности* еще *в эпоху Ману*; так например, во всем *XI отделе 2-й части институтов Нарады* {*говорится*} *о спорах, касающихся частных меж владений*; много подробностей относительно *порядка проведения частных меж и восстановления границ* нарушенного владения *[все это, однако, может иметь место и при индивидуальных наделах земли, которые не являются частной собственностью]* (103).

*) Отчеркнутое на полях взято Марксом не из книги Ковалевского, а непосредственно из сочинения Страбона «География в семнадцати книгах».
) У Ковалевского: общину.

b) Обращение под плуг (обработка) никем не занятых участков каждый раз с *разрешения владельцев* необработанной земли ***(так называемой пустоши)***, т. е. *членов или старейшин общин* — фигурирует уже у Ману в качестве *способа приобретения частной собственности на землю*; об этом говорят и *все* позднейшие кодексы. *Единственным существенным различием* с течением времени* является то, что *вместо прежнего согласия бывших общинных владельцев* выступает *разрешение народного* старейшины* **(главы)***. По мере удаления от времени первоначального оседания племен на определенных пространствах, *растет власть племенных старейшин* ***(начальников)***, превратившихся с течением времени в *народных* старейшин** ***(начальников)***, и *возрастание их власти* проявляется ***преимущественно**)*** в *области имущественных отношений*,— в установлении *юридической фикции*, в силу которой *народный старейшина становится*, если не *de facto*, то *de jure*, *верховным собственником всей занятой народом территории* (103). Имеется в виду *dominium eminens*, которое встречается еще и в наше время у мусульман в Египте, Турции и т. д., в России, по крайней мере, в московский период ее истории и как юридическое понятие в Англии (*cf. например*, Allen: «Royal prerogative», 1849 г., стр. 125 и след.). В силу этой фикции *представитель* верховной власти имеет возможность свободно располагать *землями общинных союзов*, раздавая никем не занятые участки в *собственность* лицам, готовым обратить их под обработку (104). *В анналах отдельных индийских общин* — источнике, еще мало доступном историкам, не знакомым с санскритом,—имеются доказательства того, как *таким путем* — благодаря распоряжению раджи сразу и во множестве возникала частная собственность *в ущерб общинной собственности (104). Ковалевский приводит пример* из одного такого источника: «*Повествование о порядке основания села Муруда в южном Канкане*». Эта хроника была найдена индийским ученым *Нараяном Мандликом в семейном архиве браминского рода из селения Муруда*; он напечатал ее в оригинале и в английском переводе в журнале Бомбейского отделения Азиатского общества; он считает, что *оригинал рукописи* относится *к 14 или 15 веку н. э.* (104) ***[само повествование на стр. 104—107]***.

38 ||

c) Наряду с общинной собственностью *законодательство 5 и 6 века н. э.* знает также *семейную собственность*, которая, в свою очередь, медленно и самопроизвольно разлагается (107). Вначале *взаимная ответственность родственников, независимо от степени родства*; в эту эпоху (*5—6 в. н. э.*) она ограничена *тремя степенями по нисходящей линии* и *двумя — по боковой*; при этом дети *ответственны только друг за друга, за отца, деда и дядю*, и, наоборот, каждый из этих членов рода — только за остальных. Этими немногими родственниками, их женами и детьми, в то время уже ограничивается фактически и юридически *личный состав нераздельной семьи* ***(undivided family)*** (108).

В то время как у Ману раздел доставшегося от родителей наследства допускался лишь в случае ясно выраженного желания старшего сына, в *институтах Нарады* для такого раздела достаточно простого соглашения между членами семьи (1. с.). [Согласно *Нараде*: «Эту функцию (отца) может выполнять по отношению к семье и младший сын, если он обладает нужными для этого качествами».] В *Нараде*: если имеется налицо согласие семьи, по крайней

*) У Ковалевского: в частности.

мере, наиболее заинтересованных ее членов, то *раздел* может быть произведен даже при *жизни отца или матери*, как только *прекращается фактическое сожительство* (***возможно, имеется в виду coitus*** *между родителями*, выдача замуж дочерей, прекращение менструации у жены и facultatis coeundi у мужа). *По воле отца раздел может иметь место в любое время при его жизни*. При разделе отцовского наследства каждый из сыновей и незамужних дочерей, а в случае их смерти — их потомство, и, наконец, при жизни матери — последняя, получает свою часть, *определяемую, с одной стороны, возрастом* [«Старший брат получает бóльший надел, нежели остальные, младший — относительно меньший». *Нарада*], с другой стороны, *кастой*. [«Наделы остальных братьев — за исключением старшего и младшего — одинаковы в том случае, если они принадлежат к одной и той же касте». Нарада] (108—109). При *разделе материнского наследства* наследуют *только дочери* или, в случае их смерти — их потомство (109). Раздел наследства разрешается и в том случае, если *согласие* семьи *подразумевается*. 10-летнего независимого и самостоятельного ведения хозяйства каждым членом семьи (управление имуществом) и выполнения предписанных религиозным законом жертвоприношений в память усопших родителей достаточно, чтобы быть выделенным из семьи ***[т. е. более не принадлежать к нераздельной семье]*** (109).

Далее, ослабление кровной связи проявляется в постановлениях законодательства, регулирующих отношение отдельного лица к *имуществу, приобретенному его собственным трудом, помимо каких-либо затрат из общего имущества семьи*. Согласно толкованию *кодекса Ману Васиштхой*, можно предположить, что в эпоху редактирования этого кодекса член семьи, приобретший личным трудом определенный предмет — движимый или недвижимый — *не становился исключительным собственником его, а только* получал *при его разделе* — после смерти главы семьи — двойную долю в нем (1. с.).

На первых порах условие, чтобы имущество было приобретено «без всяких затрат со стороны семьи», истолковывалось в смысле благоприятном для интересов семьи. В этом согласны комментаторы ***(!)*** *Катьяяна, Брихаспати, Вьяса*[16] и *Митакшара*[17]. *[В настоящее время* (смотри: сэр Т. Стрейндж) *Митакшара* Виджнянешвары и *Дайа Бхага* Имуты Ваги — оба трактата посвящены праву наследования — последний является основным законом в Бенгалии, первый принят повсеместно от *Бенареса* вплоть до самой южной оконечности полуострова. «Об их авторитетности, каждого в пределах его действия, свидетельствует тот факт, что они, как лучшие образцы, положены в основу наших судов *во всех британских владениях Индии*». *Стрейндж*)]*.

В более поздних *кодексах* семейные интересы были большей частью принесены в жертву *интересам частного приобретения. Яджнявалкья* знает уже об *исключительной собственности* || *на подарок*, 39 ||
сделанный другом, на *приданое невесты* и т. д. (110). Дальнейшим доказательством усиленной индивидуализации имущественных отношений, со времени *кодекса Ману* до времени кодексов Яджнявалкьи и Нарады {служит то}, что оба последних кодекса гораздо шире {понимают} *свободу распоряжения частного лица принадлежащим ему имуществом*. Согласно Ману, для *отчуждения земли* требуется предварительное согласие соседей, членов ***трудовой***

*) Отчеркнутое Марксом место в его записях взято им из книги: T. Strange. «Hindu law». London, 1830.

общины*); в *институтах же Нарады* требуется лишь *публичность продажных**)*) *сделок*. Однако это постановление относится далеко не ко всей земельной собственности. *Предметом дарения*, согласно Нараде и другим, не может быть *общая собственность*. [*Вьяса* говорит: «Общая собственность отчуждаема лишь в одном случае: с согласия всех участвующих в пользовании ею»] (110). Под общей собственностью здесь следует понимать *родовую* ***(ancestral)***, и именно поэтому — *нераздельную собственность семьи*. Отец семейства может только располагать *доходами с последней и* то лишь после покрытия всех необходимых расходов на содержание семьи (Нарада)[18] (111).

d) Если мы перейдем к периоду владычества моголов в Индии (*14, 15, 16 век*)*)*)*), то в юридических памятниках обнаружим, с одной стороны, *остатки древнего общинного строя**)*)*), а с другой стороны, успехи, достигнутые *процессом индивидуализации имущественных отношений в период с VI по XIV—XV век нашей эры. Ни в одном из этих памятников права нет прямого описания общинной формы собственности**)*)*)*)*), так как *отношения общинных собственников**)*)*)*)*)* регулировались не законом, а местным обычаем. Так, *Нитамаха* прямо требует, чтобы при спорах {возникающих} между сельскими жителями, пастухами и т. д. решение выносилось на основании местных обычаев, и обязательная сила этих обычаев признается всеми новейшими ***комментариями****)*)*)*)*)*) ***и проч.*** Эти обычаи применяются общинными судами. *Бхригу*[19] (составитель одного из новейших сводов) упоминает о *юрисдикции*, как *отдельной*, так и *совокупности нескольких общин*. Первой предоставлено {разбирательство} *процессов, возникающих между членами одной и той же общины*, × второй — *вынесение приговора в случае судебных споров между членами* двух различных общин (111) (и примечание там же).

У Катьяяна есть прямое упоминание об *общинной земле* — там, где говорится о праве владельцев соседних с ней участков на пользование ее фруктовыми деревьями. *Брихаспати* перечисляет виды общей собственности, не подлежащие отчуждению, и говорит при этом о «*земле, принадлежащей всем*» (112). (Не отчуждаемой собственностью является дорога, земля и т. д., принадлежащие всем.) То же у *Дакша*: «*Общей собственностью* являются те предметы, которые ученые признали *неотчуждаемыми*» (112).

Господствующим типом земельной собственности в этот период остается *нераздельная семейная собственность*, доказательством чего служит то {обстоятельство}, что судами признается характер нераздельной собственности за тем или другим спорным участком *до тех пор, пока заинтересованное лицо не докажет обратное*. Все новейшие комментаторы индийского права говорят о *нераздельной собственности*, определяя, кто из членов семьи имеет право на участие в доходах от общего имущества, а кто лишь на право содержания на средства семьи; а также, когда они подымают вопрос о праве членов семьи требовать отчета в управлении ее имуществом от наследствен-

*) У Ковалевского: общинных союзов.
)) У Ковалевского: крепостных.
))*) Имеется в виду период правления Делийских султанов и Великих Моголов.
))*)*) У Ковалевского: быта.
))*)*)*) У Ковалевского: владения.
))*)*)*)*) У Ковалевского: владельцев.
))*)*)*)*)*) У Ковалевского: «памятниками индийского права».

ного или выборного ее главы; то же самое по вопросу, при каких условиях возможны отчуждение или раздел семейной собственности (112).

С другой стороны, об усиленной индивидуализации недвижимой собственности свидетельствует *бóльшая легкость семейных разделов* и *бóльшая свобода распоряжения не только благоприобретенной, но и родовой собственностью*, в особенности, если речь идет о предоставлении имущественных выгод членам жреческой касты—брахманам (113).

Жреческая клика играет, следовательно, главную роль в процессе индивидуализации семейной собственности (113).

Основным признаком нераздельной семейной собственности {является} ее *неотчуждаемость*. Чтобы поколебать эту собственность, развившееся под влиянием брахманов законодательство должно было все больше и больше нападать именно на этот *оплот* ее. *Ману* еще *не* знает *отчуждения* нераздельной семейной собственности; точно так же и *Нарада*. У более поздних — как Вьяса и Чинтамани— *такого рода отчуждение разрешается* при *условии общего согласия всех совладельцев*. ***Так как попу не полагается брать «подарки», то это условие его стесняет. [Отчуждение посредством дарения — повсюду ‖ излюбленный конек жрецов.]*** Отсюда стремление жреческой касты, с одной стороны, к *облегчению и ускорению семейных разделов*, имевших своим последствием *переход недвижимой собственности в состояние свободной отчуждаемости*, а с другой стороны, *введение в законодательство особых правил, облегчающих распоряжение семейной собственностью в случае ее дарения жреческой касте*. Уже *Ману* разрешает семейный раздел с целью *увеличения* этим путем числа *мест выполнения семейного культа*. Новейшие своды единодушно *поощряют подобные разделы*[20]. «*Культ предков*,— говорится в одном из них,— имеет несомненно *меньшее число очагов*, если члены семьи живут совместно; отсюда *польза и даже необходимость семейных разделов в интересах душ усопших предков*». ***Брихаспати об {этом} говорит курьезно***: «Поклонение *питри, дэвам* и *брахманам со стороны живущих общим приготовлением пищи едино*, а если их разделить, то это почитание будет иметь место в каждом доме отдельно» (114, cf. там же, примечание 2).

Семейный раздел является в глазах законодателя-жреца только одним из средств к устранению тех препятствий, которые принцип неотчуждаемости семейной собственности ставит на пути к *увеличению собственности брахманов. Для этой же цели отец семейства* в силу закона получает *право свободного дарения в пользу духовенства*, вопреки и как исключение из общего правила о неотчуждаемости семейной собственности (114). В *Митакшаре* допускается *дарение недвижимой собственности не только отцом семейства, но и каждым любым членом семьи*, если такое отчуждение происходит с какой-либо благочестивой целью. Отступая от *общего правила индийского права, признающего действительность отчуждения лишь* после *перехода фактического владения отчуждаемым* предметом в *руки нового собственника*, *Катьяяна*, *Гаритта* и другие признают *действительность дарения в пользу попа**), совершенного кем-либо на смертном одре; они кладут, таким образом, начало последующему

*) У Ковалевского: духовенства.

развитию завещательного права, о котором в древнем законодательстве нет и помину (115).

Что дарение в пользу духовенства как при жизни, так и перед смертью является *древнейшим видом распоряжения семейной собственностью*, лучше всего доказывает констатируемый *Митакшарой* факт, что *другие виды распоряжения имуществом подводились под форму дарения* с целью придать им *одинаковую с последними законодательную гарантию* (l. c.).

Так же и у других народов, например, у народов германо-римского мира (***vide*** Меровинги, Каролинги) такой же порядок преемства (***Rangordnung*** — ***дарение пону является первым, предшествовавшим всем другим, способом отчуждения недвижимой собственности (l. c.).*** *)

59 || *е) Мусульманское право и изменения, внесенные им в отношения земельной собственности* *)*) *Индии.*

Sicé: «*Le droit musulman*» [по *Sir Thomas Strange*. «Hindu Law». 1830, Мадрас, где он был главным судьей, *т.1, стр. 2, 3*]. [*Введение*: «В *судах Компании* (за исключением *тех, которые зависят от бомбейского правительства*), *магометанский* [21] *уголовный кодекс, введенный магометанами для индусов*, был нами сохранен; бенгальское правительство ограничилось внесением в него некоторых изменений»]*)*)*).Населяющие Индию мослемы принадлежат к последователям школы *Абу-Ганефы* [22] ***(жил с 699 по 767). [Глава одной из 4 ортодоксальных суннитских сект.] [Его комментарии корана — «Sened» («Помощь») у ортодоксальных мослемов имеют силу закона.]*** Два главнейших представителя этой школы: *Бурхан ад-дин Али* [23], живший во *второй половине XII века*, применял учение *Абу-Ганефы* к нередко совершенно новым отношениям, вызванным покорением мусульманами целого ряда народов и государств; его труд «*Гедайя*» (переведенный *Гамильтоном*) пользуется до сих пор неоспоримым авторитетом в мусульманских судах Индии. Второй представитель *Мультека* (перевод *д'Оссона* и *перевод Белина*, *опубликованный* в «*Journal Asiatique*» *за 1861 и 1862 гг.)*. Ссылки на Мультеку встречаются гораздо реже в мусульманских судах Индии, тем не менее он является одним из наиболее распространенных комментариев ганефитского учения во всех странах *Азии, граничащих* с Индией *)*)*)*), откуда пришли завоеватели Индии (118, 119). Согласие в воззрениях Бурхана ад-дин Али и Мультека выражается в их доктрине об отношениях завоевателей к земельной собственности покоренных — одно из основных учений ганефитской школы (119).

Оба учат, что покоренные должны *уплачивать* «jiziat», или «djizie» (*поголовный сбор*), *в случае их отказа перейти в ислам*. Школа Абу-Ганефы в этом отношении согласна с остальными тремя ***(ортодоксальными)*** юристами — *Маликом* [24], *Шефаи* [25] и *Ганбалом* [26]:

*) Далее в тетради Маркса идет составленный им на основании имеющихся у Ковалевского ссылок перечень литературы и источников; после перечня в тетради Маркса следует начало «Хронологических выписок по истории Индии» (41—59 страницы рукописи). Записи по книге Ковалевского продолжены Марксом со стр. 59 его тетради.

*) *) У Ковалевского: «в сферу поземельных отношений».

))*) Взятое в квадратные скобки выписано Марксом непосредственно из книги Стрейнджа.

))*)*) У Ковалевского: Передней Азии.

идолопоклонники или ренегаты-арабы подлежат истреблению; в противоположность этому «*народы писания*»— таковыми признавались только: *евреи*, *христиане*, *маги* и *язычники-огнепоклонники*, в случае их покорения и отказа перейти в ислам, облагаются всеобщим поголовным налогом (119). *Движимая собственность* признается целиком принадлежащей завоевателям (l. c.). *Недвижимая собственность* остается *частично в руках покоренного населения*, и оно должно платить правительству *земельный налог* (*харадж*); [«мусульманский военачальник обязан сообщить неверным *размер этого лежащего на них харараджа* и *в какие сроки он должен быть внесен*»]; «*он частью поступает в руки членов мусульманского войска, взамен жалованья* за службу» (120). ***Фактически это повсюду {введено} в практику***; в самой *Гедайи* говорится: «После завоевания страны имам имеет право *разделить ее между мослемами* или *оставить ее в руках ее прежних владельцев, обложив их харараджем*» (120).

В *Мультеке* говорится: «*Недвижимая собственность* имеет источником своего происхождения *завоевание*. Она распадается на две категории: *земли, свободные от платежа налогов* (называются «*uchrie*» или «*mulk*») и облагаемые налогом (называются «*kharadjie*»). Свободными от налогов признаются те земли, владельцы которых приняли ислам, а также и те, которые после завоевания страны были разделены правоверными между мусульманскими завоевателями» (120, 121). Нет никакого основания говорить о *превращении всей завоеванной страны в домениальную собственность*. ***Паршивые «ориенталисты» и т. д.*** напрасно ссылаются на *места из корана*, в которых говорится о земле как «принадлежащей *богу*». Остается изречение *Абу-Ганефы*: «Имам не может объявить покоренную страну *вакуфом ни всего народа*, ни *отдельных завоевателей*». Это может иметь лишь тот смысл, что туземное население не может быть полностью ***экспроприировано*** *). Земли завоеванных мослемами стран, *как общее правило*, продолжают оставаться *в руках их прежних владельцев, общинных или частных*, и *раздача их имамом* в пользу мусульман допускается лишь в виде *исключения* (121). Что касается *земель, распределяемых имамом между мослемами*, то это 1) *вакуф*, т. е. ***постоянная частная*** *собственность* *)*) *религиозных, благотворительных и общеполезных учреждений*, 2) *военные бенефиции* (*ikta*), *розданные* имамом *членам войска* (l. c.).

Вакуф. У мусульманских юристов школы *Абу-Ганефы* часто упоминается о *неотчуждаемости собственности* 1) *церквей*, 2) *благотворительных и общеполезных учреждений*. *К первой категории* относятся *земли**, доходы с которых предназначены на содержание *храмов и духовных училищ* (так наз. *medrèce* и *mekteb*). *Ко второй категории* {*относятся*} *владения*, предназначенные на содержание построенных на них «*imare*» («домов для бедных»), а также *госпиталей, кладбищ, мостов* и *колодцев* (под общим названием «*miriie*»). Во всех этих случаях *земля остается в руках ее прежних владельцев* *)*)*), они только платят *сборы* не государству (фиск), а упомянутым учреждениям (эти сборы назывались «*idjare*»). Помимо *имама* также и частные собственники *)*)*)*) часто превращают свою землю в *вакуф*. *Мелкие собственники* охотно переносят на церковь и принад-

*) У Ковалевского: обезземелено в пользу казны.

*) *) У Ковалевского: бесповоротная собственность.

))*) У Ковалевского: собственников.

))*)*) У Ковалевского: владельцы.

лежащие ей благотворительные учреждения *свои титулы собственности*; это перенесение происходит под *условием сохранения наследственного владения отчужденной землей*, владения теперь {уже} не свободного, а связанного с *ежегодной уплатой владельцам вакуфа* 60|| установленного для последнего *определенного денежного*|| *ценза*. С другой стороны, с объявлением земли *вакуфом*, ее владельцы освобождаются от *возможности принудительного ее отчуждения за долги, путем публичной продажи*, а также *от обязанности уплачивать фиску харадж* (122, 123).

Бенефиции (*ikta*). «*Мультека*» (комментарии Мультеки) содержит следующие подробные определения: «*Имам* может распределять между своими воинами земли покоренных на правах *военных бенефиций* («*ziamet*» или «*timar*»). Имам имеет также право свободно *распоряжаться пустопорожней землей государства*... часть ее он может уступить кому ему заблагорассудится, *под условием ежегодной уплаты определенного налога в казну*... Он должен постоянно заботиться о том, чтобы земли, не имеющие владельцев, *не оставались долгое время без несения налогов* и *при распределении этих земель он не должен руководствоваться ни правоверностью*, ни *общественным положением* лица, получающего надел» (123). С этими текстами согласны *Малик*, *Шефаи* и *Ахмед* — на основании выдержек, приводимых *Маварди*[27] (l. c.). Если же покоренные — к моменту их покорения — *приняли ислам* или если *страна в результате капитуляции* переходит из рук неверных в руки мослемов, — завоеванная *земля* обязана только платить *харадж*, *и имам не* имеет права *ее раздавать*.

Что же касается *раздачи* той части земли, которую имам — после завоевания имеет право раздавать, — то *арабский юрист Ибн-Дшема*[28] различает [см. *Tischendorf*: «*Das Lehnwesen in den moslemischen Staaten*». *1872*] *3 категории* (123), а именно:

I. *Первый вид «икта»*: *раздача земельных участков или определенных приносящих доход статей в полную и исключительную собственность получателей*. Это имеет место по отношению: 1) *к никем еще не возделанным пространствам*, 2) *к землям, покинутым их прежними владельцами*, 3) к *участкам, которые, хотя и* находятся *еще под обработкой* неверных, но *обещаны* имамом тому или другому члену мослемского войска {еще} до момента покорения неприятельской страны. *Раз {земля} обложена харадж* — следовательно, она составляет часть консолидированного фонда постоянных доходов в *пользу всего общества правоверных* — она не подлежит больше распоряжению имама. *После окончательного завоевания* «имам не может никому передавать права собственности на уже возделываемую землю» (*Сиди-Крелил, цитируемый Ибн-Дшемом*) (стр. 124). На практике это приводит к тому, что бóльшая часть земли остается в руках туземцев (l. c.).

Напротив, в отношении *невозделанной земли Мультека* говорит: «Имам имеет в любое время право раздачи *невозделанной земли государства*. × *Всякий правоверный или неверный, обращающий пустошь под обработку, приобретает на нее право собственности*». Однако фактически на это требуется *согласие имама*. Так, в *Гедайи*: «Тот, кто *с разрешения имама обрабатывает пустошь, становится ipso ее собственником*. Тот, кто делает это без его разрешения, согласно Абу-Ганефы, лишается этого права... Вся пустошь, с момента завоевания, *переходит в собственность всего общества правоверных*. Индивидуальное присвоение ее, как и всякого рода военной добычи, немыслимо поэтому иначе, как в *силу разрешения главы правоверных — имама*». То же, — говорит *Абд эль-Баки*[29], комментатор Сиди-Крелила, — относится к земле, покинутой ее владельцем [***т. е. к землям, не имеющим хозяина***] (125).

II. *Второй вид «икта»*. ***Имам предоставляет получателю пользование только известными правами на переданной ему земле:***

1) *получение им части продуктов земледелия с уступленной ему земли* или 2) *присвоение лицом*, в пользу которого произведен надел, *всего или части дохода, доставляемого харадж*ем. *Предоставление права пользования* имеет место лишь на *определенный срок, максимум пожизненный*. После его смерти его права не переходят к наследникам, а возвращаются фиску. В самом благоприятном случае семья покойного может рассчитывать лишь на получение пожизненного содержания со стороны властей (l. c.).

Ибн-Дшема в согласии с *Маварди* и другими законоучителями говорит: «*Земля мусульман никогда не может быть уступлена кому бы то ни было в наследственное пользование*» (126).

III. *Третий вид икта*: передача права пользования совместно с домениальным управлением:

1) *горной промышленностью*, 2) *соляными, нефтяными, серными* и т. п. месторождениями; 3) *дорогами, ярмарками, мельницами*. Право использования некоторых из этих объектов осуществляется только *путем взимания тех или иных платежей*; так обстоит дело, напр., с ярмарками, дорогами и т. д. (l. c.).

Икта I категории. Так как передаваемая по этой категории земля, как правило, является пустошью и, следовательно, не платит харадж, то расширение возделываемой площади, а тем самым и площади, облагаемой *харадж*ем, — имеет целью *увеличение государственного дохода**). Та же цель побуждала мусульманских юристов — *Макризи и Гедайа* — предоставлять имаму право *отбирать обратно данный им участок в том случае, если он в течение полных трех лет фактически не обрабатывался*. Он может в этом случае быть немедленно 61|| передан третьему лицу, однако, согласно учению Маварди, || за исключением того лица, у которого он был отобран имамом и которое лишь по истечении трех лет (считая с момента изъятия) может снова получить *право собственности* на пустующую землю (126, 127). *Маварди* и другие опираются при этом на предание, которое приписывает Мухаммеду следующее изречение: «Тот, кто, владея землей в течение трех лет, не приступает к ее возделыванию, *тем самым* дает *право присвоения ее* каждому, кто готов заняться ее обработкой». Эта *первая категория икта* указывает на существование *в эпоху мусульманского господства обычая — известного {уже} задолго до* их завоевания, — в покоренных ими странах, в частности, *в Индии* — а именно: × передачу пустующих земель *племенными и народными старейшинами в собственность* лицам, впервые подвергшим их обработке (127). Совершенно другая цель у *икта* II и III категории: их целью {являлось}: *вознаграждение офицеров мусульманской армии постоянным доходом*. Только *воины, сипаи*, допускаются, как общее правило, к их получению. *Исключение* может быть сделано *имамом* лишь в отношении его *ближайших приближенных, судей* и некоторых лиц, оказавших специальные услуги правительству. Наделение такими *икта* (II и III) не имеет *вещного* характера

*) У Ковалевского: «Доходов всего общества правоверных».

[*ne jus in re*], а состоит только в возможности временного, максимум пожизненного пользования частью или всей суммой натуральных сборов или денежных платежей, причитающихся казне с того или другого округа (127, 128).

Фон Тишендорф («*Das Lehnwesen in den moslemischen Staaten*») опирается на свидетельство *Якута*[30] относительно распространенного в его время предания о предоставлении в округе Мекка лишь одного участка земли в *икта* правителем Йемена, персидским царем Кушру*[31]. Из этого можно заключить, что *описанные* {*выше*} *икта существовали задолго до времен Мухаммеда в пределах Персидской монархии и в зависимых от нее странах. Мухаммед* и его *преемник Абу-Бакр*[32] [***первый халиф, избранный в 632 г. н. э. после смерти Мухаммеда***] *не* знали *другого вида наделения землей, кроме передачи* права собственности на пустующие земли. *Омар* воздерживался и от этого вида раздачи земли, по крайней мере, мусульманам, так как он считал более целесообразным для них *исключительное занятие военным делом.* (*Кремер и Хаммер-Пургшталь: см. стр. 40*). Лишь при *Османе* в халифате возникла *персидская система* передачи *икта* во временное и пожизненное пользование. Широкое применение она получила в правление *Омейядов*[33], в особенности при *Аббасидах*[34]. Последние, овладевшие троном благодаря поддержке персидских войск (из *Хоросана*[35]), поспешили применить к их членам вынесенную из их родины систему. От *арабов* обычай наделения воинов правом пожизненного пользования доходами с определенных земель в форме натуральных и денежных поступлений с их владельцев перешел к постепенно покидавшим язычество*) *монголам* и *туркам*. Поэтому мы находим это в полном действии только в *Индии и в Алжире* (128).

Как правило, следовательно, под мусульманским владычеством земля оставалась в руках ее прежних владельцев: *правительство* присваивало себе только *домениальные* и *невозделанные земли*; только из этих земель наделялись мусульмане. *Бенефициальные раздачи* в громадном большинстве случаев не имели другого последствия, как *лишение государственной канны налоговых поступлений с известных округов, а отнюдь не экспроприацию* *)*) *сельского населения*. Последнее продолжало по-прежнему владеть землею на правах общинной и частной собственности *)*)*). Перемена коснулась в большей мере лиц, нежели земель. Из свободных — владельцы стали зависимыми, а вместе с этим и их владение из аллодиального стало феодальным (129). [***Это последнее имеет ведь только смысл в отношении магометан, получавших икта II или III, или индусов, {только} поскольку они платили натуральный или денежный налог не государственной казне, а {лицам}, наделенным казной. Уплата хараджа не превращала их собственность в феодальную, точно так же, как impôt foncier {поземельный налог} не превращал французскую земельную собственность в феодальную. Все это место расписано (geschreibelt) у Ковалевского в высшей степени беспомощно***].

*) У Ковалевского: «сменившим их владычество».
)) У Ковалевского: обезземеление.
))*) У Ковалевского: «на правах общинных и частных владельцев».

То, что земельная политика мусульман соответствовала учению их юристов, «*что вышеупомянутый процесс феодализации*» постепенно охватил также отдаленные части Индостана, доказывают *арабско-персидские* и *монголо-турецкие хроники*, ставшие доступными благодаря *изданию их в английском переводе*, начало которому было положено ***покойным*** сэром Г. М. Эллиотом, которое до сих пор еще не вполне закончено его продолжателем профессором ***Джоном*** Доусоном (см. «The History of India, as told by its own historians. The Muhammadan period. Edited from the papers of the late Sir H. M. Elliot, by Professor John Dowson», t. I (1867) etc.).

Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 393

(Продолжение публикации в ближайшем номере журнала)

---

[1] *Ману* — по индийской мифологии прародитель человеческого рода. *Законы Ману* («*Манавадхармашастра*») представляют собой свод религиозных предписаний, следование которым является обязательным для благочестивого индуса. Помимо этого, в законах Ману имеются разделы, в которых отражены нормы обычного права древней Индии. Дошедшая до нас редакция законов Ману, как предполагают наиболее авторитетные исследователи, относится приблизительно к II в. н. э.—3.

[2] *Дважды-рожденные* — согласно древним религиозным законам члены трех высших варн (термин, обычно переводимый словом «каста»), то есть брахманов (жрецов), кшатриев (военной аристократии) и вайшьев (прочее свободное население), были обязаны проходить в определенном возрасте обряд инициации, который считался вторым рождением человека.—3.

[3] *Смрити* — древние литературные произведения, являющиеся частью священной для верующего индуса ведической литературы. В отличие от самых первых памятников ведической литературы («Ригведы», «Самаведы», «Яджурведы», а также «Атхарваведы»), почитаемых как услышанные (шрути) святыми мудрецами древности от самих богов, смрити («то, что помнится») признаются, хотя и святыми, но только основанными на произведениях шрути. Литературными памятниками класса смрити являются многочисленные сутры (сутра — «нить», «правило») или своды правил. Хотя сутры по преимуществу касаются обрядовой стороны религии, но помимо того они нередко включают и правила, основанные на обычном праве.—4.

[4] Законы Ману, кн. VIII, ст. 245: «Если возник спор по поводу границ между двумя селениями, пусть [царь или судья] определяет границу в месяц джьяштха (май—июнь), когда пограничные знаки видны отчетливо».
Ст. 258: «За отсутствием свидетелей [из обоих селений] честные [люди] из четырех соседних селений должны в присутствии царя вынести [в качестве свидетелей] решение о границе».
Ст. 261: «Как они, будучи опрошенными, объявят знаки, [указывающие на] положение границ, так именно царь, [действуя] по закону, пусть установит [ее] для обоих селений».—4.

[5] Законы Ману, кн. IX, ст. 104: «Братья, собравшись после смерти отца и матери, пусть в равной мере используют отцовскую собственность; при них живущих они не правомочны».
Ст. 105: «[Или] пусть старший заберет отцовское имущество, остальные же живут при нем как [жили] при отце».
В ст. 115 книги X законов Ману говорится: «Существует семь законных способов приобретения собственности: наследство, находка или подарок, покупка,

добыча, ссуда под проценты, исполнение работы и получение даров от добродетельных людей».—4.

[6] *«Яджнявалкья смрити»* — свод законов, отличающийся большей систематизацией материала, чем законы Ману. В законах Яджнявалкья особенно подробно трактуются правила судопроизводства и нормы обычного права. По мнению авторитетного современного исследователя древних сводов индийских законов Кане, законы Яджнявалкья составлены между 400—600 гг. н. э.—6.

[7] *«Нарада смрити»*, или законы Нарады, по мнению Кане, составлены между 100—400 гг. н. э.—6.

[8] В гл. XVII, ст. 47 Нарады говорится, что царь «получает налог (бали) в размере 1/6 доли урожая как вознаграждение за защиту подданных».—7.

[9] Законы Ману, кн. VIII, ст. 200: «Где налицо пользование, но не видно права на владение, там основанием [для решения] должно быть право на владение, [но] не пользование: таково правило».—7.

[10] «Яджнявалкья», кн. II, ст. 24: «Право [человека] на землю [недвижимое имущество], когда он [собственник], видя, как другой пользуется его собственностью, не задает вопроса, продолжается более двадцати лет. [Что же касается] движимой собственности, то [это право ограничено] десятью годами».

Ст. 25: «[Однако эти границы в двадцать и соответственно в десять лет не действительны в отношении] заложенных вещей или имущества, меж, депозита вещей, которые были отданы в залог с указанием их названия и количества, имущества нетрудоспособных и малолетних, депозита в виде запечатанных шкатулок, отданных на хранение без указания содержимого, земельного налога, собственности женщин и брахманов-шротриев».—7.

[11] Законы Ману, кн. VIII, ст. 258: «За отсутствием свидетелей [из двух селений, люди из] четырех соседних селений, честные, должны вынести решение о границе в присутствии царя».

Ст. 259: «При отсутствии соседей, [являющихся] коренными жителями, пусть [царь] использует свидетелями о границе даже людей, живущих в лесу».

Ст. 260: «Охотников, птицеловов, пастухов, рыболовов, копающих корни, ловцов змей, собирателей колосьев и других живущих в лесу».

Ст. 261: «Как они, будучи опрошенными, объявят знаки относительно положения границ, так именно царь, [действуя] по закону, путь установит [границу] для обоих селений».

Ст. 262: «При решении относительно межевых знаков на границах полей, колодцев, прудов, сада и дома необходимо знать мнение соседей».

Ст. 263: «Если при споре людей по поводу межевого знака соседи говорят неправду, то каждый из них должен быть подвергнут царем средним наказаниям».

Ст. 264: «Кто путем запугивания присваивает дом, сад или поле, он должен быть оштрафован на пятьсот [пана]; если [он сделал это] по неведению, то штрафуется на двести пана».

Ст. 265: «Если границу установить невозможно, пусть знающий закон царь для их блага сам укажет землю: таково правило».

Яджнявалкья, кн. II, ст. 153—154: «В спорах относительно меж на обрабатываемых полях [вопрос] об этих [спорных] межах решают люди, живущие в соседних селениях, люди преклонного возраста и другие [сведущие лица], пастухи, лица, засевающие межи, и все, кто живет продуктами леса. Она [межа] должна обозначаться возвышенностями, углем, мякиной, огромными деревьями, мостами, муравейниками, канавами, костями и кучами камней».

Ст. 155: «Или [вопрос] о межах должны решить четыре, восемь или десять человек из равного числа соседних селений [т. е. от двух или четырех], имея на себе красные одежды и красные гирлянды и неся землю».

Ст. 156: «Если будет доказано, что решение о границе лживо, то каждое лицо, виновное в этом (ложном показании), должно быть наказано вторым из трех

[степеней] наказания [т. е. штрафом в 540 монет]. При отсутствии лиц, знающих факты [относящиеся к установлению границ] или межевые знаки, царь [сам] должен провести границы».

Ст. 157: «Да будет это также законом при спорах о фруктовых садах, храмах, селах, прудах, парках, жилых домах и каналах».

Ст. 158: «За уничтожение межевых знаков, за нарушение границ и за незаконное присвоение поля следует наказывать низшей, средней и высшей [степенью] наказания».

Ст. 159: «[Если кто-нибудь] захватывает землю другого [для постройки моста], то мешать ему в этом не следует, ибо [хотя] мост и затрагивает [чью-нибудь] землю, все же он служит многим полезным целям; [аналогично и в случае постройки колодца], ибо колодец, занимая мало места, содержит много воды».—7.

[12] Нарада, часть I, гл. V, ст. 104: «и пусть прибегают к ордалиям, если преступление совершено в глухом лесу, ночью, внутри дома, в случае насилия и при отрицании [получения] депозита».— 8.

[13] Яджнявалкья, кн. II, ст. 190: «Тот, кто ворует принадлежащее жителям сел или нарушает установленный обществом обычай, должен быть изгнан из царства, а все, чем он владеет, должно быть отобрано у него».

Ст. 191: «Все должны слушаться лиц, говорящих в интересах общества. Тот, кто поступает иначе, должен наказываться первой формой наказания». —8.

[14] *Страбон* (ок. 63 г. до н. э.— 20 г. н. э.)—греческий географ и историк. В его многотомной «Географии» имеются ценные географические и исторические сведения об Индии, в частности свидетельство Неарха, военачальника Александра Македонского.—9.

[15] Яджнявалкья, кн. II, ст. 28: «Если кто-либо возбудит судебное дело против лица, приобретшего [собственность] путем покупки или получения ее в дар, он должен вернуть это [доказав свое агама или приобретение]; но иначе в отношении его сына или внука: в [последнем] случае доказательство [фактом] владения сильнее».—9.

[16] *Катьяяна*, *Брихаспати*, *Вьяса* — составители соответствующих смрити. Смрити Катьяяны, по мнению Кане, были составлены в 400—600 гг. н. э., Брихаспати — в 300—500 гг. н. э., Вьясы — во II—V вв. н. э.—11.

[17] *«Митакшара»*— комментарий, составленный в начале XII в. Виджнянешварой на свод законов «Яджнявалкья». Комментарий Виджнянешвары, переведенный на английский язык, служил пособием для колониальных властей, особенно в области семейного права.—11.

[18] Нарада, часть II, гл. IV, ст. 6: «Что остается из имущества по покрытии расхода на содержание семьи может быть подарено, но ничего сверх этого нельзя касаться: делая так, вы выполняете закон».—12.

[19] *Бхригу* — составитель свода законов. Дата этого свода не установлена, но, по мнению индийских исследователей, она гораздо более поздняя, чем дата законов Ману, т. е. свод появился значительно позднее II в. н. э.—12.

[20] Праджапати говорит: «Раздел должен производиться ради увеличения дхармы (религиозных заслуг). Таким образом они могут жить вместе или раздельно, не взирая на дхарму. Если они живут раздельно, то дхарма растет; поэтому раздел справедлив». Вьяса [говорит]: «При жизни обоих родителей братьям надлежит жить вместе. Однако их дхарма возрастает, когда они делятся после смерти их родителей». Брихаспати говорит: «Почитание праотцев, богов и брахманов теми, кто живет, состоит в приготовлении пищи одним от лица всех, но в случае раздела это делается в каждом отдельном доме».—13.

[21] К. Маркс употребляет в одинаковом значении «мусульмане», «магометане», «мослемы».—14.

[22] *Абу-Ганефа* (правильно Абу-Ханифа (700—767) — арабский юрист, один из четырех имамов, основателей соответствующих четырех ортодоксальных школ мусульманского права.—14.

[23] *Бурхан ад-дин Махмуд бин Ахмед* — автор ряда работ по мусульманскому праву.—14.

[24] *Малик* (очевидно, Малик ибн Анас) — мусульманский юрист, современник Абу-Ханифы, основатель так называемой школы маликитов в области мусульманского права.—14.

[25] *Шефаи* (правильно Шафии) (767—820)—арабский юрист, создатель одной из четырех ортодоксальных школ мусульманского права.—14.

[26] *Ганбал* (правильно Ахмед ибн Ханбал) (780—855)—арабский юрист, основатель одной из ортодоксальных школ мусульманского права.—14.

[27] *Аль-Маварди* (972—1058)— арабский юрист шафиитской школы, автор многих работ по мусульманскому праву.—16.

[28] *Ибн-Джема* (правильно Ибн-Джама). М. Ковалевский имеет в виду одного из членов этой семьи, известного юриста Бадр ад-дина Абу'Абд Аллах Мухаммед бин Ибрахим аль-Кинами ал-Хамави, написавшего ряд работ по управлению—16.

[29] *Абд эль-Баки* (правильно Махмуд Абд аль-Баки) (1526—1600)—знаток мусульманского права,занимавший посты кади (судьи) в Мекке, Константинополе и в других городах Турции.—17.

[30] *Якут* (*Якут*—ар-Руми) (1179—1229)—знаменитый путешественник по странам Ближнего Востока и автор ряда работ по истории и географии.—18.

[31] *Кушру* (правильно Хосров) — царь сасанидского Ирана.—18.

[32] *Абу Бакр*— первый халиф складывавшегося арабского государства (халифата), соратник Мухаммеда. Умер в 634 г.—18.

[33] *Омейяды* — первая династия халифов, правившая Арабским халифатом с 661 по 750 г. Их столицей был г. Дамаск. Свое название династия получила от имени меканского рода Омейя, к которому принадлежал основатель династии Муавия. —18.

[34] *Аббасиды* — вторая династия халифов, сменившая Омейядов. Свое название эта династия, правившая арабским халифатом с 750 до 1258 г., получила по имени ее основателя Абу-л-Аббаса.—18.

[35] *Хоросан* — в средние века этим именем называлась северо-восточная область Ирана от пустыни Дешт-и Кевир на западе до р. Аму-Дарьи на востоке, от пустыни Кара-кум на севере до области Сеистан на юге.—18.

ВТОРАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПИСАТЕЛЕЙ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ ЛИТЕРАТУР

В октябре текущего года в Ташкенте откроется вторая конференция писателей стран Азии и Африки.

Это будет весьма представительная конференция. В ней примут участие писатели всех республик Советского Востока, Китайской Народной Республики, Демократической Республики Вьетнам, Корейской Народно-Демократической Республики и Монгольской Народной Республики, независимых государств, созданных освободившимися от колониального ига народами — Индии, Индонезии, Объединенной Арабской Республики, Бирмы, Ганы и других, представители литератур колониальных народов, борющихся за свое освобождение. Десятки языков и племен! Но всех их будет объединять и вдохновлять одна идея, идея борьбы с колониализмом, за свободу, независимость и счастье народов Востока, и все они будут говорить поэтому на одном общем языке, языке служения народу!

Общеизвестна огромная роль литературы и мужественного слова писателей в национально-освободительной борьбе народов Востока: достаточно напомнить о значении «движения 4 мая» для китайской революции, о героических подвигах многих и многих писателей, поднимавших на борьбу массы в Индии и Пакистане, в Индонезии и Бирме, во всех странах Азии и Африки.

Писатели поделятся друг с другом своим опытом, что явится основой творческого характера конференции. Представители разных литературных школ и направлений, жанров и стилей обсудят в свободной дискуссии животрепещущие вопросы художественного творчества.

Трудно переоценить значение этой конференции для востоковедения вообще и для восточной филологии в особенности.

Советские ориенталисты последние десятилетия немало потрудились над исследованием и популяризацией устного и письменного художественного творчества народов Востока. Широкий размах приняло в нашей стране изучение народной поэзии и, особенно, героического эпоса: изданы многочисленные произведения фольклора; проведены дискуссии, на которых были решительно осуждены как нигилистическое, так и некритическое отношение к героическому эпосу; торжества, посвященные годовщинам выдающихся эпических произведений, таких, как армянский «Давид Сасунский», киргизский «Манас» и др., принимали поистине всенародный характер. Праздником для всех народов СССР явились также юбилеи классиков восточных литератур — Фирдоуси и Навои, Саади и Шота Руставели. Создано немало монографических трудов, посвященных

великим писателям как советского, так и зарубежного Востока, изданы на русском языке антологии литератур китайской и узбекской, корейской и туркменской, японской и таджикской и многих других.

Примечательно, что в нашу эпоху литература и фольклор народов Советского Востока глубоко изучаются у себя на родине. В этом важном деле ученые и писатели национальных республик активно сотрудничают с востоковедами Москвы, Ленинграда и всех других научных центров необъятного Советского Союза. В этом находят свое отражение дружба народов СССР, интернационалистский характер советской науки, любовь и глубокое уважение широких масс к поэтическому творчеству народов Востока.

Однако удовлетворяться достигнутыми результатами еще рано. Хотя немало произведений народов Азии и Африки уже переведено и издано большими тиражами на русском языке и на других языках народов СССР (как об этом говорится в специальной заметке в настоящем номере), еще больше произведений ждет своего перевода. Хотя многое изучено в истории литератур народов Востока, но как много еще осталось «белых пятен», особенно в области литератур зарубежных стран Азии и Африки. Предстоит еще многое сделать для того, чтобы и сами исследования стали более глубокими и разносторонними.

Проведение в Ташкенте Второй конференции писателей стран Азии и Африки будет содействовать дальнейшему подъему восточной филологии в Советском Союзе, особенно изучению фольклора и литератур зарубежного Востока.

Прежде всего советские востоковеды встретятся с живыми носителями художественного слова на Востоке, со многими писателями, чей творческий путь, о котором можно было судить лишь по отдельным произведениям, сейчас, после личного знакомства, раскроется значительно полнее и ярче. Надо надеяться, что в результате этих контактов значительно возрастет количество переводных изданий и все это благотворно скажется на развитии восточного литературоведения.

Конференция будет содействовать более глубокому изучению процессов, происходящих в современных литературах народов Азии и Африки, особенно новаторства и критического освоения традиций. В поисках правильных путей развития своих родных литератур многие писатели обращаются к различным стилям и направлениям, оживленно и страстно спорят о методе, противопоставляя друг другу свои взгляды и вкусы, но сквозь все это пробивает себе дорогу стремление к связи литературы с реальной действительностью, к вторжению литературы в повседневную жизнь, к служению народу пламенным поэтическим словом. Внимательный и доброжелательный анализ литературных исканий, объективная оценка их результатов, извлечение полезных уроков из борьбы мнений и живого опыта составят содержание многих работ советских востоковедов.

Если учесть, что литературная традиция некоторых народов Востока насчитывает многие века и даже тысячелетия, то нетрудно представить, какое огромное значение приобретают изучение и правильная оценка литературного наследия. Исследования, прежде всего, советских и китайских ученых убедительно доказали, что литературное наследие неоднородно по своему характеру, особенно по идеологическому содержанию, что в восточных литературах, как и во всех литературах мира, происходила на протяжении веков борьба «двух культур», двух тенденций — народной и аристократической. Вместе с тем, эти исследования столь же убедительно доказали всю ненаучность социологизаторства. Глубокое, историческое изучение наследия помогает выявить не только то прогрессивное для своего времени — как по содержанию, так и по форме,— что составляет здоровое ядро каждой старой литературы, но и то вечное и непреходящее, что берется человечеством на вооружение в его борьбе за прогресс и за передовую культуру.

Основное внимание будет уделено изучению расцвета национальных литератур, связанного с подъемом борьбы за государственную независимость, с ролью литератур в борьбе против всех форм колониализма, против империалистической идеологии.

Большой круг проблем встает перед учеными, обобщающими небывалый по размаху и историческому значению опыт, накопленный литературами народов, построившими и строящими социализм: роль художественного слова в сплочении масс строителей социализма, осуществление принципа партийности в литературе, корни и развитие метода социалистического реализма, вопросы борьбы с пережитками феодальной и буржуазной идеологий и с ревизионизмом в его различных облачениях.

Все большее место в изучении восточных литератур занимает выявление межлитературных связей, а также определение вклада, который вносит каждая из восточных литератур в общечеловеческую культурную сокровищницу. Особенно важно материалистическое, свободное от ошибок старого формалистического компаративизма, сравнительно-историческое изучение процессов, происходящих как внутри литератур Востока, так и в их отношениях с литературами Запада.

В этой области перед востоковедами стоит задача борьбы против пережитков европоцентризма в литературоведении, против теории органической отсталости Востока и его литератур, являющейся не чем иным, как буржуазной фикцией. Воздавая должное гению греко-римской цивилизации, на которой зиждется культура Возрождения и великие литературы Запада, никогда нельзя упускать из виду то наследие, которое греко-римская цивилизация переняла у древнего Востока. В культурной эстафете веков всемирно-историческая роль принадлежит литературам Китая, Индии, Ирана, Средней Азии, арабских и других народов. В средние века, в эпоху феодализма первые места в человеческой культуре принадлежали именно литературам Востока. Что может сравниться по идейной глубине, художественному мастерству и по общечеловеческому значению с творениями китайских поэтов Танской эпохи, с творчеством Калидасы, Абу-л-Ала ал-Маарри, Фирдоуси и Хафиза! Нельзя не вспомнить восторженных слов Энгельса о значении арабского «жизнерадостного свободомыслия» для европейского Ренессанса.

Большую эстетическую ценность представляет героический эпос народов Востока, имеющий и то огромное преимущество, что он до сих пор остается живым фактором фольклора, и непревзойденный сказочный фонд народов Азии и Африки.

В условиях капитализма и колониального гнета литературы Востока отстали. Но когда народы Востока поднялись на борьбу за свободу и независимость, они выдвинули таких корифеев, как Рабиндранат Тагор и Лу Синь, Таха Хусейн и Саддриддин Айни, без произведений которых нельзя представить себе современной мировой литературы.

При изучении литератур Востока с позиций творческого марксизма вскрываются многие своеобразные черты и формы выражения реализма и романтизма, много специфического в их эстетических нормах, в словесном выражении прекрасного. Поэтому без учета того вклада, который внесла в мировую культуру литература народов Азии и Африки, составляющих бóльшую часть человечества, немыслимы какие-либо теоретические обобщения в области литературоведения и эстетики.

Здесь перечислены лишь некоторые проблемы, которые встают перед советским востоковедением и литературоведением в целом в связи с совре-

менным ростом литератур Востока, ярким проявлением которого будет и Вторая конференция писателей стран Азии и Африки.

Старое колониалистское утверждение Р. Киплинга о том, что Запад и Восток никогда не сойдутся, давно опровергнуто жизнью. Конференция еще более укрепит дружбу народов Востока и Запада, борющихся за общие идеи. Личные контакты, установленные на конференции, будут содействовать также и сотрудничеству восточных и западных ученых в изучении взаимосвязей и взаимного культурного воздействия всех литератур мира — Востока и Запада.

В Академии наук СССР ведется работа по организации такого изучения. При Отделении литературы и языка Академии наук СССР создана Комиссия по координации исследований восточных литератур. В Институте мировой литературы Академии наук СССР действует группа по изучению взаимосвязей литератур Востока и Запада. Образованная в Институте востоковедения Академии наук СССР литературоведческая группа также ставит своей задачей изучение общих проблем литератур Востока и Запада. На ставших традиционными «Восточных чтениях» координируется работа литературоведов двух академических институтов — Института мировой литературы и Института востоковедения. Однако это лишь первые шаги, это только начало большого дела. Объединив усилия литературоведов Москвы, Ленинграда и всех других крупных научных центров СССР, прежде всего Закавказья и Средней Азии, давно пора приступить к выпуску в свет работ по истории каждой из национальных литератур Востока и к созданию многотомной Истории всемирной литературы, в которой будет научно обобщен литературный опыт народов и вклад отдельных выдающихся писателей как Востока, так и Запада в мировую литературу.

Предстоящая конференция писателей стран Азии и Африки — событие огромного значения. Она должна послужить стимулом к большой научной работе всех тех, для кого изучение и развитие литературы является жизненным призванием и долгом перед народом.

СТАТЬИ, ПУБЛИКАЦИИ, СООБЩЕНИЯ

ВОЗДЕЙСТВИЕ КРИЗИСА В США НА ЭКОНОМИЧЕСКИ СЛАБОРАЗВИТЫЕ СТРАНЫ АЗИИ И АФРИКИ

Л. Г. ГУКАСЯН

В 1957 г. начались серьезные затруднения в экономике капиталистического мира. Период относительно высоких темпов роста производства, который капиталистический мир переживал на протяжении ряда последних лет, пришел к концу. Общий объем промышленного производства капиталистического лагеря в 1957 г. вырос по сравнению с предыдущим годом менее чем на 2%, тогда как в 1956 г. он вырос более чем на 4%, а в 1955 г.— на 11%. При этом в последнем квартале 1957 г. по сравнению с соответствующим кварталом 1956 г. производство сократилось. Таким образом, в 1957 г. не только резко замедлились темпы роста совокупного мирового капиталистического производства, но и обнаружилась тенденция его абсолютного сокращения.

Во втором квартале 1957 г. экономический подъем в США закончился и после некоторого застоя с начала следующего квартала сменился третьим за послевоенные годы спадом, переросшим в кризис перепроизводства. Правящие круги США, опасаясь международных последствий, сначала всячески преуменьшали значение кризиса, утверждая, что он с нового года сменится подъемом. Между тем время шло, а подъем не наступал. «Мы прожили три месяца 1958 г.,— писал в начале апреля журнал деловых кругов «Бизнес уик»,— и не увидели никаких признаков, указывающих на то, что началось действительное повышение деловой активности. Март прошел, не принеся никакого изменения в сторону роста, которое хотели увидеть советники президента. Вместо этого он принес новые доказательства того, что спад углубляется и расширяется». Опубликованные в мае 1958 г. данные Федерального резервного управления показывают, что объем промышленного производства продолжает сокращаться. Так, в марте 1958 г. индекс промышленного производства США по сравнению с декабрем 1956 г., когда был достигнут послевоенный максимум, снизился на 19 пунктов или на 13%[1].

Сокращение внутреннего рынка заставляет финансовую олигархию США обращать все большее внимание на увеличение экспорта. США направляют все силы для завоевания новых рынков, подчас путем бросового экспорта товаров. Они всячески стремятся переложить тяготы кризиса на народные массы колониальных, зависимых и экономически слаборазвитых стран. Американское давление на мировой капиталистический рынок усиливает кризисные явления в экономике других стран капиталистического лагеря и вызывает ожесточенную борьбу за рынки со всеми ее

[1] «Monthly bulletin of statistics», April 1958.

последствиями. В 1956/57 г. США для того, чтобы освободить внутренний рынок от скопившихся излишков хлопка, вывезли по демпинговым ценам 1670 тыс. тонн хлопка против 480 тыс. тонн в 1955/56 г. В результате этого вывоз хлопка из других стран в 1956/57 г. упал почти на 30% и составил 1454 тыс. тонн против 2029 тыс. тонн в предыдущем году. Так, в 1956/57 г. по сравнению с 1955/56 г. экспорт хлопка из Пакистана упал со 158 тыс. тонн до 110 тыс. тонн, из Египта — с 312 тыс. тонн до 201 тыс. тонн, из Судана — со 122 тыс. тонн до 72 тыс. тонн. Поступления средств от реализации хлопка этими странами уменьшились, и это нанесло серьезный ущерб их национальной экономике[2].

Экономический спад в США весьма тяжело отразился на положении Японии. Известно, что в послевоенные годы японские монополии, стремясь восстановить и расширить свои позиции на мировом капиталистическом рынке, ускоренными темпами обновляли и расширяли производственные мощности и быстро увеличивали производство. С 1951 по 1956 г. валовая продукция японской промышленности выросла с 15 млрд. долл. до 25 с лишним млрд. долл. С учетом инфляции среднегодовой рост составил 8%[3]. Однако в 1957 г. «процветание» столкнулось с проблемой рынков сбыта. Во втором полугодии 1957 г. рост промышленного производства сменился спадом. Индекс промышленного производства, достигнув в июле 1957 г. 272 пунктов (1934/36 г. = 100), упал к концу года на 10%[4]. В конце 1957 г. объем товарных запасов в Японии был на 42 % выше, чем в конце 1956 г., а по продукции обрабатывающей промышленности — на 50%; валютные резервы страны упали с 1484 млн. долл. в 1956 г. до 766 млн. долл. к концу 1957 г.[5]

Начало 1958 г. не внесло ничего нового в деловую активность страны: спад продолжал углубляться. По сравнению с началом 1957 г. производство в черной металлургии Японии сократилось на 20%, в цветной металлургии — на 40%. Сообщалось, что принимаются меры к сокращению производства бумажной массы на 25%, пряжи искусственного волокна — на 50%, шерстяных тканей — на 30%, хлопчатобумажных — на 35 %[6], поскольку экспорт этих товаров встречает на внешних рынках особенно серьезные затруднения, связанные с растущей конкуренцией других стран.

Кризис в США и кризисные явления в ряде других государств вызвали ухудшение экономического положения слаборазвитых стран капиталистического лагеря. Продолжительное господство империализма в странах Азии и Африки привело к превращению их в страны монокультуры в области сельского хозяйства (экспорт хлопка, джута, маслосемян, чая, кофе, какао, каучука) и поставщиков минерального сырья в области промышленного производства (экспорт олова, меди, свинца, урана, алмазов, нефти и т. п.), в сырьевой придаток империалистических держав.

Завоевание политической независимости большинством стран Азии, а также рядом стран Африки создало предпосылки для их самостоятельного экономического развития и ликвидации последствий колониализма. Если в целом по капиталистическому миру производство в обрабатывающей промышленности с 1948 по 1956 г. выросло на 61%, то в Азии оно поднялось на 165%[7]. В основных экономически слаборазвитых районах развитие тяжелой промышленности начало по своим темпам значительно опережать развитие легкой промышленности (в Азии в 1948—1956 гг. примерно в два раза).

[2] «Cotton monthly review of world situation», November-December 1957; «Financial times commodity news reports», November 1957.
[3] «Life», 9 декабря 1957 г.
[4] «The Oriental economist», January 1958.
[5] «Monhtly bulletin of statistics», January 1958.
[6] «The Oriental economist», March 1958.
[7] «Statistical yearbook», 1957.

Однако не следует переоценивать достижений этих стран. Экономика завоевавших независимость стран Востока все еще остается в сильной зависимости от главных капиталистических держав. То, что ими проделано по пути создания независимой экономики, это лишь первые шаги, которые еще не изменили экономическую структуру этих стран.

Большинство экономически слаборазвитых стран Азии и Африки продолжает оставаться поставщиками сырья и продовольствия и потребителями готовых промышленных товаров главных капиталистических держав. Кризисные явления в экономике последних резко отражаются на экономическом положении стран Азии и Африки и становятся одним из исходных факторов возникновения в них кризисов перепроизводства сырья. Чтобы представить степень экономического воздействия основных государств капиталистического мира на состояние хозяйства слаборазвитых стран, достаточно отметить, что только США удовлетворяют потребности своей промышленности в сырьевых материалах путем импорта: по натуральному каучуку — на 100%, по джуту — на 100%, по шерсти — на 56%, льну — 90%, нефти — 17%, слюде — 93%, алмазам — 100%, железной руде — 25%, марганцевой руде — 83%, хромовой руде — 91%, вольфраму — 58%, бериллию — 96%, ниобию — 96—100%, алюминию и бокситам — 78%, меди — 34%, свинцу —56%, никелю — 95%, олову — 100%, цинку — 55%, сурьме — 88%, кобальту — 81%, ртути — 66%, металлам платиновой группы — 98%[8].

Между тем с 1957 г. ввоз главными капиталистическими державами, в частности, США, Англией, Японией, сырья и продовольствия из экономически слаборазвитых стран резко сократился. Только импорт США упал: по свинцовой руде — на 5—7%, меди — на 8%, цинку — на 8%, ртути — на 15%, нефти — на 20%, продовольственным товарам — на 10%, в том числе кофе — на 8%, какао — на 7%.

Воздействие нынешнего кризиса в США (распространяющегося и в некоторых других промышленно развитых странах) на уровень производства в горнодобывающей промышленности и в сельском хозяйстве стран Азии и Африки становится все более глубоким. Падение спроса со стороны главных капиталистических держав на основные экспортные товары экономически слаборазвитых стран вызвало снижение цен на все основные сырьевые материалы и привело к значительному сокращению их производства. По данным английского журнала «Экономист», индекс цен на экспортируемые экономически слаборазвитыми странами сырьевые материалы понизился в течение 1957 г. (1952 г. = 100) до 85 пунктов против 95 в 1956 г., то есть на 11%[9]. Индекс долларовых цен на сырье в Нью-Йорке (31 декабря 1931 г. = 100) показывает, что к концу 1957 г. (по состоянию на 6 ноября) был достигнут наиболее низкий уровень цен, когда он составил 382,1 пункта по сравнению с 441,6 на конец 1956 г. и 388,9 на 8 октября 1953 г.[10].

Понижательная тенденция мировых цен на сырье продолжала существовать и в течение первого квартала 1958 г. Одним из важнейших факторов, вызвавших понижение цен на сырьевые товары, является сокращение закупок сырья для так называемых стратегических запасов американского правительства. К апрелю 1958 г. пополнение этих запасов импортными товарами было почти полностью прекращено. Правительство США

[8] «Statistical report», № 50—57, part III.
[9] «Economist», 21 марта 1958 г.
[10] «Neue Zürcher Zeitung», 21 января 1958 г.

стало закупать сырьевые товары лишь на внутреннем рынке, в частности свинец и алюминий, да и то в небольшом количестве.

Поставщики сырьевых материалов все больше прибегают к регулированию производства и экспорта и к методам монопольных продаж. Все эти меры проводятся в таких же размерах, как и при борьбе с «излишками» в период кризиса 1929—1933 гг. Чтобы предотвратить дальнейшее понижение цен на сырьевые материалы и удержать их на возможно более высоком уровне, заключен в разные годы ряд международных картельных соглашений по различным сырьевым и продовольственным товарам. Эти соглашения ставят своей целью монополизировать производство и сбыт. Так, в соответствии с Международным соглашением по олову экспорт оловянных концентратов из шести основных стран-поставщиков (Малайи, Нигерии, Таиланда, Индонезии, Бельгийского Конго и Боливии) сокращен на 40% и создан так называемый «буферный запас» в размере 25 тыс. б. т., в который закупается олово при цене ниже 730 ф. ст. за большую тонну. Предполагается установить новую низшую цену на олово в размере 640 ф. ст. за б. т. для борьбы с появившимися в последнее время многочисленными аутсайдерами, которые предлагают металл по более низким ценам.

Подобные международные картельные соглашения заключены также по меди, кофе, сахару и т. д. Так, в начале года ведущие медные компании США, Канады, Чили, Северной и Южной Родезии и Бельгийского Конго заключили между собой картельное соглашение и договорились о сокращении производства меди в текущем году на 10%[11].

Международные картели по сырьевым материалам и продовольственным товарам раздираются глубокими противоречиями. Эти противоречия, в частности, выражаются в том, что отдельные производители не придерживаются минимальных цен, установленных картелем, и в целях обеспечения реализации своей продукции сбывают товар по более низким ценам, подрывая картель.

Падение спроса на сырье и продовольствие привело экономику слаборазвитых районов мира к застойному положению, а в ряде стран уже происходит в связи с этим прямое падение производства. Наглядным тому примером является ухудшение в 1957 г. и истекшие месяцы текущего года экономического положения стран Юго-Восточной Азии, а именно Бирмы, Таиланда, Лаоса, Камбоджи, Филиппин, Индонезии, Малайской Федерации.

Колебания цен на мировом капиталистическом рынке непосредственно сказались на уровне производства каучука и олова, а следовательно и на всей экономической стабильности стран этого района.

Падение цен и ухудшение условий сбыта олова привело в прошлом году к сокращению добычи руды и выплавки олова в Малайе. В течение всего года количество действующих рудников уменьшалось. В октябре 1957 г. работало 725 рудников по сравнению с 791 в том же месяце 1956 г. Причем из 66 закрывшихся рудников 62 принадлежали местным предпринимателям. К концу второго квартала 1958 г. намечалось закрыть еще свыше 80 рудников[12].

В тяжелом положении оказалась также экономика Таиланда. Таиландская газета «Каорайван» справедливо писала, что кризисные явления в каучуковой промышленности страны вызваны тем, что «сбыт таиландского каучука почти полностью ориентирован на США», где происходит «падение спроса» на него как «вследствие кризисного спада», так и вследствие того, что «натуральный каучук вытесняется искусственным».

[11] «Economist», 22 марта 1958 г.
[12] «International Tin Council statistical bulletin», April — December 1957.

Таблица 1

*Движение мировых цен на основные сырьевые материалы и продовольственные товары**

Виды товаров		Страна котировки	Максимальный уровень цен периода войны в Корее (1951 г.)	Декабрь 1956 г.	Декабрь 1957 г.	Февраль или март 1958 г.
Медь	ф. ст. за б. тонну	Англия	220	273	181	163
	цент за англ. фунт	США	24,2	35,6	26,3	24,4
Олово	ф. ст. за б. тонну	Англия	1077	806	730	731
	Долл. за англ. фунт	США	1,28	1,04	0,92	0,93
Свинец	ф. ст. за б. тонну	Англия	162	116	73	74
	цент за англ. фунт	США	17,5	16	13	13
Цинк	ф. ст. за б. тонну	Англия	172	101	63	64
	цент за англ. фунт	США	18,0	13,5	10,0	10,0
Джут	ф. ст. за б. тонну	Англия	179	129	115	113
	цент за англ. фунт	США	18,0	16,6	15,5	15,1
	Рупии за 400 англ. фунтов	Пакистан	249	234	216	210
	Рупии за 400 англ. фунтов	Индия	331	201	215	215
Кофе	Цент за англ. фунт	США	54,2	60,3	55,4	54,0
Хлопок	Цент за англ. фунт	США	41,7	33,9	33,4	33,0
	Цент за англ. фунт	Египет	84,8	55,1	41,9	40,9
	Цент за англ. фунт	Пакистан	79,9	36,6	33,6	32,6
Каучук	Цент за англ. фунт	США	59,1	36,9	29,1	27,2
	Цент за англ. фунт	Англия	48,8	32,2	24,2	22,9
	Цент за англ. фунт	Малайя	169,6	112,4	84,7	77,5

* Источник: «Monthly bulletin of statistics», April 1958; «International Financial statistics». April 1958.

Резко ухудшилось и положение таиландской оловодобывающей промышленности. К февралю 1958 г. в Таиланде уже было закрыто около 20 оловянных рудников, в том числе крупнейший оловянный рудник в провинции Яла. Таиландская газета «Чаотай» отмечала, что именно «введение Международным советом по олову норм, ограничивающих добычу олова, в связи с экономическим спадом привело к тому, что пришлось закрыть многие оловянные рудники».

Представитель Таиланда на десятом заседании Международного совета по олову требовал увеличения экспортной квоты для Таиланда с 7,35% общей экспортной квоты стран — участниц соглашения по олову до 8,62%. Просьба Таиланда, однако, не была удовлетворена. В связи с этим на пресс-конференции, состоявшейся в Бангкоке 22 марта 1958 г., премьер-министр Таиланда заявил, что «вопрос об увеличении доли Таиланда в общей экспортной квоте будет вторично поставлен перед Международным советом по олову, и если на этот раз просьба будет оставлена без внимания, таиландское правительство пересмотрит свое отношение к Международному соглашению по олову и возможно откажется от дальнейшего участия в этом соглашении».

Весьма характерно обострение экономического положения и в Пакистане. В связи с падением спроса на две основные статьи пакистанского экспорта — джут и хлопок (на эти товары приходится 70% экспорта) в стране скопились их огромные запасы. «Характерной чертой тенденции в торговле в последнее время,— отмечала газета «Таймс»,— было сокращение экспорта джута-сырца, область, в которой Пакистан пользуется почти монополией»[13]. В 1956 г.

[13] «Times», 18 ноября 1957 г.

Пакистан экспортировал свыше 5800 тыс. кип джута-сырца, а в 1957 г. объем экспорта джута упал до 4500 тыс. кип. И в нынешнем году положение с экспортом хлопка в условиях демпинга американских хлопковых «излишков» и падения цен на этот товар является весьма тяжелым. Отрицательно отразился кризис в США на странах Африки. Если в 1956 г. в Северной Родезии было произведено черновой меди на сумму 47,3 млн. ф. ст. и электролитической меди на сумму 70,3 млн. ф. ст., то в 1957 г. их производство упало по стоимости соответственно до 34,2 млн. ф. ст. и 54,4 млн. ф. ст. В связи с тем, что спрос на медь и в начале 1958 г. оставался на прежнем низком уровне, одна из двух крупнейших монополий по производству меди в Северной Родезии — «Англо-американ корпорейшн» — сократила с марта с. г. производство меди на 24 тыс. тонн в год, т. е. на 10%. При этом входящая в «Англо-американ корпорейшн» фирма «Банкрофт майнз» полностью прекратила добычу на крупном руднике Банкрофт.

Другой крупнейший горнорудный трест Северной Родезии — «Родезиэн сэлекшн траст», который еще в июле 1957 г. сократил добычу руды и снизил производство металла на своих филиалах «Рон — Антилоп коппер майнз» и «Муфулира коппер майнз» на 10%, в 1958 г. в связи с низким спросом намерен либо продолжать производство меди в этом сокращенном объеме, либо же осуществить новое снижение производства меди.

В связи с падением спроса на ряд сырьевых материалов, которые еще в начале 1957 г. считались остродефицитными, со второй половины прошлого года вплоть до настоящего времени ощущаются значительные затруднения и в таких отраслях горнодобывающей промышленности, как добыча и производство кобальта, хрома, ванадия, платины и др. В 1957 г. в Бельгийском Конго, где значительно уменьшилось производство меди, упала также добыча кобальтовой руды: ее было добыто 8160 тонн (по содержанию металла) против 9089 тонн в 1956 г.

В связи с ухудшением положения со сбытом хромовой руды компания «Саут Африка минералз» с 15 марта 1958 г. прекратила эксплуатацию своего крупного рудника в районе Растенбурга (Трансвааль). Другая компания — «Ванадиум корпорейшн» — объявила о прекращении добычи хромовой руды на крупном месторождении, находящемся в Южной Родезии. В начале 1958 г. компания «Саут-Уэст Африка К°» прекратила эксплуатацию ванадиевого рудника Абенанб Уэст[14]. Ведущая компания по производству платины в Южно-Африканском Союзе — «Растенбург платинум майнз» в середине декабря 1957 г. в связи с падением спроса сократила производство на 40%. Среднемесячные продажи платины этой компанией за первые четыре месяца 1957/58 г. сократились по сравнению со среднемесячными продажами того же периода предыдущего года более чем на 50%[15].

Резкое сокращение экспорта слаборазвитых стран Востока привело к обострению в этих странах долларового голода, что в свою очередь способствовало дальнейшему расстройству внешнеторговых отношений.

В докладе исполнительного секретаря ЭКАДВ об экономическом положении в Азии указывалось, что «общий торговый дефицит стран этого района за последние три года вырос почти в три раза и составил в 1957 г. 715 млн. ф. ст. против 268 млн. ф. ст. в 1954 г.»[16]

У большинства азиатских и африканских стран положение с платежным балансом ввиду роста внешнеторговых затруднений значительно ухудшилось. Так, в прошлом году в Пакистане образовался огромный

[14] «Metal Bulletin», 28 января 1958 г.
[15] «Financial times», 23 января 1958 г.
[16] «Times», 5 марта 1958 г.

пассив платежного баланса. Валютные резервы страны на 30 сентября 1957 г. составили 1029 млн. рупий против 1395 млн. рупий на 30 июля 1956 г. На ежегодном совещании правления Государственного банка Пакистана его директор Абдул Надвар обрисовал мрачную картину положения с иностранной валютой, сложившуюся в течение 1956/57 финансового года. Уменьшение стоимости экспорта и более высокие расходы за границей привели к дефициту в платежном балансе в размере 266,6 млн. рупий, что представляет собой резкий контраст по сравнению с 1955/56 г., когда активное сальдо составило 349,9 млн. рупий[18]. Как отмечал «Мэгэзин оф Уолл-стрит энд бизнес аналист», «трудности с платежным балансом Пакистана становятся все более серьезными в связи с уменьшением объема экспорта и крайней необходимостью импортировать продовольствие, в котором ощущается нужда»[19].

В то же время гонка вооружений в соответствии с программой Багдадского пакта без нужды увеличивает расходы на оборону и затрудняет и без того тяжелое экономическое положение страны.

Резко ухудшилось положение платежного баланса Филиппин, Таиланда, Цейлона и других стран. Филиппины в 1957 г. из-за того, что их импорт превысил экспорт, в основном ввиду падения цен на сырье и сельскохозяйственную продукцию, потеряли более половины резервов иностранной валюты. В связи с общим снижением цен на экспортные товары в 1958 г. Филиппинами «принята жесткая программа экономии», сократившая импорт более чем на 20%[20].

Наибольшие экономические затруднения в связи с кризисом испытывают те экономически слаборазвитые страны Азии и Африки, которые в своем экономическом развитии и внешней политике ориентируются на Запад. Наглядной иллюстрацией этого являются нынешние бюджетные затруднения Таиланда, Пакистана, Филиппин и ряда других стран.

Несмотря на значительные сокращения обычных расходов, бюджет Таиланда на 1958 г. был составлен с огромным превышением расходов над доходами. Для погашения дефицита, который составил свыше 1 млрд. бат, правительство взяло заем у Банка Таиланда в размере 1200 млн. бат. Вся правительственная задолженность Банку достигла в результате 6,2 млрд. бат. Критикуя внешнюю политику таиландского правительства, в деловых кругах страны отмечают, что экономика Таиланда настолько связана с США, что экономический спад в США сразу же тяжело отразился на таиландской экономике. Американская «помощь» Таиланду не может возместить ущерб, нанесенный стране спадом в США. Таиландский журнал «Питупум» (3 января 1958 г.) подчеркивал, что американская «помощь» лишь затрудняет финансово-экономическое положение страны, так как она предоставляется на условиях, не выгодных Таиланду.

Начавшийся на Западе кризис — реальная угроза планам реконструкции национальной экономики стран Востока. В этих условиях осуществление долгосрочных программ экономического развития, принятых многими экономически слаборазвитыми странами, наталкивается на огромные затруднения, ибо последствия экономического кризиса в империалистических странах во все большей степени перекладываются на страны Азии и Африки.

Распространение кризисных явлений на экономику слаборазвитых стран приводит к ухудшению положения рабочего класса и трудящихся масс, к падению и без того низкого жизненного уровня населения. Безработица

[18] «Times», 18 ноября 1957 г.
[19] «Magazine of Wall-street and business annalist», February 1958.
[20] Там же.

стала бичом для трудящихся экономически слаборазвитых стран Азии и Африки. Так, таиландская газета «Чаотай» пишет, что только за три первые месяца 1958 г. «лишь на юге страны в результате закрытия оловянных рудников сотни горняков оказались без работы». По данным Национального профсоюза рабочих Малайи, во всей горнодобывающей промышленности на 1 марта 1958 г. безработица уже охватила свыше 12 тыс. человек, или около 30% рабочих, занятых в этой отрасли промышленности. Число безработных рабочих окажется еще большим, если прибавить к нему и рабочих, уволенных с оловоплавильных заводов.

В связи с ухудшением материального положения рабочего класса в Пакистане, Малайе, Таиланде, Филиппинах и других странах усилилось стачечное движение.

По мере роста экономических затруднений в деловых кругах слаборазвитых стран нарастает протест против всевозможных ограничений, установленных в торговле с социалистическими странами Европы и Азии. За расширение экономических связей со странами социалистического лагеря стали выступать и официальные лица.

Так, за развитие торговых отношений со всеми странами, включая социалистические, в марте нынешнего года высказался министр экономики Таиланда Сукин Нимманхемин.

Некоторые экономически слаборазвитые страны уже приступили к конкретным действиям. Так, Судан, испытывая резкие затруднения во внешней торговле в связи с хлопковым демпингом США, принимает ныне меры к расширению торговли со странами социалистического лагеря.

Развитие и расширение всесторонних экономических, в частности торговых отношений со странами социалистического лагеря, является для экономически слаборазвитых стран Азии и Африки одним из главных путей смягчения отрицательных последствий экономического кризиса в США и в ряде других ведущих капиталистических стран.

SUMMARY

The author analyses the effects of the present economic crisis in the USA and other capitalist countries on the economically underdeveloped countries of Asia and Africa. The fall in the demand for basic raw materials and foodstuffs on the part of the leading, industrially advanced capitalist states has created serious economic difficulties in some of the Asian and African countries. The trade and payment balances and the general financial condition of these countries has also been aggravated.

The author suggests that closer economic ties with the countries of the socialist camp could do much to alleviate the disastrous consequences of the crisis in the underdeveloped countries.

США И ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ ИНДИИ

Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ

В период распада мировой колониальной системы и гибели колониальных империй существенные изменения претерпевают формы вывоза капитала. Нельзя предполагать, что только непосредственное и возможно более быстрое извлечение максимума прибавочной стоимости из эксплуатации народа той или иной страны во всех случаях является единственной или для данного конкретного отрезка времени главной целью государства, экспортирующего капитал.

Ныне в антиимпериалистических слаборазвитых странах в процессе борьбы с колониализмом при поддержке стран социалистического лагеря постепенно складывается самостоятельное национальное хозяйство. Эти страны на равноправных началах устанавливают связь с устойчивой экономикой социалистического лагеря и стремятся преодолеть эксплуататорскую сущность односторонних экономических связей со странами империализма. Ликвидация политической власти империализма на его колониальной периферии происходит одновременно с усилением государственно-монополистического капитализма в самих метрополиях.

Одним из важных последствий крушения колониализма является то, что даже самым мощным монополиям становится не под силу решение сложных задач борьбы с национально-освободительным движением и защиты своих эгоистических интересов. Империалистическое государство, как никогда раньше, выступает в качестве силы, обеспечивающей в новых, иногда внешне более эластичных формах, в том числе и путем государственного вывоза капитала под видом помощи, не только непосредственные, но и длительные стратегические интересы государственно-монополистического капитализма в целом. Поэтому конечные цели вывоза государственного капитала замаскированы и раскрываются лишь впоследствии, в ходе изменяющейся международной обстановки.

Стремление США прибегать к государственной форме вывоза капитала в Индию в значительной мере объясняется противоречивыми соображениями. Позиции частного американского капитала в Индии в сравнении с его английским конкурентом весьма слабы, желание же эксплуатировать ее богатства велико. Боясь национализации иностранной собственности и других форм ее ограничения, американские монополии в настоящее время, в отличие от английских, предпочитают наряду с частными инвестициями вывозить в Индию свой избыточный капитал преимущественно через государство и международные финансовые организации.

* * *

Бывший посол в Индии Честер Боулс предупреждал частных американских инвесторов, что с законами многих слаборазвитых стран, направленными против прошлой многолетней колониальной эксплуатации и

нередко содержащими ограничения деятельности иностранного капитала, как это ни неприятно, приходится считаться. Рассматривая эти законы как «факторы, подавляющие стремление к вложениям»[1] со стороны частных инвесторов, он в книге «Отчет посла» главное внимание уделяет оказанию помощи по «четвертому пункту» программы Трумэна и «закону о взаимном обеспечении безопасности», не скрывая, что эта помощь преследует политические цели: «...наступило время,— пишет он,— когда пункт четвертый в Азии, Африке и Южной Америке должен стать пунктом первым в нашей программе военной обороны»[2].

Ставя вопрос о желательности «нового подхода» к оказанию помощи иностранным государствам, видный чиновник американского государственного департамента Диллонг подчеркивает необходимость предоставления ее лишь частному капиталу слаборазвитых стран, игнорируя развитие государственного хозяйства: «Мы считаем, что экономическое развитие этих стран может быть обеспечено лучше всего с помощью частного капитала как собственного, так и иностранного»[3].

Видные деятели США, выступавшие в защиту антииндустриализаторской политики в слаборазвитых странах, в частности в Индии, ныне высказываются лишь за ограниченное промышленное развитие Индии, преимущественно на частнокапиталистической основе.

Дж. Неру в беседе с буржуазным журналистом Т. Менде следующим образом охарактеризовал различие между «помощью» империалистических стран и помощью стран социалистического лагеря:

«Что касается отношения некоторых западных держав, то оно действительно таково, как Вы сказали: они поощряют здесь, в Индии, производство предметов потребления в большей степени, чем производство средств производства. Политика коммунистических стран в их собственной стране и советы, которые они дают другим странам, заключается в том, чтобы в первую очередь развивать тяжелую промышленность, производство машин... Коммунистические страны согласны обучить нас технике и организации, которые в других странах охраняются определенной системой патентов... Коммунистические страны более расположены нам помогать в этой области, чем другие страны. Но надо сказать, что другие страны стали менее сдержанны, потому что они видят, что мы сами могли бы с этим справиться. Я хочу сказать, что эти знания и техника не являются больше их монополией...»[4].

Капиталистические страны в первые годы независимости Индии соглашались на поставку оборудования главным образом для развития легкой промышленности, за последние 2—3 года расширился ввоз оборудования и для тяжелой промышленности. Они вынуждены считаться с тем, что Индия может теперь обойтись и без них, приобретая необходимое оборудование в странах социалистического лагеря. Ликвидация монополии капиталистических стран в поставке для Индии машиностроительного оборудования— великая заслуга социалистических стран.

Страны социалистического лагеря за последние три года оказали Индии финансовую помощь, превышающую по своим размерам финансовую помощь всех капиталистических стран, включая и США. Эта помощь не только более льготна и выгодна по своим условиям в сравнении с помощью капиталистических стран, но, что особенно важно, она существенным образом содействует созданию в Индии собственной тяжелой промышленности, т. е. основы ее экономической и политической независимости. «Советский кредит Индии,— писала влиятельная газета «Хиндустан таймс» 1 февраля 1958 г.,— является примечательным во многих отношениях. Прежде всего, этот кредит не является обычным, он заставляет США увеличивать и свои усилия по оказанию нам помощи, что удваивает выгоды при нашем затруднительном положении с иностранной валютой. Известным образом именно Россия разрешит нашу проблему иностранной валюты, и это будет действительно так, независимо от размера ее помощи. ...Кроме того проценты по займам России вдвое меньше процентов Международного банка реконструкции и развития..., а сроки строительных работ, производимых с помощью России, короче, чем на многих других стройках».

[1] *C. Bowles.* Ambassador's report. New York, 1954, p. 322.
[2] Там же, стр. 325.
[3] «United States news and world report», 10 May 1957.
[4] *T. Mende.* Conversations avec Nehru. Paris, 1956.

Вот почему дальнейшее игнорирование исторической неизбежности промышленного развития Индии, после того как страны социалистического лагеря стали оказывать этому процессу мощную материальную, долгосрочную поддержку, стало невозможным для США. Как многозначительно замечал 18.I.1958 г. индийский журнал «Экономик уикли», «айсберг американского равнодушия показывает признаки таяния...», и закон конкуренции «в конечном счете правилен при всех обстоятельствах».

Учитывая невозможность предотвратить индустриализацию Индии и развитие государственного сектора, а также устранить государственный контроль, капиталистические государства и фирмы вынуждены идти на экономическое сотрудничество с индийским государством. Этому содействует и конкуренция между иностранными монополиями.

В 1951 г. нефтяные монополии США, воспользовавшись переживаемыми Индией трудностями, навязали ей явно экономически невыгодные условия поставки нефти и производства нефтепродуктов. Решение индийского правительства снять государственный контроль и гарантировать от национализации на 25 лет нефтеперерабатывающие заводы, способствовало тому, что в строительство их активно устремился частный американский капитал, уже в первый год эксплуатации заводов получивший высокие прибыли. Однако в последнее время, когда Индия перешла к интенсивной индустриализации страны, опираясь на принципы равноправных политических и экономических взаимоотношений со странами социалистического лагеря, она получила возможность отвергать невыгодные предложения иностранного капитала или в большей мере противостоять ему.

Антииндустриализаторскую политику империалистов сменила политика торможения процесса индустриализации Индии путем установления монополиями высоких цен на оборудование и кредит и овладения значительной частью капитала индийских предприятий, которые строились с участием этих монополий. Однако факт разрыва невыгодных для Индии, по сути, кабальных отношений с концерном Круппа свидетельствует о том, что и на этом пути империалисты не могут рассчитывать на успех.

Оказались неосновательными высказывавшиеся еще 8—10 лет тому назад как в США, так и среди частнокапиталистических, а иногда и руководящих кругов в Индии предположения о том, что американский частный капитал активно устремится в независимую Индию и окажет помощь в ее индустриализации. Американский экономист Розенталь недавно писал, что «инвесторы в США и Европе сравнительно мало заинтересованы в Индии»[5]. По официальным данным, общая сумма американских частных прямых вложений с 1948 по 1955 г., когда предполагался особенно большой их наплыв в Индию, увеличилась с 27,5 до 97 млн. долл. или почти на 70 млн.

[5] «New York Times Magazine», 11 августа 1957 г.

долл., т. е. на 253%[6]. Внешне это показатель большого роста, однако по существу — ничтожная сумма, если учесть, что за этот же период все частные заграничные инвестиции США возросли с 16,3 до 29,0 млрд. долл., т. е. почти на 13 млрд. долл., по отношению к которым 70 млн. долл., экспортированных в Индию, составили всего 0,54%[7].

Следовательно, частный американский капитал не инвестировался в Индии в крупных масштабах. Объяснялось это как стремлением показать, что в Индии не создано для него подходящего «инвестиционного климата», ввиду чего нет необходимой уверенности в безопасности долгосрочных капиталовложений, так и боязнью промышленной конкуренции со стороны индустриализующейся Индии, что иногда преобладало над соблазном капиталовложений, даже если они были выгодны. Независимая Индия с ее новой доктриной экономического развития во имя достижения технико-экономической самостоятельности не представлялась подходящим местом для крупных инвестиций частного американского капитала, несмотря на все приглашения со стороны некоторых непатриотически настроенных индийских монополистов. Не желая вновь стать объектом колониальной эксплуатации, Индия не предоставляла ему возможностей для широкой хищнической эксплуатации и вывоза ее промышленного сырья и сельскохозяйственной продукции в необработанном и полуобработанном виде. Поскольку в заповедных сферах приложения иностранного капитала — плантациях, горной промышленности, торговле, банковском деле и коммунальных предприятиях—издавна обосновался английский капитал, национальный капитал тем более не считал для себя возможным уступать американскому капиталу высокие прибыли в тех отраслях экономики, где его собственные позиции были сравнительно прочными[8]. Таким образом в послевоенное время Индия не представляла собой для американских частных инвесторов страны «порядка и спокойствия». Они постоянно чувствовали угрозу национализации иностранной монополистической собственности, требование которой и сейчас является составной частью программ всех левых партий и пользуется большой популярностью. Именно в Индии в наибольшей мере проявилось экономическое содержание распада колониализма, заключающееся в индустриализации слаборазвитой страны на национальной и антиколониальной основе, в форме развития государственного капитализма.

Несмотря на то, что Индия крайне нуждалась в капиталовложениях и несомненно была способна под контролем государства поглотить значительные суммы частных иностранных инвестиций для целей индустриализации, она не считала возможным предоставить частному американскому капиталу такие условия, какие он имел в других странах — в Латинской Америке, на Среднем Востоке, в африканских колониях. Величайшей важности факт, что Индия перестала быть колонией и стала суверенным миролюбивым государством и, проводя антиимпериалистическую политику, сама упорно стремится индустриализировать свою экономику, наглядно сказывался на размерах частных американских инвестиций в Индии.

[6] На 31 декабря 1955 г. частные американские капитальные вложения в Индии составили 454 млн. рупий (97 млн. долл.) против 4022 млн., принадлежавших английскому капиталу.

[7] «Survey of current business», August 1956, p. 15.

[8] Эта специфическая для американского капитала сложность положения в Индии довольно отчетливо выражена в следующем заключении одного из индийских буржуазных журналов: «Имеется много отраслей, где у нас нет нужды в частном иностранном капитале. Действительно, мы не нуждаемся в том, чтобы иностранный капитал шел бы в отрасли, производящие потребительские товары, и конкурировал бы с нашим собственным капиталом. Опять-таки мы не нуждаемся в нем в торговле и транспорте, которые управляются нашим собственным народом. Кроме этого, имеются сектора национального хозяйства, двери которых не могут быть открыты иностранному капиталу по причинам безопасности. Короче говоря, мы не хотим, чтобы иностранный капитал вливался бы туда, где местный капитал уже функционирует, или куда он способен придти в будущем... За исключением этих направлений, Индия будет приветствовать иностранный капитал» («Commerce and industry», 27 February 1957).

Таблица 1

*Частные инвестиции американского капитала в Индии в 1948—1955 гг. по отраслям хозяйства (по номинальной стоимости в млн. рупий)**

Отрасли хозяйства	1948 г. 1. VII	1955 г. 31. XII	1955 г. в % к 1948 г.
Обрабатывающая промышленность	43,5	189,0	434
Горная и добывающая промышленность	0,7	0,1	16
Торговля	47,4	234,0	494
Коммунальные предприятия	—	1,0	—
Транспорт			
Банки и финансовые учреждения	69,3	22,0	32
Плантации	—	1,0	—
Прочие отрасли	18,7	1,0	5
Итого:	179,6	454,0	253
Удельный вес инвестиций в Индии во всех частных заграничных инвестициях США в %	0,17	0,33	
Удельный вес частных американских инвестиций во всех иностранных инвестициях в Индии в %	6,3	9,4	

* Источник: «Census of India's foreign assets and liabilities». Bombay, 1955, p. 63—64; «Bulletin of India's reserve bank». New Delhi, December 1957.

Американский капитал, не играя заметной роли в создании в Индии производства средств производства, занял тем не менее весьма важные для США позиции, контролируя ввоз, промышленную переработку и рынок нефтепродуктов. Прогрессивные деятели Индии справедливо указывают на необходимость проведения активной разведки и освоения местных источников нефти и создания с помощью социалистических стран отечественной нефтяной промышленности, чтобы ликвидировать опасное засилие частного американского капитала в этой области. Сравнительно крупные вложения американского частного капитала не в добычу нефти, а в нефтепереработку, то есть в обрабатывающую промышленность, и торговлю нефтепродуктами позволяют ему в известной мере маскировать свое колонизаторское лицо.

В Индии американский частный капитал пытается создать себе ореол борца против традиционного европейского экономического колониализма. Этому в известной мере содействует то обстоятельство, что здесь он в отличие, например, от стран Латинской Америки или Среднего Востока на 93% инвестирован не в добывающей, а в обрабатывающей промышленности и торговле. И даже в той области, где его хищнический колонизаторский характер обычно сказывается в наиболее открытой форме — в области нефтепромышленности, ему удается замаскировать свою колонизаторскую сущность, поскольку в Индии непосредственно добычей нефти и,

следовательно, эксплуатацией ее источников до последнего времени он не занимался. Нефть для переработки завозится сюда монополиями США со Среднего Востока, главным образом из Кувейта[9].

До сих пор частный американский капитал в меньшей степени, чем английский, проявлял склонность к смешению с индийским капиталом. 80% прямых частных инвестиций американского капитала вложено в фирмы, зарегистрированные в США, и только 20%—в 25 американских компаний, зарегистрированных в Индии. Таким образом, степень «слияния» частного американского и индийского капиталов сравнительно невелика. Однако уже действуют две наиболее крупные индо-американские автомобилестроительные компании — «Бирла — Студебекер компани» и «Уолчанд—Хирачанд—Крайслер мотор хауз». На энергии Хиракудской гидроэлектростанции в скором времени приступит к работе индо-американская алюминиевая компания — «Индиан алюминиум компани» с проектной мощностью производства до 10 тыс. тонн алюминия в год.

Специфической чертой инвестиционной деятельности частных американских фирм в обрабатывающей промышленности Индии является увеличение числа сборочных предприятий. Строительство предприятий с незаконченным циклом производства увеличивает зависимость Индии от импорта запасных частей и истощает ее и без того ограниченные валютные ресурсы. Сборочные предприятия создают, с одной стороны, видимость активного участия частного американского капитала в «индустриализации» страны, а с другой — закрепляют зависимость важных отраслей индийской промышленности от американских поставок. Индия уже имеет печальный опыт быстрого демонтажа и вывоза автосборочных заводов фирм Форда и «Дженерал моторс», как только от них потребовали перехода на законченный цикл производства.

Хотя американские монополии постоянно жаловались на неподходящий «инвестиционный климат», их проникновение в экономику Индии не прекращалось. Оно продолжается и сейчас одновременно со стремлением к улучшению «климата». Не случайно видный чиновник департамента торговли США Форбс, обращаясь к инвесторам, заявлял: «По общему мнению правительственных кругов и делового мира, нынешнее развитие Индии предоставляет столь большие возможности, что было бы безумием для страны и ее деловых кругов проглядеть эти возможности. В Индии нет такой отрасли промышленности, которая не интересовала бы американский капитал»[10]. В Индии также имеются круги, проявляющие заинтересованность в более широком привлечении частного американского капитала. Наиболее реакционные представители этих кругов добиваются для этой цели изменения всего курса внутренней и внешней политики государства.

Так, председатель ассоциации индийских промышленников в Бомбее Десай приветствовал заявление Форбса и требовал от правительства уступок частному иностранному капиталу. «Весьма необходимо,— писал он,— чтобы правительство создало климат для частных иностранных инвестиций путем уменьшения налогообложения и, самое главное, путем

[9] О прибыльности этой операции можно судить по подсчетам, произведенным Экономической комиссией ООН для Европы: средняя ежедневная продуктивность нефтяной скважины в США в 1955 г. составляла 11,6, на Среднем Востоке — 5000, в Кувейте — 9000 баррелей. Чистая прибыль с каждого барреля нефти-сырца при среднемировой цене в 1,75 долл. составляет 1,40 долл., или 80%. Понятно, почему «Стандарт вакуум ойл К°» уже в первый год эксплуатации нефтеперерабатывающего завода в Бомбее извлекла 60% чистой прибыли на вложенный капитал. («Economic developments in the Middle East, 1955—1956», New York, 1957).

[10] «Commerce and industry», 2 August 1957.

наступательной, но полной достоинства рекламы (!), чтобы реализовать возможности, имеющиеся в нашей стране, таким странам, как США и Западная Германия...»[11]. Десай обращает внимание правительства на то, что применять в Индии частный иностранный капитал якобы выгоднее, чем иностранный государственный капитал. Частный иностранный капитал не требует, как он пишет, от индийского государства каких-либо заранее установленных процентов, и нет необходимости возвращать ему заем. Он развивает промышленность на свой страх и риск и не требует от государства какого-либо экономического напряжения.

Трудности реконструкции национальной экономики, нашедшие свое выражение в валютном кризисе, недостатке средств для финансирования капитального строительства, ухудшении продовольственного обеспечения страны и других процессах, усилили настойчивые попытки индийских монополий выйти из затруднений путем уступок иностранному капиталу.

Отзвуком такой позиции верхушечных реакционных слоев явилось заявление бывшего министра финансов Индии Т. Т. Кришнамачария во время его прошлогодней поездки в США, что внутренняя борьба, ведущаяся в Индии, является якобы борьбой против коммунизма и что причиной, способствовавшей приходу к власти коммунистов в штате Керала, был недостаток средств для целей развития государства. Позднее в одной из своих статей Кришнамачария писал: «В то время как внутренние и внешние ресурсы трудно мобилизовать даже для осуществления проектов высшего значения (например, строительства заводов искусственных удобрений), было бы близорукостью упускать возможность привлечения инвестиций частного капитала из-за доктринерских причин»[12].

Если принять во внимание, что в данном случае под «доктринерством» подразумеваются наиболее общие и жизненно важные принципы политики государства, то становится несомненным опасный характер концепции, скрывающейся за формулировкой о целесообразности отказа от «доктринерских причин» для привлечения частного иностранного капитала. Именно так расценила это, как и другие подобные заявления Кришнамачария[13], прогрессивная общественность Индии. Известно, что американские монополии требуют отказа от двух доктрин: во внешней политике — от доктрины борьбы за мир на основе принципов мирного сосуществования и антиколониализма; во внутренней экономической политике—от доктрины индустриализации страны и решающей роли государственного сектора в построении независимой экономики. Отказ от этих доктрин и был бы созданием той необходимой для деятельности монополий предпосылки, которая именуется ими «инвестиционным климатом». Особую активность в привлечении американского и западногерманского частного капитала в Индию проявляет видный монополист Г. Д. Бирла, совершивший в 1957 г. во главе специальной миссии длительный вояж по Европе и США для того, чтобы установить контакт с иностранными промышленниками, изучить возможность получения коммерческих кредитов и, как говорит Бирла, устранить сомнения и неправильные представления о «нашей» экономической политике.

Миссия Бирлы справедливо рассматривается прогрессивной печатью Индии как своеобразная попытка усиления влияния частного иностранного и, прежде всего, американского капитала в экономике Индии с по-

[11] «Commerce and industry», 2 August 1957.

[12] «The Economic review», September 1957.

[13] Впоследствии изобличенный в парламенте в неблаговидных финансовых сделках с одной из частных фирм, Кришнамачария вынужден был уйти в отставку с поста министра финансов.

мощью ее монополистических кругов. Отчет миссии Бирлы ставит экономическое развитие Индии в непосредственную зависимость от иностранного капитала. В нем прямо говорится, что «Индия не сможет развиваться без весьма крупных вложений иностранного капитала, в которых мы будем продолжать испытывать нужду еще по крайней мере в течение 25 лет»[14]. В отчете указывается, что главным источником иностранного капитала должны явиться США, в деловых кругах которых до последнего времени в отношении Индии преобладали «боязнь национализации», «сомнения в устойчивости и правильности экономической политики», «осуждение высокого налогового обложения частного капитала», которому якобы «не предоставлялось возможностей для развития»[15].

Практические предложения миссии Бирлы сводятся к тому, чтобы предстоящее экономическое развитие Индии и преодоление трудностей финансирования сопровождалось бы резким сокращением капитальных вложений в строительство школ, больниц, жилья при одновременном предоставлении льгот американскому капиталу. «Чтобы усилить свои позиции в области иностранной валюты,— заявляет Бирла,— мы должны привлечь иностранные инвестиции и кредиты таким способом, как это было сделано в Канаде, где все, тормозившее их привлечение, было устранено»[16]. Это откровенно колонизаторская программа превращения экономики независимой Индии в придаток американских монополий по канадскому образцу.

В противоположность Бирле и солидарным с ним представителям индийского монополистического капитала, прогрессивная общественность Индии считает необходимым всемерное укрепление государственного сектора. Она требует национализации собственности частных иностранных монополий. Однако национальная буржуазия на данном этапе не поддерживает этой меры.

Десай, Бирла и Кришнамачария не одиноки в правящем классе. Сторонники высказываемых ими воззрений имеются также в правящей партии. Отношение к частному иностранному капиталу в Индии все больше становится вопросом взаимоотношений классовых сил в стране. Наиболее прогрессивные круги делового мира, стремясь к укреплению экономической независимости, справедливо считают иностранные монополии своим основным конкурентом как на внутреннем, так и на внешнем рынках, несущим с собой характерные черты колониализма.

Конкурентная борьба основных стран капиталистического мира на рынке капиталов и товаров независимой Индии продолжает усиливаться. Выступая против колониализма, усиливая государственный контроль за деятельностью частного иностранного капитала, форсируя строительство предприятий государственного сектора и опираясь на поддержку, оказываемую странами социалистического лагеря, Индия может при известных условиях извлекать экономические выгоды из конкурентной борьбы частного и государственного иностранного капиталов. Рост взаимной конкуренции на рынке капиталов, в особенности на рынке капитального оборудования, является одним из важнейших экономических результатов распада колониальной экономической монополии империализма. Индия пользуется этим обстоятельством тем успешнее, чем шире она применяет принципы государственного капитализма в своих отношениях с частным иностранным капиталом.

---

[14] «Report of the Indian industrial delegation to the federation of Indian chambers of commerce and industry». New Delhi, 1958, p. 27.
[15] Там же, стр. 9—10.
[16] Там же, стр. 49.

* * *

Индустриализация Индии — фактор, который нельзя уже больше, а в известной мере и невыгодно ни по политическим, ни по экономическим соображениям, игнорировать ни капиталистическим государствам, ни монополистическому капиталу. Иностранный капитал пытается и будет пытаться активно использовать трудности Индии на пути индустриализации. Но его наиболее дальновидные представители начинают понимать, что традиционная антииндустриализаторская политика устарела и в конечном счете обречена на провал. Это ведет к известной перестройке поведения иностранного капитала.

Наибольший вывоз капитала из США в Индию осуществляется в форме займов правительства США индийскому правительству. Американские государственные деятели ориентируют государственный экспорт капитала из США в Индию отнюдь не безотносительно к тому, укрепляет ли он ее экономическую структуру или оставляет ее экономику «несбалансированной», т. е. зависимой от мирового капиталистического и, прежде всего, от американского рынка.

Для характеристики американской «помощи» в индустриализации Индии приведем сводную таблицу всех видов финансовых поступлений из США в Индию за период 1949г.—1 квартал 1958г. (9 лет) по линии правительства, Международного банка реконструкции и развития, Экспортно-импортного банка США и «Фонда экономического развития» (см. табл. 2).

Вывоз государственного капитала США в Индию, достигший более 4 млрд. рупий, осуществляется исключительно в товарной форме. До 1957 г. он носил в основном не производственный, а потребительский характер и был направлен на реализацию в Индии продовольственных излишков США.

Оценивая характер и условия предоставления Индии первых американских продовольственных займов и взносов по программе технической и экономической помощи, следует иметь в виду те исключительные условия, в которых находилась Индия в 1951—1952 гг. в результате неурожая и голода в ряде штатов. Зная, что продовольственные займы в этих условиях были для Индии крайне необходимы, США преднамеренно затягивали их предоставление. Так, условия первого займа 1951 г. почти пять месяцев обсуждались американским сенатом, потребовавшим от Индии поставок стратегического сырья — марганца и монацитовой руды для атомной промышленности, а также согласия на организацию смешанной компании по строительству завода ферро-марганца с преобладанием американского капитала и отправкой 80% продукции завода в США. Индия вынуждена была принять навязанные ей условия, несмотря на то, что они нарушали объявленное в Индии эмбарго на вывоз этих руд. Большие запродажи зерна и продовольствия Индии снижали давление запасов на внутреннем американском рынке, поддерживали уровень цен и уменьшали необходимость государственных субсидий фермерам. Получая по потребительским займам высокий процент (2,5%), пользуясь высокой стоимостью фрахта, США для достижения политического эффекта некоторые суммы, вырученные от продажи зерна, оставляли «безвозмездно» в распоряжении индийского правительства. Государственные займы и кредиты правительства США за период 1949—1957 гг. более чем в 9 раз превысили всю сумму частных инвестиций США в Индии. Государственный вывоз капитала США содействует прежде всего экспорту американских товаров в интересах монополий, о чем свидетельствует следующий документ сената США: «Почти каждый доллар кредита, предоставляемого нами заграницу, возвращается обратно для расходования в США,

Таблица 2

*Распределение финансовых поступлений из США (кроме экспорта частного капитала) в Индию с 1949 г. по 1 квартал 1958 г. по секторам и отраслям хозяйства (в млн. рупий)**

Займы и кредиты для закупок в США	Займы правительства США правительству Индии	Займы Международного банка реконструкции и развития		Займы Экспортно-импортного банка и Фонда экономического развития		Итого	
		государственному сектору	частному сектору	государственному сектору	частному сектору	государственному сектору	частному сектору
1. Оборудования и материалов для тяжелой индустрии	—	—	750	—	—	—	750
2. Оборудования и материалов для обрабатывающей, главным образом легкой, промышленности	—	—	—	—	750	—	750
3. Грузового и легкового автотранспорта и частей его для сборки	—	—	—	—	120	—	120
4. Подвижного состава, частей для сборки и материалов для жел.-дор. транспорта	—	575	—	190	—	765	—
5. Оборудования для горнорудной промышленности	—	110	—	—	—	110	—
6. Оборудования и материалов для энергетической промышленности	—	50	75	—	—	50	75
7. Оборудования и материалов для сельского хозяйства	—	35	—	—	—	35	—
8. Самолетов для гражданской авиации	—	25	—	—	—	25	—
9. Продовольствия и оплаты его перевозки	2275	—	—	—	—	2275	—
10. Оборудования и материалов «на нужды народного хозяйства»	—	225	—	—	—	225	—
11. Взносы по программе технической и экономической помощи (4-й пункт) **	1830	—	—	—	—	1830	—
12. Прочее	—	—	50	—	—	—	50
Итого:	4105	1020	875	190	870	5315	1745

* Источник: «Indo-American Technical Cooperation», 1952—1956; «Hindustan Standard», 10 апреля 1956 г., 15 декабря 1956 г.; «Statesman», 21 и 22 декабря 1956 г., 6 февраля 1957 г.; «Hindu», 21 февраля 1957 г.; «Indian express», 8 февраля 1957 г.; «Indian economics year book», 1957—1958, p. 212—213; «Commerce», 22 февраля 1958 г.

** Эти взносы США, по соглашению об индо-американском сотрудничестве, заключенному 5 января 1952 г., обеспечивают содержание в Индии американских технических специалистов, подготовку индийских специалистов в США, оплату контрактов по бурению скважин и поставку оборудования, не произ-

что содействует спросу в нашем собственном хозяйстве и противостоит спаду его или депрессии. Очень ценно показать американскому народу цель помощи иностранным государствам, показать, что она не зряшная трата» [17].

Но американская «помощь» Индии является не только выгодным для монополий США вывозом капитала за счет бюджета, и, следовательно, налогоплательщиков, но и попыткой США сомкнуться с частным индийским капиталом. В последнее время между Индией и США было достигнуто соглашение об организации специальной корпорации по финансированию частнокапиталистических промышленных предприятий Индии за счет средств, поступающих от продажи на рынках Индии пшеницы, предоставляемой США [18].

Американские монополии пытаются проникнуть в среднее и мелкое частнокапиталистическое предпринимательство Индии, которому до последнего времени США внимания не уделяли. Займы по 4-му пункту программы технической помощи имеют весьма специфические цели. Используются они только для закупок на рынке США, а товары распределяются через разветвленный аппарат, состоящий из сотрудников, командированных из США. Не следует недооценивать ни размеров, ни, особенно, целей этой «помощи». Целью предоставления ее является проникновение во все слои общества идеологии и практики «американского образа жизни» и организации борьбы с влиянием революционного национально-освободительного движения и социализма.

При оценке государственного вывоза капитала США в Индию решающим остается неоспоримый факт — США не участвуют в создании предприятий тяжелой индустрии и производства средств производства в Индии, и этот факт признается как в Индии, так и в самих США. «Едва ли удивительно, что в Индии распространена уверенность, что капиталистические страны, подобно США, не желают видеть Индию индустриальной страной»— таково весьма ценное признание М. Виндмиллера, сделанное им после длительного изучения этого вопроса непосредственно в самой Индии [19].

Особое значение имеют займы Международного банка реконструкции и развития. Миссия Международного банка реконструкции и развития во главе с его президентом, прибывшая в Индию в 1956 г., передала заявление президента Е. Блэка о том, что Международный банк реконструкции и развития будет при рассмотрении просьб Индии о кредите исходить из «экономических условий и перспектив и принимать во внимание экономическую политику, которую будет проводить правительство Индии» [20]. Это было по существу вмешательством во внутренние дела суверенного государства. В октябре 1956 г. Международный банк реконструкции и развития отказался предоставить заем государственному сектору Индии на нужды второго пятилетнего плана. Пытаясь оказать нажим на правительство Индии, Международный банк реконструкции и развития под гарантию правительства предоставил займы некоторым крупным частным индийским компаниям. Поскольку дело касалось металлургии и энергетики, кредит Международного банка реконструкции и развития в сумме 875 млн. рупий был предоставлен не государственному сектору, в пределах которого, как известно, развиваются основные отрасли тяжелой индустрии и энергетики, а исключительно индийским

[17] «Hearings before the committee on foreign relations. US Senate, 83rd Congress, 2nd session». Washington, 1954, p. 263.
[18] «Commerce and industry», 17 April 1957, p. 13.
[19] «Far Eastern survey», March 1956, p. 35.
[20] «Financial times», 12 сентября 1956 г.

монополистическим концернам, что само по себе весьма знаменатель
Такой характер кредитования, разумеется, не является случайность
Он заведомо обусловлен, с одной стороны, политикой саботажа США п
мощи индустриализации Индии, осуществляемой на государственн
основе, а с другой стороны — политикой предоставления такой помощ
от имени американских монополий через международные финансов
организации крупным частным индийским монополистам под гаранти
государства. Обращают на себя внимание условия, на которых пред
ставляется кредит Международным банком — от 3,5% (при покуп
Индией с/х машин в США) до 5% (при кредите на расширение предпри
тий «Индиан Айрон энд Стил К°»). Размер взимаемого процента, таки
образом, в два раза выше в сравнении с условиями кредита, предоставля
мого Советским Союзом, и выше средних мировых ставок учетног
процента. Займы Международного банка реконструкции и развити
обычно весьма обременительны даже для частного заемщика [21].

В нынешних условиях империалистам весьма трудно навязать Инди
кабальную финансовую зависимость и политические уступки в качест
условия финансовой помощи. Однако это отнюдь не означает, что эти
попыток больше не будет и что они заведомо во всех случаях обречен
на провал. Иностранные займы и субсидии принимаются Индией бе
каких-либо политических условий (предоставление баз, участие в агре
сивных блоках и т. д.), а это противоречит агрессивной политике ам
риканских монополий, ввиду чего попытки оказывать давление на Инди
закономерно вытекают из политических интересов и самой природы мон
полий США.

Из кредитов Международного банка государственному сектору Инди
должны быть отмечены суммы, предоставленные на реконструкцию же
лезных дорог, закупку подвижного состава, реконструкцию портов и н
развитие горнодобывающей и энергетической промышленности в долин
р. Дамодар в общей сумме 1020 млн. рупий. Железнодорожная сеть стра
ны, порты и энергетика, а также крупный промышленный комплек
строящийся в долине р. Дамодар, весьма интересуют американские мо
нополии. Не имея возможности установить прямой контроль над этим
узловыми объектами государственного капитального строительства, по
скольку оно ограждено индийским законодательством от проникновени
частного иностранного капитала, американские монополии усиленно про
никают в них через Международный банк реконструкции и развития.

После заграничной поездки Бирлы и Кришнамачария в начале 1958 г.
Индии был предоставлен значительный заем Экспортно-импортным бан
ком США и кредит Фондом экономического развития на общую сумму
1060 млн. рупий. За исключением 190 млн. рупий, предоставленных
для закупки в США частей и металлоконструкций для сборки из них
в Индии вагонов и паровозов,— почти вся сумма займа была предна
значена для «поощрения» в Индии частного предпринимательства [22].

---

[21] Первый заем Международного банка реконструкции и развития компании Тата (соглашение о котором было подписано 26 июня 1956 г.) предусматривал обязательство покупки товаров только в США, отчисление 0,75% с суммы займа (или 5,6 млн. долл.) на административные расходы заимодавца, предоставлял ему право контроля за планами, спецификациями, графиками и финансовым положением компании, а также право инспекции и получения любой информации. В июне 1956 г. в Джамшедпур, где находится сталелитейный завод Тата, на основании соглашения прибыло 400 американских инженеров. Последующие займы, предоставленные компаниям Тата и «Индиан Айрон энд Стил», воспроизвели примерно эти же условия.

[22] «Отличительной чертой соглашения об обоих займах является то, что значительная часть кредитов предоставляется для выполнения проектов частного сектора»,— писала 6 марта 1958 г. газета «Хиндустан таймс».

На эти кредиты Индия обязывается закупить в США грузовики, автобусы, автомобили, оборудование для модернизации частной цементной, джутовой, угольной, горнорудной, текстильной и некоторых других отраслей промышленности. Этот заем наглядно продемонстрировал, что если интересы Индии требуют первоочередного развития металлообрабатывающей, энергетической и машиностроительной промышленности, то США, предоставляя Индии кредит, не способствуют подлинной индустриализации Индии на государственной основе.

В течение последних 9—10 лет из числа капиталистических стран США выделились как основной кредитор Индии. Вывоз государственного капитала вместе с займами и кредитами Международного банка реконструкции и развития и Экспортно-импортного банка составил свыше 7 млрд. рупий, а вместе с частными инвестициями — 7,5 млрд. рупий, что почти в два раза выше совокупных вложений Англии. 60% всей суммы займов (4,1 млрд. рупий), поступивших в распоряжение индийского государства, направлялись главным образом на удовлетворение потребительских нужд, ввиду чего существенного значения в индустриализации страны не имели. Представители индийской прогрессивной общественности справедливо считают, что эти займы, лишенные крупного производственного значения, усиливают экономическую зависимость страны. Займы Международного банка реконструкции и развития, Экспортно-импортного банка и Фонда экономического развития, достигшие 2,9 млрд. рупий, на 60% предоставлены главным образом индийскому крупному монополистическому капиталу и потому не содействуют политике индустриализации на государственной основе. Остальные суммы займов международных финансовых организаций, составляющие 1,2 млрд. рупий, поступившие в распоряжение индийского государства, на 50% направлены на закупку в США средств железнодорожного транспорта и другого эксплуатационного оборудования. Ни в одном случае эти средства не предоставляются кредитором для создания государственных предприятий или отраслей производства, способных производить средства производства и тем самым укреплять экономическую независимость Индии. Как бы ни расхваливали пропагандисты США оказываемую Индии «помощь», они не могут опровергнуть того бесспорного факта, что опыт последнего десятилетия показывает ее антииндустриализаторский характер и глубоко отрицательное отношение к развитию государственного сектора. Вот почему эта «помощь» носит неоколониалистский характер.

Абсолютное преобладание государственного вывоза капитала над частным, а в последнем — прямых вложений над косвенными — важнейшая черта послевоенной инвестиционной политики США в Индии.

«Помощь» США и международных финансовых организаций оказывается Индии на основе специальных двухсторонних соглашений и заключения контрактов по каждому ассигнованию в отдельности на тот или иной конкретный проект развития. В конечном счете при антииндустриализаторской политике США именно этот порядок «помощи» и предоставляет им возможность прямого или косвенного воздействия на экономику Индии. Именно в нем и заложен механизм отбора тех объектов помощи, участие в которых является политически и экономически выгодным для США с точки зрения последовательного проведения курса на усиление зависимости индийской экономики от американских монополий.

В последнее время в государственных и монополистических кругах США дебатируется проблема дальнейшей финансовой помощи слаборазвитым странам вообще и, в особенности, Индии. Все громче раздаются голоса, выступающие за пересмотр прежнего курса игнорирования роли государства в индийской экономике и за признание возможности финанси-

рования некоторых проектов государственного транспортно-энергетического строительства в Индии, что должно содействовать прокладыванию путей для частного американского капитала. Уже указанные выше последние займы Международного банка реконструкции и развития и Экспортно-импортного банка в известной мере отразили эти новые веяния. Железнодорожное строительство, строительство портов и шоссейных дорог, электростанций и разработка угольных месторождений по линии государственного сектора все больше становятся предметом внимания американских монополий. В какой мере эти новые веяния в политике США проявят себя в дальнейшем и насколько они распространятся на отрасли тяжелой промышленности, покажет будущее. Одно несомненно, что США, известным образом корректируя курс своей политики в отношении экономического развития Индии, одновременно оказывают на последнюю растущее давление в целях ослабления ограничений для деятельности в Индии частного иностранного капитала. Министерство торговли США в специальной записке, посвященной анализу причин, по которым американские монополии «проявляют колебания во вложении капиталов в Индии», выставило недавно девять основных требований, удовлетворение которых считается необходимым для того, чтобы, пользуясь пресловутым предложением Бирлы «канадизировать» условия притока американского капитала в Индию, снять для него все и всяческие ограничения.

Вот эти требования[23]:

1. Налоги в Индии остаются в настоящее время «одними из наивысших в мире... что сдерживает приток нового капитала». Налоги должны быть «либерализированы».

2. Требование об обязательном вложении 50% резервных сумм компании в Резервный банк Индии «вредно воздействует на деятельность американских компаний и затрудняет приток нового капитала». Оно должно быть отменено.

3. «Закон о компаниях» должен быть пересмотрен, ибо «потенциальный инвестор не знает, до какой степени дойдет правительственный контроль за его деятельностью...».

4. Необходимо «более либеральное отношение к уровню» арендной платы за пользование землей для разработки недр, а также отчислений и пошлин, взимаемых за предоставление лицензий на основание предприятий.

5. Необходимо освобождение иностранных специалистов от уплаты подоходного налога.

6. «Потенциальные инвесторы требуют упрощения существующего административного законодательства и избавления от обременительных трудовых законов».

7. Отмена недавно принятой четвертой поправки к конституции Индии, согласно которой компенсация за национализированную собственность во всех случаях определяется только законодательным образом и не может быть оспорена в судебном порядке. Должна быть принята «конституционная охрана прав собственности, существующая в настоящее время в США и других странах».

8. Заключение договора о дружбе, торговле и мореплавании.

9. Инвесторам должны быть предоставлены гарантии, что в таких вопросах, как импорт сырья, пользование транспортом и рыночные условия, частный капитал будет поставлен в одинаковые условия с государственным сектором.

[23] «Report of the Indian industrial delegation to the Federation of Indian chambers of commerce and industry». New Delhi, 1958 (Appendix I), p. 4–5.

* * *

Природа американской «помощи» органически связана с политикой «холодной войны» и антикоммунизма. Авторы работы «Американская иностранная помощь» В. Браун и Р. Опи писали, что эта помощь «влечет за собой использование народных средств на финансирование продажи за границу товаров и оказание услуг, как средство достижения определенных целей внешней политики [24].

Народные массы Индии считают единственно правильным путем к укреплению независимости путь индустриализации и борьбы против засилия иностранного капитала. В связи с этим идеологи США пропагандируют в Индии «исключительность» американского пути развития, пытаются доказать, что никогда и нигде «США не вели себя как империалистическая держава» [25]. Вывеску «свободного», «народного», «планируемого» и «управляемого» капитализма широко используют и американские монополии, ведущие борьбу за проникновение в Индию. Пресловутый тезис об «изменении природы современного капитализма» становится главным орудием идеологической борьбы монополий США, пытающихся привлечь на свою сторону некоторые слои национальной буржуазии и буржуазной интеллигенции в Индии. С точки зрения некоторых недальновидных представителей индийских правящих кругов современный вывоз государственного американского капитала в Индию есть не что иное, как государственная помощь экономически более развитой страны менее развитой. В то же время идеологи американского империализма, отлично понимая истинный характер финансовой помощи Индии, считают, что США должны всячески маскировать побудительные мотивы ее предоставления. Не случайно Р. Блоджет — профессор экономики университета во Флориде — настоятельно советует американским политикам избегать всего, что вызывает воспоминания о колониализме и рекомендует «освободить» займы и инвестиции США насколько возможно от клейма империализма [26].

В периоды экономических затруднений, вызывающих известные колебания в среде национальной буржуазии и отдельных представителей правящих групп, все сильнее овладевает народами Индии сознание необходимости любой ценой создать собственную тяжелую индустрию. В этом именно они видят гарантию сохранения себя как великой нации, как суверенного и миролюбивого государства. Объясняя широким народным массам причины переживаемых страной экономических затруднений, Дж. Неру говорил:

«В основу плана мы кладем тяжелую промышленность. Мы должны, если хотим выжить, построить ее в течение следующих десяти лет. В конце концов без тяжелой промышленности мы не выживем как нация. Без нее мы не сможем сохранить независимость, мы станем страной, в худшем виде зависимой. Я также думаю, что мы не сможем поднять жизненный уровень до тех пор, пока мы не будем иметь тяжелую промышленность» [27].

Этот курс полностью одобряется народами Индии.

[24] *W. A. Brown* and *R. Opie*. American foreign assistance. Washington, 1954, p. 1.
[25] «The political economy of American foreign policy». New York, 1955, p. 364.
[26] *R. Blodget*. Our expanding economy. New York, 1955, p. 860.
[27] «The Economic review», I April 1957, p. 12.

SUMMARY

As shown in the article, American financial «aid» is opposed to India's real industrialization. The USA is unfavourably disposed towards the development of the state sector in Indian industry. In the past decade American loans have been designated mainly for consumption purposes; far from weakening India's economic dependance, they are pregnant with the danger of neocolonialism. Loans advanced by international finance organizations assist big Indian monopoly capital, and they likewise work against the country's industrialization along the lines of state-owned enterprises. Private American capital veils its colonialist nature by displaying a special interest in investments into the manufacturing industries (oil refining).

ЭКСПАНСИЯ ЗАПАДНОГЕРМАНСКИХ МОНОПОЛИЙ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

Б. И. ПОТАПОВСКИЙ

Германский империализм, возрожденный после второй мировой войны с помощью западных держав, проводит активную экспансионистскую политику на многих рынках мира. Он представляет собой серьезную угрозу не только для английских и французских, но и для американских монополий. С исключительной настойчивостью монополистические концерны ФРГ в послевоенные годы устремились в страны Ближнего и Среднего Востока.

В 1952/53 г. объем внешней торговли Западной Германии с этими странами уже значительно превзошел довоенный уровень и в последующие годы продолжал увеличиваться. Если в 1950 г. он выразился в сумме 407,5 млн. марок, то в 1955 г. он достиг уже 1 563,5 млн. марок [1]. Таких быстрых темпов роста внешняя торговля ФРГ не имела в послевоенные годы ни на одном из рынков.

Выражая тревогу по поводу активности ФРГ в этом районе, английская газета «Таймс» писала 4 апреля 1956 г.: «Ни в какой другой части мира восстановление позиций Западной Германии не является столь очевидным, как на Среднем Востоке».

С такими странами, как Турция, Иран и Египет, Германия имела широкие торговые связи еще до второй мировой войны. В 1936 г. на долю этих стран приходилось 83% германского экспорта на Ближний и Средний Восток. В 1954 г. при значительном росте внешнеторгового товарооборота доля экспорта в эти страны снизилась до 56%. Рост внешней торговли Западной Германии с Ближним и Средним Востоком в послевоенные годы происходит за счет проникновения на рынки тех стран, куда в прошлом доступ немецким монополиям был закрыт, так как здесь господствовали, главным образом, английские и, в меньшей степени, французские колонизаторы. Уже в 1955 г. экспорт Западной Германии в Ирак выразился в сумме 85 млн. марок, в Сирию — 86 млн. марок, в Ливан — 72 млн. марок [2].

Экспансионистский характер внешней торговли Западной Германии находит свое выражение и в систематическом превышении вывоза в страны Ближнего и Среднего Востока над ввозом оттуда. Западногерманские монополии используют активное сальдо торгового баланса со странами Ближнего и Среднего Востока для экспорта капитала, создания новых

[1] «Deutsches Wirtschaftsinstitut», 1956, Bericht 15/16, S. 10.
[2] Там же, S. 11.

и расширения своих старых филиалов в этих странах. Становясь должниками, эти страны вынуждены обращаться к Западной Германии за кредитами. Немецкие монополии и крупные банки обуславливают предоставление кредитов требованием использования их для закупки товаров в Западной Германии. С другой стороны, монополии ФРГ крайне заинтересованы в увеличении импорта сырья из стран Ближнего и Среднего Востока. В 1954 г. в импорте ФРГ важнейших видов промышленного сырья ввоз с Ближнего и Среднего Востока составил: нефтепродуктов — 87,5%, хромовой руды — 60%, медной руды — 36,8%, хлопка — 21,7%[3].

Тесно переплетаясь с внешнеторговой экспансией, вывоз капитала достиг крупных размеров. Экспорт западногерманского капитала, особенно в Турцию, Иран, Египет и Израиль, осуществляется главным образом в форме частных инвестиций как по официальным лицензиям, так и в форме кредитования поставок промышленного оборудования и создания смешанных компаний. Суммы скрытого вывоза капитала намного превышают суммы, приводимые статистикой. По официальным статистическим данным за 1952 — 1956 гг. в Турции было вложено 17,7 млн. марок, в Египте 19,7 млн. марок. Однако только в течение 1954 и 1955 гг. около 30 западногерманских фирм открыли свои филиалы или приняли участие в создании компаний в Турции с общей суммой прямых капиталовложений свыше 34 млн. марок. Эта сумма в два раза больше, чем указано в официальных данных [4].

* * *

Западногерманские монополии после второй мировой войны весьма активно осуществляют свою экспансию в Турции. О том, какое значение придают они этой стране, свидетельствует тот факт, что только в 1957 г. ее посетили президент ФРГ Хейс, канцлер Аденауэр, министр иностранных дел фон Брентано, военный министр Штраус, министр путей сообщения Зеебом, промышленный магнат Крупп и другие; в свою очередь официальные и неофициальные деятели Турции часто навещают Бонн.

В ожесточенной конкурентной борьбе на турецком рынке западногерманские концерны сильно потеснили Англию. В 1948 г. импорт Турции из ФРГ составлял 5,6 млн. турецких лир, а импорт из Англии — 183,3 млн. турецких лир. Но уже в 1955 г., т. е. через 7 лет, Западная Германия поставила в Турцию товаров на 244,7 млн. турецких лир, а Англия — лишь на 109,3 млн. турецких лир [5].

Начиная с 1951 г., торговля с ФРГ из года в год создает большой дефицит в платежном балансе Турции. Этот дефицит покрывается предоставляемыми ФРГ Турции займами для платежей за оборудование, которое поставляется из ФРГ смешанным турецко-западногерманским предприятиям.

Преемники «Немецкого банка» — «Рейн-Вестфалише банк» (Дюссельдорф), «Норддейче банк» (Гамбург) и «Зюддейче банк» (Мюнхен) — открыли в Стамбуле отделение, через которое осуществляются операции германских монополий в Турции. Во главе этого отделения был поставлен Э. Гольденберг, в прошлом являвшийся на протяжении многих лет директором филиала «Немецкого банка» в

[3] Там же, стр. 12.
[4] «Investment in Turkey. U. S. Department of Commerce». Washington, 1956, p. 177—179.
[5] «National-Zeitung», 20 октября 1957 г.

Стамбуле и занимавший до недавнего времени пост генерального директора «Тюркие креди банкасы» (кредитный банк Турции) [6].

Таблица 1

Динамика развития внешней торговли Турции с ФРГ после второй мировой войны (в млн. турецких лир) *

Годы	Импорт	Экспорт	Сальдо
1949	31,8	111,9	+80,1
1950	140,7	155,9	+15,2
1951	265,7	234,3	—31,4
1952	388,6	240,7	—147,9
1953	311,1	170,1	—141,0
1954	232,1	167,4	—64,7
1955	244,7	137,6	—107,1
1956	269,0	142,1	—126,9
1957 **	111,4	72,7	—38,7

* Источник: «Dış ticaret. Yıllık istatistik 1956». Ankara, 1957, s. XXV—XXI; «Hürriyet», 12 ноября 1957 г.
** 1957 г. — 9 мес. (январь — сентябрь)

Особую заинтересованность западногерманские монополии проявляют во вложениях капиталов в горнодобывающую и имеющую большое будущее нефтяную промышленность Турции. Так, фирма «Дейлманн», за которой стоят самые крупные немецкие банки, в 1954 г. добилась нефтяной концессии в районе Фракии в европейской части Турции. В 1957 г. немецкий нефтяной концерн «Дейче Эрдоль К°» получил концессию на разведку нефти в восьми нефтеносных районах общей площадью в 390 тыс. га. Три участка концессии находятся близ месторождений Рамандаг и Гарзан, разрабатываемых турецкой нефтяной компанией. Остальные пять участков расположены к югу от города Диярбакыр, по соседству с территорией другой нефтяной концессии этого же концерна в Сирии [7]. Несмотря на то, что эти концессии разделены государственными границами, «Дейче Эрдоль К°» намеревается объединить их в одно предприятие [8].

В 1955 г. в Анкаре было создано смешанное турецко-германское акционерное общество по разведке и добыче руд с капиталом в 1 млн. турецких лир. С турецкой стороны в этом обществе представлены Сюмер банк, Деловой Банк, Этибанк и Ипотечный банк; с западногерманской — концерн Круппа. Свою часть акционерного капитала Крупп обязался покрыть поставками оборудования [9]. В конце 1956 г. стало известно о подписании концерном Круппа соглашения с Этибанком о создании германо-турецкого общества по добыче вольфрамовой руды в районе Улу-Дага [10].

Вообще интересы Круппа в Турции весьма многообразны. Большие работы осуществляет концерн Круппа по реконструкции металлургического завода в Карабюке, на которую он предоставил кредит в сумме 12 млн. турецких лир [11].

Во время своей поездки в Турцию весной 1957 г. Крупп вел переговоры о строительстве железной дороги, соединяющей Турцию с Ираном,

[6] «Handelsblatt», 26 июля 1954 г.
[7] «West-Ost Wirtschaftsdienst», VI. Jahrg., N 41, 24 Oktober 1957, S. 10.
[8] «National-Zeitung», 20 октября 1957 г.
[9] «Deutsches Wirtschaftsinstitut», 1956, Bericht 15/16, S. 23.
[10] «Reuter trade service», December 28, 1956.
[11] «Istanbul», 10 июня 1956 г.

о сооружении сталелитейного и цементных заводов и других предприятий. Английская газета «Файнэншл таймс» отмечала, что Крупп ставил вопрос об увеличении в Турции добычи дефицитного сырья, необходимого ФРГ, а также о строительстве завода по производству боеприпасов [12]. Осенью 1957 г. Крупп заключил соглашение на поставку в Турцию паровозов и оборудования в обмен на 50 тыс. тонн хромовой руды.

Не меньшую активность проявляют в Турции и другие западногерманские монополии.

В 1957 г. западногерманский финансовый капитал начал проникать и в сельское хозяйство Турции. По инициативе ФРГ турецкое правительство приняло в 1957 г. закон о создании образцовых немецко-турецких имений [13]. Эти имения будут снабжены немецкими машинами и будут управляться немецкими специалистами. Германо-турецкие имения освобождаются от уплаты налогов, в том числе и от уплаты налогов и таможенных сборов за ввозимые из ФРГ сельскохозяйственные машины. Первое такое германо-турецкое «образцовое» имение было создано в прошлом году [14].

Беседуя с журналистами во время своего последнего визита в Турцию, Крупп откровенно заявил, что он желает, чтобы Турция пошла по пути все более широкого удовлетворения возрастающих потребностей Западной Германии в продуктах сельского хозяйства и в минеральном сырье.

После заключения парижских соглашений в 1955 г., когда ФРГ была включена в Западноевропейский союз и в НАТО и открыто приступила к формированию бундесвера, политические и военные связи между Турцией и ФРГ стали еще более тесными. Немецкая демократическая печать отмечает, что со времени визита осенью 1955 г. в Турцию бывшего военного министра ФРГ Бланка можно говорить о политической, военной и экономической оси Бонн — Анкара. Военный министр ФРГ Штраус в 1957 г. вел переговоры с турецким правительством и с генеральным штабом. Результатом переговоров явилось соглашение о поставках Турцией для западногерманской армии боеприпасов на сумму 741 млн. марок, что должно еще крепче приковать Турцию к НАТО [15], в которой все большая роль отводится боннским реваншистам.

* * *

Расширения и упрочения своих позиций западногерманские монополии добились и на рынках Ирана. Если в 1947/48 г. Западная Германия по удельному весу в иранском импорте занимала последнее место (0,14%), то уже в 1952 г. она вышла на второе место, уступив лишь США и оставив далеко позади Англию. В иранском экспорте в 1952 г. она заняла первое место [16].

Газета «Дад» отмечала, что немцы проводят в Иране такую же торговую политику, какую они вели до войны, продавая товары на иранском рынке по более дешевым, чем другие страны, ценам [17]. Ту же мысль подчеркивала 5 января 1957 г. «Нью-Йорк Таймс»: «Немцы предлагают такие цены и кредиты, с помощью которых они добиваются захвата большей части иранского рынка».

Торговые и платежные соглашения между ФРГ и Ираном, в соответ-

[12] «Financial times», 17 мая 1957 г.
[13] «Resmi gazete», 14 мая 1957 г.
[14] «Zafer», 16 сентября 1957 г.
[15] «National-Zeitung», 20 октября 1957 г.
[16] «Внешняя торговля», 1954, № 3, стр. 41.
[17] «داد» («Дад»), 9 ноября 1954 г.

ствии с которыми Западная Германия поставляет в Иран машины, станки и другое оборудование в широком ассортименте, были заключены еще в 1952 г. [18].

Внешняя торговля с Германией имеет постоянно дефицитный для Ирана баланс. Экспорт ФРГ в Иран почти в два раза превосходит импорт [19]. И поэтому наряду с ростом иранско-западногерманского товарооборота быстро растет задолженность Ирана Западной Германии. По данным западногерманской таможенной статистики, в 1954 г. превышение экспорта ФРГ в Иран (43,9 млн. долл.) над импортом из Ирана (19 млн. долл.) составило 24,9 млн. долл. или около 2 млрд. риалов [20]. Дефицит Ирана по торговле с ФРГ за два последующих года выразился в сумме почти 5,6 млрд. риалов [21].

Проникновение западногерманского капитала в экономику Ирана происходит многообразными путями. Ряд западногерманских фирм ведет строительство в Иране цементных, сахарных и других предприятий. Так, компания «Машинен фабрик Буккау», действующая в Иране уже свыше 50 лет, заключила контракт на строительство нескольких сахарных заводов. Крупные работы выполняет в стране проектная фирма Кокс. Эта фирма в Иране действует совместно с проектными организациями США и Франции и ведет проектные работы по многим объектам промышленного и гражданского строительства в северо-восточной части страны [22]. В результате острой конкурентной борьбы с английскими, американскими, японскими, бельгийскими и шведскими фирмами электротехнический концерн «Сименс» добился подряда на сооружение в Иране телефонной сети на 180 тыс. абонентов, общей стоимостью работ в 25—30 млн. долл. [23]. Автомобильная фирма «Даймлер-Бенц» недавно получила заказ на поставку Ирану 750 автобусов общей стоимостью 4 млн. ф. ст. [24]. В 1957 г. в Тегеране был открыт крупный универмаг «Акционерное общество Фирдоуси» с капиталом в 100 млн. риалов. Под этим иранским названием скрывается филиал крупного немецкого концерна.

Однако больше всего западногерманские монополии интересуют богатства недр Ирана. Но несмотря на их настойчивое стремление, им не удалось пока присоединиться к американо-английским компаниям, эксплуатирующим иранскую нефть. В добыче руд и цветных металлов особую активность проявляет концерн Круппа, участвовавший в создании смешанной германо-иранской компании по добыче меди, свинца и железа в районах Хорасана (Сабзевар). Ведется подготовка к открытию западногерманской морской линии для транспортировки руды из Ирана. На острове Кешм проектируется построить порт общей стоимостью работ в 10 млн. марок. Летом 1957 г. Иран посетила делегация немецких промышленников и специалистов, которая вела переговоры об эксплуатации богатых залежей высококачественных углей в районе Кермана (предположительно 1 млрд. тонн), а также других полезных ископаемых остана Керман. После визита Аденауэра Иран посетила экономическая миссия ФРГ с целью изучения путей «оказания» Ирану экономической и технической помощи. В беседе с представителем иранской печати глава делегации Кюн заявил, что капиталисты Западной Германии весьма заинтересованы в

[18] «Wirtschaft und Aussenhandel der Länder des Nähen Ostens». Darmstadt, 1955.
[19] «Die Wirtschaft», 13 апреля 1957 г.
[20] «Экономическое положение капиталистических стран в 1954 г.» М., 1955, стр. 398.
[21] См. «بازرگانی و اقتصاد» («Базаргани ва эктесад»), 1956, № 3 и 1957, № 3—4.
[22] «Handelsblatt», 15 июня 1956 г.
[23] «West-Ost Wirtschaftsdienst,» 5 Oktober, 1957.
[24] Там же.

том, чтобы вложить свои капиталы в эксплуатацию нефтяных источников и других полезных ископаемых Ирана [25]. Посланец германских монополий дал понять, что они будут добиваться увеличения вывоза из Ирана дефицитного стратегического сырья, используя для этого смешанные компании.

В своей экспансии в Иране монополии ФРГ опираются на старые связи и кадры. Так, послом ФРГ в Иране был назначен бывший консультант Иранского национального банка, имевший 10-летний опыт работы в этой стране [26]. В 1952 г. была восстановлена Германо-иранская торговая палата, через которую около тысячи западногерманских предпринимателей поддерживали коммерческие связи с Ираном[27]. Западногерманские специалисты работают в Иране в области геологии, в сельском хозяйстве, в почтово-телеграфной связи, в высших учебных заведениях и т. д.

* * *

Интенсивную деятельность развернули западногерманские монополии в Афганистане. Немецкие фирмы ведут в этой стране большие строительные работы. Фирма «И. Бергер» при участии других западногерманских компаний в 1954 г. заключила контракт на строительство дорог, ирригационных сооружений и небольших предприятий на севере страны. 200 немецких технических специалистов осуществляли руководство этими работами. Фирма Кокс в 1953 г. получила заказ на проектирование цементного завода мощностью 100 тонн цемента в сутки.

Неуклонно растет экспорт оборудования из ФРГ в Афганистан. Так, если в 1953 г. он составил 7,8 млн. марок, то в 1955 г. достиг 12,7 млн. марок. В 1956 г. западногерманский экспорт в Афганистан увеличился в два раза по сравнению с предшествующим годом. Официальные делегации ФРГ, а также представители деловых кругов усиленно посещают Афганистан, добиваясь заключения новых выгодных соглашений.

В феврале 1958 г. заключено новое соглашение между Афганистаном и ФРГ о товарообороте, взаимных расчетах и технико-экономическом сотрудничестве.

* * *

С большой активностью устремился западногерманский монополистический капитал в Египет, где он добивается упрочения своих позиций за счет вытеснения Англии.

В январе 1955 г. преемники Дрезденского банка — банки «Гамбургер кредит банк», «Рейн-Майнбанк» и «Рейн-Рурбанк» открыли в Каире свое ближневосточное представительство во главе с Хойсгеном, бывшим до этого директором «Рейн-Рурбанка». «С учреждением этого представительства,— писала издающаяся во Франкфурте-на-Майне газета «Виртшафтсшпигель» в номере от 23 января 1955 г.,— преемники Дрезденского банка, до войны имевшего в Египте свои филиалы, начинают свою деятельность в новой форме». Активную деятельность развернула в Каире и западногерманско-египетская торговая палата.

Торговля ФРГ с Египтом приносит последнему растущий дефицит. Западная Германия старается как можно шире использовать экономические связи с Египтом для продвижения своих товаров в арабские и другие страны Востока. С целью рекламы западногерманской продукции в Каире в апреле 1957 г. была устроена промышленная выставка ФРГ, в которой участвовало более 400 крупнейших немецких фирм.

[25] «کیهان» («Кейхан»), 26 августа 1957 г.
[26] «Deutsches Wirtschaftsinstitut», 1956, Bericht 15/16, S. 24.
[27] «Nürnberger Nachrichten», 23 апреля 1954 г.

Таблица 2

Внешняя торговля Египта с ФРГ
(в млн. египетских фунтов) *

Годы	Импорт из ФРГ	Экспорт в ФРГ	Превышение импорта над экспортом
1954	17,8	11,5	6,3
1955	19,2	8,0	11,2
1956	21,0	6,8	14,2

* Источник: «Die Weltwirtschaft», Institut für Weltwirtschaft an der Universität Kiel, Dezember 1957, Hft. 2, S. 84.

Западногерманские монополии упорно стремятся проникнуть в создаваемые в ОАР металлургическую, химическую, нефтяную и горнодобывающую отрасли промышленности. В Хелуане (в 36 км от Каира) заканчивается строительство первой очереди металлургического комбината, осуществляемое концерном «Демаг», поставившим и большую часть оборудования. Его капиталовложения в этот завод составляют 19 млн. ф. ст. или 20% всей стоимости строительства. Завод рассчитан на выпуск 265 тыс. тонн чугуна и 220 тыс. тонн проката в год (причем в дальнейшем мощность предприятия может быть удвоена). Концерн «Демаг» подготавливает также около 50 инженеров-египтян для работы на нем [28].

В районе Ассуана несколько немецких фирм участвует в строительстве завода по производству искусственных удобрений мощностью 370 тыс. тонн в год. Большие работы ведут в Египте электротехнические концерны «АЭГ», «Сименс» и другие, строящие в районе Каира электростанцию мощностью в 150 тыс. квт стоимостью в 50 млн. марок. Фирма «Броун-Бовери» сооружает высоковольтную линию электропередачи протяженностью в 172 км; фирма «Клекнер» поставляет оборудование для электрифицируемой железной дороги; фирма «Даймлер-Бенц» строит в Александрии автосборочный завод производительностью 2500 автомашин в год.

В апреле 1958 г. ФРГ и ОАР договорились об увеличении числа посылаемых в ОАР западногерманских специалистов и создании самых благоприятных условий для предоставления западногерманскими экспортерами кредитов ОАР.

* * *

В довоенные годы германский финансовый капитал почти не имел доступа в арабские страны, богатые нефтью. Ныне же западногерманские монополии постепенно проникают в этот район, в ряде случаев одерживая верх над своими империалистическими соперниками. Наибольших успехов они добились в Ираке. Фирма «Хохтиф А. Г.» ведет там строительство двух электростанций. Концерн Круппа принимает участие в сооружении портов, цементных заводов и других объектов. Фирма «Зальцгиттер индустрибау» в 1956 г. начала строительство первого в Ираке сахарного завода производительностью 35 тыс. тонн сахара в год. К на-

[28] «Handelsblatt», 29 июня 1955 г.; «Times», 14 ноября 1957 г.

чалу 1956 г. общая сумма контрактов, заключенных западногерманскими фирмами на строительство в Ираке и поставку туда оборудования, составляла 300 млн. марок [29].

Соглашение об экономическом сотрудничестве между ФРГ и Ливаном предусматривает поставку западногерманского промышленного оборудования и сельскохозяйственных машин в Ливан, участие ФРГ в создании промышленных, сельскохозяйственных и транспортных предприятий в этой стране. В конце 1955 г. ФРГ создала в Бейруте Бюро планирования и исследований, задачей которого является консультирование западногерманских фирм, выразивших желание вкладывать свои капиталы в Ливане. Бюро оказывает также услуги ливанскому правительству и частным фирмам Ливана, консультируя их по различным проектам и помогая им устанавливать контакты с немецкими фирмами. Ряд западногерманских компаний уже ведет строительство в Ливане. «Мерседес-Бенц» строит авторемонтный завод. В 1957 г. концерн «Сименс» получил подряд на строительство близ Бейрута мощной радиостанции стоимостью около 11 млн. марок [30].

Расширяются связи между ФРГ и Саудовской Аравией. Экспорт оборудования из Западной Германии в Саудовскую Аравию с 1953 г. по 1955 г. увеличился почти в 4 раза. В 1957 г. фирма «Мерседес-Бенц» получила большой заказ на поставку специальных и легковых автомашин [31]. «Телефункен» ведет строительство в городах Эр-Рияд и Джидда двух крупных радиостанций. В Йемене фирма «Дейльман» получила концессию на разведку нефти на территории в 12 тыс. га. Фирма «Гутехофнунгсхютте» поставляет оборудование для морских нефтепромыслов в Кувейте. Концерн «Демаг» добился в Иордании участия в строительстве предприятий, сырьем для которых служат марганцевые руды. С этой целью создана смешанная Иордано-западногерманская компания [32].

* * *

Самые тесные отношения существуют между ФРГ и государством Израиль. В 1952 г. ФРГ заключила с Израилем соглашение о возмещении ущерба, нанесенного гитлеровской Германией еврейскому населению. Западногерманская печать отмечала, что соглашение было заключено по прямому указанию США [33]. В марте 1953 г. это соглашение было ратифицировано сторонами и таким образом вступило в силу. Соглашение предусматривает выплату Западной Германией Израилю 3 450 млн. марок (821 млн. долл.) в течение 12 лет. Выплата производится как в стерлинговой валюте, так и путем поставок черных металлов, станков, автомобилей, судов, электротехнических изделий и других товаров.

По официальным израильским данным, платежи ФРГ Израилю по этому соглашению на 31 марта 1957 г. составили 304 млн. долл.

Экономические связи ФРГ с Израилем в последние годы все более расширяются. О масштабах западногерманского экспорта в Израиль свидетельствует тот факт, что в эту страну идет 10% всего вывоза продукции сталелитейной промышленности Западной Германии [34].

Весьма характерно, что Бонн активно поддерживает политику израильских экстремистов и помогает им в осуществлении их агрессивной, милита-

[29] «Finanzarchiv», 27 февраля 1956 г.
[30] «Die Welt», 6 августа 1957 г.
[31] «West-Ost Wirtschaftsdienst», VI Jahrg. N 3940, 18 Oktober. 1957, S. 8.
[32] «Financial times», 13 декабря 1955 г.
[33] «Aachener Nachrichten», 23 февраля 1953 г.; «Einheit», 1957, Hft. 10, S. 1283.
[34] «Berliner-Zeitung», 3 июля 1957 г.

ристской политики. Что касается немецких капиталовложений в Израиле, то 90% из них израсходовано на строительство портов, автомобильных и железных дорог стратегического значения. В иностранной печати неоднократно сообщалось о поставках Израилю вооружения из ФРГ, о заключении между ними секретного соглашения о военном сотрудничестве. Западногерманские военные специалисты выступают в израильской армии в качестве инструкторов и экспертов по сооружению стратегически важных военных объектов.

* * *

Стараясь как можно прочнее укрепиться на Ближнем и Среднем Востоке, западногерманские империалисты выдвинули план расширения масштабов своей экспансии в этом районе — так называемый «план Круппа», который по существу ничем не отличается от пресловутого «Четвертого пункта» программы Трумэна. «План Круппа» маскируется лозунгом «не помогать, а торговать», но в основе этого плана лежит стремление поставить слаборазвитые страны в зависимость от иностранного финансового капитала.

Экспансия западногерманского капитала в страны Ближнего и Среднего Востока в последние годы разворачивается очень активно. Немецкие монополии во многом опираются на приобретенный ими еще до войны опыт, на свои старые связи и кадры, хорошо знающие местные условия. Немалое значение имеет хорошо налаженная информация, которую получают фирмы по различным каналам. В Бонне выходит еженедельный бюллетень, содержащий информационный материал по экономике арабских стран.

Западногерманские монополисты в своей экспансии широко используют государственный аппарат. Система экспортных субсидий со стороны правительства, налоговые льготы и долгосрочные кредиты дают монополиям возможность реализовывать товары в странах Востока зачастую по демпинговым ценам. В интересах крупных концернов в ФРГ создана система страхования экспорта через государственную страховую компанию «Гермес». Сумма предоставленных государством монополиям экспортных гарантий и поручительств выросла с 5 млрд. марок в 1955 г. почти до 10 млрд. марок в 1957 г.

Для расширения сбыта оборудования ФРГ широко использует предоставление странам Ближнего и Среднего Востока государственной технической помощи на основе межправительственных соглашений об экономическом сотрудничестве. Техническую помощь оказывают и частные фирмы — крупнейшие немецкие монополии. Ведется усиленная подготовка технических кадров для стран Ближнего и Среднего Востока с целью образования в этих странах прослойки специалистов, ориентирующихся на ФРГ.

Западногерманский империализм с каждым годом усиливает и свою идеологическую экспансию. В ФРГ восстановлены существовавшие до войны колониальные организации и общества по изучению стран Востока, щедро финансируемые правительством и частными фирмами. Особое место среди этих организаций занимает «Союз торговли со странами Ближнего и Среднего Востока», являющийся ассоциацией банков и крупных монополий. Пропагандистскую деятельность ведет созданный в Мюнхене институт, направляющий группы лекторов и специалистов в высшие учебные заведения Бейрута, Дамаска, Каира, Анкары, Стамбула, Тегерана и других городов. Специальные пропагандистские центры организованы в Анкаре и Тегеране.

В условиях подъема национально-освободительного движения и раса да колониальной системы, германский империализм меняет тактик маскируя свои колониальные устремления. Западногерманские экспа сионисты демагогически утверждают, что они не преследуют политич ских целей на Ближнем и Среднем Востоке, так как ФРГ, мол, не им колоний. Они пытаются внушить народам стран Востока, что западног манские монополии являются друзьями народов, борющихся за св независимость. Однако внешняя политика ФРГ и методы, с помощ которых осуществляется экспансия германских монополий, полност разоблачают эту демагогию.

На конференции послов ФРГ, состоявшейся в апреле 1955 г. в Стам ле, обсуждалась перспектива использования богатств Ближнего и Средн Востока германскими монополиями, рассматривался вопрос о защи военных интересов ФРГ в этом районе, а также был намечен план ку турной экспансии в арабские страны [35].

Западногерманский монополистический капитал выступает с собствен империалистической программой как экономическая, политическая и в енная сила с далеко идущими собственными притязаниями.

SUMMARY

Dealing with the economic expansion of the West German monopolies in the N and Middle East countries in the postwar period, the article describes also the meth of this economic penetration.

The author shows how the German monopolies are strengthening their position the Near and Middle East through bitter competition with Britain and other capital powers.

[35] «Deutsches Wirtschaftsinstitut», 1956, Bericht 15/16, S. 14.

К ИСТОРИИ ГОРОДСКИХ ДВИЖЕНИЙ В ДЕЛИЙСКОМ СУЛТАНАТЕ В XIII—XIV вв.

К. З. АШРАФЯН

История городских движений в государствах домогольской Индии мало исследована из-за отсутствия документального материала, крайней недостаточности археологических и эпиграфических изысканий и недоступности многочисленных агиографических сочинений (жития суфийских шейхов), которые, как правило, содержат ценные сведения о городах. Феодальные хроники и немногочисленные записки путешественников являются основными источниками для изучения истории Делийского султаната.

Таковы: сочинение Барани «Тарих-и Фируз-шахи», охватывающее историю правления султанов Дели от Гийяс-уд-дина Балбана (1265—1287) до шестого года правления Фируз-шаха (1351—1388) и года смерти самого историка (1356); одноименная хроника Афифа, который был современником и свидетелем многих описываемых им событий, посвященная исключительно правлению Фируз-шаха; весьма оригинальное сочинение, приписываемое султану Фируз-шаху —«Футухат-и Фируз-шахи»; записки арабского путешественника Ибн-Батуты, который в течение 1333—1341 гг. находился в Индии на службе делийского султана Мухаммеда Туглака (1325—1351).

В предлагаемой статье делается попытка систематизировать и проанализировать те крайне немногочисленные данные о городских движениях в Делийском султанате XIII—XIV вв., которые имеются в доступных нам источниках. В связи с недостаточной разработанностью социально-экономической терминологии, бытовавшей в Индии XIII—XIV вв., привлекаются для пояснения тех или иных институтов и терминов данные советских и зарубежных исследователей средневековой истории Ирана и некоторых других стран Среднего Востока.

* * *

Несмотря на значительное развитие внешней и внутренней торговли и денежных отношений, хозяйство в Делийском султанате XIII—XIV вв. оставалось в своей основе натуральным, и базой социальной структуры многих дофеодальных и феодальных государств Индии была сельская община. Существовавшее внутри общины разделение труда между крестьянами и ремесленниками тормозило развитие более высокой формы общественного разделения труда между городом и деревней [1].

[1] *И. М. Рейснер*. Индия под властью Великих Моголов. «История стран зарубежного Востока в средние века». М., 1957, стр. 315.

Отсутствие в XIII—XIV вв. в Северной Индии четкого разграничен
хозяйственных функций между городом и деревней нашло отражен
в терминологии, определявшей различные поселения [2]. В хрониках
других источниках этого периода термины шахр (город), касаба (город
селение), дех (деревня) — легко подменяются один другим [3]. Терм
«шахр», происходящий, возможно, от древнеперсидского «кшатра»
власть [4], в понимании хронистов XIII—XIV вв. определял поселени
являвшееся административным центром, обнесенное крепостной стеной
отличавшееся от деревни большими размерами [5].

Поселения, возникавшие вокруг храмов, в местах паломничества,
удобных бухтах и на торговых путях, вокруг феодальных ставок — п
благоприятном стечении обстоятельств и по мере развития процесса об
ственного разделения труда превращались в значительные торгово-рем
ленные центры, в города.

Развитие ремесленного производства и торговли в различных город
было далеко не одинаковым, в одних промыслы составляли занятие от
сительно большой части населения, в других — преобладало земледел
Последнее играло важную роль даже в наиболее развитых торгово-р
месленных центрах.

Ибн-Батута, посетивший многие страны Востока, говорит, наприм
о Дели как об одном из самых значительных городов мира [6]. Между т
по существу, Дели был поселением полуаграрного типа. Зия-уд-дин Б
рани свидетельствует, в частности, об обложении посевов Нового Де
и его предместий, поземельным налогом (харадж) согласно установл
ному Ала-уд-дином (1296—1316) общему правилу взимания хараджа
единицы засеваемой площади — 1 бисва [7]. Султан Мухаммед Туг
(1325—1351) пожаловал одному из представителей знати (якобы отпрыс
аббасидского халифа), эмигрировавшему в Индию из Мавераннах
«в икта весь город Сири [8], со всеми расположенными там домами, сада

---

[2] Причиной неустойчивости терминов, прилагаемых к тому или иному насел
ному пункту, является не только изменение характера того или иного поселения,
и то обстоятельство, что самое понятие «город» и противостоящее ему в средневеко
европейской лексике «деревня», по-видимому, в значительной мере были чуж
средневековому мусульманскому мышлению. *Б. Н. Заходер.* Хорасан и образова
государства сельджуков. «Вопросы истории», 1945, № 5—6, стр. 124.

[3] Афиф неоднократно говорит о Дибалпуре как «могущественном городе» «شهر معظم
شمس سراج عفیف تاریخ فیروز شاهی (*Шамс-Сирадж Афиф.* История Фируз-шаха). «B
bliotheca Indica». Calcutta, Asiatic society of Bengal, 1891, p 37—39. Поэт Амир Хосро
называет Дибалпур «деревней» امیر خسرو دهلوی (دهی) (*Амир Хосроу Дехл*
Туглак-нама). Аурангабад, 1933, стр. 62. В одной и той же надписи 794/1391—1392 г
город Сагар определяется различными терминами, см. «Epigraphia Indo-Moslemica
Calcutta, 1931—1932, p. 11—12.

[4] *Б. Н. Заходер.* Хорасан и образование государства..., стр. 125.

[5] Деревня (ده-دیه) или группа деревень, а также других сельских поселен
(موضع-زمین), обнесенные крепостной стеной и превращенные в административ
центр, именуются в источниках городом (شهر), см., например, *Шамс-Сира
Афиф.* Указ. соч., стр. 125—126, 134.

[6] *Ibn Batoutah.* Texte arabe, accompagné d'une traduction par C. Défrémery
B. R. Sanguinetti, t. 3, Paris, «Société Asiatique», t. 3, 1855, p. 145—146.

[7] ضیا الدین برنی تاریخ فیروز شاهی (*Зия-уд-дин Барани.* История Фир
шаха). «Bibliotheca Indica». Calcutta, «Asiatic society of Bengal», 1862, p. 29

[8] Сири — один из «городов» (вернее частей Дели), возникший вокруг построен
خراج شهر نو بر حکم خراج حوالی شهر بمساحت و وفاء بسوه بستد
го султаном Ала-уд-дином Хильджи

принадлежащими казне (аль-махазан), и полями» [9]. Основанный Фируз-шахом Туглаком (1351—1388) город («шахр») Хисар-Фируза экономически, по-видимому, ничем не отличался от обычной деревни. Афиф сообщает, что он был расположен в местности прежде маловодной. Благодаря проведению оросительного канала здесь стали выращивать осенний и весенний урожай пшеницы, разбили многочисленные фруктовые сады. «Хисар-Фируза,— замечает Афиф,— превратился в значительный город (шахр) сделался благоустроенным, густо заселенным и возделываемым» (буквально — «засеваемым») [10].

Население многих городов составляли в основном ремесленники, мелкие торговцы, деклассированные элементы. Большая часть ремесленников была юридически свободной. Работая в своих мастерских [11], расположенных на городских базарах, они обслуживали местный рынок или выполняли заказ какого-либо феодала. Аль-Умари (XIV в.), систематизировавший свидетельства ряда арабских путешественников, писал: «Там (на базаре.— *К. А.*) имеются ремесленники, как-то: оружейники, выделывающие мечи, луки, копья и различные виды оружия, кольчуги, а также мастера золотых дел, вышивальщики, шорники и мастера различных специальностей, которые делают предметы для мужчин, женщин, людей оружия и пера и для простого народа, и которых бесчисленное множество» [12].

Определенную категорию составляли несвободные ремесленники, работавшие в казенных мастерских и «службах» (кархана) [13]. Создаваемая ими продукция целиком поступала султану. За свой труд они получали из казны определенное довольствие. Кархана возглавляли феодалы, приближенные султана [14]. В кархана Ала-уд-дина работало 17 тыс. ремесленников (буквально — «учеников ремесла» (شاگرد پیشه)), в том числе 7 тыс. строителей, землекопов и глинобитчиков [15]. В одних только ткацких кархана Мухаммеда Туглака работало 4 тыс. ремесленников, производивших парчу и другие ткани для нужд гарема и двора [16]. Как отмечает историк, ни один из правителей Дели не имел так много рабов (بندگان) как Фируз-шах. Часть этих «рабов» направлялась в распоряжение мукта (правителей) различных областей или служила в шахской гвардии. Другие рабы обучались ремеслу (حرفت صنعت اموختند), так что

---

[9] *Ibn Batoutah.* Указ. соч., стр. 262: و اعطاه جمیع مدینة سیری اقطاعاً و جمیع ما حتوت علیه من الدور و ما یتصل بها من بساتین المخزن و ارضه

[10] *Шамс-Сирадж Афиф.* Указ. соч., стр. 128: شهر معظم گشت معمور و آبادان و مزروع

[11] Обычно они располагались на земле, под навесом и пользовались очень небольшим набором несложных инструментов. См. *К. А. Антонова.* Очерки общественных отношений и политического строя Могольской Индии времен Акбара (1556—1605 гг.). М., 1952, стр. 136.

[12] *Al-Umari.* Masalik-ul-absar fi mumalik ul-amsar. Trans., with an introd. and explanatory notes by O. Spies Aligarh, s. a., p. 22.

[13] Как отмечает А. М. Беленицкий, кархана (в его написании корхона) была одним из наиболее характерных институтов для монгольской эпохи в истории Ирана. «Можно считать фактом, что в городах Ирана, накануне монгольского завоевания, уже не существовало рабско-крепостных форм ремесленного труда. И вот в корхона по преимуществу и оживают снова рабско-крепостнические формы эксплуатации ремесленников». *А. М. Беленицкий.* К вопросу о социальных отношениях в Иране в Хулагидскую эпоху. «Советское востоковедение». М.— Л., 1948, т. V, стр. 123—124.

[14] *Шамс-Сирадж Афиф.* Указ. соч., стр. 269—271, 338.

[15] محمد قاسم هندوشاه استرابادی فرشته تاریخ فرشته (*Мухаммед Касим Хинду-шах Феришта.* Тарих-и Феришта. Б. г., б. м. (экземпляр, хранящийся в Государственной Исторической библиотеке в Москве. Титульного листа нет), стр. 123.

[16] *Al-Umari.* Указ. соч., стр. 30.

«двенадцать тысяч человек стали ремесленниками (буквально — рабам различных видов ремесла» [17].

Деятельность ремесленников нередко контролировалась представ телями центральной власти. Так, на строительстве города Фирузабад работали каменщики, деревообделочники, кузнецы, лесопильщики, плот ники, ремесленники, занимавшиеся обжигом извести. По приказу султа над каждой группой ремесленников были назначены надсмотрщик (شحنگان) [18].

Значительную прослойку трудящегося населения городов составля люди «свободных профессий»: музыканты, борцы, сказители, выступавш на городских базарах и в султанском дворце [19], а также работники п найму (маздуран). Как сообщает Афиф, во второй половине XIV в. меж Дели и Фирузабадом [20] было постоянное и оживленное сообщение. Ка дый день на рассвете возчики-мокари выходили на дорогу с верблюдам лошадьми, повозками. Здесь они ожидали путников, желавших попас из Дели в Фирузабад или наоборот. Причем это сообщение было настол ко регулярным, что установились точные расценки за проезд (верхом н лошади — 12, на верблюде — 6, в повозке — 4 джитала). «Многие рабо ники, работавшие по найму у кого-либо поблизости или вдали от город передвигались именно таким способом» [21].

Верхушку городского населения составляли должностные лица ц тральной или местной феодальной администрации: наместник области и округа — мукта, его заместитель (наиб-и мукта), чиновники фиска, также представители высшего духовенства. Важным лицом в городе б градоначальник — котвал, как правило, представитель военно-феодал ной знати, назначаемый султаном [22]. Феодалам в городах принадлежал базары, караван-сараи, лавки. Так, например, вазир султана Фируз-ша Хан-Джехан младший, помимо земель и каналов, получил в наследст от своего отца караван-сараи и базары [23].

К правящей феодальной верхушке городского населения близко пр мыкали наиболее состоятельные представители торгово-ростовщическог капитала. Иногда они претендовали и на определенную роль в политич ской жизни государства, поддерживая те или иные феодальные групп ровки [24]. В отдельных случаях они были феодальными собственника земли. Надпись 723/1323 г. из Петлада (округ Барода) говорит о пожерт

[17] *Шамс-Сирадж Афиф*. Указ. соч., стр. 269—270.

[18] Там же, стр. 331. Шихна (или даруга) в персидских источниках Хулагуидско периода известен как ханский наместник в городе, см. *И. П. Петрушевский*. Горо ская знать в государстве Хулагуидов. «Советское востоковедение». М.— Л., 19 т. V, стр. 88.

[19] В каждую пятницу после богослужения во дворец султана со всех четыр «городов» (кварталов Дели) являлись музыканты, борцы, сказители, числом до 4 ты человек. «От султана они получали во дворце столько подарков, что каждому дост валось несколько танка». *Шамс-Сирадж Афиф*. Указ. соч., стр. 367—369.

[20] Фирузабад — ставка султана Фируз-шаха была расположена на расстоян 5 курухов от Старого Дели. Курух — 1/3 фарсанга, примерно 2 км.

[21] *Шамс-Сирадж Афиф*. Указ. соч., стр. 136. بیشتر از طایفه مزدوران زدیک شهر و دور در کرایه کسی که مشغول بدیں میشدند بهانه ایشانرا گشت نیکو میشد

[22] *Зия-уд-дин Барани*. Указ. соч., стр. 250 и др.

[23] «Сират-и Фируз-шахи», стр. 152, см. *Riazul Islam*. A review of the reign of Firu shāh (1351—88 A. C.). «Islamic culture». Hyderabad, 1949. October, vol. 23, № 4 p. 289.

[24] Менялы (в опубликованном тексте), очевидно, ошибочно — (صفاران) и торговц (بقلان) города Сарасвати предоставили несколько лаккхов танка Фируз-шаху в п риод его борьбы за престол. См. *Шамс-Сира*

вании Хаджи Исмаил Усманом Ширази, жителем торгового города Камбэя, 20 куба земли в местечке Петлад гробнице суфийского шейха Баба Арджун-шаха. Об этом свидетельствуют также данные о сооружении купцами колодцев и резервуаров [25], поскольку, согласно традиции, возделывание «мертвой земли» путем ее обводнения давало свободно отчуждаемое право на определенную долю ренты-налога [26]. Богатые купцы брали на откуп государственные налоги. Ибн-Батута рассказывает об «одном из значительных купцов», которому Мухаммед Туглак «дал управление городом Камбэем, находившимся в ведении наиб-и вазира Малика Макбула» [27]. В обязанности купца входил сбор налогов для государства. По свидетельству историка, «некоторые люди по обоюдному соглашению покупали итлаки [28] воинов, а в городе (Дели) возвращали им третью часть. Им доставалась бесспорно половина (доходов.— *К. А.*) икта. Эти покупатели итлаков пускали в торговлю содержание, полученное по итлакам (ваджх-и итлакат) из икта; от этого они имели хорошую прибыль. В дни правления этого повелителя (Фируз-шаха.— *К. А.*) некоторые разбогатели в результате продажи содержания воинов» [29].

Определявшееся слабым развитием ремесла и торговли экономическое и политическое господство феодалов в городе обрекало широкие слои городского населения на политическое бесправие и зависимость от феодальных властей. В начале XIV в. Ала-уд-дин произвел регламентацию цен на зерно, масло, ткани и другие товары, продававшиеся на столичных рынках. Султан строго карал даже за незначительное завышение цен против установленной нормы. Насколько эта регламентация была обременительна для торгово-ремесленных слоев, можно судить по сообщению Барани, что «люди базара» радовались смерти Ала-уд-дина; освободившись от его мелочной опеки, они могли теперь сами назначать цены на ткани и прочие товары [30].

Мухаммед Туглак перенес столицу из Дели в Деогири, переименованный в Доулатабад. По словам хрониста это сопровождалось массовым выселением жителей и разрушило город, который в течение 170—180 лет до этого процветал и соперничал с Багдадом и Каиром [31].

Использованные источники не позволяют говорить о наличии в городах Делийского султаната городского самоуправления. Некоторые выбираемые торгово-ремесленным населением должностные лица утверждались феодальными властями и находились под их фактическим контролем. Историк рассказывает, в частности, о «старом обычае среди лю-

[25] «Epigraphia Indo-Moslemica». Calcutta, 1915—1916, p. 17—18; 1913—1914, p. 43—45.

[26] *Шамс-Сирадж Афиф*. Указ. соч., стр. 130; «Epigraphia Indo-Moslemica», 1907—1908, p. 27; 1909—1910, p. 28; 1913—1914, p. 6; 1921—1922, p. 4—5.

[27] *Ibn Batoutah*. Указ. соч., стр. 369—370.

[28] Итлак- (اطلاقات ـ اطلاق) (буквально — отсылание, отпуск) — ассигновка, документ, предоставлявший право на получение определенного содержания из казначейства какой-либо области или округа. Итлак является синонимом термина берат, широко известного в Иране и ряде сопредельных стран. См. *И. П. Петрушевский*. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX вв. Л., 1949, стр. 195.

[29] *Шамс-Сирадж Афиф*. Указ. соч., стр. 296—297.

[30] *Зия-уд-дин Барани*. Указ. соч., стр. 383—385. Регламентация цен Ала-уд-дином, как и другие его реформы, была упразднена его преемником Кутб-уд-дином Мубараком Хильджи (1316—1320), см. там же, стр. 383. В дальнейшем центральная власть не делала попыток регламентации рыночных цен, а Фируз-шах Туглак распорядился покупать на базарах товары для султанских кархана по рыночным ценам (قیمت روزی). см. *Шамс-Сирадж Афиф*. Указ. соч., стр. 99.

[31] *Зия-уд-дин Барани*. Указ. соч., стр. 474.

дей ремесла в обязательном порядке отправлять кого-либо в шахскую ставку (буквально — «войско») для испрошения дозволения быть раисом [32] города [33]».

Торгово-ремесленное население подвергалось тяжелой феодальной эксплуатации. Доступные нам индийские персоязычные источники XIII—XIV вв. не называют специальных терминов, обозначающих основной налог с торговли и ремесла [34]. Возможно, что таким сбором с торговли в Делийском султанате был закят. Как отмечает Афиф, товары, привозимые в караван-сараи городов, облагались здесь «справедливым закятом», который выплачивался в деньгах. Традиционный размер закята составлял 2,5% стоимости товара [35]. Во много раз увеличивали доходы казны с торговли многочисленные поборы.

По свидетельству Ибн-Батуты, в Султанате существовал обычай, согласно которому казна изымала у купцов $^1/_4$ всего того, что они везли с собой. Лишь спустя два года после его прибытия в Индию (1335 г.) Мухаммед Туглак «приказал не брать с населения ничего, кроме закята и ушра» [36]. Это установление султана носило, по-видимому, декларативный характер, ибо вплоть до начала правления Фируз-шаха, судя по источникам, поборы с торгового населения городов оставались неизменно высокими. Так, все товары, привозимые в Дели, после взимания в караван-сараях города закята, доставлялись на казенные склады, где взимался дополнительный сбор, именуемый дангана (دنگنه), что предполагало уплату с каждой танка стоимости товара 1 данга [37]. Этот «незаконный» сбор взимался как с местных, так и с иностранных купцов и приносил казне значительные доходы [38]. Источники называют специальные сборы с продажи гончарных изделий (گلفروشی), рыбы (ماهی فروشی), веревок (ریسمان فروشی) [39], овощей (хизрават), листьев бетеля на рынках казны (джи-

[32] В домонгольский период раис был начальником города и его округи; «реис был первым лицом города и представителем его интересов; через него государь выражал свою волю жителям. Очень вероятно, что реисы, по крайней мере в первое время, назначались из представителей знатнейших местных родов». *В. В. Бартольд.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб., 1900, стр. 244. В монгольский период раис выполнял определенные полицейские функции, см. там же. По-видимому, именно в это время происходит идентификация терминов раис и мухтасиб; в обязанности последнего входило наблюдение за порядком на улицах и базарах, привлечение к ответственности виновных в нарушении правил религии, в попытке обмануть покупателя и пр., см. там же, стр. 240—241; см. также *Б. Н. Заходер.* Сиасет-намэ. Книга о правлении везира XI столетия Низам ал-Мулька. М.— Л., 1949. Примеч. 88, стр. 320. Ибн-Батута употребляет термин раис как синоним термина мухтасиб: المحتسب و هم يسمونه الرئيس (*Ibn Batoutah.* Указ. соч., стр. 184).

[33] *Шамс-Сирадж Афиф.* Указ. соч., стр. 290. وانیئی‌ست مستقیم میان طائفهٔ اهل حرفت البته در لشکر پادشاه کسی روان شدی اورا رئیس شهر اجازت فرموری

[34] В Хулагуидском Иране и некоторых сопредельных странах эти налоги были известны под терминами «бадж» (подорожная пошлина) и «тамга» (налог со свободного ремесла). См. *А. А. Али-Заде.* История Азербайджана XIII—XIV вв. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. На правах рукописи, стр. 442, 450—451; *А. М. Беленицкий.* Указ. соч., «Советское востоковедение». М.— Л., 1948, т. V, стр. 124.

[35] *Шамс-Сирадж Афиф.* Указ. соч., стр. 375; *Ibn Batoutah.* Указ. соч., стр. 117. *А. А. Али-Заде.* Указ. соч., стр. 502.

[36] *Ibn Batoutah.* Указ. соч., стр. 117.

[37] 4 данга равняются 1 джиталу. См. *I. H. Qureshi.* The administration of the Sultanate of Delhi. 2nd ed. Lahore, 1944, p. 99, сноска 1.

[38] *Шамс-Сирадж Афиф.* Указ. соч., стр. 375.

[39] «Futūḥāt-ī-Fīrūz-shāhī». Trans. by N. B. Roy, in «Islamic culture». Hyderabad, 1941, № 4, p. 453. Об этих сборах упоминает также историк Фериште, приводя в своем

зия- и тамбул), сбор с базарных посредников-маклеров (даллалат- и базари); пошлину с ввозимого на городские рынки зерна (чунги-йе галла) [40] и др. Особый сбор взимался с мясников, он был известен как джазари (جزاری): с каждой зарезанной коровы мясники платили 12 джиталов [41]. Крайне обременительной для торговцев была повинность —«рузи» (روزی). Купцы, прибывавшие со своими товарами в Дели, обязаны были предоставлять на один день (отсюда «рузи», буквально—«день, поденный») свой вьючный скот для перевозки в Фирузабад камней из разрушенных старинных крепостей старого Дели. По словам Афифа, ни один купец не мог избежать этой повинности, в результате чего торговцы стали все менее охотно посещать Дели, где значительно повысились цены на зерно и соль [42].

Не менее тяжелые налоги взимались с ремесленников. Источники называют налог с производителей индиго (нильгари), чесальщиков хлопка (надафи) [43], маслобойщиков (роугангари), мыловаров (сабунгари); встречаются также упоминания о налогах — китаби (с переписчиков писем), амири-йе-тараб (с базарных музыкантов, танцоров) [44] и т. д.

Помимо налогов с торговли и определенных ремесел, существовали различные сборы с широких слоев городского населения вне зависимости от их рода занятий. Тяжелым был так называемый мустагал — налог с земель, занятых под домами и лавками [45]. Обложение городского населения этим налогом исходило из признания государственной собственности на все земли. Этим налогом, по словам историка, облагались «вдовы, бедные, население, не имеющее средств к существованию» [46]. С горожан взимались специальные сборы в пользу котвала (котвали), мухтасиба (ихтисаби), так называемые «судебные издержки» (дад-беги) и т. д. [47].

Феодальная эксплуатация препятствовала развитию в городах прежде всего свободного ремесленного производства и обмена.

сочинении отрывок из соответствующего указа Фируз-шаха, текст которого, по словам историка, был высечен на стене мечети в Фирузабаде, см. *Мухаммед Касим Хиндушах Фериште.* Указ. соч., стр. 151.

[40] «Сират-и Фируз-шахи», цит. по *I. H. Qureshi.* Укав. соч., стр. 245, 246; «Futūḥāt-ī-Fīrūz-shāhī», p. 453.

[41] «Futūḥāt-ī-Fīrūz-shāhī», p. 453; *Шамс-Сирадж Афиф.* Указ. соч., стр. 375.

[42] *Шамс-Сирадж Афиф.* Указ. соч., стр. 375.

[43] *Мухаммед Касим Хиндушах Фериште.* Указ. соч., стр. 151. В использованном нами тексте «Футухат-и Фируз-шахи» нет указаний на эти налоги. Однако они упоминаются в рукописи этого сочинения, хранящейся в Британском музее, см. *I. H. Qureshi.* Указ. соч., стр. 245.

[44] «Futūḥāt-ī-Fīrūz-shāhī», p. 453; *I. H. Qureshi.* Указ. соч., стр. 244—245.

[45] *Шамс-Сирадж Афиф.* Указ. соч., стр. 375: ومستغل چه باشد کراء زمین خانهها و دوکان Аналогичным налогом, по всей вероятности, был tah-bazari, налагаемый на содержателей лавок на государственной земле, см. «Futūḥāt-ī-Fīrūz-shāhī», p. 453; *I. H. Qureshi.* Указ. соч., p. 245; В. Минорский термин мустагалат (арабское множественное число от «мустагал») передает как «rents from more casual sources»(см. *V. Minorsky.* «Tadhkirat almulūk. A manual of Safavid administration». London, 1943, Commentary, p. 176), а также «rentable property» (там же, стр. 80). Б. Н. Заходер «мульк-и мустагал», встречающийся в тексте «Сиасет-наме» передает как «имение, производящее хлеб», см. *Б. Н. Заходер.* Сиасет-намэ..., Примеч. 74, стр. 318. Как видим, термин «мустагал» приобрел в Индии того времени весьма узкое и специфическое значение.

[46] *Шамс-Сирадж Афиф.* Указ. соч., стр. 374.

[47] *I. H. Qureshi.* Указ. соч., стр. 246.

* * *

Феодальный гнет и произвол властей вызывали острое недовольство широких слоев торговцев и ремесленников. Как отмечал Ф. Энгельс, «Революционная оппозиция феодализму проходит через все средневековье. Она выступает, соответственно условиям времени, то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания» [48].

XIII в. в истории феодальных индийских городов ознаменовался зарождением движения бхакти («преданность»), получившего широкое распространение, однако, значительно позднее, в XV в. Идеологическую основу движения бхакти составляли многочисленные учения, основным принципом которых была проповедь религиозного объединения индусов и мусульман. Идеи бхакти находили поддержку главным образом среди городского торгово-ремесленного населения и лишь после середины XVII в. среди крестьянства. Эти идеи отражали, в частности, стремление народных масс к достижению государственного единства Индии, подготовленного относительно широким развитием внутренней торговли [49].

Об одном из учений, проповедовавших объединение индусов и мусульман и, по-видимому, не единственном в XIV в., писал Афиф.

В дни правления Фируз-шаха в старом Дели объявился «безумный зуннардар» [50], который тайно проповедовал поклонение идолам. «Все население города, индусы и мусульмане», шли к его дому, где в определенные дни собирались «неверные». Там они тайно поклонялись идолам. Об этом ничего не знало ни одно должностное лицо. Затем стало известно, что зуннардар обратил в свою веру нескольких мусульманок; тогда он был схвачен и доставлен ко двору, где собрались улемы и шейхи. Ознакомившись с учением зуннардара, они признали его ложным и предложили ему отречься от своего учения. Однако зуннардар отказался и был сожжен по приказу Фируз-шаха. Афиф замечает, что будучи в тот день при дворе он лично присутствовал при казни [51].

Тот факт, что учение зуннардара пропагандировалось тайно и поддерживали его как индусы, так и мусульмане, приводит нас к выводам, что это не было проповедью индуизма (открыто исповедовавшегося в Делийском султанате) или индуистским сектантским учением.

Популярным сектантским учением среди городского торгово-ремесленного населения, исповедовавшего индуизм, было учение ибахатиев (باحتيان)!

В источниках XIII—XIV вв. первые упоминания об их учении и деятельности относятся к началу правления султана Ала-уд-дина Хильджи (1296—1316). По свидетельству Барани «в городе (Дели) объявились ибахатии и идолопоклонники [52]. Султан Ала-уд-дин приказал, тщательно разыскав их, всех схватить и наиболее злонамеренных убить...После этого наказания никто в этом городе не произносил слова ибахат» [53]. Однако эта расправа не прервала деятельности секты. Во всяком случае в годы правления Фируз-шаха (1351—1388) секта ибахатиев была, по-ви-

[48] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч. т. 7, стр. 361.

[49] *К. А. Антонова*. Указ. соч., стр. 160—162.

[50] Зуннардар (زنار دار) — буквально «имеющий зуннар»— пояс определенного цвета, который были обязаны носить немусульмане, подданные мусульманских правителей. Эллиот «зуннардар» передает как «брахман», см. *H. M. Elliot* and *J. Dowson*. The History of India as told by its own historians, vol. III. London, 1871, p. 365.

[51] *Шамс-Сирадж Афиф*. Указ. соч. стр. 380—381.

[52] بودهگان—«буддийцы», под которыми мусульманские хронисты понимали обычно «идолопоклонников»— индусов.

[53] *Зия-уд-дин Барани*. Указ. соч., стр. 336. О расправе Ала-уд-дина с ибахатиями см. также «Khazain-ul-futuh». Engl. transl. by M. Habib, p. 127; *I. H. Qureshi*. Указ. соч., стр. 254.

димому, одной из наиболее влиятельных и многочисленных сект в индуизме. По данным «Футухат- и Фируз-шахи» мулхиды [54] и ибахатии собирались вместе и подстрекали народ к неверию. Они встречались по ночам в назначенном месте, ели, пили вино, называя это богослужением. Сделав идола, они предлагали народу поклоняться ему [55]. Автор «Сират-и Фируз-шахи» описывает ритуал посвящения, принятого у ибахатиев. Во время своих тайных сборищ они покрывали участок земли коровьим пометом и, «согласно обычаю идолопоклонников» бросали туда рис и цветы. Затем посвящаемый ложился на землю, произносил определенную формулу, отрекаясь тем самым от ислама [56]. В некоторых источниках говорится о «бесстыдстве» ибахатиев, об оргиях, имевших якобы место на их сборищах. Однако, как правильно отмечает Куреши, представители «ортодоксального» духовенства постоянно выдвигали подобные обвинения против различных сектантов [57], что находило отражение в феодальных хрониках. Судя по всему это была индуистская секта [58]. Сектанты и их руководители по приказу султана Фируз-шаха подверглись жестокой расправе.

Большой размах имели сектантские движения среди мусульман, составлявших значительную прослойку торгово-ремесленного населения некоторых городов Султаната, в частности — Дели. По своей форме некоторые из этих движений были карматскими [59].

Центром карматской пропаганды в Индии в X—XII вв. был Мультан. Еще до завоевания этого города Махмудом Газневи (1005) карматские правители Мультана платили дань (خدمات) Сабуктегину. Эмир Махмуд разгромил мультанских карматов и управление городом передал обращенному в мусульманство индусу Сукхпалу, «сыну одного из раджей Индостана» [60]. После смерти Махмуда (1030 г.) Мультан, как и другие владения Газневидов, стал объектом борьбы между его наследниками, военачальниками, индийскими раджами. Во второй половине XII в. здесь, по-видимому, вновь утвердились карматы, так как встречаются в наших источниках сведения об истреблении их Мухаммедом Гури. Новый размах карматство получило после ликвидации карматского государства (1175) и образования Делийского султаната (1206 г.), в котором официальной идеологией был ортодоксальный суннизм. Гонения на карматов и то обстоятельство, что они враждовали с делийскими султанами, сделали карматство знаменем народных выступлений.

Одно из таких выступлений имело место в Дели в 1236 г. По свидетельству историка XIII в. Минхадж-уд-дина Джузджани, самым крупным событием периода правления дочери Шамс-уд-дин Илтумиша (1211—1236)

[54] Переводчик и комментатор «Футухат-и Фируз-шахи» Н. Б. Рой говорит о «мулхидах» как об определенной секте, см. «Fuṭūḥāt-ī-Fīrūz-shāhī», p. 454, note. Однако «мулхид», множественное число «малахида» ((ملاحده-ملحد) означает «еретик» и фигурирует в источниках для определения приверженцев самых различных сект, см. в частности ابوعمر منهاج الدين عثمان بن سراج الدين الجوزجانى طبقات ناصرى (*Абу Омар Минхадж-уд-дин Осман бин-Сирадж-уд-дин. Джузджани*. Табакат-и Насири). Calcutta. College press, 1864, p. 189 (قرامطه وملاحده карматы и малахида).

[55] «Fuṭūḥāt-ī-Fīrūz-shāhī», p. 454.

[56] «Сират-и Фируз-шахи». Цит. по *I. H. Qureshi*. Указ. соч., стр. 255.

[57] Там же, стр. 254—5.

[58] Некоторые авторы идентифицируют секту ибахатиев с сектой исмаилитов. Поводом для этого служат некоторые чисто внешние особенности, одинаково присущие многим сектантским движениям — тайна, окружавшая секту, проповедь мистицизма, и т. д. См. *I. H. Qureshi*. Указ. соч., стр. 255.

[59] О раннем карматстве см. *Б. Н. Заходер*. Мухаммед Нахшаби. К истории карматского движения в Средней Азии в X веке. «Ученые записи МГУ», т. I, вып. 41. М., 1944, стр. 106—108.

[60] Мухаммед Касим Хиндушах Феришта. Указ. соч., стр. 24—26.

Разии (1236—1240) было то, что карматы и еретики Индостана, подстрекаемые неким мудрецом (دانشمند) по имени Нур-и Турк [61], собрались в Дели. Они явились сюда из разных районов Индостана, из области Дели, Двуречья Ганга и Джамны, из Гуджарата и Синда. По словам хрониста, они стали злоумышлять против мусульман; «по призыву Нур-и Турка вокруг него собралась чернь». Нур-и Турк всячески поносил улемов, представителей высшего суннитского духовенства, «подстрекая простой люд к вражде против порядков улемов толка Абу-Ханифа и Шафи». В месяце раджабе 634 г. х. (1236/37 г.) около 1000 вооруженных «еретиков и карматов» ворвалось в пятничную мечеть. Они напали на мусульман, многие погибли от их мечей или были растоптаны. Находившиеся в городе военачальники Разии во главе своих отрядов, на конях, вооруженные мечами, в латах и стальных шлемах обрушились на «еретиков и карматов» и многих из них истребили. Волнение было ликвидировано. Участниками этого «мятежа» были «простой люд» (خلق عوام) и «чернь» (وباش خلق) Дели, среди которых нашла широкий отклик агитация карматов против крупных феодалов, представителей суннитского духовенства.

Народная антифеодальная борьба в XIV в. велась также под знаком махдизма (мессианства) [62]. Мощные движения махдистов относятся к середине XV — середине XVI вв. [63]. Выступления махдистов имели место и в Делийском султанате, однако, сведения о них мы имеем весьма неполные. Так, в годы правления Фируз-шаха (1351—1388) в Дели некий человек по имени Рукн объявил себя «последним махди, посланцем бога». Он написал книгу, в которой излагал свое учение. Фируз-шах счел совершенно необходимым наказать этого человека, в противном случае, по его мнению, многие мусульмане были бы введены в заблуждение и отреклись бы от ислама. Над Рукном и его последователями была учинена жестокая расправа [64]. Примерно в то же время в Гуджарате появился человек, осмелившийся объявить: «Я есть бог». Ему удалось собрать вокруг себя большое число последователей. Однако он был схвачен и строго наказан, а написанная им книга предана огню [65].

Сочувствием и поддержкой пользовалась в народе пропаганда дахрийа [66]. Их руководителем был Ахмад Бихари, житель города Дели [67]. Он был тесно связан с суфиями и известными суфийскими шейхами. По свидетельству «Манакиб уль-Асифа» Ахмад Бихари часто навещал шейха Шараф-уд-дина Манери и был с ним в дружеских отношениях [68]. Этот «одержимый безумием человек» проповедовал свое учение тайно; он издевался над пророком Мухаммедом, отрицал его святость как человека, имевшего девять жен. Делийские улемы заявили султану Фируз-шаху, что Ахмад Бихари заслуживает за свои высказывания смерти. Султан

[61] «Табакат-и Насири», стр. 189—190; Сирхинди дает باغوای ترک см. يحيى بن احمد بن عبد الله السيهرندی تاريخ مبارک شاهی (*Яхья бин-Ахмад бин-Абдалла аль-Сирхинди*. История Мубарак-шаха). «Bibliotheca Indica». Calcutta. Asiatic society of Bengal, 1931, p. 24.

[62] Ср. *Б. Н. Заходер*. Сиасет-намэ..., прим. 365, стр. 338.

[63] *S. A. Rizvi*. Mahdavi movement in India. «Medieval India quarterly». Aligarh, 1950, July, vol. 1, № 1. p. 10—25; *К. А. Антонова*. Указ. соч., стр. 184—189.

[64] «Fituhat-i Firuz-shahi», p. 455—456.

[65] Там же, стр. 456.

[66] Дахрийа — философское учение, проповедовавшее идею извечности и несотворимости мира; последователи дахрийа проповедовали также безбрачие.

[67] «Fituhat-i Firuz-shahi», p. 455.

[68] «Manaqib ul-Asifa», См. *Riazul Islam*. The age of Firuz-shah. «Medieval India quarterly». Aligarh, 1950, July, vol. 1, № 1; p. 29.

созвал знатных города, которые и вынесли Ахмаду смертный приговор [69]. Его последователи были высланы в различные города. «Таким образом,— заключает Фируз-шах,— порочность этой секты грязноголовых была уничтожена» [70].

Борьба торгово-ремесленного населения городов находила отражение не только в деятельности различных сект, но и в открытых восстаниях, активными участниками которых были низшие слои городского населения. Так, например, крупное городское восстание произошло в Дели в период правления Ала-уд-дина Хильджи. Восстание возглавил раб [71] бывшего котвала Дели Малика Фахр-уд-дина, по имени Хаджи, человек «неистовый, неустрашимый и озлобленный». По свидетельству Барани «народ Дели» был доведен до крайности «притеснениями и террором» нового котвала — Тармади. Этим-то недовольством,— подчеркивает Барани,— и воспользовался Хаджи-Моула, поддерживаемый приближенными и креатурой (جمله) старого котвала. Составив ложный документ, содержавший якобы приказ султана о казни Тармади, Хаджи-Моула и его последователи ворвались в дом котвала и убили его. Восставшие захватили Кушк-и лал («Красный дворец», резиденцию султана), освободили томившихся здесь узников, овладели казной и султанской оружейной, деньги и оружие были розданы народу. Восставшие провозгласили султаном некого Алави, проживавшего в Старом Дели, вдали от государственных дел, потомка по материнской линии султана Шамс-уд-дина Илтутмиша (1211—1236) [72]. Знатных людей города насильно приводили к Алави для выражения ему своей покорности. Восстание в Дели было подавлено вступившими в город войсками Зафар-хана и малика Хамид-уд-дина. В одной из схваток Хаджи-Моула был ранен, «несчастный Алави» схвачен и обезглавлен, все, кто поддерживали Хаджи-Моула, заключены в тюрьму.

Это восстание, как и многие другие социальные движения средневековья, охватило различные слои населения. В нем участвовали и представители тюркской военной знати. Объяснялось это ее недовольством правлением султанов династии Хильджи, при которых многие тюркские эмиры и малики времен Шамс-уд-дина Илтутмиша (1211—1236) и Гийяс-уд-дина Балбана (1265—1287), в частности родственники и креатура котвала Фахр-уд-дина, лишились своих должностей и владений. Возведенный на престол Алави был ставленником, прежде всего, именно этой группы участников восстания. Однако основной движущей силой его были «люди города» (مردم شهر), жестоко эксплуатируемые и притесняемые властями. Об участии в восстании широких слоев городского населения, в частности ремесленников, говорит следующее свидетельство Барани: Малик Амир-и Кух, один из карателей восстания, войдя во главе своего войска в Дели через ворота Бхандар-кала, имел в городе сражения с «башмачниками» (موزه دوزان)[73].

Такими же по составу участников были некоторые восстания периода правления Мухаммеда Туглака (1325—1351). В 1347—1348 гг. после бегства главаря мятежа «эмиров сотен» Деогири, Дихуи (Дахбол) и Бароды,

[69] *Riazul Islam*. Указ. соч., стр. 29.

[70] «Futuhat-i Firuz-shani», p. 455.

[71] Фериштa называет его сыном раба (غلام زاده), см. *Мухаммед Касим Хиндушах Фериштa*. Указ. соч., стр. 106—107.

[72] По данным Фериштa, Алави был освобожден восставшими из заключения, см. там же, стр. 107.

[73] *Зия-уд-дин Барани*. Указ. соч., стр. 278—282; *Мухаммед Касим Хиндушах Фериштa*. Указ. соч., стр. 107.

Мух Афгана, Мухаммед Туглак жестоко расправился с населением Деогири; по словам историка, наказание постигло «население Деогири, мусульман и индусов, воинов, людей базара» [74].

При этом султане (вторая четверть XIV в.) городские движения приняли еще больший размах в связи с усилением налогового гнета. Источники свидетельствуют о частых волнениях и расправах властей с городским населением. Так, например, жители города Лахора поддержали мятеж местного правителя против султана. Войско, под командованием везира Ходжа Джехана, подвергло многих жителей Лахара мучительным казням. Расправой руководил наиб-и везир Мухаммед, сын Наджаба. Этот каратель зарекомендовал себя как палач городских движений. По словам Ибн-Батуты, за свою жестокость наиб-и вазир получил в народе кличку «дракон» и «собака султана»; сам же Мухаммед Туглак называл его «львом рынков(اسد الاسواق)» [75].

Как свидетельствуют современники, Мухаммед Туглак был ортодоксален в вопросах религии, строго карал людей, пренебрегавших молитвами. На городские базары посылались специальные должностные лица, которые наказывали всех, кого находили здесь во время богослужения. Так, однажды было казнено девять человек, в том числе один певец. Жестокому наказанию подверглись также «сатаирии» [76], люди, закрывавшие свои лица покрывалами. А, как известно, в средние века в ряде стран Востока лица прятали вожди и участники многих сектантских движений.

Широкий размах народных движений в 40-х годах XIV в. поставил Мухаммеда Туглака перед необходимостью применения новых методов в борьбе против них. Как свидетельствуют историки, в последние годы своего правления султан назначил «низкорожденного» Азиз-Хамара наместником Мальвы. Ему же была поручена расправа с восстанием «эмиров сотен» Деогири и Гуджарата [77]. Тогда же Мухаммед Туглак возвысил нескольких лиц «низкого происхождения». Так, например, Хияну, сыну музыканта-певца, он дал области Гуджарат, Мультан и Бадаун; некоему садовнику (باغبانی) поручил дела диван-и везарет (этих областей), хотя садовники, по словам, историка, «являлись самыми низкими людьми (سفلهترین مردم بود)» [78]; повара Микаи, сына садовника, шейха Бабу-и Бак, сына ткача, он также «приблизил к себе, пожаловал икта и должности» [79].

Такая политика диктовалась, с одной стороны, стремлением Мухаммеда Туглака создать среди феодальной верхушки государства новую служилую знать; султан рассчитывал ослабить таким путем позиции могущественных мукта и эмиров и создать в лице новой знати, всем своим положением обязанной ему, послушное орудие своей внутренней и внешней политики. С другой стороны, это была, возможно, попытка противопоставить одни слои торгово-ремесленного населения другим, ослабив, таким образом, размах городских движений. Однако эта политика не дала желаемых результатов. Начало правления преемника Мухаммеда Туглака Фируз-шаха ознаменовалось новым размахом народных движений. Начав свое правление кровавыми расправами с сектантами, «еретиками»

[74] *Зия-уд-дин Баранй*. Указ. соч., стр. 515; Термином «базари» («люди базара») феодальные хронисты, как правило, обозначали торгово-ремесленную часть городского населения, принимавшую участие в местной торговле (см. *Б. Н. Заходер*. Сиасет-намэ... Примеч. 50, стр. 316—317).

[75] *Ibn Batoutah*. Указ. соч., стр. 333.

[76] Там же, стр. 286—287.

[77] *Зия-уд-дин Барани*. Указ. соч., стр. 502—503.

[78] Профессия садовника считалась занятием одной из «неприкасаемых» каст.

[79] *Мухаммед Касим Хиндушах Феришта*. Указ. соч., стр. 140.

и «язычниками», Фируз-шах был вынужден, тем не менее, пойти на определенные уступки торгово-ремесленному населению. В своей автобиографии султан называет большое число различных феодальных повинностей и поборов, взимавшихся с ремесленников и купцов прежними султанами и упраздненных им [80].

Одним из результатов народных движений XIII—XIV вв. было некоторое ослабление феодальной эксплуатации торгово-ремесленного населения городов. Это обстоятельство, а главное — кровавые расправы султанов, привели к спаду городских движений.

Новый размах городских движений с середины XV в. был обусловлен дальнейшим развитием городов, их ремесленного производства и внутренней торговли, которое стимулировало борьбу широких слоев городского населения против власти феодалов.

SUMMARY

The end of the 13—14th centuries witnessed the development of popular movements in the cities of the Delhi sultanate which sprung up as a reaction to feudal exploitation. Handicraftsmen, small merchants and declassed elements participated in these movements which in the cities took on the forms of different schisms and open uprisings. They were often followed by revolts of feudal lords against the central authorities. The immature forms of these uprisings ware indicative of the socio-political weakness of the cities. The new surge of urban movements beginning with the middle of the 15th century was connected with the further progress of handicrafts and trade which stimulated the struggle of the merchants and handicraftsmen against the tyranny of the feudal lords.

[80] «Fuṭūḥāt-i-Fīrūz shāhī», p. 452—453; *Шамс-и ирадж Афиф*. Указ. соч., стр. 374—375; *Ibn-Batoutah*. Указ. соч., стр. 117.

О КОЛОНИАЛЬНОМ НАСЛЕДИИ В АГРАРНОМ СТРОЕ ИНДОНЕЗИИ

Ю. А. СОТНИКОВ

В результате Августовской революции 1945 г. и длительной борьбы с империализмом Индонезия добилась независимости и вступила на путь самостоятельного развития. Молодая Республика получила тяжелое наследие — отсталую полуколониальную экономику. Нарождавшиеся капиталистические отношения в сельском хозяйстве оказались опутанными феодальными пережитками.

В Индонезии существуют различные социально-экономические уклады: а) остатки первобытно-общинного строя с элементами охотничье-собирательского хозяйства, а также примитивным подсечно-огневым переложным земледелием в глубинных районах крупных и на ряде мелких островов Индонезийского архипелага. Здесь в основном сохранились патриархальные отношения, хозяйство носит потребительский характер и лишь постепенно втягивается в товарно-денежные отношения; б) феодальный уклад и его пережиточные формы; в) мелкотоварное крестьянское хозяйство, г) капиталистический уклад: государственные предприятия, смешанные государственно-частные предприятия национальной буржуазии города и деревни, предприятия и плантации иностранного капитала, предприятия национальной буржуазии.

Национальный государственный капитализм — новое явление в Индонезии. В колониальный период имелись лишь государственные предприятия голландских колонизаторов, которые служили целям экономического и политического порабощения страны.

Сектор госкапитализма содействует теперь развитию национальной экономики Индонезии. Однако позиции национального капитала в промышленности и земледелии все еще очень слабы.

Прибыли иностранных монополий, действующих в Индонезии, огромны, они достигают, по некоторым данным, 15 млрд. рупий в год, что составляет сумму, равную почти всем поступлениям в государственный бюджет страны (около 15,3 млрд. рупий в 1956 г.) [1]. Иностранные капиталовложения исчисляются суммой более чем в 60 млрд. рупий.

Следует отметить, что из доли национального дохода, поступавшей индонезийцам, значительная часть ее попадала опять-таки эксплуататорам, но уже местным — индонезийцам.

В соответствии с финансовыми и экономическими соглашениями, принятыми на конференции в Гааге в 1949 г., иностранным плантаторам были возвращены все права и привилегии, которыми они пользовались до второй мировой войны. Правительству Индонезии было навязано обязательство возвратить иностранному капиталу концессии, плантации и прочую собственность и обеспечить ему возможность возобновления эксплуатации ресурсов страны. Соглашения препятствовали отмене аграрного законодательства колониального периода, которое и поныне действует в Индонезии, подвергшись лишь незначительным изменениям [2].

[1] P. K. I. dan Perwakilan, 1957, № 1, hal. 12.

В 1956 г. индонезийское правительство приняло решение о расторжении соглашений 1949 г. Однако это встретило упорное сопротивление реакционных кругов — феодалов, помещиков, компрадоров, реакционного духовенства, представители которых до сих пор располагают сильными позициями в государственном аппарате, особенно на местах. Стремясь вновь навязать Индонезии колониальный режим, империалисты предпринимают непрекращающиеся попытки расчленить страну, поддерживая и инспирируя сепаратистские мятежи и заговоры.

* * *

Индонезия является типичной аграрной страной — до 80% ее населения непосредственно или косвенным образом связано с сельским хозяйством. В сельском хозяйстве, ведущей отрасли народного хозяйства, занято более 70% всего самодеятельного населения страны. Сельскохозяйственная продукция, производимая этой частью населения, составляет по стоимости более 65% всего экспорта Индонезии [3]. Империализм придал экономике страны однобокий аграрно-сырьевой характер. В сельскохозяйственном производстве преобладающее значение имеют экспортные культуры (каучук, перец, копра, хинная кора, табак, сахар и пр.), находящие сбыт на мировых рынках. В то же время Индонезия (вплоть до последнего времени) ввозила продовольствие, что усиливало зависимость страны от внешнего рынка.

Аграрный закон 1870 г., введенный голландскими властями на Яве и Мадуре (в 1875 г. он был распространен на остальную территорию Индонезии) объявил государство верховным собственником практически всех обрабатываемых и необрабатываемых земель. По этому закону и основанным на нем правительственным распоряжениям и циркулярам запрещалась продажа индонезийцами земли иностранцам, а также устанавливались формы землевладения и землепользования.

В сферу действия государственной собственности на землю юридически не входили земли княжеств, так называемые «частные земли» и весьма ограниченные по площади земли на правах частной собственности (agrarische eigendom) [4].

В дальнейшем княжества фактически потеряли право земельной собственности на своей территории. Земельным фондом стали полностью распоряжаться голландские колониальные власти. Это, однако, не уменьшило феодальной эксплуатации крестьян.

Местное население имело право владеть землей, однако крестьянина можно было согнать с земли, если это требовалось иностранному капиталу. Иностранцы могли арендовывать землю на различные сроки в форме наследственной аренды, концессий, поочередного с крестьянами владения землей и т. п. Иностранные компании и частные лица, арендовывавшие землю сроком до 75 лет и беспрепятственно продлевавшие срок аренды, превратились в фактических землевладельцев, но не землепользователей.

Еще во времена колониального господства сложились следующие виды землевладения:

1. Землевладение иностранного капитала: а) земельная собственность помещиков — иностранцев («частные земли»), занимавшая довольно обширные территории по всей Яве: в районах Джакарты, Богора, Сурабайи, Семаранга, Бодженогоро, Пекалонгана, Джепары и Маланга; небольшое количество «частных земель» имеется на Западной Суматре и Сулавеси (Целебесе); б)плантационное землевладение иностранных компаний и частных лиц на условиях долгосрочной аренды земли у государства, в княжествах и у крестьян;

2. Феодальное землевладение князей, а затем глав так называемых «самоуправ-

[2] «Suara Tani», 1957, № 12, hal 3.

[3] «Economic botany», 11, № 1, 1957.

[4] См. «Agrarische Wet». «Encyclopaedie van Nederlandsch Indië», D. I.; *Dirman*. Perundang — undangan Agraria diseluruh Indonesia. Djakarta — Groningen, 1952.

ляющихся территорий», из насажденной голландцами феодализирующейся родо-племенной верхушки; землевладение деревенских старост и помещиков «новой формации», т. е. выходцев из имущих слоев городской и сельской буржуазии (торговцев, ростовщиков, крупных чиновников государственного аппарата, отставного старшего офицерства армии и полиции и пр.);

3. Крестьянское землевладение: общинное землевладение (с переделами и постоянными наделами крестьян внутри общины) и частное землевладение зажиточного крестьянства, середняков, бедноты;

4. Землевладение индонезийских капиталистических предпринимателей, ведущих производство с применением наемного труда.

Таблица 1

*Число землевладельцев на Яве (по данным 1940 г.)**

Размер землевладения на семью	В % к общему числу землевладельцев
Менее 1/3 га	70
От 1/3 до 1 га	25
От 1 до 2 га	3
От 2 до 5 га	1,5
Более 5 га	0,5

*Источник: *Nathan Keyfitz, Widjojo Nitisastro.* Soal Penduduk dan Pembangunan Indonesia. Djakarta, 1955, hal. 92.

В результате длительной империалистической и феодальной эксплуатации крестьянства большая часть его лишилась земли или была превращена в малоземельных крестьян — бедняков и крестьян-полуарендаторов. Это подтверждается данными, составленными на основе выборочных обследований и официальных материалов голландских властей.

Установление социальных групп только по данным о размере землевладения весьма затруднительно. Эти данные не могут, разумеется, позволить выявить характер производственных отношений и особенно уровень развития капиталистических отношений в земледелии. Тем не менее ввиду отсутствия других данных можно попытаться условно, весьма ориентировочно наметить основные социальные группы в яванской деревне, принимая во внимание трудоемкость и интенсивный характер земледелия на Яве.

70% землевладельцев (имеющих до 1/3 га земли) являлись пауперами, обладавшими крохотными участками, низшими слоями бедняков (крестьяне-полуарендаторы, издольщики). Это — основная масса сельского населения.

В группе владельцев участков от 1/3 до 1 га находились те же крестьяне-полуарендаторы, а также слой крестьянской бедноты, более обеспеченный землей и орудиями производства, и, наконец, низшие слои середняков, стоявшие на грани перехода в категорию бедноты. К группе владельцев участков от 1 до 2 га земли на хозяйство относились в основном средние и высшие слои середняков. Собственники участков от 2 до 5 га — это частично зажиточные середняки, в основном же кулаки, а также мелкие помещики. Участками площадью свыше 5 га преимущественно владели помещики. К этой группе собственников относились и часть наиболее крепких кулацких хозяйств, а также хозяйства капиталистических предпринимателей в земледелии, приходивших из сфер вне земледелия.

Вместе с тем, принимая во внимание парцелльный характер складывания крупной земельной собственности в Индонезии, а также особенности проводившегося колониальными властями кадастрового учета, который давал возможность крупным землевладельцам скрывать подлинные размеры своих владений, можно предположить наличие в группах мелких землевладельцев довольно значительного числа как помещиков, так и представителей сельской буржуазии и зажиточного крестьянства. К тому же применение удобрений, современной агротехники, более совершенного сельскохозяйственного инвентаря, ирригации, дающее возможность снимать до трех урожаев в год, позволяет капиталистическим предпринимателям и зажиточным крестьянам вести хозяйство на меньших площадях. Из всего этого следует, что в руках верхних слоев крестьянства, сельской буржуазии и помещиков земли находится больше, чем это может показаться на первый взгляд. Это тем более верно, что помещики зачастую являлись

фактическими владельцами земли закабаленных крестьян, которые юридически продолжали оставаться ее собственниками [5].

Ограбленное феодально-помещичьим классом и иностранными монополиями индонезийское крестьянство к началу второй мировой войны потеряло значительную часть своей земли.

В военные и послевоенные годы крестьянству удалось самочинно захватить известную часть земель государственного лесного фонда, заброшенных иностранных плантаций и помещичьих земель. Однако и в этот период происходило дальнейшее расслоение крестьянства и его обнищание. Помещики и иностранные землевладельцы (как компании, так и частные лица) в значительной мере сохранили свои позиции и даже расширили свои владения [6]. Этому способствовал массовый сгон крестьян с земли, проводившийся с 1949 г. иностранными плантаторами и помещиками. Сгону крестьян помогали реакционные слои в Индонезии. Сохранение колониального аграрного законодательства и отсутствие аграрной реформы — также результат деятельности этих слоев.

В результате победы национально-освободительного движения верховным собственником всех земель в Индонезии стала Индонезийская Республика. Это, однако, еще не изменило установившихся на территории республики форм земельной собственности, землевладения и землепользования, а также аграрного законодательства. Ориентировочные расчеты показывают, что поддающееся учету феодально-помещичье землевладение в общем составляет на Яве и Мадуре по меньшей мере 40—50% от общей площади обрабатываемых земель [7]. В руках феодалов на других островах архипелага также сохранилась значительная часть их прежних владений. Достаточно сказать, что феодалы так называемых Внешних Провинций (территорий вне Явы и Мадуры) контролировали 60% их территории [8]. В то же время основные земельные площади, захваченные на длительный срок (до 75 лет) иностранным капиталом еще до войны в виде различных аренд и концессий, до сих пор находятся в его руках и составляют до 20% всех обрабатываемых земель страны [9].

В общем можно считать, что примерно до трех четвертей обрабатываемых земель в Индонезии находятся в распоряжении крупных индонезийских землевладельцев и иностранного капитала.

В то же время крестьяне-бедняки и пауперы, как указывалось выше, составляют по меньшей мере 70% всех крестьян. Безземельных крестьян в 1953 г. насчитывалось около 9 млн. человек. Они образуют большинство индонезийских безработных и полубезработных [10].

---

[5] *К. Дж. Пелцер.* Pioneer settlement in the Asiatic tropics. New York, 1945, p. 170—172.

[6] См. *М. Таухид.* Masalah Agraria, Bag. I. Djakarta, 1952; «American Sociological Review», 1956, vol. 21, №2; «Harian Rakjat» 27 и 30 января 1956 г.; «Suara Tani», 1957, № 6/7.

[7] За исключением иностранных плантаций. Ср. данные «De Volkswelvaart op Java en Madura. Eindverhandeling..», Xa, D. l. Batavia, 1914, bld. 36 и *М. Таухид.* Указ. соч., т. 1, стр. 176. В некоторых материалах подчеркивается, что подавляющая часть обрабатываемой земли в Индонезии находится в руках помещиков. См. «Harian Rakjat», 1 Djuli, 1957; «Suara Tani», 1957, № 10/11.

[8] *Дирман.* Указ. соч., стр. 13.

[9] «Bintang Merah», 1954, № 7/8. «Suara Tani», 1957, № 6/7. В соответствии с соглашениями Конференции Круглого стола все арендованные иностранцами земли юридически им возвращались и они получили права возобновить эксплуатацию этой земли. Вследствие этого крестьяне, занявшие земли плантаций, подлежали сгону.

[10] «Труд», 22 ноября 1953 г. Беседа председателя профсоюза рабочих сахарных плантаций и секретаря революционного профцентра СОБСИ Чугито с узбекскими колхозниками. В настоящее время число полностью безработных составляет около 2

Арендаторы-издольщики, по некоторым данным, составляют 30—40% от об... щего числа крестьян (6—8 млн. чел. из 21 млн. крестьян) [11].

Господство феодальных и полуфеодальных пережитков характеризуется следую... щими основными чертами:

1. Концентрация земельной собственности помещиками и феодалами, в результате чего крестьяне, лишенные земли или недостаточно ею обеспеченные, вынуждены аренд... вать землю на условиях, диктуемых землевладельцами;

2. Выплата крестьянами ренты феодалам и помещикам главным образом в нату... ральной форме, поглощающей большую часть урожая, что вызывает обнищание боль... шинства крестьян;

3. Отработочная форма земельной ренты, ставящая часть крестьян в положение зависимых или крепостных;

4. Долговая зависимость крестьян, нередко превращающая их в долговых рабов [12].

Помимо двух указанных форм земельной ренты (натуральной и отработочной) существует и денежная рента (т. е. капиталистическая рента), но она имеет меньшее распространение, затрагивая лишь незначительные слои крестьян, ведущих кулацкое и предпринимательское хозяйство, наиболее зажиточных середняков, а также владельцев денег (чиновники, торговцы и др.), вложивших их в сельское хозяйство. Иногда за денежной формой аренды скрывается докапиталистическая форма эксплуатации крестьянина, как это наблюдалось на Сулавеси (Целебесе) [13]. В этом районе земли феодалов ранее обрабатывались на основе крепостного труда. Впоследствии феодалы стали сдавать их в аренду представителям торгово-ростовщического капитала, которые в свою очередь передавали ее в субаренду. Так за денежной формой арендной платы, получаемой землевладельцем, скрываются полуфеодальные методы эксплуатации крестьян паразитическими рентополучателями [14] (докапиталистическая денежная рента).

Степень товарности сельского хозяйства Индонезии весьма значительна, однако производство в нем, поскольку дело касается крестьянского хозяйства, ведется не на капиталистической основе. Много продукции на рынок дают помещичьи хозяйства, ведущие производство в значительной мере полуфеодальными методами. Различные источники подтверждают, что в Индонезии по-прежнему господствует издольщина [15].

Издольщики вынуждены отдавать землевладельцам от 50 до 80% урожая [16]. Особенно тяжелым является положение крестьян — издольщиков в княжествах. Здесь крестьяне не только отдают бóльшую часть урожая, но также отбывают барщину на землях князей и феодалов-помещиков [17]. Отработочная рента и барщинные повинности широко распространены и вне территорий княжеств, особенно там, где преобладают крупные помещики — землевладельцы (Западная Ява, Северная Суматра, Южный Сулавеси, Бали, Ломбок и др.) [18].

Экономическое положение издольщика определяется размером получаемой им доли урожая. Чем слабее издольщик, тем явственнее выступает его зависимость от

млн. чел. Число лиц, недостаточно занятых и попадающих в категорию скрытой безработицы, составляет 11—15 млн. человек, («Review of Indonesia», 1957, vol. IV, № 8.

[11] *Ir. Kaslan A. Tohir.* Sekitar Masalah Pertanian Rakjat. Djakarta, 1953, hal. 80). *A. Tohir.* Указ. соч., стр. 67.

[12] Считается, что в Индонезии до 90% крестьян обременены долгами. *Ir Kaslan*

[13] «Suara Tani», 1951, № 1, hal. 22; *M. Tauchid.* Указ. соч., т. I, стр. 180.

[14] *I. P. Van Aarsten.* Economi Pertanian Indonesia. Djakarta, 1953, hal. 120, «Suara Tani», 1951, № 1, hal. 22.

[15] См. *A. Scheltema.* Deelbouw in Nederlandsch Indie. Wageningen (Holland), 1931; *Ir. Kaslan A. Tohir.* Указ. соч., стр. 62; «Indonesië», 1956, № 2.

[16] *M. Tauchid.* Указ. соч., т. I, стр. 181; *Ir. Kaslan A. Tohir.* Указ. соч, стр. 81.

[17] См. *R. Parker.* Indonesian impessions. New Delhi, 1955; *M. Tauchid.* Указ. соч.; «Harian Rakjat», 27 января 1956 г.

[18] См. *A. Sheltema.* Указ. соч.; См. *R. Parker.* Указ. соч.

землевладельца. Отношения между землевладельцем и издольщиком во многом зависят от наличия у издольщика рабочего скота, орудий производства, семян, денежных или натуральных средств для прокормления семьи. На основе всех этих факторов определяется, кто платит земельный, водный и прочие налоги, устанавливаются срок издольной аренды, виды культур, различные повинности издольщика, размеры ссуд и др. [19] Условия издольных контрактов крайне тяжелые. Так, на о. Бали (особенно Гианьяр), где широко распространена издольная система «атуран маро», издольщики получают лишь всего одну четвертую часть урожая, а иногда даже одну пятую часть [20]; на соседнем с Бали острове Ломбок издольщику выдается лишь одна шестая часть урожая [21].

Если раньше издольная оплата крестьянина, работавшего на полях помещика в качестве поденщика или сезонника, составляла от $^1/_3$ до $^1/_6$ собранного урожая, то теперь она значительно снизилась, дойдя до $^1/_{15}$—$^1/_{16}$ и даже до $^1/_{60}$ собранной продукции.

В Индонезии в довоенные годы обнищавшие крестьяне часто были вынуждены закладывать свою землю для получения необходимых средств. Зачастую торговцы, ростовщики и помещики превращали крестьян, взявших у них ссуду под залог земли, в издольщиков на их же собственной земле. В таком случае доля кредитора была весьма высокой — от 50 до 70% урожая. Такие торговцы и ростовщики по сути дела ничем не отличались от помещиков [22].

Обследование, проведенное еще в 1939 г. в районе Тулунгагунта (Кедири, Восточная Ява), выявило, что в 9 из 21 обследованных деревень свыше 90% крестьян были вынуждены вести нищенскую жизнь издольщиков на своей же земле. Редко кому из них удавалось выпутаться из долговых сетей. Как правило, они теряют свою землю. Тяжелое положение крестьян, зависимых от крупных землевладельцев (помещиков и известной части кулачества), обычно прикрывается «патриархальными отношениями». Помещики и кулаки, под видом «взаимопомощи», предоставляют крестьянам участки для застройки, обязывая их за это отрабатывать без всякого вознаграждения или лишь за одежду и пищу. Такие полубатраки — полукрепостные весьма распространенное явление в Индонезии. В различных районах страны эти категории сельского населения называются по-разному: пондок, каранг, марга сари, вонг демпел и т. д.

К подобным же категориям полубатраков — полукрепостных относятся и пондок кринкгук, кемпитан, каранг копек и пр., которые живут в домах хозяев, за что они обязаны работать на их земле, получая только еду. Если у хозяина нет работы, они могут работать в других местах по его разрешению. Аналогичное положение и категории буджанг, джоко, райот [23].

Издольщики и полузависимые категории сельского населения являются жертвой произвола местных эксплуататоров. Арендатор может быть произвольно согнан помещиком. Однако помещики встречают растущее сопротивление крестьян.

Угнетение крестьян феодалами и помещиками усугубляется торгово-ростовщической эксплуатацией. Зачастую в роли торговца или ростовщика выступает тот же помещик. Расцвет самых низших форм капитала объясняется недостаточным развитием капитализма в стране, несмотря на имеющиеся для него предпосылки. Торговцы и ростовщики, осуществляя свои компрадорские функции, связывают крестьянское хозяйство с мировым капиталистическим рынком. Они наживают огромные прибыли, присваивая до 70—75% рыночной цены продукции [24].

---

[19] См. *A. Scheltema.* Указ. соч.; *Ir. Kaslan A. Tohir.* Указ. соч.; «Indonesië», 1956, № 2.

[20] «Suara Tani», 1951, № 1, hal. 22; *M. Tauchid.* Указ. соч. т. I, стр. 181.

[21] *A. Scheltema.* Указ. соч., стр. 301.

[22] *K. J. Pelzer.* Указ. соч., стр. 170—172.

[23] *Ir. Kaslan A. Tohir.* Указ. соч., стр. 18. Местные названия одной и той же категории полубатраков-полукрепостных.

[24] *J. H. Boeke.* Economie van Indonesië. Haarlem, 1951, bld. 302—303.

Процентная ставка в 200% годовых, взимаемая ростовщиками за кредиты крест
янству, считается даже «умеренной» [25].

Широкое распространение в Индонезии имеет так называемая система «иджо
В голодный предурожайный период (так называемый «пачеклик») торговец или рост
щик ссужает нуждающегося крестьянина деньгами под обязательство верну
ссуду и проценты из будущего урожая . Практически это означает скупку урожая
корню, его ростовщическую контрактацию. Эти операции получили очень широкий
размах. Многие полуофициальные учреждения, созданные для борьбы с торговцами
посредниками и ростовщиками и являющиеся монопольными закупщиками определ
ных видов продукции (как, например, «Яясан Копра», скупавшая копру), по характер
своей деятельности сами превратились в торгово-ростовщические фирмы и компании
Некоторые кооперативы в Индонезии не только не дают крестьянам дешевы
долгосрочных кредитов, удобрений, семян, а наоборот, стали орудием угнетени
крестьян помещиками и зажиточными элементами деревни, использующими коопе
ративные средства для закабаления крестьян.

Торгово-ростовщический капитал эксплуатирует также и ремесло, рыболовств
и мелкую промышленность как в городе, так и в деревне.

После Августовской революции на борьбу с колониализмом и феодальной эксплуа
тацией в стране выступили прогрессивные силы индонезийского общества. Крестьян
и рабочие занимали земли. Общая площадь земель, подвергшихся разделу, неи
вестна. Однако в некоторых плантационных районах она составляет внушительну
цифру. Так, в 1954 г. в таких районах Явы, как Маланг, Кедири и Суракарта, 40% план
тационных земель (80 тыс. га из 200 тыс. га) по-прежнему обрабатывались 28 тыс. кр
стьянских семей, несмотря на все попытки колонизаторов и их местных прислужников
отобрать эту землю [27]. Подобное положение наблюдалось и на Восточной Суматр
крупнейшем плантационном районе страны, где 125 тыс. крестьянских семей обраб
тывали земли иностранных плантаторов. На Северной Суматре крестьяне (140 тыс
человек) заняли к 1957 г. 115 тыс. га бывших плантационных земель [28].

Под давлением крестьян и прогрессивных сил первое правительство Али Састр
амиджойо издало в июле 1954 г. декрет, запрещающий плантаторам сгонять крестьян
с обрабатываемых ими земель. Этим же декретом крестьянам под угрозой штрафа или
тюремного заключения запрещалось самовольно занимать плантационные земли. Од
нако крестьяне, несмотря на судебные преследования, не оставляли занятых ими
плантационных земель и, более того, занимали новые [29]. Крестьяне при поддержке
прогрессивных сил по-прежнему ведут борьбу за право обрабатывать плантационные
земли. Иногда крестьянским организациям удается добиться уступок от плантаторов,
как это имело место, например, на Северной Суматре, где крестьянство с помощью
местной организации Всеиндонезийского крестьянского союза (БТИ) добилось от план
таторов подписания соглашения, по которому последние были вынуждены согласиться
на использование крестьянами части плантационных земель и согласились оказать
крестьянам помощь удобрениями и содействовать ирригации участков [30]. Эти уступки
плантаторов объясняются их нежеланием терять рабочую силу, стремлением предупре
дить забастовки, а также затормозить борьбу плантационных рабочих и крестьян за

[25] The Middle East Journal, 1953, vol. 7. № 3, p. 316—317. Известны случаи, когда
проценты на ссуды в базарные дни достигают более 1800% («Merdeka», 12 августа 1955 г.

[26] «Laporan Umum D. P. P. Harian Kepada Sidang D. P. P. Pleno Ke-V B
T. I.», diterbitkan oleh B. T. I. Djakarta, 25 Djuli 1956, hal. 13—14.
«Harian Rakjat», 23, Djuli 1956.

[27] «Merdeka», 24 июля 1954 г.

[28] «Merdeka», 1 июня 1957 г.

[29] После 1954 г. по некоторым оценкам новые земли заняли 23 тыс. крестьянских семей. См. «Harian Rakjat», 7 марта 1957 г.

[30] «Suara Tani», 1956, № 1.

землю. Вместе с тем эти уступки свидетельствуют об успехах борьбы индонезийского крестьянства, упорно отстаивающего свое право на обрабатываемую землю.

Крестьянство добилось известных успехов и в борьбе с индонезийскими феодалами. После 1945 г. был ликвидирован султанат Суракарта, а султанат Джокьякарта был разделен на автономные районы. В деревнях были созданы выборные демократические деревенские советы. Князья не могли больше взимать с крестьян арендную плату за пользование землей, требовать от них выполнения повинностей, облагать их налогами и т. д. В распоряжении яванских князей остались лишь приусадебные земли, дворцы и земли, не обрабатываемые крестьянами. В 1948 г. в этих же княжествах был ликвидирован один из видов кабальной аренды земли у крестьян иностранными плантаторами, так называемые конверсии.

Антифеодальная борьба крестьян развертывалась и на других островах. На Сулавеси в октябре 1950 г. началось движение за передачу земель сулавесийских феодалов малоземельным и безземельным крестьянам. В некоторых районах крестьяне захватывали земли феодалов. На о. Флорес крестьяне в 1952 г. подняли восстание, направленное на ликвидацию феодальных повинностей. Феодалы и их наемные банды спровоцировали вооруженные столкновения, в результате которых были убиты и ранены сотни крестьян.

В деревне Тебонгканг (о. Бали) крестьяне после войны захватили часть земли у местного раджи и, несмотря на все попытки раджи вернуть эту землю, удерживали ее в своих руках. Крестьяне добились также от помещиков права делить урожай риса, собранного с арендованного участка, на испольных началах, вместо того чтобы отдавать помещику, как это делалось ранее, $^3/_4$ урожая [31].

В ряде районов Индонезии в конце 1956 г. (октябрь — ноябрь) и в начале 1957 г. (март — май, т. е. в сезон уборки урожая) были проведены две кампании, в ходе которых крестьяне требовали от помещиков снижения арендной платы и уменьшения ростовщического процента на ссуды, повышения заработной платы сельскохозяйственным рабочим. В районе Бандунга (Зап. Ява), с ярко выраженным крупным помещичьим землевладением, крестьяне встретили упорное сопротивление помещиков; они сгоняли крестьян с земли, уничтожая их посевы и т. п. [32].

Крестьяне активно выступают против реакционной системы сельской администрации, против выполнения различных повинностей.

Последовательную и решительную борьбу с империализмом и феодализмом возглавляет крупнейшая революционная организация крестьян—Всеиндонезийский Крестьянский Союз (Барисан Тани Индонесиа — БТИ). Этот Союз был создан в разгар революционных событий в конце 1945 г. В настоящее время в рядах БТИ состоит около 3,7 млн. членов. Он имеет свои отделения и секции почти во всех районах Индонезии [33]. Ставя своей конечной целью ликвидацию феодализма и его пережитков в Индонезии и раздел помещичьих земель среди беднейшего и безземельного крестьянства, БТИ в союзе с рабочими организациями ведет упорную борьбу за улучшение положения основных масс трудового крестьянства: за снижение арендной платы и ростовщического процента, улучшение ирригации, оказание помощи дешевым кредитом, удобрениями, за закрепление законом бывших плантационных земель за теми, кто их обрабатывает, и т. д.

Правительство Индонезии стремится оказать посильную помощь крестьянам, борющимся за улучшение условий своей жизни. В проекте пятилетнего плана развития народного хозяйства (1956—1960 гг.) видное место отводится развитию сельского хозяйства. Разработан ряд проектов по ирригации и мелиорации (калимантанский проект, план Шопхойса). Успешное выполнение планов в значительной мере задерживается из-за отсутствия необходимых средств.

Чтобы облегчить положение крестьян, правительство Джуанда в 1957 г. ликвидировало государственную монополию на производство соли, а также предприняло шаги

[31] *R. Parker*. Указ. соч., стр. 70.

[32] «Suara Tani», 1957, № 6/7.

[33] «Suara Tani», 1957, № 10/11.

к аннулированию крестьянской задолженности ростовщикам или к замораживанию их долгов правительственным учреждениям [34]. После того как ростовщики начали приостанавливать выдачу кредитов крестьянам, был создан кредитный государственный банк для крестьян и рыбаков, предоставляющий им ссуды на более льготных условиях. Этот банк может явиться эффективным орудием в борьбе с засильем ростовщической эксплуатации в деревне.

Прогрессивные мероприятия правительства встретили горячую поддержку со стороны трудящихся города и деревни. По решению правительства при министерстве аграрных отношений создан специальный комитет, на который возложена задача разработать в ближайшее время проект закона о землевладении. В основу проекта положен принцип, исходящий из того, что каждому хозяйству необходимо было бы иметь земельный надел в 2 га; максимальный размер участков будет определяться местными властями в зависимости от плодородия земли [35].

Индонезийская буржуазия, широко представленная в правительстве и пользующаяся большим влиянием, заинтересована в свободном развитии страны по капиталистическому пути. Проведению аграрной реформы и введению нового аграрного законодательства мешает еще недостаточно решительная позиция буржуазии по отношению к хорошо организованному феодально-помещичьему классу, за которым стоит иностранный капитал. В составе буржуазных партий имеются и помещики, защищающие интересы своего класса. Следует отметить также, что известная часть буржуазии довольно тесно связана с землей, поэтому аграрная реформа, ликвидирующая феодально-помещичью собственность на землю, неизбежно затронула бы и ее экономические интересы. Становится понятным, почему часть руководителей буржуазных партий, не говоря уже о помещиках, выступает против лозунга прогрессивных сил о конфискации помещичьих земель и их распределении между безземельными и малоземельными крестьянами.

Коммунистическая партия Индонезии (КПИ) указывает правильный путь к разрешению задач, выдвинутых Августовской революцией 1945 г. В соответствии с программой, принятой на V съезде в 1954 г., компартия большое внимание уделяет работе среди крестьянства, мобилизуя его на борьбу за уничтожение феодальной собственности на землю и передачу земли в собственность крестьянам.

Решения V съезда компартии Индонезии по аграрному вопросу, направленные на ликвидацию феодализма, улучшение условий жизни индонезийского крестьянства и защиту его прав, встретили горячую поддержку крестьянских масс в различных районах страны.

SUMMARY

The article contains a detailed analysis of the agrarian relations in Indonesia to-day. The results of colonialism have been very severe. The author dwells in detail on the survivals of feudalism in the agrarian system of that country, and describes the struggle of the peasant masses for better living conditions.

[34] «Review of Indonesia», 1957, vol. IV, № 7, p. 11.
[35] «Merdeka», 1 июня 1957 г.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОСУДАРСТВА ВО ВЬЕТНАМЕ

Д. В. ДЕОПИК

Вопрос о возникновении и характере первых государств во Вьетнаме стал предметом исследования сравнительно недавно. Впервые проблему рабовладельческого строя как этапа в развитии вьетнамского общества поставили марксистские историки Вьетнама.

Среди них нет, однако, единого мнения по поводу общества III в. до н. э. и государства Ау Лак. Одни исследователи полагают, что вьетнамское общество в этот период находилось на стадии так называемой военной демократии, другие — Дао Зюй Ань и Нгюэн Минь — считают Ау Лак раннерабовладельческим государством. «До времени поздних Хань, — пишет Дао Зюй Ань, — в лаквьетском обществе не только существовали рабовладельческие отношения, но и возник раннерабовладельческий строй, хотя до развитого рабовладения лаквьеты не дошли». Это «общество от раннего рабовладения перешло к феодализму, минуя развитое рабовладение». В отличие от названных выше историков Минь Чань утверждает, что в эпоху Ау Лак существовало развитое рабовладение. Большинство вьетнамских историков признает, что в той или иной форме рабовладение было во Вьетнаме [1].

В настоящее время опубликовано значительное число новых вьетнамских источников («Кыонг Мук» [2], «Тоан Тхы» [3], «Ан Нам Ти Нгюэн» [4]), детальному анализу подвергнуты китайские источники. Стала более ясной история сопредельных стран. Появились такие капитальные исследования, как «Аннамитская община», «Вьетнамское искусство» [5], «Древняя история Вьетнама» [6] и другие. В результате археологических открытий стало известно об исключительно богатой и самобытной культуре вьетнамцев в период III—I вв. до н. э., выяснились многие важные черты экономики и социальной жизни. Все это позволяет пересмотреть наши представления о ранних государствах во Вьетнаме.

---

[1] Подробнее о точках зрения вьетнамских исследователей на рабовладельческую эпоху во Вьетнаме см. *Д. В. Деопик*. Некоторые вопросы древней истории Вьетнама в современной вьетнамской исторической науке. «Вестник древней истории», 1956, № 2, стр. 95—107.

[2] 越史通鑑綱目 «Việt Sử Thông Giám Cư'o'ng Mục «Кыонг мук» — летопись, включающая в себя источники разных периодов.

[3] «Toan thử» приведено у Lê Thanh Knôi, Le Vietnam, Paris, 1956.

[4] «Annam chi nguyên, «Vân Su Dia», 1956 г., № 20.

[5] *Nguyên Hu'u Khang*. La commune annamite. Paris, 1946; *L. Bezacier*. L'Art vietnamien. Paris, 1955.

[6] *Đaó Duy Anh*. Cô sử Việt Nam. (*Дао Зюй Ань*. Древняя история Вьетнама). Hànôi, 1955.

* * *

В середине второго тысячелетия до н. э. в Южном Китае, в бассейне среднего и нижнего течения Янцзы, возникла обширная этническая группа, известная под названием жяоти, из которой, по мнению ряда исследователей, в процессе дальнейшего этногенеза выделились предки вьетнамцев. Жяоти жили разрозненными племенами.

Китайские летописи, относящиеся к периоду чжоуской династии, именуют группу, в которую входили протовьетнамцы, «вьет тоук». В источниках последующих эпох предки вьетнамцев известны обычно под названием лаквьет. Письменные и археологические данные свидетельствуют, что во время династии Чжоу началась миграция «вьет тоук» на запад, юго-запад и юг [7]. Вьет тоук, переместившиеся в Сычуань и дальше на юг и известные под названием зи вьет, или манзи, рассеялись и впоследствии в III—I вв. до н. э. ассимилировались с китайским населением [8]. Другая группа, состоявшая из двух больших племенных объединений вьет тхыонг и вьет в Чжэцзяни, двинулась на юго-восток. Группа вьет в Чжэцзяни была наиболее развитой, она раньше других — с VII в. до н. э. стала широко применять изделия из бронзы. В это время у вьетов в Чжэцзяни происходил процесс разложения родового строя, становления классового общества и образования государства Вьет или Юэ. Процесс этот, ускоренный связями с древнекитайскими царствами, затем был задержан кровопролитными войнами в V в. с царством У, а также захватом территории вьетов в 333 г. (после длительных войн) соседним царством Чу [9]. Это послужило толчком к массовому переселению вьетов на юг и юго-запад [10]. С этого времени название вьет тоук в китайских источниках окончательно уступило место названию бать вьет. Древние китайские летописи сообщают, что бай юэ (бать вьет) — это «люди Вьет, бежавшие на юг... в Линь Нам» [11], т. е. к югу от гор У Линь — в провинции Фуцзянь и Гуандун, а частично в Гуанси и Бакбо. Первоначально племена группы бать вьет жили в Фуцзяни и соседних районах. Впоследствии они продвинулись дальше на юг и юго-запад, где уже до этого, в V—IV вв. до н. э., имелись поселения бать вьетов (в дельтах рек Красной и Ма в Бакбо) [12]. В процессе миграции мелкие племена объединились в пять союзов племен: донг вьет (или донг ау), ман вьет, нам вьет, тэй ау (или тэй вьет), ван ланг (или лак вьет).

Южные союзы племен тэй ау и ван ланг из группы бать вьет составили основной компонент складывавшейся вьетнамской народности. В связи с тем, что эти союзы племен не входили в состав циньского или раннеханьского Китая, китайская летопись сообщает только их названия и крайне немногочисленные факты из их истории.

Союз племен тэй ау в 3-й четверти I тыс. до н. э. занимал территорию юго-западной части современной Гуанси, а союз ванг ланг — часть территории нынешнего Бакбо и В плодородных долинах, где поселилась эта часть далеких потомков жяоти (тэй ау и ван ланг), возникла богатая самобытная культура, известная под названием «культуры Донг Шон» [14].

---

[7] *O. Janse*. Un groupe de bronzes anciens propres à l'Extrême-Asie méridionale. «Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities», 1931, № 3, p. 99—174.

[8] Эти процессы подтверждаются, в частности, материалами раскопок в Шичжайшане 云南博物館云南晉寧石寨山古遺址及墓葬 («Комитет полевых исследований провинции Юньнань». «Могильник и поселение Шичжайшан в уезде Цзинь в Юньнани». «Каогу сюэбао», 1956, № 1, стр. 44, 45, 59.

[9] 吳越春秋 («У Юэ Чун Цю»), гл. 4, ч. 7, гл. 5, ч. 8 и 9, а также 越絶書 («Юэ Чжи Шу»), гл. 11, 12, 13.

[10] *Đào Duy Anh*. Указ. соч., стр. 35.

[11] Сыма Цянь 史記 («Ши Цзи»), гл. 41.

[12] *Đào Duy Anh*. Указ. соч., стр. 54.

[13] «Кыонг Мук», гл. 1, стр. 8.

[14] *V. Goloubew*. L'âge du bronze au Tonkin et dans le Nord-Annam. BEFEO, t. XXIX, 1930, p. 1—46.

В отличие от живших вблизи территории древнего Китая племен зи вьет и части племен бать вьет (нам вьет, ман вьет, донг вьет), отдаленные от Китая и политически самостоятельные племенные союзы тэй ау и ван ланг подвергались значительно меньшему влиянию Китая. Большой отпечаток на самобытную в целом культуру лаквьетов (тэй ау и ван ланг) наложило взаимодействие их с автохтонным (аустроазиатским) населением страны, в которой они осели [15].

К началу III в. до н. э. племенной союз ван ланг занимал Центральное и Восточное Бакбо [16]. Основным занятием населения было плужное и мотыжное земледелие на заливных [17] и суходольных полях. Обработка земли производилась бронзовыми мотыгами и четырехчастным плугом параллельного действия с бронзовым лемехом [18]. Основными производителями сельскохозяйственных продуктов были племена, населявшие равнины, в хозяйстве приграничных горных племен большую роль играла охота.

О социальной структуре лаквьетского общества этого времени известно немногое. По имеющимся данным народ лак зан составляли земледельцы-общинники — свободные воины.

Развитие производительных сил (широкое применение в то время плужного земледелия и развитие металлургии), связанное, в частности, с исключительным плодородием Бакбо и высокой плотностью населения давало возможность формировавшемуся господствующему классу все больше присваивать прибавочный продукт и на этой основе увеличивать свою экономическую силу. Процесс же формирования господствующего класса, насколько это возможно проследить, зашел уже далеко.

Об имущественном расслоении свидетельствуют, в частности, археологические данные. Так, наряду с простыми погребениями рядовых общинников открыты погребения представителей племенной верхушки, в которых найдено много оружия и ценностей, большое число китайских вещей и денег. Во главе союза племен стоял лак выонг — военный вождь и верховный жрец, власть которого в роде Хунг-банг была наследственной. Вождь распоряжался значительными землями, постепенно становившимися наследственными владениями его рода, которые располагались в центре расселения лаквьетов, у слияния Красной и Черной рек в области Ме линь (современная провинция Сон тай). Там же находилась ставка вождя (укрепление Фаунг), центр союза племен. На войну общинники выступали ополчениями, со своим оружием [19]. Племенная верхушка состояла из лак хэу, лак чыонгов и бо тиней [20]. Лак хэу выполняли гражданские функции, лак чыонги — военные [21]. Функции бо тиней (низшая группа племенной верхушки) еще не были строго дифференцированы. В выделении из среды общинников племенной верхушки и ее постепенном превращении из слуг общины в представителей публичной власти, возвышающихся над народом, мы видим признаки образования государства, которое «состоит в разрыве родовых связей путем разделения членов каждого рода на привилегированных и непривилегированных» [22].

Господствовал уже патриархат, имело место наследование общественных должно-

---

[15] *A. J. Haudricourt*. La parenté de la langue vietnamienne et la classification des langues de l'Indochine. «Proceedings of the 23rd International Congress of Orientalists» London, 1954, p. 274.

[16] «Кыонг Мук», гл. 1, стр. 3. *E. Dumoutier*. Etude sur Co Loa. «Nouvelle archives orientales scientifques et litteraire», 1898, p. 221—222; *H. Maspero*. Le royaume de Van Lang. «BEFEO», t. XVIII, 1918, p. 1.

[17] *E. Gaspardone*. Champs *Lo* et champs *Hiong*. «Journal Asiatique», t. CCXLIII, fasc. 4, 1955, p. 477.

[18] *O. Janse*. Preliminary report of excavations at Dong son. «Révue des arts asiatiques», 1936, vol. IX.

[19] «Кыонг Мук», стр. 6.

[20] Там же, стр. 5.

[21] Там же, стр. 5.

[22] См. *Ф. Энгельс*. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1952, стр. 113.

стей как от отца к старшему сыну, так и (в случае отсутствия сыновей) к мужу дочери[23], сохранялся также обычай левирата, который существовал еще в III в. н. э.[24].

Начало III в. до н. э. было временем значительных внутренних столкновений между ван лангом и группой лаквьетских племен тэй ву. Союз племен ванг ланг возглавлялся в то время Кинь Зыонгом, ставшим лак выонгом в 314 г. до н. э, тэй ву возглавлял наследственный вождь из шуского рода Тхук[25]. Последний просил Кинь Зыонга выдать за него свою дочь. Кинь Зыонг согласился. Однако согласие Кинь Зыонга на этот брак было отрицательно встречено племенной знатью, которая опасалась, чтобы Тхук после смерти Кинь Зыонга не присоединил территорию ван ланга к территории тэй ву. Под давлением племенной верхушки Кинь Зыонг отказал Тхуку в его просьбе. Тхук действительно стремился путем заключения личной унии объединить все лаквьетские племена. Именно поэтому в сущности не такое уж важное событие, как отказ Кинь Зыонга выдать за Тхука свою дочь, вызвало обострение отношений между ван лангом и тэй ву. Около десяти лет длились между ними ожесточенные войны, одной из целей которых, по мнению ряда исследователей, был захват рабов — военнопленных. В 257 г. сыну вождя тэй ву Тхука, Фану, удалось внезапно захватить Фаунг. Кинь Зыонг — вождь ван ланга, покончил жизнь самоубийством, будучи не в состоянии организовать сопротивление Фану[26]. Фан Тхук объединил всю лаквьетскую территорию, расположенную по течению Красной реки. Это объединение, известное под названием Ау Лак или Тэй Ау, обладало всеми чертами государства.

Скопление значительных земель и богатств в руках лак хэу и лак чыонгов, переход власти в руки наследственных вождей союзов племен, возникновение первых органов власти, стоящих над общинами,— все это говорит о том, что общество «раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно»[27]. Это обусловило возникновение в III в. до н. э. государства у лаквьетов. На смену племенному делению пришло территориальное, окончательно оформилась публичная власть, были введены первые налоги. Оформилось государство как орган классового господства, орган угнетения одного класса другим.

Государство Ау Лак представляло собой восточную деспотию. Основной формой общественной и хозяйственной организации была община[28], игравшая главную роль в экономике и социальном строе древнего Вьетнама. Эксплуатация общинников осуществлялась обычно взиманием налога рисом. Широко применялась государственная повинность по строительству каналов, укреплений и т. д. Общинники — лак зан (народ лак) составляли большинство производительного населения Ау лака, главным их занятием было земледелие на искусственно орошаемых и суходольных полях[29] и рыболовство. Наиболее распространена была культура риса, реже — проса. Из тягловых животных лак зан знали быка, буйвола и лошадь, из других домашних животных — баранов, свиней, а также домашнюю птицу[30].

Известно о существовании в государстве Ау Лак рабства. Как отмечает Дао Зюй-Ань, источниками рабства были захват на войне и обращение в рабство населения покоренных районов, а также обедневших членов общин (в частности, долговое рабство). Для обозначения рабов существовали особые термины. Рабы были объектом куп-

[23] «Кыонг Мук», гл. 1, стр. 6.
[24] Там же, стр. 5.
[25] «Кыонг мук», гл. 1, стр. 6.
[26] См. «Кыонг мук», гл. 1, стр. 7.
[27] *Ф. Энгельс.* Указ. соч., стр. 176.
[28] Соседская и даже родовая община существуют и до сих пор у некоторых народностей Вьетнама (мыонги, пнонги, тхо, кха и многие другие). См. *Nguyên Hu'u Khang.* La Commune annamite. Paris, 1946.
[29] «Ши Цзи», гл. 113; 水經注 («Шуй Цзин Чжу»), гл. 37. Цит. по L. Aurousseau. La première conquete chinoise des pays annamites. «BEFEO», t. XXIII, 1924, стр. 211—212; 廣州記 («Гуан Чжоу Цзи»). См. комментарий к «Ши Цзи», гл. 113.
[30] *V. Goloubew.* Указ. соч., стр. 1, рис. 42.

ли — продажи. По данным Дао Зюй Аня[31], у лаквьетов, наряду с такими неразвитыми, смягченными формами рабства, как внутрисемейное и внутриобщинное рабство, существовало развитое рабство, направленное на производство прибавочного продукта. Имеющиеся в нашем распоряжении данные пока не дают возможности ответить на вопрос об удельном весе труда рабов в производственном процессе. Однако можно высказать предположение о том, что правитель государства — Ан Зыонг Выонг и лак чыонги, проводя большое ирригационное и городское строительство[32], широко применяли здесь труд рабов наряду с использованием труда привлекавшихся к выполнению общественных работ «людей тэй ву». По-видимому, засвидетельствованные источниками факты освоения новых земель в дельте[33], где существование общин не зафиксировано, могло осуществляться при помощи рабского труда.

Труд рабов в хозяйствах лак чыонгов применялся (как это имело место и позднее)[34], наряду с трудом обедневших свободных, причем последний, вероятнее всего в форме кабальной аренды (как было, по мнению ряда историков, и в рабовладельческом Китае), что, впрочем, возможно было далеко не на всей территории Ау Лака. Труд рабов использовался и в ремесле. Имеются свидетельства, позволяющие предположить наличие у лак выонга ремесленников — рабов.

В государстве Ау Лак в самостоятельные отрасли производства выделились добыча металла, литейное дело, ювелирное и гончарное ремесла и др. В особых мастерских производились бронзовые орудия, оружие, украшения и бронзовая посуда. Для создания знаменитых бронзовых барабанов требовалось применение в течение длительного времени труда многих ремесленников. Для строительства кораблей (особенно таких, как обитый бронзовыми листами корабль лак выонга) необходимо было значительное число плотников-корабельщиков. В широких масштабах проводилось строительство дворцов, крепостей и каналов. Особым ремеслом, правда, охватывавшим небольшое число производителей, являлась выделка каменных ушных колец, заменявших деньги и обращавшихся наряду с китайской монетой. Что касается ткачества, то оно в этот период продолжало оставаться домашним ремеслом.

Появляются города — административные и торгово-ремесленные центры. Крупнейший из городов Ау Лака — его столица Ко лоа (Лоа тхань), как и большинство городов вьетнамского государства (Ме линь, Лиен лау, Ты фо и др.), возник как административно-торговый центр. Ко лоа строился как политический центр государства, что подтверждается данными археологии (планировка города). Город находился на стыке границ ван ланга и тэй ву. Будучи расположен немного ниже слияния важнейших рек Бакбо и соединен каналом с Красной рекой — основным транспортным путем, он мог контролировать торговлю, шедшую главным образом по рекам, и активно участвовать в ней. Он был построен на естественной возвышенности, господствующей над окружающей местностью (это усиливало его обороноспособность на случай войны) и опоясан девятью огромными земляными валами (из которых до нас дошло три) вокруг внешнего вала был ров с водой[35]. В центре располагалась цитадель выонга, в которой находился его дворец и личная охрана. Административно-бюрократический аппарат помещался, по-видимому, между первым и вторым городскими валами; войска столичного гарнизона располагались между вторым и третьим валами, а за третьим валом — остальное население столицы[36]. Такая планировка свидетельствует не только

[31] *Đaó Duy Anh.* Указ. соч., стр. 95, сл.
[32] «Ши Цзи», гл. 113.
[33] «Ши цзи», гл. 113; «Гуан Чжоу Цзи».
[34] *Đàó Duy Anh.* Указ. соч., стр. 93.
[35] «Кыонг Мук», гл. I, стр. 229; *E. Dumoutier.* Etude sur Co Loa, p. 229.
[36] Подобная планировка применялась при строительстве дворцовых комплексов в средневековом Кэ Чо (Ханое). Так же строились и многие ранние города Камбоджи и Сиама. См. *P. D. R. Williams-Hunt.* Irregular Earthworks in Eastern Siam: an air survey. «Antiquity», 1950, vol. XXIV, № 93, p. 30—36.

о существовании публичной власти, стоявшей над народом, власти, антагонистической противостоявшей ему, но и о четко выраженной дифференциации населения столицы. Основу военной организации лаквьетов составляли отряды пехоты, состоявшие из свободных общинников, вооруженных боевыми топорами и копьями. Широко применялись боевые галеры [37].

Общность форм и способов изготовления, а также нахождение совершенно одинаковых изделий на всей территории Ау Лака могут служить косвенным доказательством развития внутренней торговли. О том, что города являлись торговыми центрами, свидетельствуют сообщения летописи о проводившейся в них торговле рисом [38]. Ау Лак имел торговые связи с Китаем [39], с кхмерскими и тьямскими областями, с Центральной Индонезией. Из Китая ввозилось оружие (бронзовые, а впоследствии и железные мечи, бронзовые кинжалы и ножи), бронзовые вазы и мелкие сосуды, орудия сельского хозяйства, ткани, дорогая посуда, крупный рогатый скот и другие товары. Из кхмерских и тьямских областей доставлялись металлические изделия и украшения. Ау Лак в свою очередь снабжал соседние районы Южного Китая и Индокитая некоторыми видами металлических изделий. В ходу были китайские монеты и деньги местного происхождения в виде каменных колец особой формы. На своих кораблях лаквьеты совершали далекие путешествия и, вероятно, торговля была одной из целей этих путешествий. Особенно тесными были связи с Индонезией [40].

Во главе Ау Лака стоял выонг — титул, принятый Фан Тхуком, — неограниченный властитель государства, номинальный верховный собственник всей земли в стране. Кроме того, он сам владел обширными землями [41]. В отличие от лак чыонгских земли выонга в значительной своей части были расположены на старых лаквьетских территориях [42] и заселены общинниками. Выонг распоряжался всеми доходами и ресурсами государства. Он являлся верховным военачальником и главным жрецом Ау Лака.

В руках господствующей верхушки лак чыонгов, лак хэу и бо тиней, которая захватила в свои руки часть земельных угодий общин, превратив их в свою собственность [43], сосредоточилась военная и гражданская власть. Они выполняли теперь функции чиновников государственного аппарата.

Бывшие племенные вожди и другие представители племенной верхушки занимали в государстве Ау Лак посты начальников образовавшихся теперь территориальных областей (тяу) и районов (хюйен), причем начальники последних выполняли административные и военные функции (бо тинь), а начальники областей делились на военных (лак чыонг) и администраторов (лак хэу), которые выполняли также жреческие функции при местных божествах [44]. В большинстве случаев эта прослойка господствующего класса по происхождению являлась родовой аристократией и продолжала сохранять свои родовые связи. После разгрома Ван ланга часть владений в дельте перешла

[37] *V. Goloubew.* Указ. соч., стр. 33—35, рис. 41, 44.

[38] *Daó Duy Anh.* Указ. соч., стр. 56; *Ly Trân Cuy.* Вопрос о критерии для периодизации «Ван Сы Диа», 1955, № 10, стр. 64.

[39] «Ши Цзи», гл. 113.

[40] *H. R. Van Heekeren.* Proto-historic Sarcophagi on Bali. «Bulletin of the Archaeological Service of the Republic of Indonesia», 1955, № 2; *V. D. Hoop.* Een praehistorisch rinkebel? «Tijdschrift voor indische taal—, land—en volkenkunde», deel LXXVIII, Afl. 1, 1938, p. 113.

[41] *Daó Duy Anh.* Указ. соч., стр. 93.

[42] *G. Dumoutier.* Étude historique sur Trêiu-Vo-đé. T'oung Pao ou archives concernant l'histoire, les langues, la géographie et l'ethnographie de l'Asie Orientale, vol. 7 Leide, 1906, p. 424.

[43] См. *H. Maspero.* Указ. соч., стр. 7.

[44] Это характерно для Ау Лака и в последующий период его пребывания в составе Нам вьета, когда Чжао То сохранил за вьетнамцами гражданские посты в масштабе области. а на военные поставил своих чиновников. «Кыонг Мук», гл. 1, стр. 19.

представителям верхушки Тэй Ву, в основном владевшей землями, которые были расположены в бассейне реки Светлой. Сочетание государственной службы в данном районе с владением значительными земельными угодьями давало лак чыонгам большую власть над подчиненными им воинскими отрядами, поэтому в период ослабления центральной власти эти отряды вырастали в опасную для выонга силу.

Лак хэу выполняли и жреческие функции при местных божествах. Наряду с верованиями, сохранившимися от предшествующего периода (культ определенных деревьев [45], вера в духов гор и моря, в духов — хранителей общины, в магические свойства амулетов, фаллический культ и т. д), существовала вера в многочисленных духов — хранителей общины. Особое значение приобретает культ предков, который в государстве Ау Лак содействовал укреплению государственной власти и в котором уже тогда заметное место занимал культ умершего выонга [46]. Укреплению государственной власти способствовало также возникшее тогда солнечное единобожие [47].

Политическая история Ау Лака тесно связана с борьбой против Циньской империи. После возникновения империи Цинь между нею и Ау Лаком с 30-х годов III в. до н. э. происходили постоянные военные столкновения. Победы армии Ау Лака над циньскими войсками содействовали укреплению и централизации молодого лаквьетского государства. Последняя война между Ау Лак и империей Цинь длилась семь лет (214—207 гг.). Войскам китайского полководца Чжао То противостояла единая лаквьетская армия, возглавляемая Ан Зыонг Выонгом.

Первый поход Чжао То начался в 214 г. до н. э. через Южный Китай на Бакбо. Недалеко от столицы лаквьетская армия дала решительный бой, в котором циньские войска были наголову разбиты. Весь Ау Лак снова стал независимым, а положение Ан Зыонг Выонга как руководителя единого лаквьетского государства окончательно укрепилось. Но часть Южного Китая вошла в состав империи Цинь. Второй этап войны также завершился поражением циньских войск (конец 210 г.). К этому времени империя Цинь находилась на грани распада. Чжао То объявил себя независимым правителем провинции Нань хай и Лунь сюань в Южном Китае.

В 208 г. Чжао То, к этому времени уже правитель нового государства Намвьет (Нань юэ), образовавшегося на территории бывших провинций Южного Китая, начал войну с Ан Зыонг Выонгом. В одном из боев Ан Зыонг Выонг потерпел поражение и с остатками армии и семьей отступил в южную часть своего государства, где в 207 г. был окончательно разбит войсками Чжао То и покончил жизнь самоубийством. Ау Лак потеряло свою самостоятельность, превратившись в зависимое от Намвьета государство. Но война сильно ослабила и Намвьет. Победа Чжао То была далеко не полной. Имеются глухие упоминания о его соглашении с какой-то частью вьетнамских вождей. Ау Лак стал вассальным государством. У власти осталась семья выонга, с членами которой породнился Чжао То, и его наследником стал сын от брака его сына и дочери Ан Зыонг Выонга.

Два с половиной столетия спустя, в 44 г. н. э., государство Ау Лак прекратило свое существование.

SUMMARY

Au Lak was the first state to have taken shape in North Vietnam in the third century before our era as the result of a long process of class formation. In the author's opinion, Au Lak was a despotic state of the early slavery stage.

[45] *E. Dumoutier.* Étude sur Co Loa, p. 232. Подобный культ существовал во Вьетнаме и позже, см. *L. Cadiere.* La culte les arbres «BEFEO», t. XVIII, № 7, 1918.

[46] «Кыонг Мук», гл. 1.

[47] *H. G. Quaritch Wales.* The religious significance of the Early Dongson Bronze Drums. «Proceedings of the 23 rd Congress of orientalists», p. 270—271.

«КИТАБИ КОРКУТ» И ОГУЗСКАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

В. М. ЖИРМУНСКИЙ

1

Единственный памятник средневекового эпоса тюркоязычных народов «Книга моего деда Коркута» («Китаби дэдэм Коркут») представляет эпический цикл, состоящий из введения и 12 «рассказов» или песен («былин», как называет их В. В. Бартольд). Каждый из рассказов имеет самостоятельный сюжет; объединяющими являются персонажи, которые переходят из одного рассказа в другой. Героями являются огузские богатыри, подчиненные Байындыр-хану, эпическому властителю огузов. Старший из них — богатырь Казан-бек (или Салор-Казан), зять Байындыр-хана и глава «внутренних огузов». Связующей фигурой для всех рассказов является также дед Коркут, белобородый старец, мудрый наставник ханов, беков и всего народа и в то же время певец-сказитель, хранитель народного эпического предания. Коркут выступает в песнях как участник действия и мыслится как их создатель и исполнитель: в конце каждого рассказа он «слагает песню» в честь богатыря, прославляет его подвиг и благословляет хана, которому она поется.

Основной текст рассказов — прозаический, с вставными лирическими партиями стихотворного характера. Такое чередование прозаического рассказа с песенными вставками представляет очень древнюю форму эпических сказаний тюркоязычных народов.

Местом действия эпоса, судя по географическим названиям, является Закавказье (Армянское плоскогорье) и Малая Азия (Трапезунд, Байбурт и др.). «Сказочные богатыри, — указывает В. В. Бартольд,— живут, однако, в той же местности — на армянской возвышенности — как современники певцов, в той же обстановке кочевого или полукочевого быта, в шатрах, с табунами коней, стадами верблюдов и баранов, с летовками в горах, но также с садами и виноградниками» [1]. Может быть, следовало бы уточнить: в рассказах цикла Коркута изображаются воинственные кочевые или полукочевые племена, расположившиеся, как хозяева, среди оседлого иноплеменного населения или на границе древней оседлости, близ городов и крепостей, на которые они совершают набеги.

Феодальная и мусульманская окраска, наличествующая в «Книге Коркута», также связана с этим, исторически более поздним, ближневосточным этапом развития огузского эпоса.

«Книга Коркута» дошла до нас в двух рукописях XVI в.: дрезденской и недавно открытой ватиканской [2], из которых вторая содержит только 6 рассказов, расположенных

[1] *В. Бартольд*. Турецкий эпос и Кавказ. «Язык и литература», т. V. Л., 1930, стр. 11—12.

[2] См. *Ettore Rossi*. Il «Kitab-i Dede Qorqut». Racconti epico cavallereschi dei Turchi Oguz tradotti e annotati con «facsimile» del ms. vat. turco 102. Citta del Vaticano, 1952.

в ином порядке, чем в первой. Дрезденская рукопись была открыта в 1815 г. немецким востоковедом Г. Ф. Дицем, который извлек из нее рассказ об одноглазом циклопе (VIII) и опубликовал его в немецком переводе в качестве нового варианта сказочного сюжета, известного из «Одиссеи» [3].

В 1891—1892 гг. В. В. Бартольд, будучи еще студентом восточного факультета Петербургского университета, переписал всю рукопись и в дальнейшем (1894—1904) издал из нее четыре главы (I—III и V), сопроводив их русским переводом и вступительным комментарием [4].

Позднее Бартольд неоднократно возвращался к «Книге Коркута», наиболее исчерпывающим образом — в статье «Турецкий эпос и Кавказ» (1930). Его работы положили начало научному и прежде всего историческому изучению этого памятника. В 1922 г. Бартольд подготовил к изданию полный русский перевод всего текста, со своим предисловием, для «Всемирной литературы». К сожалению, вследствие закрытия издательства этот перевод, выдающийся не только по своим научным, но и по художественным достоинствам, при жизни Бартольда остался неопубликованным. Он был напечатан лишь в 1950 г. (по рукописи, хранящейся в архиве Академии наук СССР) [5] Азербайджанской академией наук в издании, не получившем широкого распространения [6].

Не осуществленным осталось комментированное издание, задуманное А. Ю. Якубовским для серии «Литературные памятники».

Тем временем появился ряд новых исследований, посвященных этому замечательному памятнику, на турецком, немецком и итальянском языках [7]. К сожалению, фольклорные материалы, собранные в СССР, в особенности в Средней Азии, остались в этих исследованиях не использованными. Оригинал был впервые полностью издан в Стамбуле в 1916 г. Килисли Му'аллим Риф'атом и в 1938 г. перепечатан там же новым турецким алфавитом с обширным предисловием Орхан Шаик Гёкйайя [8]. Азербайджанское издание также латинским алфавитом вышло в свет в 1939 г.

В основу «Книги моего деда Коркута» положены огузские эпические сказания в той обработке, которую они получили в устно-поэтическом предании огузов в Закавказье и Малой Азии во второй половине XV в. Однако значительная часть эпических сказаний и песен этого цикла в своей первоначальной форме сложилась еще в IX—X вв. на более древней родине огузов в низовьях Сыр-Дарьи и была перенесена на Ближний Восток в XI в., когда часть огузов, под предводительством султанов из династии Сельджуков, захватила северные провинции Ирана, южную часть Закавказья и Малую Азию. «Предания об огузах, Коркуде и Казан-беке,— пишет Бартольд,— несомненно были перенесены на запад в эпоху Сельджукской империи (XI—XII вв.), к которой относится также отуречение Азербайджана, Закавказья и Малой Азии» [9].

Сопоставление эпических рассказов «Китаби Коркут» с другими материалами по

[3] *Heinrich Friedrich Diez*. Denkwürdigkeiten von Asien... 2. Theil. Berlin und Halle, 1815, («Der neuentdeckte oghuzische Cyklop verglichen mit dem homerischen»), S. 399—457.

[4] «ЗВОРАО», т. VIII, 1894, стр. 203—218; т. XI, 1899, стр. 175—194; т. XII, вып. 4, 1900, стр. 037—059; т. XV, вып. II—III, 1904, стр. 1—38.

[5] Архив АН СССР, шифр 68. 1. 183.

[6] «Деде Коркут». Перевод академика В. В. Бартольда. Подготовили к печати Гамид Араслы, М. Т. Тахмасиб. Баку, Изд-во АН Азербайджанской ССР., 1950.

[7] См. в особенности *Walter Ruben*. Ozean der Märchenströme, T. I. Die 25 Erzählungen des Dämons... Mit einem Anhang über die 12 Erzählungen des Dede Korkut. Helsinki, 1944 S. 193—285; *Ettore Rossi*. Указ. соч., стр. 1—95.

[8] *Orhan Şaik Gökyay*. Dede Korkut. İstanbul, 1938. Введение.

[9] *В. Бартольд*. Еще известие о Коркуде. ЗВОРАО, т. XIX, вып. I, 1909, стр. 076. Ср. также: *W. Bartold*. 12 Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens, bearbeitet von Th. Menzel. «Die Welt des Islams», Beiband, 1935, S. 107.

истории и фольклору народов Ближнего Востока и Средней Азии позволяет, в р
случаев с значительной достоверностью, отнести происхождение отдельных, вошед
в цикл, эпических сказаний к указанным двум этапам исторической жизни огуз
вместе с тем в каждом из них различить наслоения разной древности, в основно
среднеазиатские и ближневосточные.

Из среднеазиатских письменных источников на первом месте стоит «Родосло
туркмен» хивинского хана Абульгази (около 1660 г.) [10], который основывается част
на более ранних исторических трудах (Рашид ад-Дин, начало XIV в.), частью на
ных фольклорных преданиях туркменского народа. Абульгази неоднократно ссыла
на «бахши минувших дней» на «мудрых старцев из туркмен», на «знатных людей и
ши из туркмен, сведущих в истории» [11]. Легендарный век Коркута и Салор-Каз
когда огузы жили в низовьях Сыр-Дарьи, Абульгази относит ко времени «тр
лет спустя после нашего пророка» [12] (т. е. к IX—X вв. нашей эры). В «Родосло
туркмен» упоминается Коркут-ата как «везир» нескольких огузских ханов того в
мени — новый феодальный титул, прикрывающий более архаическое социальное
держание: Коркут на самом деле выступает здесь как мудрый патриарх племени, с
щий во главе старейшин и народа; он избирает и низлагает ханов, дает ханам и ве
советы, которые выполняются как прорицания и завет; он окружен почетом как
вый человек в народе, его особа священна, перед ним склоняет колена избранны
его слову хан огузов [13]. Рассказ Абульгази о Коркуте во всех своих основных
тах основан на историческом труде Рашид ад-Дина и тем самым отодвигается хро
гически ко времени около 1300 г. [14].

В сочинении Абульгази содержится также ряд сведений о Салор-Казане
Казан-Алпе) — вожде огузского племени Салоров, который прославился в во
с печенегами («бечене»). «Рассказ о разграблении дома Салор-Казана» в «Китаби К
кут» (II) отражает ряд подробностей войны между салорами и печенегами, о кот
дважды рассказывает Абульгази [15]. В «Родословной» упоминается и жена Са
Казана, правда, под другим, чем в «Книге Коркута», именем (Алтун-Гёз
но и здесь, как в эпосе, она известна как воительница, и ее эпическое прозвище «р
Бурла-хатун» перекликается с сообщением историка туркменского народа: «жена Са
Казан-Алпа... была высокого роста» [16]. Сын Салор-Казана Уруз-бек, один
героев эпических рассказов цикла Коркута, также упоминается Абульгази в родос
ной салорских беков под именем Öткӱзли-Урус [17].

Наконец, в «Родословной туркмен» нашло отражение и среднеазиатское ска
об Алпамыше, который известен в огузском эпосе под именем Бамси-Бейрек (
сказ о Бамси-Бейреке, сыне Кам-буры», III). Среди семи девушек, кото
«подчинив себе весь огузский народ, много лет были беками», рядом с женой Са
Казана, Абульгази называет «Барчын-Салор, дочь Кармыш-бая и жену Ма
бека» (т. е. Алпамыша = Алп-Мамыша). Согласно рассказу Абульгази, «могила ее
дится на берегах реки Сыр и пользуется известностью в народе. Узбеки ее назы
Барчынын Кӧк-кесене» («Голубое жилище Барчын»). «Это великолепный гумбез, у
ный изразцами» [18].

[10] См. *А. Н. Кононов*. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хи
ского (в дальнейшем Абу-л-Гази). Изд-во АН СССР, 1958.

[11] Там же, стр. 52, 53, 78.

[12] Там же, стр. 61.

[13] Там же, стр. 57—60.

[14] Параллельные места см. *Orhan Şaik Gökyay*. Указ. соч., стр. XVIII—X

[15] Абу-л-Гази, стр. 56 и 73—74. См. также *В. М. Жирмунский, Х. Т. Зар*
Узбекский народный героический эпос. М., 1947, стр. 15.

[16] Абу-л-Гази, стр. 78.

[17] Там же, стр. 70.

[18] Там же, стр. 78. В статье «Следы огузов в низовьях Сыр-Дарьи» («Э
кологический сборник», 1951, № 1, стр. 93—102) мне удалось установить, что ма

К фольклорным источникам восходят предания о Коркуте, сохранившиеся в Средней Азии среди туркмен, узбеков и, в особенности, казахов. Распространение среди последних преданий о Коркуте связано с вытеснением огузов с середины XI в. из низовий Сыр-Дарьи другим тюркским племенем кыпчаков, которое впоследствии в значительной части вошло в состав казахского народа. «Уже в XI веке,— пишет Бартольд в рукописном предисловии к переводу «Китаби Коркут»,— в мусульманской географии для киргизских (т. е. казахских) степей вместо прежнего названия «степь гуззов» появляется новое — «степь кыпчаков», хотя остатки туркмен или огузов еще застали на СырДарье в XIII в. монголы». «Через посредство кыпчаков», указывает он, усвоили казахи «от огузов культ Коркута».

Легендарная могила Коркута сохранилась до наших дней на берегу Сыр-Дарьи, в 20 километрах ниже Джусалы (ныне железнодорожная станция Хорхут), в местах, где в IX—X вв. находились кочевья огузов. Могила эта была местным центром культа Коркута как мусульманского святого («авлие») и вместе с тем многочисленных легенд о нем, как о первом народном певце и шамане («баксы»), «патроне» шаманов, который первый научил их играть на кобузе, как о целителе, и прорицателе, о том, как он пытался бежать от смерти, и т. п. [19].

По мнению Бартольда и казахского этнографа Валиханова [20], легенды эти, поверхностно мусульманизованные, отражают древние, домусульманские (шаманистские) верования огузов.

2

В письменной редакции «Книги Коркута» эпическим властителем огузов является Байындыр-хан. Как указывают В. В. Бартольд [21] и В. И. Гордлевский [22], хан с таким именем мог стать эпическим властителем огузов лишь в тот период, когда племя Байындыр, из которого происходила правившая в то время туркменская династия Белого барана (ак койунлу) заняла господствующее положение среди огузских племен на Ближнем Востоке (с середины XIV в. до второй половины XV в.). Султаны этой династии, производившей себя от легендарного эпонима племени, носили, как указывает Росси, официальный титул salāt̄īn-i bayindiriyye [23]. Байындыр-хан не имел опоры в старой эпической традиции: у него нет не только своего эпического сюжета, но даже собствен-

лей Кӧк-кесене (или кашане), о котором говорит Абульгази, находился недалеко от развалин древнего Сыгнака, где его в 1900 г. сфотографировал археолог В. А. Каллаур, а в 1927 г. исследовал А. Ю. Якубовский.

[19] *В. Бартольд*. Турецкий эпос и Кавказ, стр. 14—15. Из многочисленных сообщений см. в особенности: *Гр. Потанин*. В юрте последнего киргизского царевича. «Русское богатство», 1896, № 8, стр. 85—86; *А. Диваев*. Несколько слов о могиле свя-того Хорхут-ата. ЗВО РАО, т. X, 1897, стр. 193—194; *П. С. Спиридонов*. Один из вариантов легенды о Хор-Хуте. «Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии», 1909, стр. 18—19; *И. А. Чеканинский*. Баксылык (следы древних верований казаков). «Записки Семипалатинского отдела Общества изучения Казахстана», т. 1, вып. XVIII. Семипалатинск, 1929, стр. 77 и сл. См. также *Мухтар Ауэзов* и *Леонид Соболев*. Эпос и фольклор казахского народа. «Литературный критик». 1939, № 10—11, стр. 228.

[20] Сочинения Ч. Ч. Валиханова. СПб., 1904 («Записки Императорского Русского Географического общества по отделению этнографии», т. XXIX), стр. 28.

[21] *В. Бартольд*. Турецкий эпос и Кавказ, стр. 5; *его же*. Очерк истории туркменского народа. Сб. «Туркмения», т. I, Л., Изд-во АН СССР, 1929, стр. 34.

[22] *Вл. Гордлевский*. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1941, стр. 50.

[23] *Ettore Rossi*. Указ. соч., стр. 31.

ного имени (кроме племенного прозвища). Он выступает в «Китаби Коркут» как сов
шенно пассивный эпический монарх. В роли главы огузских богатырей он вытесн
более древнего Казан-Алпа из племени Салоров, ставшего в «Книге Коркута» его зя
и старшим богатырем.

К числу эпических сказаний более позднего, ближневосточного происхожде
относятся, по-видимому, «Рассказ об удалом Домруле» (V) и «Рассказ о Кан-Турал
сыне Каплы-коджи» (VI). Оба эти рассказа, стоящие рядом, занимают в «Книге К
кута» уже внешним образом обособленное место, поскольку герои их не упоминают
в других рассказах и в них в свою очередь отсутствуют упоминания о Байындыр-ха
Салор-Казане и других богатырях эпического цикла, за исключением стереотип
концовки, вводящей деда Коркута, как слагателя песни.

«Рассказ о Кан-Турали» (VI) повествует о сватовстве молодого огузского бека к
чери Трапезундского таговора (правителя). Трапезундская империя Комненов, ос
лок владений Византии в Малой Азии, была окончательно завоевана турками в 1461
До этого времени, с середины XIV в. по середину XV в., в исторических источни
неоднократно упоминаются браки между туркменскими вождями из династии Бе
барана и трапезундскими царевнами [24]. Согласно византийской хронике Михаила Д
нерета, как сообщает Росси, туркменский эмир Турали-бег Бозdоган (или Турка
бей) совершил в 1348 г. набег на Трапезунд; его сын Кутлу-бег в 1351 году взял в жен
трапезундскую царевну Марию, сестру Алексея III Комнена [25]. Таким образом и
героя и общая историческая обстановка позволяют отнести сложение «Рассказа
Кан-Турали» к середине XIV в., хотя отдельные архаические элементы этого сказани
о богатырском сватовстве (борьба богатыря с чудовищными зверями — свире
львом, черным быком, черным верблюдом — и поединок с невестой, богатырской р
вой), может быть, и древнее его исторического приурочения.

Содержанием «Рассказа об удалом Домруле» (V) является поединок богатыр
ангелом смерти. Сюжет этот хорошо известен из византийских эпических сказаний
«Дигенисе Акрите», откуда он проник и в русский духовный стих об «Анике-вои
(Anikētos — 'непобедимый, — эпитет Дигениса) [26]. В греческих песнях о Дигенисе
имеет нередко такое же продолжение, как в «Китаби-Коркут»: молодая героиня пес
отказа старших — отца и матери соглашается пожертвовать своей жизнью, чтобы
купить жизнь побежденного ангелом смерти богатыря; за это она и богатырь награж
ются долголетием за счет бессердечных стариков [27]. Сказания о Дигенисе, возникш
с X в., пользовались весьма широкой популярностью среди разноязычного населени
Малой Азии и Закавказья, о чем свидетельствует, в частности, отражение того же с
жета в армянском фольклоре (сказание о Кагуан-Арслане и его невесте Маргрит) [28].
Неоднократно указывали и на черты сходства с «Дигенисом» турецкого национал
ного эпоса «Саид-Батал» [29]. Центром распространения сказаний о Дигенисе б

[24] *В. Бартольд*. Турецкий эпос и Кавказ, стр. 5.

[25] *Ettore Rossi*. Указ. соч., стр. 33.

[26] См. *И. Жданов*. Соч. т. 1. СПб., 1904, стр. 554, сл., 571. сл.

[27] См. *A. Lesky*. Alkestis, der Mythus und das Drama. «Sitzungsberichte der Phil
sophisch-Historischen Klasse der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften». Wien, B
203, 2. Abhandlung 1925, S. 26—29. Предположение о связи «Домруля» с «Дигени
сом» было мельком высказано П. Фалевым. См. Введение в изучение тюркских лит
ратур и наречий. Ташкент, 1922, стр. 26.

[28] *Bagrat Chalatianz*. Armenische Heiligenlegenden. «Zeitschrift des Vereins für Volks
kunde», 19. Jahrg., Hft. 4, 1909, S. 368—369.

[29] См. *H. Gregoire*. L'épopée byzantine et ses rapports avec l'épopée turque et l'épo
pée romane. Bulletin de la classe des lettres et des sciences morales et politiques. Aca
démie royale de Belgique». Bruxelles, 5 lséri, t. XVII, 1932, № 12, p. 473—477. Ср. «Di
Fahrten des Sajjid Batthâl. Ein alttürkischer Volks-und Sittenroman... übersetzt von Dr
Hermann Ethé». B. I. Leipzig,

греческий город Трапезунд, с которым связан и «Рассказ о Кан-Турали» [30]. Особенно
убедительно имя отца героя Дука-ходжа, явно не мусульманского происхождения:
Дигенис происходил по матери из знатного византийского рода Дука. Эти малоазиат
ские связи «Домруля» заставляют отнести проникновение данного сказания в огуз
ский эпос к ближневосточному периоду его истории.

Не встречаются в других сказаниях цикла Коркута герои «Рассказа о Богач-Джане,
сыне Дерсе-хана» (I), повествующего о том, как отец убивает своего сына, молодого
богатыря, по наущению своих коварных дружинников. Хотя эпическая рамка цикла
(пир Байындыр-хана) здесь и наличествует, возможно, что и этот сюжет подвергся
циклизации в более позднее время.

Салор-Казану, главному богатырю огузских сказаний, посвящены три рассказа:
исторический по своему происхождению «Рассказ о разграблении дома Салор-Казана»
(II), близкий к нему по содержанию «Рассказ о том, как сын Казан-бека Уруз-бек был
взят в плен»(IV) и «Рассказ о том,как Салор-Казан был взят в плен и как его сын Уруз
освободил его» (XI), в котором ведущая роль принадлежит молодому герою.

Сказание об Урузе по своей теме примыкает к целой группе аналогичных расска
зов о первом выезде молодого героя. Юный витязь, сын знаменитого отца, выезжаю
щий в свою первую боевую поездку, является одним из любимых персонажей огузского
эпоса. Целью такой поездки в большинстве случаев является помощь отцу или старше
му родичу, попавшему в плен или в беду. Так, юный Иекенк спасает из плена своего
отца Казылыка-коджу, молодой Секрек освобождает пленного Экрека, своего старшего
брата (X), юный Амран спасает своего тяжело раненного отца Бекиля от полчищ гяуров,
окружавших его орду (IX). Многие мотивы и эпизоды, в особенности в первых двух
рассказах, наиболее близких по сюжету, совпадают между собой и с рассказом об Уруз
беке (XI). Имена этих огузских богатырей упоминаются и в других рассказах цикла
Коркута, за исключением Бекиля и Амрана; поэтому возможно, что это новые персо
нажи. Последнее имя, может быть, кавказского происхождения: Амиран или Ам
ран, «кавказский Прометей», известен в эпосе и фольклоре народов Грузии и Север
ного Кавказа.

К древнейшим сказочным сюжетам, существовавшим у огузов еще до появления
их в IX—X вв. в низовьях Сыр-Дарьи, относится, по всей вероятности, «Рассказ о
том, как Бисат убил Депе-Геза» (VIII) — открытый Дицем вариант распространенной
как на Востоке, так и на Западе древней сказки об ослеплении одноглазого великана-
людоеда (депе-гез — буквально: «темеглазый») [31]. Сюжет этот известен по рассказу
«Одиссеи» об ослеплении циклопа Полифена и зарегистрирован в различных формах
на Кавказе, в арабских сказках «Тысячи и одной ночи», а также в современных записях
среди тюрских народов Ближнего Востока, Средней Азии и южной Сибири (более 15
номеров) — у турок, азербайджанцев, туркмен, казахов, киргизов и алтайцев.

Древняя богатырская сказка лежит в основе «Рассказа о Бамси Бейреке, сыне Кам
буры» (III), представляющего огузскую версию распространенного в Средней Азии и
на Ближнем Востоке эпического сказания об Алпамыше (богатырское сватовство, пле
нение героя и возвращение из плена в день свадьбы его жены с соперником-само
званцем) [32]. Алтайское происхождение этого сюжета засвидетельствовано чрезвы
чайно архаической по своему характеру алтайской богатырской сказкой «Алып-Манаш»,
опубликованной в 1939 г. в варианте сказителя Н. Улагашева. Сюжет этот, включив

[30] О значении Трапезунда для сказаний о Дигенисе см. *Bernhard Schmidt*. Grie
chische Märchen, Sagen und Volkslieder. Leipzig, 1877, S. 36—38. Ср. *A. Lesky*. Указ.
соч., стр. 28.

[31] См. *Oskar Hackman*. Die Polyphemsage in der Volksüberlieferung. Helsingfors, 1904.
М. Н. Комаров. Экскурсы в сказочный мир. Этюды в области мифов и народных преда
ний. 1886; *Вс. Миллер*. Кавказские сказания о циклопах. «Этнографическое
обозрение», кн. IV, № 1, 1890, стр. 25—43.

[32] См. *В. М. Жирмунский*. Эпическое сказание об Алпамыше и «Одиссея» Гомера.
Известия АН СССР. Отд. литературы и языка», т. XVI, 1957, в. 2, стр. 97—113.

шийся в IX—X вв. в цикл эпических сказаний о Салор-Казане и огузских богатырях, прикрепился здесь к огузскому богатырю Бейреку, который был известен ранее как герой, вероятно, исторического по своему происхождению предания о восстании внешних огузов против Салор-Казана и внутренних огузов (XII). Сказки о Бейреке, сходные по содержанию с «Рассказом о Бамси-Бейреке», до сих пор бытуют в Анатолии и были записаны в ряде вариантов в 1930-х гг. [33].

3

«Книга Коркута» далеко не исчерпывает всего репертуара эпических сказаний огузов. Общее число упоминаемых в ней богатырей очень велико: без фигур служебных (пастухов, слуг и т. п.) можно насчитать более 40 имен (витязей и их отцов), из которых только 10 выступают героями дошедших до нас песен. Эпизодические упоминания о других огузских богатырях, не играющих в «Китаби Коркут» самостоятельной сюжетной роли, нередко сопровождаются в той или иной песне кратким упоминанием их важнейших подвигов, очевидно хорошо известных певцу и его аудитории. Обычно такие характеристики даются певцом в форме более или менее постоянного эпического каталога — при перечислении имен беков, участвующих в решительной битве с врагом (приезд беков на поле сражения — II, IV, битва под стенами Байбурта — III) или отправляющихся в поход (VII), или вступающих поочередно в поединок с вражеским богатырем (XI), а также в картинах пира (III), богатырских состязаний (III), отправления на охоту (II) и т. п. Характеристики эти имеют форму вполне отстоявшихся и традиционных определений, которые сопровождают имя богатыря как своего рода постоянный украшающий эпитет. Они позволяют нам установить существование значительного числа эпических сказаний и песен огузского цикла, не вошедших в «Книгу Коркута».

Такие же, не дошедшие до нас сказания должны были существовать и об основной группе героев «Китаби Коркут», прежде всего, о наиболее популярных из них.

Так, Казан-бек, похваляясь своими подвигами перед взявшим его в плен таговором крепости Туманан (XI), вспоминает о прославивших его подвигах, о которых в цикле Коркута не сохранилось отдельных песен: «Я пошел на семиглавого дракона; от ужаса перед ним мой левый глаз стал проливать слезы; глаз мой, негодный глаз, сказал я, что сталось с тобой,что ты испугался одной змеи?». И дальше: «На крутом возвышении, омываясь в Оманском море, в недоступных местах построен город гяуров; направо, налево он рассылает войска, поражает; его пловцы ходят кругом на дне воды» (подразумеваются искатели жемчуга); «испытанные из них, думая, что сам бог в их власти, на дне воды кричат друг другу; их нечестивцы, отказавшись от правильного, читают неправильно; их девушки-невесты играют в золотые бабки; их беков так много, как сорной травы. Шесть раз огузы отправлялись, не могли взять той крепости; с шестью людьми я, Казан, отправился, не дал ей и шести дней сроку, взял ее, разрушил их церкви, на месте их построил мечети...»

Обилие подробностей в этом рассказе заставляет предполагать существование двух не дошедших до нас песен о Казан-беке, которые были известны певцам — о бое с семиглавым драконом и о взятии крепости на Оманском море.

Существование сказания о змееборчестве Салор-Казана подтверждается среднеазиатскими источниками. «Нам, живущим в Закаспийском крае, — писал в 1896 г. А. Туманский, — хорошо известно, что туркмены (вероятно, племя салоров.— *В. Ж.*) считают своим родоначальником некоего Салор-Казана, от которого они ведут свою якобы родословную». Салор-Казан «отрубил голову лютому змею, спустившемуся с неба и пожиравшему людей» [34]. Древность этого сказания подтверждает также Абуль-

[33] См. *Orhan Şaik Gökyay*. Указ. соч., стр. LXIV—LXXI; *Walter Ruben*. Указ. соч., стр. 206—227.

[34] *А. Туманский*. По поводу «Китаби Коркуд». ЗВОРАО, т.IX,1896,стр. 269—271.

гази. В хвалебной песне («тартым») в честь победы Салор-Казана над печенегами, которую он приписывает Коркуту, имеется такая строфа:

«С синего неба спустился живой змей,
Стал пожирать каждого, кого увидит.
Салор-Казан, не давая пощады, отрубил ему голову,
Видел ли кто таких богатырей беков, как Казан?»[35]

Бейрек, «всадник серого коня» (VI, IX), обычно связывается в упоминаниях о нем с тем основным сюжетом, который приурочен к его имени в «Рассказе о Бамси-Бейреке». В боевых сценах, рисующих приезд на поле битвы огузских богатырей (II, IV), о нем говорится: «Прискакал на сером жеребце Бейрек, со славой покинувший Байбурт, крепость Пара-Сара, заставший готовым свой пестрый свадебный шатер, надежда семи дев, глашатай остальных огузов, помощник Казан-бека».Крепость Байбурт, в которой Бейрек в течение 7 лет находился в плену у бека гяуров, и «свадебный шатер» относятся к его возвращению из плена в день свадьбы жены с обманщиком Яртачуком. Яснее об этом говорится словами самого героя в «Рассказе о пленении Салор-Казана» (XI): «Меня зовут Бамси-Бейреком, сыном Бай-буры-хана, кто со славой слетел с Бай-бурта, крепости Пара-Сара, когда чужие хотели взять его невесту, остановил (их), взял (ее)». Неясно выражение «надежда семи дев» (II): Бартольд относит его к сестрам Бейрека, ожидающим его возвращения из плена (ср. III, стр. 38). Как «помощник Казан-бека» Бейрек выступает в особенности в «Восстании внешних огузов» (XII): «Он — наш зять, но он — помощник Казана», — говорит о нем глава восставших Аруз. В роли «глашатая огузов» Бейрек нигде в «Китаби Коркут» не выступает, но, вероятно, она принадлежала ему именно как «помощнику» бека беков огузов.

«Рассказ о Кан-Турали» (VI) называет Бейрека, вместе с героем песни, в числе четырех молодых огузских богатырей, носивших на лице покрывало (единственное упоминание о других героях огузского цикла в этом рассказе). «Кан-Турали был джигитом, обладавшим красотой и совершенством; среди огузов четыре джигита ходили с покрывалами: один — Кан-Турали, другие — Кара-Чюкюр, его сын Кырк-Копук и всадник серого коня Бейрек». Смысл этого обычая, упоминаемого лишь в данном месте, неясен: как можно предположить из контекста, покрывало, скрывавшее красоту молодого героя, преследовало магическую цель. Кара-Чюкюр и Кырк-Копук в «Китаби Коркут» больше нигде не называются, но их имена и самый обычай, по-видимому, были известны певцу и его аудитории.

Бек Иекенк — сын Казылык-коджи, которого «Песнь о Иекенке» (VII) называет везиром Байындыр-хана. Согласно той же песне, воспитателем Иекенка был Эмен, бек внешних огузов, который в «Разграблении дома Салор-Казана» назван распространителем ислама среди огузов (II). Вместе с Уруз-беком, Кара-Будагом, сыном Кара-Гюне (племянником Салор-Казана) и удалым Дундазом, внуком старого Аруза, бека внешних огузов, Иекенк принадлежит к группе молодых огузских богатырей. На пиру у Байындыр-хана он стоит по левую руку хана, Уруз — по правую руку, Кара-Будаг — напротив хана (III). С теми же витязями он состязается в стрельбе из богатырского лука во время свадебного пиршества в доме Бамси-Бейрека и участвует в походе этого последнего на Байбурт (III). Автор песни о Бейреке называет его почетным именем «главы беков».

Сказания о Иекенке, не вошедшие в «Книгу Коркута», упоминаются в определениях, сопровождающих его имя в каталоге огузских беков, которые участвуют в битве Салор-Казана с царем гяуров Шюкли (II, IV): «мужеством, подобный орлу, поражающему коршуна, с поясом, наводящим ужас, с золотой серьгой в ухе; в борьбе с ним один

[35] Абу-л-Гази, стр. 71. В издании А. Туманского большая часть песни осталась непереведенной. Ср. *А. Н. Самойлович*. Очерки по истории туркменской литературы. Сб. «Туркмения», т. 1, 1929, стр. 150—151. «Доклады АН СССР», 1927, стр. 41—42.

за другим падали беки остальных огузов» (II); ср. вариант в IV: «одного за другим сбрасывавший с коней остальных беков огузов».

Из многочисленных эпизодических фигур остальных огузских богатырей, которые не выступают в «Китаби Коркут» в самостоятельной сюжетной роли, особенно часто упоминается брат Салор-Казана, «поражающий мужей» Кара-Гюне, «чья кольчуга в черном ущелье была покрыта кожей черного быка, кто в гневе обращал черный камень в глину» (вероятно, разрубал камень мечом, как глину), «кто, привязывал себе ус на затылке в семи местах» (II). «Черное ущелье»— «черный бык» — «черный камень» связаны с прозвищем героя Кара-Гюне («черный») и объясняют его; длинные усы являются обычным признаком мужественности огузских богатырей (в азербайджанской версии Кёроглы усы этого героя «завиты и укреплены за ушами») [36].

У Кара-Гюне — «сивый бедуинский конь». Он выезжает на охоту вместе с Салор-Казаном, помогает своему брату истолковать его зловещий сон, участвует в решающей битве с гяурами в «Разрушении дома Салор-Казана» (II) и в «Пленении Уруза» (IV), предводительствует отрядом, выезжающим вместе с Уруз-беком на выручку Казан-бека (XI), вместе со своим братом не может справиться с великаном Депе-Гёзом (VIII). Его именем молодой Амран угрожает наступающим на него гяурам (IX). Он первый входит в шатер, в котором Казан-бек оплакивает убитого Бейрека, и напоминает ему о долге мести внешним огузам (XII).

Можно думать, что Кара-Гюне, играющий видную роль как первый помощник своего брата во всех песнях о Салор-Казане, в том числе и в тех, которые имеют историческую основу (II, XII), занимал это место уже в среднеазиатский период сложения огузского эпоса.

Сын Кара-Гюне Кара-Будаг (или Кара-Будак) выезжает в бой, «одетый в шаровары, с красными шпорами, на коне его было седло с кисточками» (II). Певцы знали о нем сказания как героического, так и романического характера: они называют его «сокрушивший крепости Хамид и Мардин, заставивший изрыгать кровь вооруженного железным луком царя Кипчака, мужественно овладевший дочерью Казана» (II). Если «крепость Мардин» переносит нас на границу Малой Азии и Сирии, следовательно — в круг сказаний, приуроченных к Ближнему Востоку, то поединок Кара-Будага с «вооруженным железным луком царем Кипчака» отражает исторические столкновения между огузами и кыпчаками, имевшие место еще в XI в. на среднеазиатской родине огузов (см. выше). Очевидно, мы имеем здесь дело с двумя последовательными наслоениями в развитии эпической биографии этого героя. Архаический характер обнаруживает и сюжет героического сватовства или насильственного похищения Кара-Будагом дочери его дяди Казан-бека. Можно думать, что сложился он в домусульманский период истории огузов, хотя он и не оставил никаких следов в среднеазиатской письменной или фольклорной традиции.

Подобно Урузу, Иекенку и удалому Дундазу, Кара-Будаг принадлежит к младшему поколению огузских богатырей, к группе молодых джигитов. Вместе с Урузом и Иекенком он «стоит» на пиру Байындыр-хана около повелителя огузов (IV). С ними же он состязается в стрельбе из лука на пиру в доме Бейрека (III). Он упрекает молодого Иенкенка (очевидно, своего сверстника) в том, что тот не освобождает отца своего, попавшего в плен к гяурам (VII). Он принимает участие в больших сражениях с гяурами царя Шюкли, завершающих «Разграбление дома Салор-Казана» и «Пленение Уруза»; выезжая на левом крыле во главе «молодцов-джигитов», поражает своей палицей (шашпар) царя неверных Богачика (II) или отрубает ему голову (IV). Он участвует во взятии Байбурта и сбрасывает с коня царя Кара-Арслана (III).

Его сверстником и боевым товарищем является «удалой Дундаз» (дели Дундаз), сын Кыян-Сельджука и внук Аруза, бека внешних огузов. Прозвище «дели» — «удалой» («безумец») сопровождает имена нескольких героев огузского эпоса: «удалой Домруль» («дели Домруль»), «удалой Будаг» («дели Будаг») и др. Оно прочно укрепилось в фольклорной традиции огузов и перешло в более позднее время на «безумцев» — вер-

[36] См. *В. М. Жирмунский* и *Х. Т. Зарифов*. Указ. соч., стр. 177.

нее, удальцов азербайджанского Кёроглы (Дели-Хасан, Дели-Мехтер и др.). Бытовое его употребление засвидетельствовано для XVI—XVII вв. историческим именем одного из вождей восстания джелалиев — Дели Хасана [37]. Мы находим это почетное прозвище и у других, соседних с огузами тюркских кочевых племен. У ногайцев Северного Кавказа, например, «Дали Урак» («удалой Урак») — один из героев эпических сказаний о ногайских богатырях [38].

В названных двух сражениях против царя гяуров Шюкли удалой Дундаз всегда выступает на правом крыле, во главе внешних огузов, а его сверстник, молодой Кара-Будаг — на левом. Их подвиги в этих боях развиваются симметрично: Дундаз поражает своим мечом царя неверных Кара-Тюкена (II, IX), под Байбуртом он сбрасывает с коня и убивает Кара-тагавора (III).

Сказания об удалом Дундазе также могут быть угаданы из краткого перечисления его подвигов в каталоге героев: «сокрушивший и взявший железные ворота в Дербентском ущелье, на острие своего пестрого копья в 60 туманов заставлявший кричать воина» (II); к этому добавляется: «в одном состязании трижды сваливший с коня такого богатыря как Казан» (IV); ср. еще: «не спрашивающий (врага), кто он» (VII). Связь удалого Дундаза с «железными воротами в Дербентском ущелье» заставляет отнести по крайней мере некоторые моменты сказания о нем к более позднему ближневосточному периоду исторической жизни огузов. В соответствии с этим Дундаз называется (VII) «состоящий беком у железных ворот» (т. е. у Дербента).

По своему происхождению удалой Дундаз — бек внешних огузов, внук Аруза, стоящего во главе этой племенной группы. Однако ни он, ни его отец Кыян-Сельджук, в противоположность другому сыну Аруза — Бисату, не упоминаются как участники восстания внешних огузов, которое возглавляет Аруз-коджа (XII). Учитывая исторический характер предания о восстании, мы можем прийти к заключению о более позднем происхождении обоих героев. Об этом же, кроме упомянутой связи Дундаза с Дербентом, говорит имя Кыян-Сельджук, связанное, возможно, с династией Сельджукидов (XI—XIII вв.). Кыян-Сельджук упоминается в эпосе только как отец Дундаза и сын Аруза и самостоятельной сюжетной роли не играет; он назван только в рассказе о Депе-Гёзе как одна из жертв одноглазого великана, чтобы мотивировать этим сказочный подвиг Бисата как месть за брата.

К группе стариков, племенных старейшин огузов, кроме самого Коркута, принадлежат беки внешних огузов, Аруз и Эмен. Важную роль в эпосе играет старый Аруз-коджа, «белобородый» Аруз (VIII) — вождь внешних огузов и глава заговора и восстания против Казан-бека (XII). Он коварно убивает Бейрека как «помощника» Казана, и сам погибает от руки последнего. Возможно, что Аруз — лицо историческое, во всяком случае он относится к древнейшей эпической традиции и сохраняет в своей внешности архаические черты богатыря-великана: «широкими устами, подобный копю, с длинной рукой и туловищем..., с тонкими икрами; шуба из кожи 60 козлов не покрыла бы его всего, шапка из шкуры шести козлов не покрыла бы его ушей» (II). Подобного рода гиперболы принадлежат к древнейшим стилистическим формулам богатырского эпоса тюркоязычных народов Средней Азии. Они встречаются в узбекском «Алпамыше» и в киргизском «Манасе», чаще всего в описаниях вражеских богатырей, чудовищных великанов, из которых один опоясан поясом в 50 обхватов, другой носит кавуши (кожаные калоши), сшитые из 90 больших воловьих кож, третий надевает колпак из «дважды 60 аршин алачи (полосатой бумажной ткани)» и т. п.[39].

Эпос делает Аруза «дядей по матери» Салор-Казана (II, IV) и тестем предательски убитого им Бейрека. Аруз вместе с другими беками огузов сражается с гяурами за Салор-Казана и Уруза (IV, V). Как отец Бисата, он играет важную роль в рассказе о Депе-Гёзе, которого младенцем он приютил в своем доме, а потом вынужден был из

[37] Ср. *А. Тверитинова*. Восстание Кара Языджи-Дели Хасана в Турции. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1946.

[38] См. *Н. Семенов*. Туземцы северо-восточного Кавказа. СПб, 1895, стр. 410—411.

[39] См *В. М. Жирмунский* и *Х. Т. Зарифов*. Указ. соч., стр. 107.

гнать из человеческого жилья. В столкновении с одноглазым великаном он, как и остальные огузские герои, терпит поражение, а старший сын его, Кыян-Сельджук, становится жертвой чудовища (VIII).

К старейшим бекам внешних огузов принадлежит и Эмен из племени Бэгдюр. В эпосе он выступает проповедником ислама среди огузов: «Покинув родину, он видел лицо пророка, вернувшись, стал его сподвижником среди огузов» (II). Мусульманская легенда обычно возводит «обращение» языческих народов к проповеди какого-нибудь старца, сподвижника пророка, чудесным образом прожившего (как, очевидно, Эмен) несколько сот лет, отделяющих обращение от времен Мухаммеда. Такими являются в легенде о карахиниде Буграхане (X в.) — ходжа Абу-н-Наср Самани [40], в эпическом сказании о Манасе — старец Ай-коджа и другие. Хотя огузы в «Книге Коркута» изображены как ревностные мусульмане, эти религиозные наслоения перекрыли более древние, как полагал Бартольд, домусульманские основы огузского эпоса. Поэтому дед Коркут, патриарх племени, вещий шаман и певец, играет в «Китаби Коркут» несравненно более важную роль, чем мусульманский миссионер и «просветитель» Эмен [41]. В то же время в образе этого последнего достаточно ярко выступают его богатырские черты. «Когда им овладевал гнев, из усов его сочилась кровь» (II) — легендарная черта, которую азербайджанский эпос приписывает и своему позднейшему герою Кёроглы. Эмен является воспитателем богатыря Иекенка и шесть раз тщетно пытается освободить из плена его отца Казылыка-коджу (VII). Подобно Арузу, он также не может справиться с одноглазым Депе-Гёзом: «Эмен из рода Бэгдюр, с окровавленными усами, оказался бессильным против него» (VIII). Он принимает участие в походе огузских беков против гяуров царя Шюкли (II, IV), а также в восстании внешних огузов против Казан-бека (XII).

Другие огузские богатыри, несомненно, также были героями самостоятельных эпических сказаний. Из них мусульманское имя носит Шер Шемс ад-Дин, сын Гафлет-коджи, участник боев против гяура Шюкли (II, IV) и состязания в стрельбе из лука в доме Бейрека (III),— «без разрешения одолевший врага Байындыр-хана, заставивший изрыгать кровь 60 000 гяуров, не давший растаять снегу на гриве своего серого коня» (II). Судя по имени, он принадлежит к более поздней группе героев эпоса.

В первом из названных боев (II) упоминается Алп-Эрен, сын Илик-коджи, с обширнейшей эпической биографией —«с презрением пустивший гяуров вслед за собакой, покинувший родину, на коне переплывший через реку Айгыр-Гёзлю, овладевший ключами 57 крепостей, женившийся на Чешме, дочери белого царя, заставивший изрыгать кровь царя Суну-Сандала, одевавшийся в 40 кафтанов, захвативший красавиц-дочерей беков 37 крепостей, одну за другой обнимавший за шею, целовавший их в губы и в лицо».

Сыном Илик-коджи (братом предыдущего богатыря) является также часто упоминаемый Дюлек-Вуран («удалой Вуран»), «не умеющий отступать» (IX, XI), «заставляющий плавать жеребцов онагров, взявший ключи 57 крепостей», «вынимающий людей из пасти драконов» (VII, вероятно — убивший дракона и выпустивший проглоченных им людей). «Меня зовут Дюлек-Вураном, сыном Илик-коджи, тем, кто считал медлительность позором, кто вышел из своего народа, взял ключи 57 крепостей, кто не умеет отступать, — так заявляет этот герой перед поединком (XI). Дюлек-Вуран принимает участие в приключении Иекенка (VI), в освобождении из плена Салор-Казана (XI), упоминается в истории Амрана (IX). Он — бек внешних огузов, участвующий в восстании против Салор-Казана (XII).

Другой участник этого восстания, Рустем, сын Дузана, имеет еще более романтическую биографию: «Меня зовут витязем Рустемом, сыном Дузана, тем, кто поднялся и встал со своего места, убил двух своих братьев младенцев, влачит жизнь с позором»

[40] См. *M. F. Grenard*. La légende de Satok Bogra Khân et l'histoire. «Journal Asiatique», 9 sèrie, t. XV, Janvier-Fevrier 1900, p. 1—79.

[41] См. *В. Бартольд*. Турецкий эпос и Кавказ, стр. 13—14.

(XI). Этот Рустем также упоминается в истории Амрана (IX), участвует в освобождении из плена Салор-Казана (XI) и погибает в бою с одноглазым Депе-Гёзом (VIII).

По одному разу упоминаются в разных песнях другие огузские витязи: Илальмиш, сын Игрынчи, «скользящий вниз с двойной башни и (при этом) не запаздывающий пустить стрелу» (VII); Суган-Сары, «утверждающий, что прошел с одного конца земли до другого» (VII); Дюкер, «глава тысячи народов» (IV), который носит имя одного из двадцати четырех огузских племен, происходящих от легендарного Огуз-хана; «одетый в железную броню Мамак, погибающий в единоборстве с Депе-Гёзом (VIII); (Сары Калмаш, сын Илик-коджи, убитый при набеге гяуров на дом Салор-Казана (II); Кулбаш, посланный Казан-беком в качестве разведчика к внешним огузам (XII), и др.

Однако не следует думать, что факт только однократного упоминания должен поставить под сомнение традиционность имени или образа богатыря. Многое зависит от случайного состава дошедших до нас песен. Какой-нибудь Терс-Узамыш, джигит упрекающий Экрека, сына Ушуна-коджи, за то, что он садится в диване Байындыр-хана на почетное место, не заслужив его боевыми подвигами (X), мог бы показаться нам совершенно случайной, нетрадиционной фигурой эпоса, если бы в рассказе о восстании внешних огузов он не был также случайно упомянут как сторонник Салор-Казана, которого наметил убить старый бек Эмен (XII). Столь же случайно рядом с ним как жертва, намеченная Рустемом, называется некий Окчи, сын Эксек-коджи. Весьма вероятно, что и его имя связано с Салор-Казаном более прочной традицией, чем это кажется на первый взгляд: в приписываемых Коркуту турецких пословицах («Аталар сёзю», XVI в.) как идеал мужества вместе с Салор-Казаном упоминается некий Кузан, его «окчу», т. е., по объяснению Бартольда,— «его стрелок или выделывающий для него стрелы» [42]. Мы могли бы также усомниться в традиционности имени Бай-Биджан-бек в «Бамси-Бейреке» для отца героини, богатырской девы Бану-Чечек, невесты Бейрека. Имя это неизвестно среднеазиатской эпической традиции, где отец Барчин, невесты Алпамыша, носит имя Бай-Сары, широко распространенное в сказочном фольклоре тюркских народов. Однако Бай-Биджан-бек называется в том же сборнике турецких пословиц, согласно сообщению Бартольда, как «идеал бека» [43].

Всего в «Китаби Коркут» упомянуто до тридцати эпизодов такого рода, из которых по крайней мере некоторые несомненно служили сюжетами эпических песен, не дошедших до нас, но хорошо известных певцу и его аудитории. Как видно из только что сказанного, не исключается наличие и других эпических песен и сказаний, случайно не оставивших в «Книге Коркута» никакого следа. Составитель этой книги имел возможность отобрать всего 12 песен из чрезвычайно богатой и в его время еще живой традиции устного эпического творчества. Многочисленные перекрестные упоминания свидетельствуют о том, что современникам эта традиция была еще хорошо знакома. Она может быть частично восстановлена по этим упоминаниям, частично погибла для нас как всякое устное народное творчество далекого прошлого, не отразившееся ни в письменных памятниках, ни в современной нам фольклорной традиции.

SUMMARY

The author compares the epic stories «Kitabi Qorqut» with other materials relating to the history and folklore of the peoples of the Middle East and Central Asia. This comparison indicates that at the basis of the «Kitabi Qorqut» lie epic tales handed down by word of mouth by the Oghuz in Transcaucasia and Asia Minor, in the second half of the 15th century. However, some of these epic tales and songs were composed as early as in the 9th and 10th centuries in the still more ancient land of the Oghuz in the lower Syr-Darya area and were brought from there to the Middle East in the 11th century. Many other epic tales and heroes which are only incidentally mentioned in «Kitabi Qorqut» may be presumed as having existed in the oral epic tradition of the time.

[42] *В. Бартольд*. Турецкий эпос и Кавказ, стр. 16.

[43] Там же, стр. 16.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТИБЕТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Ю. Н. РЕРИХ

Тибетская высокогорная страна до сих пор продолжает оставаться одной из наименее изученных частей земного шара. Нужно признать, что структуру и рельеф ее мы во многих отношениях знаем хуже, чем видимую половину луны. Очень немногочисленны наши сведения о населении и языках этой труднодоступной области. В настоящее время лишь намечаются контуры лингвистической карты Тибета. Принимая во внимание необычайно пересеченный характер местности и исключительное богатство лингвистического материала, можно с полным основанием предполагать, что работа эта займет многие годы. Вместе с тем с каждым днем становится яснее, что именно в Тибете лежит ключ к решению многих первостепенных вопросов как в области антропологии, так и в области языкознания. Мирное освобождение и образование Тибетской автономной области в составе Китайской Народной Республики, несомненно, ускорит процесс научного освоения области.

В настоящей статье, которая касается лишь проблем тибетского языкознания, рассматриваются стоящие перед лингвистами-тибетологами задачи. Наиболее актуальными из них мы считаем следующие: а) изучение современных наречий и составление лингвистической карты; б) выяснение фонетического строя древнетибетского письменного языка; в) освещение истории развития тибетского письменного языка и его отношения к разговорной стихии; г) разработка тангутской проблемы; д) сравнительное изучение тибетских наречий и других тибето-бирманских языков.

На настоящем этапе основной задачей является изучение современных наречий и говоров, поскольку многие из них сохранили архаичные языковые черты. Наречия своей страны пытались классифицировать сами тибетцы. Так, они выделяют Тö-кэ (སྟོད་སྐད། sTod-skad), т. е. язык или наречие Верхнего или Западного Тибета; Цанг-кэ (གཙང་སྐད། gTsaṅ-skad) — наречие области Цанг в Центральном Тибете; Ӱ-кэ (དབུས་སྐད། dbUs-skad) — наречие области Ӱ в Центральном Тибете; Лхо-кэ (ལྷོ་སྐད། Lho-skad) — наречие областей, расположенных к югу от Главного Гималайского хребта — Сикким, Бхутана и Тро-мо; Дрок-кэ (འབྲོག་སྐད། ʾBrog-skad) — наречия кочевников и Кхам-кэ (ཁམས་སྐད། Khams-skad) — наречие Восточного Тибета или Кхама, лежащего к востоку от Чʻамдо. Эта классификация довольно точно отражает деление тибетского языкового мира на группы наречий и говоров и показывает, что тибетские ученые внимательно учли особенности групп наречий.

Наше обозрение начнем с группы наречий Центрального Тибета — колыбели

тибетской культуры и образованности, где издавна были сосредоточены политические центры страны.

Наречие области Ӱ или Ӱ-кэ (dbUs-skad) в настоящее время считается языком столицы страны Лхасы и потому часто называется Лха-сэ̄й кэ (ལྷ་ས་ཝའི་སྐད། Lha-saʾi skad), или Шунг-кэ (གཞུང་སྐད། gžuṅ-skad), т. е. язык правительственного делопроизводства. На нем говорят не только жители Лхасы, но и уроженцы других областей и провинций Тибета, состоящие на государственной службе или же занимающиеся торговлей. Таким образом, язык этот охватывает значительную часть населения страны и имеет общегосударственное значение.

Наречие области Ӱ в свою очередь распадается на несколько отдельных говоров, причем самым чистым считается говор лхаских мусульман, в котором наблюдаются все черты фонетического износа, характерного для наречия Ӱ. Отдельные говоры существуют в долине Пʻэнйӱ (འཕན་ཡུལ། Phan-yul), к северу от Лхасы, долины, где впервые зародилась тибетская государственность [впоследствии центр государственной власти был перенесен оттуда в долину Яр-лунга (ཡར་ཀླུང་། Yar-kluṅ) на юго-востоке области], и в районе Лхо-кха (ལྷོ་ཁ། Lho-kha) на юге области Ӱ. Знатоки языка различают до пяти говоров в одной только Лхасе. При дальнейшем обследовании на территории области Ӱ обнаружатся, вероятно, и другие местные говоры.

Языку области Ӱ присущи шесть главных фонетических особенностей, которые резко отличают его от остальных наречий страны: 1) утеря всех префиксов и суффиксов; 2) палатализация гласных и согласных; 2) замена звонких согласных соответствующими глухими и сохранение звонких согласных после префиксов, которые не произносятся; 4) утеря конечного зубного носового и назализация предшествующего гласного звука; 5) развитие аффрикат; 6) развитие тона.

Как известно, разговорный Ӱ-кэ, развивавшийся в отрыве от письменного литературного языка, является потомком языка феодальных ставок, который отличался довольно богатым словарем онорифических выражений (язык вежливости). Следует отметить, что онорифический стиль отнюдь не является исключительной принадлежностью кругов феодальной знати, он широко распространен и среди сельского населения, где часто встречаются настоящие знатоки этого стиля. В языке официальных кругов замечается влияние эпистолярного стиля, который в области Ӱ в свою очередь находится под сильным влиянием разговорного языка.

Наречие Цанга, т. е. язык области Цанг с главным городом Шикацэ (གཞིས་ཀ་རྩེ། bKra-śis gžis-ka-rtse), около которого лежит Траши-лхӱнпо (བཀྲ་ཤིས་ལྷུན་པོ། lhun-po), резиденция Панчʻэн-ламы тибетского, имеет много общих черт с наречием соседнего Ӱ, но отличается большей архаичностью. Народная пословица, что «Ӱ-кэ — язык чиновников, а Цанг-кэ — язык религии», не далека от истины. Цанг-кэ, или наречие Цанга, по своему морфологическому строю и словарному материалу, безусловно, стоит ближе к письменному литературному языку, так называемому чʻö-кэ (ཆོས་སྐད། čhos-skad) или чʻö-цʻи (ཆོས་ཚིག། čhos-tshig). Это обстоятельство легко объясняется тем, что большинство переводчиков, трудившихся над созданием письменного литературного языка, языка переводов буддийских писаний и философских трактатов, были уроженцами области Цанг и, вполне естественно, использовали свое родное наречие.

Эпистолярный стиль, принятый в Цанге, при дворе Панч'эн-Ламы, также значительно отличается от эпистолярного стиля, принятого в официальной чиновной среде соседнего Ӱ, и стоит ближе к письменному языку. В создании этого эпистолярного стиля приняли участие и официальные круги монастыря Сакья (ས་སྐྱ། Sa-skya), игравшего столь выдающуюся роль в эпоху Юань. Как и в наречии Ӱ, в наречии Цанга наблюдается несколько говоров.

На юге Цанга, в долине Тро-мо (གྲོ་མོ། Gro-mo), а также в соседнем Сикким и Бхутане (Западный Бхутан) говорят на наречиях, входящих в состав южнотибетской группы. Это так называемый Лхо-кэ, или «язык Юга». Характерной особенностью данной группы наречий является стяжение слогов в двухсложных словах: например, пум — 'девушка', вместо пу-мо (བུ་མོ། bu-mo) группы наречий Центрального Тибета; дэп'начальник области' (སྡེ་པ། sde-pa) вместо дэ-па. Бхутан или Друк-юй ('Brug-yul) принадлежит к наименее изученным областям Гималайской горной страны. По официальным данным там насчитывается до девяти наречий, причем некоторые из них, вероятно, следовало бы назвать языками. Лингвистическая граница внутри княжества проходит по перевалу Пэлэла, причем к западу и к северо-западу от перевала население говорит на тибетских наречиях, близких наречию долины Тромо, а к востоку от перевала на ассамском языке и на наречии Мён или Мён-кэ (མོན་སྐད། Mon-skad), которое, видимо, принадлежит к почти неизвестной юго-восточной группе тибетских наречий. В северном Бхутане кочевое население говорит на особом наречии, называемом дрок-кэ, т. е. 'наречие кочевников'. О нем мы также ничего не знаем, в частности неизвестно, как относится это наречие к языку соседней области Лхо-брак (ལྷོ་བྲག། Lho-brag), входящей в состав Тибетской автономной области.

В особую группу юго-западных периферийных наречий следует выделить наречия тибетских племен Непала — тамангов, лама, цанги, гурунгов, шарпа. Хотя эти племена пользуются тибетским письмом, их наречия и говоры плохо понимаются остальными тибетцами. Проникновение тибетских племен на юг от Главного Гималайского хребта, вероятно, можно отнести к VII—VIII вв. н. э. Это потомки тибетских племен, поселенных в Непале в качестве гарнизонов в эпоху тибетской экспансии. Имена племен выдают их происхождение. Так, магар, название одного из главных племен гурок, означает по-тибетски — «военный лагерь» (དམག་སྒར། dmag-sgar), таманг значит «конница» (རྟ་མའོས། rta-maṅs). За время своего пребывания на территории Непала их язык подвергся влиянию окружающей языковой среды, и в настоящее время в нем много элементов, принадлежащих автохтонным тибето-бирманским языкам и индо-арийским наречиям южных склонов Гималаев. К этой же группе юго-западных наречий можно отнести наречия, в которых прослеживаются черты языков мунда. Это наречия — рангкас, дармия, чаудангов и б'ангси, на которых говорят так называемые бхутии (т. е. «тибетцы» на севере Кумаона).

На запад от области Цанг в Центральной Тибете лежит обширная, но чрезвычайно скудно населенная область Нгāрӣ-корсум (མངའ་རིས་སྐོར་གསུམ། mṄa'-ris bskor-gsum). Весь Западный Тибет, от западного Цанга до границы Кашмира на крайнем западе, обозначается общим именем Тӧ (སྟོད། sTod), т. е. Верхний. Наречие Нгāрӣ, благодаря малой населенности области, мало дифференцировано на говоры и является переходным к группе западнотибетских наречий Ладака, Пурига, Балтӣ и Гарж'а (верховья Чандрабхаги). С наречиями крайнего запада мы довольно хорошо знакомы

благодаря работам Ешкэ, Франкэ, Бейли и Рида[1]. В этой группе наиболее архаичным является наречие Балтистана, имеющее много общих черт с кочевыми наречиями севера и северо-востока. В нем, как и в кочевых наречиях севера Тибета, сохранилось произношение префиксов, а также велярное произношение группы согласных в начале слога, которые в центральнотибетских наречиях превратились в альвеолярные зубные аффрикаты, а в восточнотибетском в палатальные аффрикаты. Напр., Балтӣ — ɣ̊лаŋ 'бык', лхаское — лаŋ, письм.-тиб. གླང་། glaṅ, Балтӣ—кхру 'четверть', Ӱ (Лхаса) — тр'у, Кхам — чр'у, письм.-тиб.— ཁྲུ། khru.

На севере областей Цанг и Ӱ, вдоль всего травянистого пояса северотибетского нагорья или ч'аŋ-т'аŋ, проходит пояс высокогорных кочевий — племен ч'аŋ-па, Нуп-Хор (ནུབ་ཧོར། Nub-hor), Дж'а-дэ (རྒྱ་སྡེ། rGya-sde), Наŋ-ч'эн, кочевое население которых говорит на наречиях, близких банакскому на северо-востоке страны. В них наблюдаются те же особенности: сохранение спирантов в качестве префиксов и чрезвычайно архаичный словарный материал. У Нуп-Хоров или западных хоров, обитающих в области верховий Нак-ч'у или Сальвина, различаются два наречия: хоры, которые живут к северу от перевала Данг-ла, говорят на архаичном наречии, сохранившем произношение префиксов и звонкие согласные. Что же касается наречия хоров, кочующих к югу от перевала, то в нем под влиянием соседних центральнотибетских наречий перестали произноситься префиксы, но сохранились звонкие согласные. Например, Нуп-Хор — za-wa 'месяц', ӱ-ga-wa, Амдо—дзā, письм.-тиб.—ཟླ་བ། zla-ba.

По языку к Нуп-Хорам близки так называемые северяне или Ч'аŋ-па (བྱང་པ། Byaṅ-pa) — кочевники областей Нак-ц'анг (ནག་ཚང་། Nag-tshaṅ) и Нам-ру (གནམ་རུ། gNam-ru), лежащих на север от области Цанг. К юго-востоку от озера Ч'анг Н'ам-цо (Byaṅ gNam-tsho) или Тенгри-нӱр обитают потомки хошутов Гушихана (XVII в.), так называемые Дамсоки, поселенные в урочище Дам в качестве гарнизона в середине XVII в. Эти отибетившиеся западные монголы говорят на смешанном тибетском наречии, в котором встречаются элементы наречий Центрального Тибета и хоров. Население Дамсока до сих пор сохранило песни на монгольском языке, но смысл их уже мало кто понимает. В топонимике области встречаются монгольские названия — Хамӑр, Хонхӧр, Бурйн, Хуйтӕп-ширйк. Сохранились также некоторые особенности кочевого уклада, как, например, приготовление кумыса, так называемого гӧбра (གོད་རག། rgod-rag), причем население обязано платить особую подать кумысом, который поставляется ко двору Далай-ламы в Лхасу.

Северо-восточная группа тибетских наречий включает три наречия: амдоское, банакское и голокское. Эти наречия можно было бы назвать тангутскими, по монгольскому названию кочевников северо-восточного Тибета — тангӑт, принятому в русской научной географической литературе. Наречия северо-восточного Тибета близко стоят друг к другу и различаются главным образом только своими фонетическими особенностями. Для тибетского языкознания эти наречия представляют исключительный интерес, так как во всех трех сохранилось произношение префиксов в виде спирантов

[1] *H. A. Jaeschke.* Über die Phonetik der Tibetischen Sprache. «Monatsberichte der K. Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin», 1867, S. 148 ff; *его же.* Notes on the Pronunciation of the Tibetan Language. «Journal of the Asiatic Society of Bengal»., vol. XXXIV, part I, № II, 1865. Calcutta, 1866, p. 91 ff; *его же.* Tibetan-English dictionary. London, 1881; *его же.* Tibetan grammar. Berlin, 1929, with addenda by Dr. A. H. Francke and Dr. W. Simon; «Linguistic Survey of India», vol. III, part I. Calcutta, 1909; *A. F. C. Read.* Balti Grammar. London, 1934; *G. Roerich.* The Tibetan Dialect of Lahul. Calcutta, 1933.

и звонких согласных. Кроме того, для них характерна большая архаичность словарных форм. Наречия северо-восточные позволяют нам подойти к проблеме фонетического строя древнетибетского языка VI—VII вв. н. э. Их дальнейшее изучение, несомненно, прольет свет на язык тибетских рукописей (найденных в Дунь-Хуане в провинции Ганьсу и в Восточном Синьцзяне), которые часто писались на языке, близком разговорному языку того времени (VIII—IX вв. н. э.).

Изучение северо-восточных тибетских наречий важно также для решения проблемы языка тангутов — миньяков (mi-ñag) [2]. Значительная часть Амдо входила в состав тангутского царства Си-ся, и по сей день среди амдосцев сохранились поколения миньяков. В течение длительного периода амдоское наречие оставалось почти неизвестным. Можно указать лишь на небольшой список амдоских слов, которые приводил В. Рокхилл [3], и на небольшую статью антрополога М. Херманнса [4]. Положение несколько улучшилось с выходом в свет «Восточнотибетского словаря» под редакцией Минору Го [5], в котором содержится лексика, собранная автором в районе Синина. К сожалению, в этом словаре не всегда указывается происхождение приведенных слов.

Амдоское наречие далеко не однородно и распадается на ряд местных говоров. Эти говоры образуют две определенные группы: группа североамдоских говоров (Хўă-ри, Баин-жунг, Ребконг, Лавранский) и группа южноамдоских говоров (Амч'ок, р̥Нawa). Южноамдоские говоры отличаются от североамдоских тем, что в них среднеязычный носовой «н′» превратился в переднеязычный носовой «н». Напр., письм.-тиб —ཉ ña 'рыба'; североамдоские говоры — н′а; южноамдоские — на.

На запад от Амдо кочуют тибетцы — банаки (называются также банага-сум), говорящие на наречии, близком к амдоскому. В конце XVIII в. эти племена перекочевали в Цайдам и на Хöхö-нўр из-за р. Ма-ч'у, т. е. Желтой Реки, откуда они были вытеснены голокскими племенами.

Обширный район между Ялунгом на юге и Ма-ч'у на севере занят многочисленными голокскими племенами, говорящими на чрезвычайно арханчных говорах, из которых самым значительным является говор голоков-сэрта (གསེར་རྟ། gSer-rta). Голоки, что означает 'повернутые головы', или 'повстанцы', представляют собой своеобразную вольницу. В кочевья голоков в течение нескольких веков бежали все недовольные из Амдо, Кхама и даже Центрального Тибета. В составе голокских отрядов можно встретить выходцев из многих соседних племен и даже монголов из соседнего Цайдама. Этот постоянный приток внешнего элемента не мог не отразиться на языке голоков. В основе своей голокское наречие близко к амдоскому и банакскому, но содержит также заимствования из других наречий Восточного Тибета. Во время второй мировой войны голокские племена стали отходить на запад, и значительные группы кочевников появились в районе хребта Хöхö-шили на Синин-Лхаской караванной дороге, причем отдельные конные отряды уходили далеко на запад тибетского нагорья в область Нгă-ри.

Для наречий северо-восточной группы характерны некоторые особенности; в них, в частности, сохранилось произношение префиксов, причем в некоторых случаях произносится не только согласный, но и гласный элемент префиксального слога:

ӯ — ja, Амдо-γăjáγ, Голок-γ′aγ, Банак — γĭăγ, письм.-тиб གཡག། gyag,

[2] Интересно отметить, что в тибетских хрониках название народа часто пишется མི་ཉག་གྷ Mi-ñag-gha', с характерным для наречий северо-востока велярным спирантом.

[3] См. *W. W. Rockhill*. The land of the Lamas. London, 1891.

[4] *M. Herrmans*. Tibetische Dialekte von Amdo. «Anthropos». Freiburg, 1952, Bd. 47, Hft. 1—2, S. 193—202.

[5] «An Eastern Tibetan Dictionary (revised)». Okayama, 1954.

ӯ — лаң 'бык', Амдо — γăлáц, Голок—γлаң, Банак — γлаң, письм.-тиб. གླང་། -glaň.

В большинстве случаев наблюдается замена групп префиксальных согласных спирантами: γ̥, x̥, р̥, ш̥ и w̥, причем — р̥ — является спирантизированным увулярным «р». Например: ӯ — нам 'небо', Амдо — γ̥нам ~ x̥нам, Голок —γ̥нам, Банак—γ̥нам, письм.-тиб. གནམ། gnam.

ӯ — сум 'три', Амдо — γ̥сĭм, Голок — γ̥сум, Банак — γ̥сĭм, письм.-тиб གསུམ། gsum.

ӯ —цă 'трава'; Амдо — р̥ца ~ x̥ца, Голок — р̥ца, Банак — р̥ца, Балтĭ — хрцwa, письм.-тиб. རྩྭ། rtswa;

ӯ — до 'камень', Амдо — р̥до, Голок —р̥до, Банак — р̥до, письм. -тиб. རྡོ། rdo;

ӯ — ма 'война, войско', Амдо — γ̥маγ, Голок — γăмàγ, Банак — γ̥маγ, письм.-тиб. དམག། dmag.

Для амдоского и банакского характерна замена конечного зубного «д» звуком — л′ (палатализованный мягкий л): ӯ —дў 'черт', Амдо — w̥дĭл, письм.-тиб. བདུད། bdud;

ӯ — кэ 'язык', Амдо —ш̥кэл′, письм.-тиб. སྐད། skad. В голокском конечный зубной сохранился.

Для амдоского и других наречий северо-востока характерна замена начальной группы dp спирантом — x: ӯ- пŏ- по, Амдо — хўон-бо, Голок — хўон-бо письм.-тиб. དཔོན་པོ། dpon-po.

На востоке Тибета лежит обширная область, известная под общим названием Кхам (ཁམས། Khams), что значит 'пограничье, окраина'. Довольно многочисленные наречия и говоры, на которых говорит население этой крайне пересеченной горной страны, известны остальным тибетцам под общим названием Кхам-кэ, т. е. окрайный язык, язык Кхама. Дифференциация на наречия и говоры, число которых едва ли возможно в настоящее время определить, здесь большая, чем далее на западе тибетского нагорья. Пересеченный характер местности способствовал изоляции различных поселений одно от другого и образованию местных наречий и говоров. Не всегда легко определить, имеем ли мы дело с наречием или лишь с говором. Основными наречиями языка Кхама являются наречия Ч'амдо, Драя, Мар-кхама, Дэргэ, Дэу Кхама, Бă-Ли-тханга. Главными характерными чертами их являются: а) утеря префиксов, б) претворение звонкого переднеязычного дж в дз. ӯ-джö 'звать, говорить', Кх.-дзö, письм.-тиб. བྱོད་པ། brjod-pa, в) палатализованное произношение сложных согласных — тр̥а, др̥а, превратившихся в — ч̥ра, джр̥а в Кхаме. В морфологии — использование частиц-связок ни, лэ, т'э в прошедшем времени (Кх. суң-т'э 'сказал'; ӯ — суң-ду). Все эти наречия значительно ближе стоят по своему фонетическому строю и словарному материалу к наречиям Центрального Тибета. Однако уроженец Цанга не сразу ориентируется в языке Бă-Ли-тханга и первое время принужден будет прибегнуть к услугам переводчика.

Восточнотибетские наречия остаются мало известными. В свое время А. Дэгодэн составил краткую грамматику разговорного тибетского языка на основе восточнотибетского [6]. В 1956 г. Жиродо и Горэ выпустили французско-восточнотибетский словарь [7], которым, однако, довольно трудно пользоваться, ибо в нем не указывается

[6] *A. Desgodins*. Essai de grammaire Thibétaine. Paris, 1899.

[7] *S. E. Giraudeau*, et *F. Goré*. Dictionnaire Français-Tibétain. Paris, 1956.

происхождение приведенных слов. В основном словарь отражает наречие Бā-тханга — Йэркало. В настоящее время изучение наречий и говоров Восточного Тибета начато китайскими учеными. Работы ведутся в Чэн-ду. На наречии Кхама стали издавать книги.

Между Кан-дином (Дарцендо) в Сикане и Сун-панем, в верховьях рек Цзинь-чуань и Минь-хэ, обитают кочевые племена, язык которых весьма отличается от языка их западных соседей — голоков и других племен, говорящих на тангутских наречиях. Эту группу наречий и говоров можно было бы назвать си-фаньской (по китайскому названию группы племен). В ней выделяются три наречия: наречие бывшего феодального владения Чā-ла ལྕགས་ལ། (lčags-la), на котором говорят от Кан-дина до Чанг-гу на северо-востоке и которое является наречием переходного типа, еще довольно близкого к наречиям Кхамá; наречие Паванг — Гишэцʿа и группа говоров Пāти, Тᵖo-джāи, Буджи, Васы, Тамба, Сунг, Помо и Чокци. Говоры Пāти и Васы, видимо, близки наречию Джāрунга. В настоящее время производится лингвистическое обследование этого района, и мы можем ожидать дальнейшего уточнения сведений о фонетическом и морфологическом строе этих наречий. По некоторым данным, в наречии Васы сохранилось произношение префиксов. Например gŏsum ʻтриʼ (письм.-тиб. གསུམ། gsum). Особый интерес представляет наречие Джарунга, которое стоит несколько особняком и, видимо, является тибето-бирманским наречием [8].

Наречия юго-востока Тибета — Конг-по, Помэ и Дза-jў остаются неисследованными. В самое последнее время китайские ученые организовали несколько лингвистических отрядов, которые работали в этой области. Говоры Южного Конг-по отличаются большой архаичностью словаря (например, употребление формы доḭ-wa, письм.-тиб. ʾdoṅ-ba འདོད་པ། вместо обычного общетибетского дᵖo-wa, письм.-тиб. ʾgro-ba).

Большой интерес представляют наречия переходного типа, на которых говорит тибетское население вдоль тибето-ассамской границы. В них наблюдаются элементы языков мишми, аборов, мири, дафлов и ака, которых тибетцы зовут ло-па (ལྷོ་པ། glo-pa). Отдельную проблему представляют языки ло-ло и мо-со (кит. И) в Юньнани. Языки этих племен представляют больший интерес, чем тибето-бирманские наречия Ассама, в особенности с точки зрения развития системы тонов.

Таковы общие контуры лингвистической карты Тибета. Белых пятен на этой карте еще много, в особенности на востоке и юго-востоке области.

Следующей задачей, стоящей перед тибетским языковедением, является выяснение фонетического строя древнетибетского письменного языка, VI—VIII вв. н. э. Разрешению этой проблемы будет способствовать, с одной стороны, сравнительное изучение архаических наречий тибетского языкового мира и, с другой — изучение транскрипций иностранных слов в древнетибетском письменном языке. Как известно, тибетцы предпочитали не прямое заимствование иностранного слова, а его перевод на тибетский язык. Громадное большинство заимствованных слов и выражений с языков санскритского и китайского являются переводами на тибетский. В правление царя Ральпачана (རལ་པ་ཅན། Ral-pa-čan) в первой половине IX в. было создано специальное учреждение по редактированию переводов буддийских трактатов с санскритского на тибетский язык. Это учреждение выработало ряд правил для переводов с санскрита.

[8] *Wên Yu*. Personal endings of the verb in the Gyarung language. «Bulletin of Chinese studies», IV, September 1944; *Ching P'êng*. Étude sur le Jyarung. «Bulletin du Centre d'Études siniologiques de Pékin», III, 3—4, 1949, p. 211—310; *Wên Yu*. Verbal directive prefixes in the Gyarung language and their Ch'iang equivalents. «Studia Serica», III, September 1942; *Wên Yu*. A tentative classification of the Ch'iang language in Northwestern Szeshwan. «Studia Serica», II, September 1941.

До этого времени санскритские слова заимствовались без перевода (вместо ཆོས། čhos, ʻзакон, учение, элементʼ, писали дхарма). Такой способ заимствования и сейчас практикуется в Дэргэ (Восточный Тибет), где включение санскритских слов в тибетское предложение рассматривается как признак хорошего литературного стиля. Эти транскрипции санскритских слов являются ценным материалом при восстановлении древнего произношения фонем тибетского языка. Для эпохи XIII—XIV вв. интересны транскрипции монгольских слов, заимствованных в тибетский язык при Юанях.

Как известно, тибетский язык был зафиксирован письмом в первой половине VII в. н. э. Тибетское письмо было выработано на основе центральноиндийского письма VI—VII вв. н. э. (имею в виду надписи на кирпичах, найденные в Гопалпуре)[9]. Традиция приписывает создание тибетского письма на основе индийского Тʿёнми Самбхоте, который был послан в Кашмир при тибетском царе Сонг-цэн гам-по (སྲོང་བཙན་སྒམ་པོ། Sroṅ-btsan sgam-po) в первой половине VII в. н. э., где он изучал санскрит с пандитом Devavitsiṁha. Письмо, выработанное Тʿёнми Самбхотой и его школой, не было единственным письмом, созданным в Тибете. Тибет знал несколько других писем, не получивших, однако, распространения. Традиция сохранила названия пяти таких систем письма, ставших известными по именам их изобретателей. Образцы этих писем даются в некоторых изданиях (རྡོར་གདན་ཡིག་གསར། rdor-gdan yig-gsar; འགོས་ལོའི་ཡིག་གསར། ʾGos-lo' i yig-gsar; སྐྱེགས་ལོའི་ཡིག་གསར། sKyogs-lo'i yig-gsar; རྫོགཚེ་ཡིག་གསར། ḭo-mtshar yig-gsar и др.)

Вопрос о заимствовании письма из Индии тесно связан с вопросом о заимствовании индийской буддийской культуры из Кашмира. По некоторым данным первые буддийские веяния пришли в Тибет из страны Ли, т. е. Хотана в теперешнем Синьцзяне. Со страной Ли у Тибета всегда были тесные культурные и экономические связи, и существует по крайней мере одна хроника (མངའ་རིས་ཆོས་རྒྱལ་གྱི་རྒྱལ་རབས། mṅaʾ-ris čhos-rgyal-gyi rgyal-rabs, т. е. Хроника Религиозных Царей Нгā-pu), в которую включена глава о посещении царем Сонг-цэном страны Ли или Хотана. Во всяком случае культурное влияние Хотана на Тибет в имперскую эпоху нельзя недооценивать.

В течение второй половины VII в. и всего VIII в. тибетцами была проделана громадная, поистине изумительная работа по созданию письменного языка, отличающегося необыкновенной отработанностью терминологии и словарного материала. Благодаря этой работе стали возможными переводы на тибетский язык труднейших философских трактатов буддизма, так называемых шāстр. Сравнительно быстрое создание литературного языка свидетельствует о том, что в древности, в VI—VII вв. н. э., существовал развитый язык с богатым словарным материалом. Малоразвитая речь тибетских кочевников с крайне ограниченным словарным запасом не могла явиться той основой, на которой переводчики и ученые VII—VIII вв. создали письменный литературный язык. Внимательное изучение рукописей VIII—IX вв., открытых экспедициями Штейна и Пелльо в Дунь-Хуане, а также довольно многочисленных надписей, относящихся к имперскому периоду тибетской истории, позволяет установить существование развитого языка, разработанного при феодальных ставках, который, быть может, долгое время оставался не зафиксированным в письме. Этот язык отличался от имеющего свою установившуюся традицию письменного литературного языка переводов с санскритского.

Создание такого официального языка, вероятно, совпало по времени с эпохой объединения тибетских феодальных владений во второй половине VI в. и в начале

[9] См. *E. H. Johnston*. The Gopālpur bricks. Journal of the Royal Asiatic Society. London, 1938, p. 547—553; *M. Filliozat*. Journal Asiatique, Paris, 1939, t. CCXXXI, p. 283.

VII в. Создание письменного литературного языка явилось, таким образом, как бы продолжением этого процесса. Позднейший онорифический стиль тибетского разговорного языка и отчасти эпистолярный стиль являются как бы потомками этого древнего «языка феодальных ставок». Такие ставки назывались гар-па (སྒར་པ།|sgar-pa), при в литературе сохранилось выражение гар-пэ˘йкэ (སྒར་པའི་སྐད།| sgar-pa'i skad)'я ставки'. Нечто подобное наблюдалось в Монголии конца XII в. и начала XIII

Вопрос о произношении префиксов в эпоху VII—VIII вв., т. е. в эпоху фиксации языка письмом, еще не решен. Из того, что тибетцы фонетически транскрибировали иностранные слова и даже создали специальные знаки письма для не существующих в тибетском языке звуков, можно заключить, что и для фиксации фонем своей родной речи они следовали тому же принципу. В тибетской литературе имеются указания, что префиксы произносились и что следующим этапом, предшествовавшим полному исчезновению префикса в произношении, было превращение префиксальных групп согласных в спиранты. Подобные явления мы наблюдаем сейчас в наречиях северо-востока Тибета и крайнего запада (наречие Балтистана).

Изучение древних транскрипций санскритских слов, заимствованных в тибетский язык, позволяет сделать тот же вывод. Так, древнеиндийское слово kalpa 'космический период, эпоха' транскрибируется знаками тибетского письма དཀལ་པ།| bskal-p

Вряд ли можно предположить, что тибетцы VII—VIII вв. произносили это слово бскал-па и использовали слог 'бскал' для фонетической транскрипции санскритского kal Другое дело, если мы предположим, что в эпоху VII—VIII вв. наречия Центрального Тибета, и в данном случае в первую очередь наречие Цанг, утеряли произношение префиксов, превратившихся в глухие и звонкие спиранты, как это еще имеет место в наречиях северо-востока, в которых слово bskal-pa читается шкал'-па.

Изучение транскрипций санскритских слов показывает, что исходные согласные слогов еще произносились. Из транскрипций санскритских слов мы можем также заключить, что в эпоху VI—VIII вв. сочетания губного + звука «р» еще произносились, как, например, སྤྲཇྙཱ།| санскр. prajñā 'мудрость', а не превратились в альвеолярные зубные аффрикаты типа tr̥a. На крайнем западе, в Балтистане, это произношение еще сохранилось, например bra̱ṅ-sa бра̱ң-са 'станок, остановка'. Нужно отметить, что в современном тибетском, а именно в наречиях Цанг и ӯ еще существуют оба произношения. Так, в слове བླ་བྲང་| bla-bra̱ṅ 'ламский дворец' второй слог произносится еще бра̱ң ~ wра̱ң, а в слове ཕོ་བྲང་| pho-bra̱ṅ 'дворец' тот же слог произносится тр̥аң, п'о т р̥аң. Эта неустойчивость произношения показывает, что в предшествующей стадии произношение губного элемента аффрикаты сохранялось. Транскрипция санскритских слов (напр., ཀྲི་ཡ། kri-ya, транскрибирующее санскритское kriyā 'акт, действие') также показывает, что велярный элемент в сочетаниях кр̥а, гр̥а сохранялся. Произношение велярного элемента сохранилось в наречии Балтистана. Например: Балткхрил-ба, ӯ—тр̥и-wа, письм.-тиб. — 'khril-ba — 'схватить'.

Вышеприведенные наблюдения позволяют установить для древнетибетского языка VI—VII вв. следующие особенности: а) утеря префиксов и замена их спирантами, б) сохранение произношения исходных согласных слогов, в) сохранение велярного и губного элементов в группах кра, гра, пра, пхра и бра и к'а, г'а, п'а, б'а. Изучение транскрипций монгольских слов XIII—XIV вв. позволяет установить, что в эту эпоху губной «б» с подписным «уа» уже произносился как палатализованный небный. Напр., транскрипция имени Чингиса བྱིན་གི་སི། Byiṅ-gi-si, Ч'ин̯-ги-си.

Большой и еще не выясненной является проблема развития тонов в тибетских наречиях. В наречиях, отличающихся наибольшим фонетическим износом, например

в наречии области ӯ, в особенности же в говоре лхаских мусульман, имеются тоны. В других архаичных наречиях, в которых сохранился полисиллабизм, трудно еще установить схему тонов. В наречии ӯ в изолированных слогах наблюдается восходящий, длительный или ровный и нисходящий тона: восходящий тон — ма' 'война', письм.-тиб. དམག།| dmag; длительный тон — мā 'масло', письм.-тиб. མར།| mar, нисходящий — мà мать', письм.-тиб. མ།| ma.

К разговорному тибетскому языку понятие моносиллабизма применимо лишь в смысле типичной односложности морфемы, но не односложности слова. В многосложных словах-комплексах происходит изменение тона. При этом играет роль силовое ударение в многосложных словах и групповое ударение, столь характерное для разговорного тибетского. Все эти вопросы нельзя рассматривать в отрыве от данных китайского языка.

История развития письменного тибетского языка ставит несколько проблем. Письменный язык, язык переводной литературы с санскритского, развивался в отрыве от разговорного, корни которого восходят к языку феодальных ставок эпохи VI—VII вв. н. э. В развитии письменного языка намечаются несколько периодов: а) период древних переводов с санскритского, со второй половины VII в. до середины IX в.; б) второй период со второй половины IX в. по XIV в. Это время дальнейшего оформления письменного языка, замены заимствованных санскритских слов переводами; в) период с начала XIV в. по начало XVIII в. Это время окончательного создания научного языка философских трактатов. В этой области много потрудился Цоң-кха-па (1357—1419), творения которого считаются непревзойденными по стилю и ясности изложения; г) новейший период с начала XVIII в. Это время появления современного литературного языка, который развивается под влиянием эпистолярного стиля и постепенно усиливающимся воздействием разговорной стихии. В литературном языке постепенно исчезают особенности старого переводного языка, что особенно заметно в области синтаксиса.

В настоящее время на очереди стоит создание нового литературного языка с максимальным приближением к разговорной речи, с помощью которого население Тибета сможет подойти к современной литературе и науке, связанным с проблемами общегосударственного строительства. Об этом уже поговаривают в кельях тибетских монастырей, и многие современные авторы и государственные деятели пытаются выработать новый стиль. Новый литературный язык вряд ли будет создан на основе одного из разговорных наречий, ибо в таком случае Тибет потеряет свое языковое единство, единство, которое до сего времени держалось на письменном литературном языке, общем для всей страны. Скорее всего в основу будет положен письменный язык, который в процессе создания нового литературного языка подвергнется неизбежному упрощению, но не обеднению. Чрезвычайно ответственная задача стоит перед составителями новой терминологии. В тибетской литературе установилась прочная традиция, идущая со времен еще старых переводчиков с санскрита, не заимствовать слово, а переводить его — это соответствует духу языка. Мне думается, что те, кто призваны создать новую терминологию, отвечающую нашей эпохе создания новых общественных отношений, пойдут по этому же пути. Потребуются хорошие толковые словари. Прекрасно разработанный философский язык обладает большими внутренними ресурсами, которые могут быть использованы составителями новой терминологии.

Разработку тангутской проблемы, которая имеет свои особенности, созданные наличием иероглифического письма, изобретенного в подражание китайскому, я поставил отдельным пунктом в списке неотложных задач нашей науки. Разработка этой проблемы должна быть особенно близка советским тибетоведам. В Ленинграде хранится богатейшее в мире собрание тангутских рукописей и ксилографов.

Изучению и дешифровке тангутского письма много лет посвятил выдающийся японист Н. А. Невский. Наш долг не только издать его труды, но и собрать его рукописное наследие, сохранившееся в Японии.

Бертольд Лауфер и многие другие искали ключ к разгадке тангутского письма в тибето-бирманских наречиях периферии. Нам представляется, что в первую очередь следовало бы обследовать язык северных миньяков, кочующих в горах Наньшаня к северу от Хёхё-нӯра, этих прямых потомков тангутов, основателей царства Сися. Интересно провести обследование группы сифаней Тоба, сохранившихся в районе Лянчжоу, Ганьсу, которые в настоящее время почти перешли на китайский язык, но сохранили песни на тибетском наречии миньяков. Для решения тангутской проблемы особенное значение имеет изучение тангутских надписей, написанных тибетским письмом в окрестностях Гань-чжоу. Тангутский язык был близок к наречиям северо-востока, и сами тибетцы всегда отчетливо сознавали свою кровную близость к тангутам-миньякам, которых и называли Пӧ Миньяк, т. е. тибетские миньяки (བོད་མི་ཉག Bod Mi-ñag). Тангутская культура была культурой тибетской, которая была занесена в эпоху тибетской экспансии в Восточном Туркестане и Западном Ганьсу в VIII–IX вв.

На стыке двух языковых миров часто вырабатываются языки-метисы, изучение которых составляет особую проблему. К этому типу принадлежат говоры вдоль индо-тибетской границы. Особенно характерен говор тибетцев в районе Дорджэлинга и Калӧнпунга, на границах Сиккима и Бхутана, где наблюдается постепенный переход на гуркали. Словарь переполняется заимствованными словами из урду и хиндустани, гуркали и английского и в значительно меньшей степени из бенгальского. То же замечается на западной границе Тибета, в Ладаке и Гардж'а, где язык перегружается словами, заимствованными из урду, причем многие уже предпочитают говорить просто на урду. К смешанным языкам принадлежит и говор Дрэпунгского монастыря в Лхасе, где тибетские монахи произносят тибетские слова на монгольский лад, а монгольские монахи в свою очередь перегружают свою речь тибетскими словами и целыми предложениями, которые довольно причудливо вплетаются в монгольское предложение. В Амдо существуют несколько таких языков-метисов. Так, ариги представляют собой отангутившихся монголов. В настоящее время они говорят на амдоском наречии, но счет ведут по-монгольски. Эти ариги упоминаются уже в XVI в. В говоре Баин-жунг в Северном Амдо постоянно встречаются монгольские слова, так 'ехать верхом' в Баин-жунге звучит — хта-ла jawăx, где jawăx — заимствование из монгольского. К таким же языкам-метисам принадлежат монастырские жаргоны, в которых грамматический строй монгольский, а словарь тангутский.

В настоящее время мало кто сомневается в существовании дальневосточной языковой общности, которую принято называть индо-китайской семьей. Тибето-бирманская группа этой общности представляется во многих отношениях более компактной. Сравнительное изучение словарного материала китайской и тибетской групп показывает, что налицо отдаленное родство, но что ответвление китайской группы от тибетской должно было произойти в глубокой древности. Система тонов не всегда может служить доказательством родства. Ввиду богатства лингвистического материала и крайне ограниченного числа специалистов нам всем, работникам в этой области, предстоит на данном этапе в первую очередь решать вопросы своей специальности, без чего невозможны никакие широкие обобщения.

SUMMARY

The author discusses the fundamental problems of Tibetan language studies: (1) The study of modern dialects and the preparation of a linguistic map of the area; (2) the phonetic structure of the ancient Tibetan; (3) the evolution of the literary Tibetan and its relation to the colloquial language; (4)the Tangut problem; (5) the comparative study of Tibetan dialects.

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

КУДА ЕЗДИЛИ ДРЕВНИЕ РУСЫ — В АНДАЛУЗИЮ ИЛИ АНАТОЛИЮ?

И. К. НЕФЕДОВА

До недавнего времени при разборе арабских источников термин «ал-Андалус» трактовался лишь как Андалузия, Испания. Те же места в источниках, которые явно не относились к Испании, либо замалчивались, либо объяснялись ошибками, допущенными автором и переписчиком.

Между тем это неверное представление об Анадалус полностью опровергают следующие два описания из «Книги промывален золота» Масуди, посвященные так называемому Константинопольскому проливу, соединяющему Черное море со Средиземным:

ومنه ينفجر خليج القسطنطينية الذى يصب الى بحر الروم وطوله ثلثماية ميل و* نحو من خمسين ميل و عليه القسطنطينية و العمائر من اوله الى آخره و القسطنطينية من الجانب ** الغربى من هذا الخليج متصلة *** ببلاد رومية و الاندلس و غيرها

I. «Из него [из моря Нейтус, т. е. Черного моря] вытекает Константинопольский пролив, который впадает в море Рума [Средиземное] и длина его около 350 миль[1], и на нем Константинополь и заселенные местности от его начала до самого его конца. Константинополь расположен по западной стороне этого пролива, который связан со страной Румской, ал-Андалус и другими»[2].

* В булакском издании и в рукописи ИВ АН СССР № В-600 перед словом «نحو»— «около» по всей видимости ошибочно вставлено «عرضه»—«ширина его».

** В парижском издании после слова «الغربى» — «западная» вставлены слова «من بلاد المغرب» «из страны запада», которых нет ни в булакском издании, ни в одной из рукописей (№ Д-175, № Д-176, № В-600—601) и которые попали в текст, вероятно, с полей рукописи.

*** Вместо слова «ببلاد» — «со странами» в рукописи №В-600 и в булакском издании написано «ببر» — «с сушами», а в рукописи № Д-176— «ببحر» — «с морями». Наиболее точным нам кажется написание парижского издания и рукописи № Д-175.

و ان خليج القسطنطينية ياخذ من هذا البحر و يجرى الماء فيه جريا و يصب الى بحر الشام و مسافة الخليج ثلثماية و جمسون ميلا و قيل اقلّ من ذلك و عرضه فى هذا الموضع الذى ياخذ من بحر ما يطس نحو من عشرة اميال و هناك عمائر و مدينة للروم تدعى مسناه تمنع من يرد من ذلك

[1] Одна миля Масуди равна приблизительно 980 м, т. е. полумиле, это видно из сопоставления данных, приведенных в различных главах книги Масуди.

[2] *Maçoudi*. Les prairies d'or, t. I. Paris, 1861, p. 261; Рукописи Института востоковедения АН СССР (ИВ АН), № В-600, л. 50-а и № Д-175, стр. 61.

البحر من مراكب الروس * و غيرها ثم يضيق هذا الخليج عند القسطنطينية فيصير عرضه و هو موضع العبور من الجانب الشرقى الى ** الجانب الغربى الذى فيه القسطنطينية نحو امن اربعة اميال و عليه العمائر و ينتهى الى العو ضع المعروف *** باندلس و هناك جبال و عيون كثيرة ماؤها موصوف

II. «Константинопольский пролив начинается из этого моря [Майотус и Нейтус] и течет в нем вода и впадает в море Сирийское. Длина пролива 350 миль, а говорят, что и меньше этого. Ширина его в том месте, которое начинается из моря Майотус, около 10 миль, и там заселенные места и город румов, называемый Масна, который препятствует кораблям русов и других народов, прибывающим из этого моря [из моря Майотус и Нейтус]. Затем суживается этот пролив у Константинополя и становится ширина его,— а это место переправы с восточной стороны на сторону западную, на которой Константинополь,— около четырех миль и на нем заселенные места. И оканчивается [пролив] в месте, называемом Андалус [или Абдалус по другому варианту], там имеются горы и многочисленные источники, вода которых целебна»[3].

* В рукописях ИВ АН СССР № В-600 и № Д-175 вместо «مراكب الروس» — «корабли русов» ошибочно написано «مراكب الروم» — «корабли румов».

** В парижском издании вместо «الجانب» — «сторона» написано «الموضع» — «место».

*** В рукописях № В-600, № Д-175 вместо «اندلس» — «Андалус» написано «الابدلس» — «Абдалус».

Что это за страна, или область ал-Андалус, с которой Масуди в обоих отрывках связывает Константинопольский пролив? Не является ли ал-Андалус или «ал-Анадолус», как следует в данном случае читать это слово, «اندلس» названием Анатолии. Действительно, в VIII—X вв. крупнейший азиатский военный округ Византийской империи, охватывавший центральную и западную части полуострова Малая Азия (приблизительно от Дорилайя до Киликии), носил название «Анадоли — Анатоли — Анатолус», или «ан-Натолус — ан-Натоли». Позднее, с XIII в. в широком смысле термином «Анадоли» обозначали всю Малую Азию[4]

Название «Анадоли», равнозначное «Анатолии», применительно к областям полуострова Малая Азия существовало уже в VIII—IX вв. Следовательно, «ал-Анадолус» Масуеди соответствует «Анатолии», которая была, видимо, хорошо известна и другим современникам Масуди. Так, Якут пишет: «Анатолия — большой город из знаменитых городов Рума». Балхи (конец IX в.— начало X в.— *Н. Н.*) сообщает: «Если ты пройдешь Каламию и Ламис, то ты дойдешь до Анатолии, крепости румов на берегу моря, неприступной, с обширным районом, с многочисленным населением и затем ты дойдешь до Константинопольского пролива»[5].

Ибн-Хордадбех (вторая половина IX в.) пишет об Анадолус следующее: «Область ан-Натулус — толкование этого слова «восток». Она самая большая румская область и в ней город Аммурия, число башен [фортов] его — 44» [5].

Абу ал-Фарадж Кудама ибн Джа'фар (конец IX — начало X в.) среди областей, расположенных на полуострове Малая Азия, упоминает и Анатолию: «За тем примыкает к ней [области ат-Таркасис — Фракисий] область ан-Натолик, что означает «восточная», а она самая большая румская область, ее границы: ал-Абсик [Опсикий] на западе, со стороны южной — Сулукия у Сирийского моря [Киликия], со стороны восточной — область ал-Кабадак [Каппадокия], а с севера ал-Бакалар

---

[3] *Maçoudi*. Les prairies d'or, t. II. Paris, 1863, p. 317; Рукопись ИВ АН СССР, № Д-175, стр. 166—167.

[4] «Encyclopedie de l'Islam», vol. I, p. 350.

[5] «Bibliotheca geographorum arabicorum», pars VI, 1889, p. 107.

وقال البلخى اذاتجاوزت قلية انطالية بلاد كبير من معشاهير بلاد الروم ... و اللامس انتهيت الى انطالية حصن للروم على شطالبحر منيع واسع الرستاق كثير الاهل ثم تنتهى الى خليج القسطنطينية

[Буккелярий]. Войско ее состоит из 15 тыс. человек. В ней [в области ан-Натолик] город 'Аммурия, который завоевал Му'тасим» [6].

Упоминание об Анатолии как обширном районе и укрепленной крепости, расположенных на полуострове Малая Азия, мы встречаем и в «Книге путей и государств» ал-Истахри (первая половина X в.) и в «Книге путей и государств» ибн-Хаукаля (середина X в.). Здесь мы находим общее описание Анатолии, которое в основном совпадает с описанием, приведенным со слов ал-Балхи в «Географическом словаре» Якута[7].

Вполне возможно, что в определенные периоды границы области Анатолия значительно расширялись и, возможно, приближались к так называемому Константинопольскому проливу, о чем свидетельствуют рассмотренные нами выше источники.

Таким образом, мы приходим к выводу, что встречающиеся в источниках названия: Анатолия, ан-Натолик, ан-Натолус, Анадолус, относятся к расположенной в центральной части полуострова Малая Азия обширной области, границы которой не были постоянными. Именно эту область подразумевал ал-Масуди, говоря о стране ал-Андалус, находившейся в районе Константинопольского пролива.

Термин «Андалус» у Масуди и других арабских авторов наряду с арабской частью Испании — Андалузией обозначал также значительную область на полуострове Малая Азия — Анатолию, причем вполне возможно, что во втором случае это слово читалось как «ал-Анадолус — Анатолус». Такое толкование термина Анадолус позволяет правильно понять как отрывок из «Книги промывален золота» ал-Масуди, в котором говорится о торговле русов со страной ал-Анадолус, то есть с малоазиатскими областями Византийской империи[8], так и отрывок, в котором рассказывается о нападении русов перед 912—913 г. на побережье страны ал-Анадолус [9]. Если и здесь под термином «ал-Анадолус» Масуди подразумевает Анатолию, то мы получаем новое и весьма ценное свидетельство о походе русов на побережье полуострова Малая Азия.

Эти свидетельства ал-Масуди использовались норманистами как один из аргументов в защиту их теории, поскольку Анадолус отождествлялся с Андалузией. Новое толкование термина «Анадолус» как «Анатолия» еще раз доказывает несостоятельность доводов норманистов.

SUMMARY

The author shows that the term ANDALUS was used by Mas'udi and other Arab authors with reference not only to the Arab section of Spain, Andalusia, but also to Anatolia, on the peninsula of Asia Minor. N. K. Nefedova believes that Mas'udi wrote about the campaign of the Rus' to the coast of Asia Minor and about their trade with the Asia Minor regions of the Byzantine empire, and not with Andalusia.

---

[6] «Bibliotheca geographorum arabicorum», pars. VI, p. 257—258.

[7] «Bibliotheca geographorum arabicorum», pars. I, p. 69.

[8] «Они [русы] чаще всего посещают с торговыми целями страну ал-Анадолус, Румию [Византию], Константинополь и Хазарию». (*Maçoudi*. Указ. соч., т. II, стр. 18; Рукописи ИВ АН №-В-600, л. 78а и №Д-175, стр. 99).

[9] «Это было до 300 [года] (912—913. — *Н. Н.*) пришли в Анадолус по морю корабли, на которых были тысячи людей, и напали на ее берега. Жители Анадолус полагали, что это народ из Маджус, который появляется перед ними на этом море каждые 200 лет и что они приходят в их страну через рукав, противоположный морю Окиянусу, а не через рукав, на котором находится медный маяк. Я же думаю, а Аллах лучше знает, что этот рукав соединяется с морем Майотус и Нейтус и что этот народ — русы, о которых мы уже рассказывали выше в этой книге, ибо никто, кроме них, не пересекает эти моря, соединяющиеся с морем Окиянусом» (*Maçoudi*. Указ. соч., т. 1, стр. 364—365; Рукописи ИВ АН, № В-600, л. 73).

РУСЬ И СТРАНА «АНДАЛУС» В IX—X ВЕКАХ

Б. А. РЫБАКОВ

В изучении первых страниц истории Киевской Руси немалую роль играло толкование связей Руси со страной «Андалус», упоминаемой рядом восточных авторов. Долгое время комментаторы арабских источников единодушно признавали, что под названием «Андалус» нужно понимать Андалузию. Такое толкование затрудняло отождествление русов со славянами и как бы подсказывало признание русов норманнами, корабли которых действительно появлялись в ту эпоху у берегов Андалузии. Большую радость доставила норманистам находка текста автора IX в. Аль-Якуби, повествующего о нападении русов на Севилью в 844 г. Френ тогда так озаглавил свою статью об Аль-Якуби: «Новое доказательство того, что основателями Русского государства были норманны»[1].

Аль-Якуби сообщает: «На запад от города, называемого Аль-Джазира (Альхесирас) находится город, именуемый Ишбилия (Севилья), при большой реке, которая есть река Куртубы («река Кордовы» — Гвадалквивир). В этот город вошли язычники, которых называют рус, в 229 году и пленяли, и грабили, и жгли, и умерщвляли»[2]. После этого все сообщения о походах русов в Андалус, казалось, приобретали неоспоримую географическую определенность. Помимо Френа такого же мнения придерживались Савельев, Круг, Крузе и глава норманистов — А. Куник. Только А. Я. Гаркави обратил внимание на то, что слова «которых называют рус» введены переписчиком 1262 г., их не было в первоначальном тексте Аль-Якуби, народ, напавший в 844 г. на Севилью, был назван просто «маджус» (библейский «магог»)[3]. Глоссатор XIII в. не мог не знать сочинений Масуди и Ибн-Хаукаля, в которых писалось о нападениях на страну Андалус то народа «маджус», то русов. Из этого он сделал логический вывод, что северный народ «маджус», напавший на Севилью, — это русы, и тем способствовал временному упрочению позиций норманистов XIX столетия. Критическое рассмотрение текста Аль-Якуби А. Я. Гаркави поколебало утверждения Френа и Куника. Томсен и Грушевский уже сомневались в достоверности показаний Аль-Якуби о путешествиях русов в Андалузию[4]. Пренебрег критическими замечаниями и снова пытался использовать поход 844 г. в качестве доказательства варяжского происхождения русов Ф. Вестберг, допустивший множество фальсификаций и тенденциозных толкований во имя торжества идеи норманизма[5]. С других позиций, но не менее доверчиво, отнесся к рассказам о русских путешествиях в Испанию и В. В. Мавродин, основывавшийся на традиционном определении страны Андалус как испанской Андалузии [6].

В свете этих кратких историографических справок становится ясным значение нового толкования термина «Андалус», предложенного Н. К. Нефедовой.

Андалус — Анатолус — Анатолия — южное побережье Черного моря, часть Малой Азии, где были славянские колонии. Это — исторически более достоверно и убедительно, чем отождествление всех упоминаний страны Андалус только с испанской Андалузией. Византийская фема Анатолия занимала глубинные области Малой Азии,

[1] *Frahn.* Ein neuer Beleg, dass die Gründner des Russischen Staates Nordmannen waren. «Bulletin Scientifique piblié parl'Academie imperiale de Sciences de S.-Petersbourg», 1838, t. IV.

[2] См. *А. Я. Гаркави.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 63. См. также стр. 66—71.

[3] Там же, стр. 67. Никто из арабских авторов, писавших о нападении на Севилью (кроме Аль-Якуби), не называл нападавших русами и вообще никогда не отожествлял русов с норманнами.

[4] *Томсен.* Начало русского государства. М., 1895, стр. 78; *М. Грушевський.* Історія України — Русі, т. I. Львов, 1904, стр. 411.

[5] *Ф. Ф. Вестберг.* К анализу восточных источников о Восточной Европе. ЖМНП, январь—февраль 1908, новая серия ч. XIII, отдел наук, стр. 380.

[6] *В. В. Мавродин.* Начало мореходства на Руси. Л., 1949, стр. 69—73.

но наименование Анатолии расширительно применялось и к черноморскому побережью вообще, включая сюда Вифинию, Пафлагонию и даже иногда более восточные области за Трапезундом...

Понимание слова «Андалус» как «Анатолия» устраняет все противоречия и недоумения, существовавшие ранее. Постоянные связи русов с Анатолией мы можем подтвердить рядом свидетельств как арабских, так и византийских.

В первой половине IX в. русы уже находятся на берегах «Евксинопонта», совершают походы на Сурож и Корчев (Судак и Керчь) и даже на остров Эгину (813 г.). Ибн-Хардадбех в 40-е годы IX в. писал о путешествиях русов из «отдаленных концов Славонии» к Румскому морю или к морю Джурджан (Каспийскому). В иконоборческую эпоху истории Византии, т. е. до 842 г., русы совершили поход на город Амастриду, находящийся на южном берегу Черного моря, в стране «Анатолус»[7]. Автор «Жития Георгия Амастридского», сообщающий об этом походе, знает обычаи русов, почитание ими лугов, источников и деревьев и говорит о том, что «Русь — народ, как все знают, в высшей степени дикий и грубый». Автор называет русов тавроскифами. Хорошее знакомство жителей страны «Анатолус» с русами явствует и из слов другого автора — Никиты Пафлагонского (конец IX — начало X в.). «Амастра, око Пафлагонии и, лучше сказать, — едва не всей вселенной. В нее, как на общее торжище, стекаются скифы, живущие по северной стороне Евксина, а равно и те, которые расположены к югу; они приносят сюда свои товары и получают взамен то, что есть у нее..» [8].

Больше всего путаницы по вопросу об «Андалузии» было связано с известным рассказом Масуди, несколько дополненным впоследствии Аль-Бекри. Принимая же предложенное Н. К. Нефедовой новое толкование, мы сможем легко разобраться и в рассказе Масуди, освободив этого почтенного ученого X в. от обвинений в неточности.

Во многих местах Масуди высказывает мысль о господстве русов на Черном море. Так, при описании южнорусских приморских поселений Масуди говорит: «В верховьях Хазарской реки есть устье, соединяющееся с рукавом моря Бонтус (Нижний Дон), которое есть Русское море. Никто кроме русов не плавает по нему, и они живут на одном из его берегов...» [9]. «Русы составляют многие народы, разделяющиеся на разрозненные племена. Между ними есть племя, называемое Лудана, которое есть многочисленнейшее из них. Они путешествуют с товарами в страну Андалус, Румию, Кустантинию и Хазар...» [10]. Весь круг торговых связей русского племени «Лудана» указывает нам на земли, расположенные по берегам Черного моря: византийские владения, Царьград, Хазария. Только загадочная земля Андалус нарушала ранее географическую целостность южнорусских торговых связей. Теперь же, зная, что страна Андалус это — Анатолийское побережье Черного моря, мы получаем вполне завершенное и точное описание черноморской торговли Руси по всем берегам «моря Бонтус», подтверждающее слова Масуди о том, что никто кроме русов не плавал в его время по этому морю.

Различные толкования вызывало упомянутое Масуди русское племя «лудана». Основываясь на тождестве «Андалус» с Андалузией, его искали на севере и сопоставляли с городом Ладогой, полагая, что ладожанам было легче добраться до Испании вокруг континента Европы. При этом забывали о словах самого Масуди, исключавшего гибралтарский путь для русов. В «Лудана» Масуди естественнее всего видеть одно из южнорусских племен, торговые пути которого вели не в Балтийские земли, очень хорошо описанные Масуди (Волин, Стодоряне, Хижане, Бодричи и др.), а в земли южные — цареградские, хазарские и анатолийские. Племя «лудана» это — «улчии

[7] *В. Г. Васильевский.* Русско-византийские исследования. Труды В. Г. Васильевского, т. III. Пг., 1915, стр. 64.

[8] Там же, стр. XXIII. Васильевский очень убедительно доказывает, что под северочерноморскими скифами можно подразумевать скорее всего русов (стр. XXIV).

[9] Приводя рассказ Масуди, Аль-Бекри дает дополнительные интересные сведения о русском мореходстве: «Они каждые двести лет приходят в Андалус...» («Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах», ч. 1. СПб., 1878, стр. 11.

[10] См. *Гаркави.* Указ. соч., стр. 130.

(«улутичи», «улучане») русских летописей, характеристика которых очень близка к описанию Масуди: «А улучи и тиверцы седяху по Днестру и приседяху к Дунаеви. И бе множество их. Седяху бо преже по Бугу и по Днепру, оли до моря...»[11].

Путешествия уличей, «русов, живущих в Евксинопонте», на южный берег Черного моря исторически вполне вероятны. Вплоть до XII в. низовья Днепра являлись исходным пунктом для купцов «гречников», отправлявшихся в византийские земли.

Решение загадки о стране «Андалус» значительно уточняет и делает более достоверным ряд сведений о русах IX—X вв.

* * *

Отделив сведения о походах норманнов на Андалузию (поход 844 г. на Севилью) от сведений о походах русов на Анатолию, мы можем яснее представить себе ход некоторых исторических событий, описанных Масуди. Перед 300 г. (913 г.) русы, спустившись по какой-то реке, текущей с севера, напали на южный берег Черного моря, продолжая традиции походов IX в. После же 300, около 914 г., 500 русских кораблей с 50 тыс. воинов вошли «в рукав моря Найтаса, соединяющийся с Хазарскою рекою» (Нижний Дон и Волга) и через Хазарию направились в Каспийское море. На обратном пути хазары, буртасы и болгары вероломно напали на русов и убили 30 тыс. их на берегах Волги.

Вполне возможно, что это рассказ о двух этапах одной и той же русской военной экспедиции: после удачного похода на Царьград в 911 г. русы организовали новый поход на юг, отправившись сначала в Анатолию, а оттуда через Керченский пролив, Дон и Волгу в Хазарию и Каспийское море. На обратном пути им не удалось перетащить суда через волго-донскую переволоку и они направились вверх по Волге, где и потерпели поражение. Интересно отметить, что грандиозный поход 914 г. совершенно не отражен киевским летописцем, так же как и аналогичный ему русский поход 944 г. в те же каспийские области.

Мы располагаем двумя видами сведений о двух очень сходных сериях русских походов: в 911 г. киевский князь Олег предпринимает поход на Царьград. В походе участвуют 8 славянских племен, чудь, меря и варяги. Уличи здесь не поименованы, а близкие к ним тиверды выделены в особую группу «помощников» («иже суть тълковины»). Не был ли поход 913—914 гг. делом многочисленных уличей — «лудана», к этому времени еще не покоренных Киевской Русью? Организаторами этого похода могли быть и русы, 100 тыс. которых жило на Тамани, на «острове русов» и которые, вероятно, также до 944 г. не входили в состав Киевского государства. Это хорошо объясняло бы молчание киевских летописцев о походе (или походах) на Анатолию и Каспийские области — Гераклию, Никомедию и Пафлагонию) и о грандиозном походе русов на Бердаа в Закавказье. И опять киевская летопись сообщает только о первой половине событий — о походе на Царьград и умалчивает о каспийском походе. Снова среди участников первого похода не упомянуты уличи, с которыми киевский князь вел в эти годы упорную войну.

Возможно, что и поход 944 г. на Бердаа был организован русами, не входившими в это время в состав Киевской державы. Участие в походе лезгин и алан скорее указывает на русов из Тмутаракани[12].

[11] «Повесть временных лет». Пг., 1916, стр. 12. Летописец, так же как и Масуди, говорит о многочисленности этого племени, о том, что его земли доходят до берегов моря «иже словет море Руское». Это утверждение о многочисленности «лудана» — «улучан», населявших территорию от реки Стугны до Черного моря, относится, очевидно. к тому времени, к которому относятся и другие сведения Масуди о Руси,— к середине или второй половине IX в.

[12] *В. В. Мавродин.* Указ. соч., стр. 57. Это вполне согласуется и с мнением А. Н. Насонова о присоединении Тмутаракани к Киевской Руси не ранее осени 944 г. (*А. Н. Насонов.* Тмуторокань в истории Восточной Европы X века. «Исторические записки»,т. VI, 1940, стр. 90—91.

* * *

Помимо Масуди о стране Андалус говорит и современник Святослава Ибн-Хаукаль. Один из его рассказов не дает нам географической определенности — речь идет о пушном товаре в Андалусе, который привозится из земли славян, русов и более северных областей «Яджудж и Маджудж», где русы закупают меха[13]. Вторично земля Андалус вспоминается Ибн-Хаукалем в связи с тем, что туда приходят корабли русов, турок, славян и печенегов. Состав народов здесь таков, что не оставляет сомнений в черноморском местоположении страны Андалус. В третий раз Ибн-Хаукаль пишет о стране Андалус в связи с походом Святослава. Рассказав о разгроме русскими войсками Булгара, Хазерана, Итиля и Семендера в 969 г., Ибн-Хаукаль добавляет, что русы «отправились тотчас в Рум и Андалус». Норманисты (напр. Ф. Вестберг), на основании этой фразы отрицали связь этих русов с войсками Святослава и считали, что речь идет о каком-то отряде норманнов, которые, повоевав берега Волги, отправились домой через Средиземное море и Гибралтар[14]. Однако новое толкование земли Андалус и в данном случае вносит полную ясность: Святослав взял Саркел, взял обе хазарские столицы Итиль и Семендер, покорил народы Северного Кавказа, дойдя до берегов Черного моря, где жили касоги[15]. После этого сам Святослав, очевидно, вернулся с частью полона («ясы победи и касоги и приведе Кыеву»), а часть его дружины немедленно отправилась в европейские и азиатские владения Византии (Рум и Андалус), но уже не воевать, а, вероятно, реализовать трофеи, полученные в хазарской войне, так как нам ничего не известно о военных действиях в Анатолии.

SUMMARY

On the basis of the new interpretation of the term ANDALUS proposed by N. K. Nefedova, and with the aid of Russian and Arabic sources, Acad. B. A. Rybakov sheds new light on the campaigns of the ancient Rus' against Anatolia. His conclusion is that the real meaning of the mysterious term ANDALUS, — formerly mistaken for Andalusia in Spain while in reality it signified Anatolia in Asia Minor, — removes all misunderstandings and contradictions in questions of the history of Russian trading and military relations with the Southern coast of Pontus Euxinus in the 9th and 10th centuries. One of the arguments of the Normannic theory concerning Spanish Andalusia, writes B. A. Rybakov, has turned out to be a myth.

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ НА КАУЧУКОВЫХ ПЛАНТАЦИЯХ В БИРМАНСКОМ СОЮЗЕ

Н. И. ЛАЗАРЕВ

В колониальной Бирме плантационное хозяйство не получило значительного развития. Из плантационных культур относительно заметное положение занимали лишь каучуконосы в южной части Бирмы — южнее Пегу Йома и в особенности в Тенассериме.

По данным королевской комиссии по рабочему вопросу в Индии, назначенной английским правительством площадь под каучуковыми плантациями в

[13] *Гаркави.* Указ. соч., стр. 219.

[14] См. *М. Грушевський.* Указ. соч., стр. 411.

[15] «Повесть временных лет», стр. 76.

Бирме определялась к 1929 г. всего лишь в 113 тыс. акров (45 700 га). Продуктивная площадь под этими плантациями была еще меньше — 92 тыс. акров (37 200 га). В 1929/30 г. на каучуковых плантациях в Бирме в среднем в день было занято 17 016 рабочих, из которых 13 тыс. человек работали постоянно, а остальные 4 тыс. человек были временными (поденными) рабочими [1].

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. тяжело отразился и на каучуковых плантациях в Бирме, особенно на мелких и средних, принадлежавших бирманцам, индийцам и китайцам. По переписи 1931 г. на каучуковых плантациях в Бирме было занято 7090 рабочих — меньше, чем на плантациях сахарного тростника (12 412 человек) и даже чая (9615 человек)[2]. Из данных переписи 1931 г. следует, что при ее проведении не учитывалась часть поденных рабочих, занятых на каучуковых плантациях в Бирме.

Производство и экспорт бирманского каучука вновь стали увеличиваться после того, как наступила более благоприятная конъюнктура на мировом рынке. К 1935 г. шесть английских компаний, в том числе «Стил бразерс», вложили в каучуковые плантации в Бирме 1 059 тыс. ф. ст.[3] Это составляло менее 2,5% всей суммы иностранных «деловых» (прямых) инвестиций в Бирме к началу второй мировой войны. Как и в других «ключевых» отраслях бирманской колониальной экономики, английский капитал господствовал над производством и экспортом бирманского каучука [4].

По официальным данным, на каучуковых плантациях в Бирме в 1935 г. было занято 15 006 рабочих [5]. В этих данных также недоучитывались поденные плантационные рабочие, занятые в период сбора латекса.

В колониальной Бирме $^4/_5$ всех рабочих каучуковых плантаций (по данным 1931 г.) являлись индийскими иммигрантами, представлявшими собой бесправную дешевую рабочую силу. Дж. Эндрюс отмечает, что преобладание жестоко эксплуатируемых индийских рабочих на каучуковых плантациях в Бирме сохранилось и в последующее десятилетие — до начала японского вторжения[6].

После достижения Бирмой независимости в 1948 г. значительная часть каучуковых плантаций, принадлежавших иностранному капиталу, перешла в руки бирманцев, а индийские рабочие перестали составлять большинство среди плантационных рабочих. В настоящее время в Бирманском Союзе большинство рабочих каучуковых плантаций состоит из местного населения. Дж. Ричардсон считает, что в «деловой сезон» (с сентября — октября по май) на каучуковых плантациях в современной Бирме бывает занято до 35 тыс. рабочих[7]. В этот период на крупных плантациях обычно трудится 400—700 рабочих, на средних — от 50 до 400, а на каждой из мелких — и самых многочисленных плантаций — менее 50 рабочих, чаще всего несколько человек. В период прекращения сбора латекса (июнь — сентябрь) на плантациях остаются лишь рабочие, занятые очисткой и возобновлением насаждений каучуконосов, охраной и т. п. В этот «мертвый сезон» подавляющая часть плантационных рабочих возвращается в деревни.

Неполная занятость снижает жизненный уровень рабочих каучуковых плантаций, который как правило, не превышает жизненного уровня массы сельскохозяйственных рабочих и беднейших арендаторов. В денежном выражении заработная плата подавляющей части плантационных рабочих в настоящее время ниже минимального заработка неквалифицированных рабочих и низших служащих на государственных предприятиях, который установлен в 82 кьята в месяц, включая пособия на дороговизну.

Рабочие, занятые сбором латекса и подсочкой каучуковых деревьев, обычно получают поденную заработную плату. Введение сдельщины не выгодно владельцам плантаций, которые считают, что сдельные ставки приведут к ухудшению качества подсочки каучуконосов. Ставки рабочих, занятых сбором латекса и подсочкой, колеблются от $1^1/_2$ до 2 кьятов в день. Среди сборщиков латекса значительную часть составляют женщины. Владельцы плантаций обычно ставят условие, чтобы каждый рабочий, занятый подсочкой, выработал «норму»,— собрал латекс и обработал (в том числе расчистил прежние надрезы) 300—350 деревьев в день. Это — тяжелая норма, на ряде плантаций она достигает даже 400 деревьев на каждого рабочего — при том же заработке в 2 кьята в день [8]. Но это не регулярный заработок, так как в период муссонных дождей (с мая по сентябрь—октябрь) каучуконосы дают мало сока. Учитывая резко выраженную неполную и кратковременную занятость подавляющей части рабочих каучуковых плантаций в Бирме, их заработки в реальном выражении несколько ниже заработков сезонных сельскохозяйственных рабочих, занятых в производстве риса. Заработок сборщика латекса на каучуковых плантациях находится на уровне оплаты труда бирманской батрачки, занятой пересадкой рассады риса из питомников на поля или связывающей снопы при уборке урожая.

Владельцы каучуковых плантаций в своих интересах нередко применяют скользящую шкалу при установлении ставок как поденной, так и месячной заработной платы. В зависимости от колебаний цен на каучук месячная заработная плата плантационных рабочих при этом повышается или снижается, например, на 10 кьятов при повышении или снижении цен на каучук в размере 50 кьятов за 100 английских торговых фунтов (45,4 кг). Базисной заработной платой считается ставка в 55 кьятов в месяц, когда цена на каучук-сырец колеблется между 50 и 100 кьятов за 100 английских фунтов.

При подсочке каучуковых деревьев рабочие трудятся с 5—6 до 8—9 часов утра, а затем в течение двух часов собирают латекс. На мелких плантациях они иногда заняты еще в течение двух-трех часов, очищая насаждения от сорной растительности или работая на примитивно оборудованных заводах при плантациях, где из латекса получают каучук-сырец.

Рабочие, собирающие латекс, как правило, заняты на плантациях не полностью. Многие из них продолжают работать в рисовых хозяйствах, расположенных вблизи плантаций, или ищут другой дополнительный заработок, в том числе не связанный с земледелием, так как неземледельческие заработки, как правило, выше, чем обычный заработок бирманского сельскохозяйственного или плантационного рабочего. Например, неквалифицированный рабочий, занятый на постройке дорог или зданий, получает в день 3 кьята. «Естественно, что сельскохозяйственные рабочие, проживающие близ городов, предпочитают работать на строительстве, где работа менее тяжела, а заработки выше»[9]. Однако далеко не всегда можно найти такую работу.

Заработок сборщиков латекса отнюдь не является низшим пределом заработной платы бирманских плантационных рабочих. Еще хуже вознаграждается труд рабочих, занятых очисткой каучуковых плантаций от сорняков,— от 1 до $1^1/_2$ кьятов в день, включая пособия. Несколько выше оплачивается лишь требующая большей квалификации работа на каучуковых заводах, которые принадлежат владельцам средних и крупных плантаций. В этих случаях ставки поденной заработной платы рабочих обычно колеблются от $1^1/_2$ до $2^1/_2$ кьятов в день, а продолжительность рабочего дня от 6 до 10 часов — в зависимости от имеющегося количества латекса. Лишь специалист-надсмотрщик на

---

[1] «Положение рабочего класса в Индии. Из материалов королевской комиссии по рабочему вопросу в Индии». М., 1936, стр. 85, 87.

[2] «Census of India, 1931», vol. XI, part II. Rangoon, p. 105

[3] *Н. Иноземцев.* Каучук. Мировой капиталистический рынок. М., Внешторгиздат, 1952, стр. 15.

[4] Х. Каллис считает, что свыше 90% прямых иностранных инвестиций в колониальной Бирме принадлежали или контролировались английским капиталом. (*H. Callis.* Foreign capital in Southeast Asia. New York, 1942, p. 91, 94—95).

[5] «Industrial labour in India. Government of India. Legislative department. Studies and reports. Geneva, 1938, p. 37.

[6] *J. R. Andrus.* Burmese economic life. Stanford, 1947, p. 52.

[7] *J. H. Richardson.* Wages in Burma. «International labour review». Geneva, vol LXIX, № 5. May 1954, p. 440.

[8] См. *Г. Боровик.* Репортаж из новой Бирмы. М., 1958, стр. 15.

[9] *U Sein Win.* The agrarian problem in post-war Burma. «The Nation». Rangoon, 1 января 1958 г.

этих заводах получает от 70 до 90 кьятов в месяц, т. е. все же в $1^1/_2$—2 раза меньше заработной платы бирманского квалифицированного промышленного рабочего.

Так как средний месячный заработок основной массы рабочих на каучуковых плантациях в Бирме весьма невысокий (30—50 кьятов), то владельцы плантаций применяют систему различных премий, чтобы обеспечить себя рабочей силой, не повышая существенно расходов на заработную плату. На многих плантациях выдаются премии за регулярный выход на работу — от 5 до 15 кьятов в месяц. Выплачиваются также премии за превышение нормы сбора латекса в течение месяца. Эта норма непостоянна, так как каучуковые деревья имеют различную продуктивность в зависимости от времени года, их сорта, возраста и состояния [10]. Рабочему начисляется примерно 5—6 пья за каждый английский фунт (454 г) каучука из латекса, собранного свыше нормы, которая, в пересчете на каучук-сырец, составляет 100—120 англ. фунтов в месяц (45,4—54,4 кг). Премии выплачиваются или помесячно или в конце сезона подсочки.

Владельцы и управляющие плантациями нанимают рабочих как в порядке индивидуальных, так и коллективных трудовых соглашений. В последнем случае нанимателя имеют дело с мелкими профсоюзами, обычно объединяющими рабочих данной плантации или нескольких близлежащих плантаций. В этих коллективных трудовых соглашениях определяются ставки заработной платы и другие условия найма плантационных рабочих. Хотя на них, как и на всех сельскохозяйственных рабочих, не распространяется закон 1951 г. (с поправкой 1952 г.) об оплачиваемых отпусках и праздничных днях, рабочие более крупных каучуковых плантаций добиваются оплаты нанимателями перерывов в работе во время национальных и религиозных праздников, а также отпусков [12].

До настоящего времени на рабочих каучуковых плантаций не распространяется и закон 1954 г. о социальном страховании, который с 1956 г. стал осуществляться по отношению к рабочим, занятым в цензовых промышленных и транспортных предприятиях, а также в предприятиях общественного пользования в Инсейне, Рангуне, Мингаладоне, Сингу, и с конца 1957 г.— в Мандалае и Мьитнге [13]. «Конечная цель правительства Бирманского Союза заключается в охвате всех работников социальным страхованием... Однако осуществление этой огромной программы потребует значительного времени» [14]. В настоящее время еще не представляется возможным определить, когда многочисленные сельскохозяйственные рабочие, частью которых являются рабочие каучуковых плантаций, будут охвачены действующей системой социального страхования.

В свою очередь, слабость профсоюзных организаций рабочих каучуковых плантаций не в малой мере обусловлена тем, что в колониальной Бирме совершенно не допускалось создания профессиональных организаций плантационных рабочих. При колониальном господстве сельскохозяйственные рабочие в целом и рабочие каучуковых плантаций в частности принадлежали к наиболее эксплуатируемой и бесправной части трудящихся Бирмы. Создание профсоюзов рабочих каучуковых плантаций в Бирманском Союзе, их первые шаги к улучшению положения этой группы национального рабочего класса стали возможны лишь благодаря достижению страной политической независимости.

---

[10] Сбор латекса у одного и того же рабочего, в пересчете на каучук-сырец, колеблется обычно от 4—5 фунтов (1,8—2,3 кг) до 20—25 фунтов (9,1—11,3 кг) в день.

[11] 1 кьят (произносится — «ча» «джа») = 100 пья.

[12] По наблюдениям проф. Тинкера, которые относятся к 1954 г., этот закон не осуществлялся полностью (*H. Tinker*. The Union of Burma. London, 1957, p. 219).

[13] Social insurance gains momentum. «The Nation», 6 января 1958 г.

[14] *Maung Sein*. The development of social security in Burma. 1954—1957. «International labour review». Geneva, vol. LXXV, № 1, July 1957, p. 59.

SUMMARY

The author describes the position of the workers and the working conditions in the rubber plantations of the Burmese Union.

АВТОГРАФ АХМЕДА НЕДИМА

Ф. С. СЕИДОВ

Среди ценных рукописей, хранящихся в Республиканском рукописном фонде АН Азерб. ССР, выделяется автограф дивана выдающегося турецкого поэта XVIII в. Ахмеда Недима (ум. 1730). Насколько удалось установить, это единственный известный сейчас экземпляр дивана Недима, переписанный самим автором.

Рукопись переписана на плотной бумаге с параллельными водяными линиями тушью, почерком рик'а. Заглавия разделов и стихотворений выписаны красными чернилами.

Каждая страница имеет одинарную рамку вокруг текста и двойную из красных линий по середине страницы. На л. 1 б многоцветный орнаментальный унван. В рукописи всего 3041 бейт. Дата окончания — 1139/1726 г. (л. 29б, 46а, 58а, 89б, 94б; см. фото последнего листа). На л. 1а, 1б, 28а, 37б и 69б имеются оттиски четырехугольной печати с именем Ахмеда Недима. 95 л. 15×21,5 см. Переплет из коричневой кожи с позолоченной рамкой. Шифр Б-486, инвентарный № 11627.

Рукопись состоит из трех частей. Первая часть (л. 1б—58а), касиды, начинается бейтом:

باشليوب جوششه طبعمده مزايای سخن موجخيز اولدی ينه لجهٔ دريای عدن

В том же разделе помещены мусамматы, мусаддасы мустазады поэта. При некоторых стихотворениях на исторические темы имеются даты их написания — от 1125/1713 до 1136/1723 гг. (л. 30а, 31а, 38б, 39а, 51а). На л. 48 — единственное в этой части стихотворение на персидском языке. Стихотворения расположены не в алфавитном порядке рифм, как это обычно принято было в диванах.

Вторая часть (лл. 59б—89б) начинается после двух чистых страниц и состоит из газелей на турецком и персидском языках. Газели расположены в алфавитном порядке рифм. Начало:

بيگانه غمزهك عاشق نادانه آشنا تاكی تغافل ای بت بيگانه آشنا

После трех чистых страниц следует раздел рубаийят, мукаттаат и матали' на турецком и персидском языках (лл. 91б—94б). Начало:

ساقی نگهك تمام كار ايتدی بكا حيرتله جهان يوزينی تار ايتدی بكا

В конце этой части приведена одна газель на арабском языке. Диван кончается следующим бейтом (л. 94б):

غايته ايردی چو گنجينهٔ ديوان نديم قيلدی مفتاحنی گنجور براغدم تسليم

Сличение нашей рукописи с лучшим изданием дивана Недима [1] говорит о сомнительности отнесения к поэту ряда имеющихся в этом издании произведений. Таковыми являются касиды и стихотворения на исторические темы, помещенные на стр. 105, 106, 115, 121, 122, 127 и 129 указанного издания, газели, приводимые в нем на стр. 135, 141, 142, 144, 146, 147, 149, 151, 156, 159, 162, 164, 165, 167, 168, 175, 177, 178, 181, 185 и 16 из 31 имеющихся в нем рубаи и муфрадат. Отсутствуют в автографе и стихотворения, помещенные на стр. 233, 235, 236, 238, 240, 242, 243, 244, 245, 246, 248, 249 и 250 «Приложений» к данному изданию. Несомненна теперь принадлежность

---

[1] ديوانی نديم (*Недим*. Диван). Составитель Х. Нихад. Предисловие Ф. Кёпрюлюзаде и А. Рафика. Стамбул, 1338—1340/1920—1922.

поэту стихотворений, помещенных в указанном издании на стр. 119, 140, 179 под звез-
дочкой как сомнительные: все они имеются в автографе. Кроме того в автографе имеет-
ся 13 муфрадат и 13 бейтов, приводимых под рубрикой «Матали'», которые отсутствуют
в издании Х. Нихада.

При сличении рукописи с указанным изданием выявлены отсутствие в последнем
отдельных бейтов, а также наличие интерполлированных бейтов в ряде стихотворений.

Можно с достаточной степенью уверенности полагать, что все произведения Недим-
ма, написанные в период 1125/1713 (старейшая из имеющихся в рукописи дат)–
1139/1726 гг. (дата окончания рукописи), т.е.в период наибольшего расцвета его твор-
чества, включены в автограф дивана.

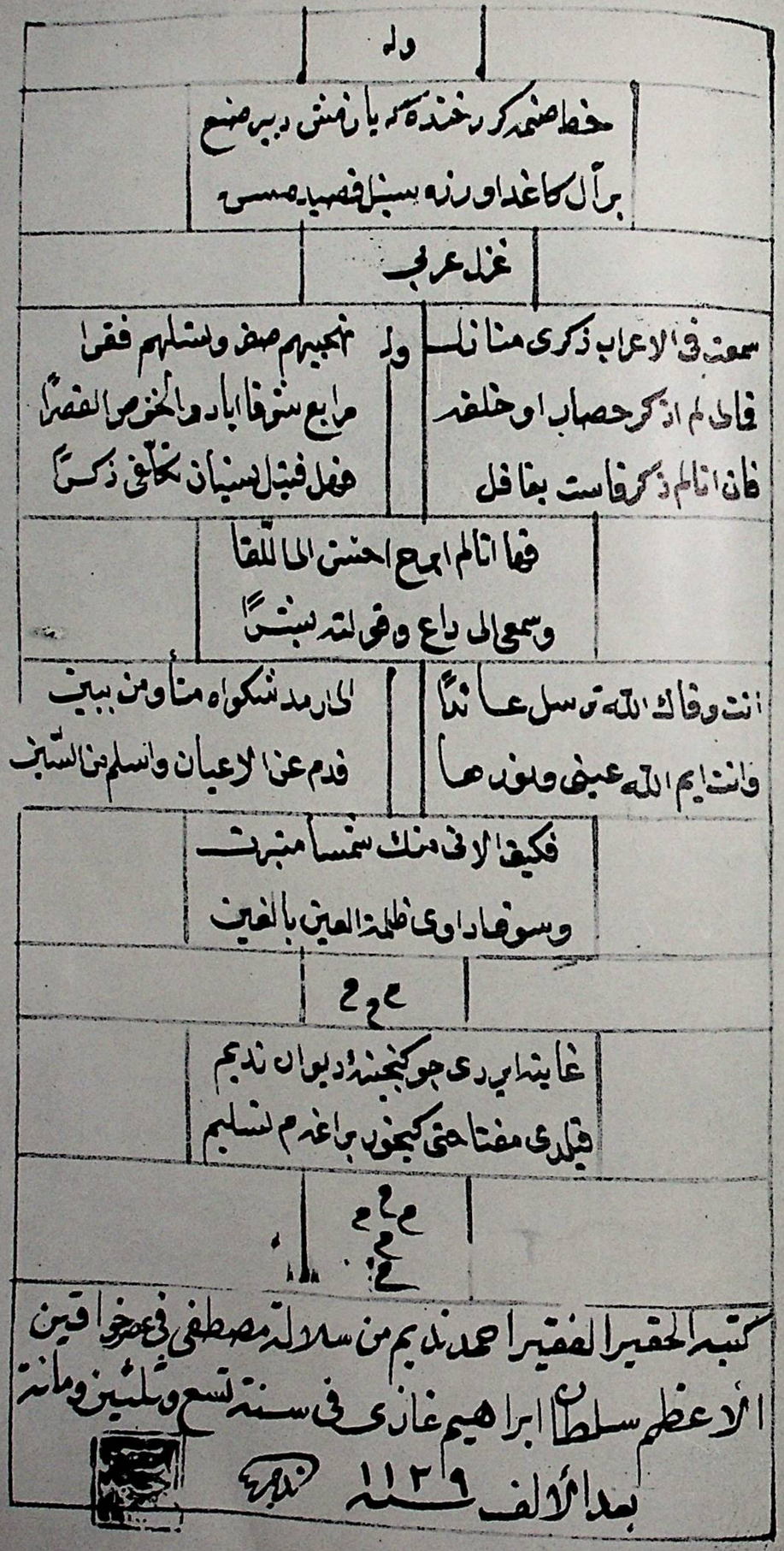
SUMMARY

The item is dedicated to the unique autograph of the «Divan» of the outstanding Turkish (Ottoman) poet Nedim which is kept in the manuscript department of the Academy of Sciences of the Azerbaijan Republic.

The reviewer briefly describes the manuscript and gives different variants of some of the poems published in Nihat's edition.

Лист 1б автографа «Дивана» Недима

Лист 94 б

ИСТОРИОГРАФИЯ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ СВЕДЕНИЙ ИЗ КИТАЙСКИХ, КОКАНДСКИХ И РУССКИХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ КИРГИЗОВ

В. А. РОМОДИН и А. А. КОНДРАТЬЕВ

Отсутствие у киргизов в период феодализма своей собственной историографии, слабое распространение среди них письменности [1] вынуждают при исследовании истории киргизов XVIII в. ограничиваться изучением косвенных, фрагментарных сведений о них, содержащихся в исторических сочинениях авторов из соприкасавшихся с киргизами государств. Сведения эти встречаются в сочинениях, излагающих события, происходившие в Джунгарии, Восточном Туркестане и Ферганской долине. Взятые в совокупности, они дают возможность более полно осветить некоторые моменты сравнительно недавнего, но далеко еще недостаточно исследованного прошлого киргизов.

В предлагаемой вниманию читателей статье мы не претендуем на полноту рассмотрения всех имеющихся письменных источников и возникающих в связи с этим источниковедческих и историографических вопросов. Ограничиваясь лишь отдельными замечаниями об источниках и некоторыми данными о них источниковедческого характера, мы остановимся на почерпнутых из них фактах, характеризующих историю взаимоотношений киргизов с соседними государствами в XVIII в., а отчасти и внутреннюю жизнь киргизских племен Тянь-Шаня.

Для изучения истории киргизов XVIII в. большое значение имеют китайские письменные источники, ибо они основаны на непосредственных наблюдениях китайских авторов за жизнью киргизов, к землям которых во второй половине XVIII в. вплотную подошли владения Цинской империи. Русские читатели смогли ознакомиться с географическими и историческими китайскими сочинениями о Средней Азии того времени уже во второй половине XVIII в. В 1778 г. вышла книга: «Кратчайшее описание городам, доходам и протчему Китайского государства...»[2]. Книга эта представляет собою сокращенный перевод китайской географии «Дацин-и-тунчжи». При переводе был опущен раздел, содержащий сведения о киргизах, однако в ряде других разделов имеются данные о районах Средней Азии, сопредельных с территориями киргизов. В конце XVIII и начале XIX в. Леонтиев и Липовцов опубликовали переводы некоторых источников с китайского и маньчжурского языков на русский. Эти переводы дают возможность ознакомиться с ближайшими соседями киргизов — джунгарами. Переведенное Липовцовым с маньчжурского языка «Уложение китайской палаты внешних

---

[1] По всей вероятности, в рассматриваемое время у киргизов не было исторических сочинений, а имевшиеся у них (по сведениям авторов XIX в.) родословные книги не публиковались и не привлекались историками в качестве источников.

[2] «Кратчайшее описание городам, доходам и протчему Китайского государства, а при том и всем государствам, королевствам и княжествам, кои китайцам сведомы». СПб., 1778. Перевел Леонтиев.

сношений» [3] позволяет в какой-то мере судить о взаимоотношениях киргизских племен с их соседями, главным образом с Китаем, а также об обстоятельствах, связанных с посылкой посольств в Китай от кокандских владетелей и казахов.

Первые китайские сведения о киргизах (бурутах) в переводе на русский язык встречаются в работах Н. Я. Бичурина. К числу таких работ относятся «Описание Чжунгарии и восточного Туркестана» [4] и до сих пор, к сожалению, не изданная рукопись — сокращенный перевод «Дацин-и-тунчжи», озаглавленная Бичуриным: «Землеописание Китайской империи» [5]. Краткие сведения о киргизах и их истории в XVIII в. мы находим и в других работах Бичурина [6], написанных на основании китайских источников. К XVIII в. относится также и первое знакомство исследователей в Западной Европе с китайскими сочинениями второй половины XVIII в. В известной мере этому способствовала деятельность иезуитов, выполнявших на западных границах Китая астрономические работы для императора Канси. Сводка известных к концу XVIII в. европейцам сведений о Восточном Туркестане и Средней Азии дана в сочинении Боргека [7]. Многие данные китайских источников о народах, живших вдоль западных границ Цинской империи, в частности о киргизах, были введены в научный оборот в XIX в. благодаря переводам китайских географических и исторических сочинений на западноевропейские языки [8].

В советской историографии сведения китайских авторов о киргизах XVIII в., ставшие известными европейской науке в XIX—XX вв., впервые попытался систематизировать А. Н. Бернштам в статье «Источники по истории киргизов XVIII в.» [9]. Некоторые интересные данные о Джунгарии и киргизах извлек из сочинений китайских авторов Л. И. Думан при исследовании аграрной политики цинского правительства в Синьцзяне в конце XVIII в. [10].

Результаты исследований русских и западноевропейских китаистов XVIII—XIX вв., а также изысканий советских исследователей показали большое значение китайских источников для изучения истории киргизского народа. До сих пор, однако, еще далеко не все сделано для выявления и использования китайских источников по истории народов, граничащих с Китаем на Западе, и, в частности, киргизов. Большой интерес могут представить неизданные материалы исторических архивов Китая [11].

Имеющиеся в настоящей статье данные о киргизах почерпнуты из следующих

---

[3] *С. Липовцов.* Уложение китайской палаты внешних сношений, т. I—II. СПб., 1828.

[4] *Бичурин (Иакинф).* Описание Чжуньгарии и восточного Туркестана. СПб., 1829.

[5] 大清一統志 («Общее географическое описание Дайцинской империи»). См. *А. А. Петров.* Рукописи по китаеведению и монголоведению, хранящиеся в Центральном архиве Татарской АССР и в библиотеке Казанского университета. «Библиография Востока», вып. 10, 1936, стр. 139—155.

[6] *Бичурин (Иакинф).* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834.

[7] *A. Ch. Borheck.* Erdbeschreibung von Asien. Bd. II, Düsseldorf, 1792—1793.

[8] Переводы источников, содержащих сведения о Восточном Туркестане, достаточно полно использованы в труде В. В. Григорьева «Восточный Туркестан». Дополнения к переводу «Землеведения Азии» К. Риттера (СПб., 1873). Подробные библиографические данные о западноевропейских переводах китайских сочинений, содержащих сведения о Восточном Туркестане и Средней Азии, имеются в работе *H. Cordier.* См. «Bibliotheca Sinica». Paris, 1904—1907.

[9] См. «Вопросы истории», 1946, № 11—12, стр. 126—131.

[10] *Л. И. Думан.* Аграрная политика цинского правительства в Синьцзяне в конце XVIII в. М.— Л., 1936.

[11] Так, определенную ценность могут иметь сведения, собиравшиеся специальными чиновниками при дворе китайских императоров у приезжавших в Китай во второй половине XVIII в. послов, в частности и у киргизских.

китайских сочинений: «Сиюй вэньцзянь лу» [12], «Циньдин хуанюй сиюй тучжи» [13], «Цинширао» [14], «Циньдин Синьцзян шилюе» [15], «Или цзунтун шилюе» [16].

Упоминания о киргизах, имеющиеся в исторических сочинениях кокандских авторов, связаны с событиями, происходившими в Ферганской долине и смежных с ней областях в период 1720—1870 гг. Большинство этих сочинений составлено во второй половине XIX в., и встречающийся в них материал XVIII в. почерпнут авторами у кокандских историков более раннего времени. Поэтому большая часть известных до сих пор кокандских исторических сочинений не может рассматриваться как первоисточник для изучения событий XVIII в. и сохраняет в этом отношении известное значение лишь в силу того, что до нас не дошли более ранние письменные памятники. Нами использован материал из следующих кокандских исторических сочинений: «Шах-наме» — истории Омар-хана, составленной Мирза-Каландаром Муширифом Исфараги в 1822—1823 гг. [17]; «Мунтахаб ат-Таварих» Мухаммед-Хаким-хана, закончившего свой труд в 1843 г. [18]; «Тухфат ат-Таварихи Хани» Муллы Аваз-Мухаммеда (сына Муллы Рузи-Мухаммед-Суфи Аттара), доводящего изложение событий в хранящемся в Ленинграде списке этого сочинения до конца 60-х годов XIX в., [19] и «Тарихи Шахрухи» (или «Таварихи Шахрухийя»), написанного в 1871—1872 гг. Муллою Ниязом Мухаммедом [20]. Первые два сочинения могут служить первоисточниками при изучении событий конца XVIII в.

Фактический материал, сообщаемый кокандскими авторами, расширяет наши представления о вторжениях джунгарских феодалов в Ферганскую долину в первой половине XVIII в. и об участии киргизов в жизни Ферганской долины и Кокандского владения мингов в XVIII в. Многие киргизские феодалы играли определенную политическую роль в Кокандском государстве, были тесно связаны с кокандскими феодалами. Основным недостатком сведений о киргизах, содержащихся в кокандских нарративных источниках, является то, что в них освещаются только военные и внешнеполитические события. Данные кокандских источников в научной литературе были довольно полно, но далеко не всегда критически, использованы В. П. Наливкиным в его «Краткой истории Кокандского ханства», опубликованной в 1886 г. в Казани. Впоследствии они привлекались при исследовании отдельных вопросов истории Ферганы и Кокандского ханства Л. П. Зиминым и некоторыми другими авторами, а в наше время П. П. Ивановым и Р. Н. Набиевым.

Основными источниками по истории киргизов, начиная с 40—50-х годов XIX в., являются русские источники. Важное значение имеют они и для изучения истории этого народа в XVIII в. Особенно плодотворные результаты дает сопоставление сведений, сообщаемых русскими авторами, с данными, исходящими от китайских авторов. В на-

---

[12] 椿園西域聞見錄 (*Чунь Юань.* Описание виденного и слышанного о Западном Крае), б. м., 1777.

[13] 欽定皇與西域圖志 («Высочайше утвержденное географическое описание Западного Края при царствующей династии, с картами»). Ханчжоу, 1893 (I изд. 1782).

[14] 清史稿 («Черновая история династии Цин»). Мукден, 1922.

[15] 欽定新疆識略 («Высочайше утвержденное краткое описание Новой границы»). Пекин, 1821.

[16] 伊犁總統事略 («Общее историческое обозрение Илийского округа»). Пекин, 1809.

[17] См. Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, рукопись С-471.

[18] См. там же, рукопись С-470.

[19] См. там же, рукопись С-440. В другом списке этого сочинения, находящемся в Ташкенте, по словам работавшего над ним Р. Н. Набиева, изложение доводится до 1288 г. х. См. *Р. Н. Набиев.* Уникальный источник по истории Кокандского ханства. «Известия АН УзССР». Ташкент, 1947, № 4, стр. 31—34.

[20] См. издание Пантусова (Казань, 1886), а также рукописи С-467, С-468 и С-469 Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР.

стоящей статье мы использовали путевой журнал капитана Унковского, который по предписанию Петра I посетил в 1722—1724 гг. Джунгарию [21], и составленное в середине 80-х годов XVIII в. капитаном Андреевым описание Среднего Казахского жуза, содержащее раздел, посвященный киргизам [22]. Время составления Андреевым этого описания совпадает с приездом в Россию первых посланцев от киргизов, прибывших на Сибирскую линию в 1784 г. Возможно, что это совпадение не случайно и сообщаемые капитаном Андреевым сведения о киргизах были получены (или проверены) путем опроса киргизских посланцев. В обширных этнографических материалах, собранных русскими авторами в XIX в., содержатся, в частности, предания и родословия киргизов. Нами использованы документы Центрального Государственного военно-исторического архива в Москве. Одним из наиболее интересных документов является описание киргизов, составленное в конце 50-х годов XIX в. переводчиком Бардашевым [23].

Среди исторических работ, авторы которых шли по пути сопоставления русских, среднеазиатских и китайских источников, следует назвать прежде всего капитальный сводный труд В. В. Григорьева [24] и широко известные работы В. В. Бартольда по истории Семиречья и по истории киргизов. Большой фактический материал собран в неопубликованном труде Н. А. Аристова «Кыргызы или кара-киргизы. Очерки истории этого народа и исторической географии Западного Тянь-Шаня», хранящемся в Архиве Географического общества Союза ССР. Часть этого материала опубликована в известных трудах этого автора, посвященных этнографии тюркских народов России.

Писавшим в XVIII в. историкам Сибири было известно о походе джунгарского правителя Батура на казахов, предпринятом в 1643 г. Сообщая о нем, Фишер отмечал, что Батур «с самого начала овладел двумя провинциями или народами Алат-киргизским и Токманским, которых до 10 тыс. человек считалось» [25]. По-видимому, это место из сообщения Фишера относится не к казахам, а к киргизам гор Алатау, а под «Токманским» народом здесь разумеются киргизы Чуйской долины, именуемые так в связи с географическим названием «Токмак» (ныне город в Киргизской ССР, находящийся на расстоянии около 60 км к востоку от города Фрунзе). Основываясь на монгольских источниках, А. М. Позднеев указывал, что в 1652 г. Цэцэн-хан подчинил бурутов [26]. Бурутами джунгары и китайцы называли тогда киргизов Тянь-Шаня. Можно предполагать, что подчинение Северной Киргизии джунгарским феодалам в 40—50-х годах XVII в. не было прочным, так как в дальнейшем в источниках вновь сообщается о джунгарских завоеваниях в этой части Киргизии, осуществленных в годы окончательного покорения правителями Джунгарии Семиречья и после перенесения их ставки на р. Или. Джунгария была последним по времени большим государством, войска которого вторгались с северо-востока в Казахстан и Среднюю Азию. Правители этого государства, опиравшиеся на кочевую феодальную знать, имели возможность выставить одновременно около 100 тыс. конницы, в те времена представлявшей собой грозную силу. В 1683—1685 гг. джунгарский правитель Бошокту выступил против киргизов и нанес им тяжелое поражение. В первой половине XVIII в. наступление джунгарских феодалов на киргизские земли Тянь-Шаня продолжалось. Из сообщения капитана Унковского можно заключить, что в конце XVII или в начале XVIII в. часть

[21] «Посольство к Зюнгарскому Хун-Тайчжи Цэван-Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 годы». Документы, изданные с предисловием и примечаниями Н. Ив. Веселовского. СПб., 1887.

[22] «Описание Средней орды киргиз-кайсаков с принадлежащими и касающимися сего народа дополнениями...». Рукопись Архива Географического общества Союза ССР.

[23] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18551, ч. I, л. 1—25.

[24] *В. В. Григорьев*. Восточный Туркестан. Дополнения к переводу «Землеведения Азии» К. Риттера. СПб., 1873.

[25] См. *И. Е. Фишер*. Сибирская история с самого открытия Сибири... СПб., 1774, стр. 444—445.

[26] *А. М. Позднеев*. Образцы народной литературы монгольских племен. СПб., 1880, стр. 147.

киргизов северного Тянь-Шаня, кочевавших около озера Иссык-Куль и западнее его, попала под власть Цэван-Рабтана (1697—1727) [27]. Подчиняя киргизские племена, джунгары захватывали их пастбища, вытесняли киргизов из кочевий и уводили часть побежденных в полон [28]. Лучшие пастбища доставались самым сильным и влиятельным джунгарским феодалам. Правители Джунгарии и сами пользовались отнятыми у киргизов кочевьями. Так, летом 1723 г. Цэван-Рабтан перебрался со своей ставкой с берегов р. Или на восточную сторону Иссык-Куля, где провел половину июля, август и начало сентября. Капитан Унковский, кочевавший вместе со ставкой джунгарского правителя, ничего не говорит в своем дневнике о местном киргизском населении. По-видимому, киргизы были тогда полностью вытеснены из этого района ханского кочевья.

Борьба киргизов с джунгарами длилась многие десятилетия, но джунгарским феодалам не удалось полностью покорить киргизов и овладеть всеми их землями [29]. Возвратившийся в 1714 г. ко двору императора Канси из поездки к Цэван-Рабтану китайский посланник Боочжу сообщал, что джунгарские воины, как он слышал от них самих, «со всех сторон окружены неприятелями: с одной стороны хасаки (казахи), с другой — буруты» [30]. Киргизы и казахи продолжали оказывать упорное сопротивление завоевателям, и джунгарским правителям постоянно приходилось держать на границах с ними значительные военные силы [31]. В 1723 г. джунгарские войска вторглись в район р. Талас, где перебили много местных жителей, а в первые годы правления Галдан-Цэрэна (1727—1745) продолжали совершать походы в горные районы Тянь-Шаня и далее на юг; отдельные джунгарские отряды доходили до Памира и проникали даже в Бадахшан. Появляясь в Бадахшане по приглашению боровшихся там за власть претендентов из местной знати, джунгары вмешивались в междоусобную борьбу. Не удовлетворяясь подарками и платой за оказанную военную поддержку, начальники джунгарских отрядов пытались поставить Бадахшан в зависимое положение от джунгарских правителей, применяя с этой целью свой обычный прием — захват знатных заложников. В «Тарихи Бадахшан» приводится рассказ об уводе джунгарами в ставку Галдан-Цэрэна на р. Или сына бадахшанского правителя [32]. О проникновении джунгарских войск и в отдаленные от Семиречья горные районы Киргизии свидетельствует имеющееся в русской исторической литературе упоминание об одном из джунгарских походов в киргизские земли, состоявшемся в 1732 г. В этом году джунгары ходили на Кетмень-Тюбе, где правил бий Минглибай [33]. Кетмень-Тюбе — труднодоступный горный район бассейна р. Нарына, впоследствии кокандским ханам долго не удавалось его покорить. Наступление джунгарских феодальных завоевателей,

[27] «Посольство к Зюнгарскому Хун-Тайчжи Цэван-Рабтану...», стр. 187.

[28] См. там же, стр. 39, 54.

[29] См. *Чунь Юань*. Описание виденного и слышанного о Западном Крае, цзюань, 3, стр. 3а.

[30] *А. М. Позднеев*. К истории Зюнгарских Калмыков. Письмо к Н. И. Веселовскому по поводу издания «Посольство Унковского к Контайше 1722—1724 г.». Приложение к кн. «Посольство к Зюнгарскому Хун-Тайчжи Цэван-Рабтану...», стр. 263.

[31] Описание хода борьбы казахского народа с джунгарскими завоевателями и изложение событий, связанных с экспансией джунгарских феодалов в Казахстан, см. «История Казахской ССР», т. I. Алма-Ата, 1957, стр. 231—236.

[32] См. «Тарихи Бадахшан». Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. Рукопись В-2311, л. 20-б — 21-а. В этом сочинении наряду с описанием событий истории Бадахшана с конца XVII до конца XIX в. имеются также некоторые интересные сведения, касающиеся соседних областей Средней Азии, Афганистана, Читрала и т. д. К сожалению, полный перевод этого источника, выполненный А. Н. Болдыревым, остается неопубликованным.

[33] См. «Чтения ОИДР», 1868, кн. 2, стр. 24.

с особой силой развернувшееся в годы правления Цэван-Рабтана и Галдан-Цэрэна, заставило значительную часть киргизского народа покинуть свои кочевья в северном Тянь-Шане и передвинуться на юг, в основном в районы Ферганской долины и прилегающих к ней гор. В китайском источнике сообщается, что киргизы, земли которых в Кегени, Каркаре и на Темирту (озеро Иссык-Куль) были захвачены джунгарами, переселились в Андижан и жили там до падения джунгарского государства [34]. Андижаном китайские авторы называли всю Ферганскую долину и прилегающие к ней горные области. Массовые передвижения киргизов, не желавших покориться завоевателям и покидавших родные места, особенно тех, которые были согнаны джунгарскими войсками и отступали, преследуемые врагом, сопровождались тяжелыми жертвами и потерями. Воспоминания о бедствиях, которые пришлось испытать киргизскому народу в годы наступления джунгарских феодалов в конце XVII в.—первой половине XVIII в., надолго сохранились в памяти народной и нашли отражение в киргизских преданиях.

В 40-х годах XVIII в. джунгарские правители вели наступление на Казахстан и Среднюю Азию, посылая войска не только в земли Среднего и Младшего жузов, но и в Ферганскую долину. Как показывает сопоставление сведений из русской исторической литературы и из сочинений кокандских авторов, одно из вторжений джунгарских войск в Ферганскую долину имело место в середине 40-х годов. Здесь к этому времени усилилось Кокандское владение узбекских феодалов из племени минг, первым правителем которого был Шахрух-Аталык, умерший в 1721/22 г. При его сыне и преемнике Абдуррахим-бие власть Коканда, в XVIII в. в основном распространявшаяся только на западную и центральную части Ферганской долины, временно распространилась и на территории Ташкентской области, вплоть до Ташкента [35]. С самого начала существования Кокандского владения киргизы играли значительную роль в событиях, происходивших в Ферганской долине в XVIII в., а позднее в политической жизни Кокандского ханства XIX в. В «Мунтахаб ат-Таварих» киргизы упоминаются в связи с Ходжентом уже в самом начале изложения истории кокандских биев XVIII в. В рассказе о взаимоотношениях Абдуррахима, сына Шахруха, с правителем Ходжента Акбутой-бием имеется эпизод о преследовании киргизским отрядом Абдуррахима, бежавшего из Ходжента [36].

По русским данным, в 1745—1746 гг. джунгары вели войну с «абдыкарымцами» [37]. Вряд ли можно сомневаться в том, что сведения русских об этой войне относятся к описанному в исторических сочинениях кокандских авторов джунгарскому вторжению в Фергану, происшедшему в годы правления Абдулкерима, второго сына Шахруха. В войне участвовали и киргизы «в числе 1000 дымов», принявшие «сторону абдыкарымцев» [38]. В «Тарихи Шахрухи» о вторжении джунгаров (калмаков) в Ферганскую долину в рассказе о Баба-беке (старшем сыне Абдуррахима) сообщается следую-

[34] «Высочайше утвержденное географическое описание Западного Края при царствующей династии, с картами», цзюань 45, стр. 1.

[35] См. *А. И. Добросмыслов*. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент, 1912, стр. 40—44.

[36] «Мунтахаб ат-Таварих». Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, рукопись С-470, л. 338б — 339б; в версии «Тухфат ат-Таварихи Хани» не только упоминается этот киргизский отряд, находившийся на службе у правителя Ходжента, но и сам правитель — Акбута-бий Юз назван киргизом. См. Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, рукопись С-440, л. 49б — 51а.

[37] См. *Г. Н. Потанин*. Карта распределения инородцев в Томской губернии... Рукопись. Цит. по: *Н. А. Аристов*. Очерки по истории и исторической географии Киргиз и Тянь-Шаня. Архив географического общества Союза ССР, рукопись, стр. 418.

[38] Там же. Сопоставление сведений из работы Г. Н. Потанина с данными историков Коканда (по книге В. Наливкина) было впервые сделано Н. А. Аристовым в указанной выше его неопубликованной работе.

щее (стр. 30—31): در زمانی که سلطنت بعبدالکریم خان قرار داشت قو شون ...قلماق از جانب موضع قینار[39] آمده قلعه خوقندرا محاصره نمود از تدافع آن عاجز آمده ازروی لاعلاجی بابابیک مذکوررا آق اویلوک[40] داد

«...В то время, когда установилось султанатство Абдулкерим-хана, со стороны местности Кайнар подошло войско калмаков и осадило крепость (?) Коканда. Будучи не в силах оборонять ее, [Абдулкерим] был вынужден выдать упомянутого Баба-бека заложником». Выдав своего племянника заложником, Абдулкерим признал тем самым свою зависимость от правителя Джунгарии [41]. Однако выступавшие в союзе с Абдулкеримом киргизы не подчинились завоевателям и не прекратили борьбы против них. По сведениям из русских источников, джунгары направили против этих киргизов в 1748 г. войско под начальствованием зайсана Доржи, которое было киргизами разбито [42].

Зависимость биев Коканда от правителей Джунгарии была, по-видимому, номинальной и, во всяком случае, кратковременной. В начале 50-х годов, после смерти Абдулкерим-бия, в течение нескольких лет в Коканде шла борьба за власть между различными потомками Шахруха. В эту борьбу вмешались правители Джунгарии, пытаясь посадить в Коканде своего ставленника — Баба-бека, заложника, воспитанного при их дворе [43]. Наконец, примерно с 1753 г., в Коканде утвердилась власть Ирданы-бия, сына Абдуррахима. В годы правления Ирданы Кокандское владение в дипломатических переговорах между феодальными правителями Средней Азии стало рассматриваться как самостоятельное крупное государство, наряду с Бухарским и Хивинским ханствами. В период борьбы за власть в Кокандском владении начала 50-х годов и в первые годы правления Ирданы виднейшую роль в политической жизни Ферганской долины играл Кубад-бий (или Кивад-бий), предводитель киргизского племени кушу. Автор сочинения «Тарихи Рахим-хани», посвященного истории правления Рахим-хана Бухарского, называет Кубад-бия «главой киргизов», характеризуя его как «сподвижника и опору Ирданы» [44]. Однако после осады Ирданою в союзе с Рахим-ханом Бухарским города Ура-Тюбе (июнь — июль 1754 г.) Кубад-бий отошел от Ирданы, поссорившись с ним.

[39] В рукописях С-467, л. 21б (в приписке на полях) и в С-468, л. 42б قینر; по-видимому, здесь имеется в виду местность (поселение), находившаяся в непосредственной близости от Коканда.

[40] В «Тарихи Шахрухи» термин آق اویاوک в значении «заложник» употребляется неоднократно (см. стр. 75, 142 и др.). Об употреблении его в подобном значении у хивинских авторов см. *С. П. Толстов*. К истории древнетюркской социальной терминологии. «Вестник древней истории», 1938, № 1, стр. 72—81.

[41] В «Мунтахаб ат-Таварих» о вторжении калмаков (джунгаров) в Фергану в годы правления Абдулкерима рассказывается иначе. В этом рассказе о Баба-беке не говорится ничего. Утверждается, будто калмакское войско было направлено в Фергану китайцами, что вряд ли соответствует действительности. См. Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, рукопись С-470, л. 341б—342а. Возможно, что в годы правления Абдулкерима джунгары вторгались в Фергану не один раз, и каждый из двух приведенных в источниках рассказов в какой-то мере верно отражает происходившие в 30-х — 40-х годах XVIII в. события.

[42] *Г. Н. Потанин*. Карта распределения инородцев в Томской губернии..., рукопись. Цит. по: *Н. А. Аристов*. Очерки по истории и исторической географии Киргиз и Тянь-Шаня. Архив Географического общества Союза ССР, рукопись, стр. 418.

[43] См. «Таарих Шахрохи. История владетелей Ферганы». Сочинение Моллы Ниязи Мухаммед бен Ашур Мухаммед Хокандца. Издана Н. Н. Пантусовым. Казань, 1885, стр. 31.

[44] См. «Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии». Год двадцатый, вып. 2, стр. 106—107.

Во второй половине XVIII в. положение киргизского народа изменилось в связи с завоеванием Джунгарии и Восточного Туркестана войсками правившей в Китае маньчжурской Цинской династии. В 1757 г. в результате предпринятой маньчжурским правительством большой военной экспедиции в Джунгарию джунгарское государство было уничтожено, и страна ойратов обезлюдела. По сообщению китайского автора Вэй Юаня, в самой Джунгарии осталась одна десятая часть ойратского населения, составлявшего несколько сот тысяч семей, около 20% ойратов откочевало в пределы России и к киргизам, остальные погибли; из них многие были убиты воинами вторгнувшейся в их страну армии, еще большее число умерло от свирепствовавшей тогда эпидемии оспы [45]. Массовые передвижения ойратов (которых киргизы называли «калмак»), по-видимому, дали в середине XVIII в. последнее в истории значительное усиление монгольского элемента в этническом составе киргизского народа, по своему антропологическому типу более близкого к монголам, чем остальные народы Средней Азии, а исторически в средние века теснейшим образом связанного с западными монгольскими племенами улуса Джагатая, а затем Моголистана и Джунгарии. В составе киргизского народа, как известно, встречается родоплеменное название «калмак».

Восточным Туркестаном управляли представители местной феодальной знати — семьи ходжей. Верховная власть правителей Джунгарии над Восточным Туркестаном выражалась в получении большой дани, взимавшейся через ходжей. Овладев Джунгарией, Цинское правительство использовало вражду между группировками ходжей для подчинения Восточного Туркестана и направило туда свои войска. Эти войска завоевали весь Восточный Туркестан и вплотную подошли к киргизским землям.

Китайские авторы XVIII в. делили киргизов на пять «восточных» и пятнадцать «западных» племен. Из числа восточных племен в качестве наиболее значительных указывались саяки, сарыбагыши и племена Таласа, из западных — адыгене, монголдор, черик и басыз [46]. Сведения о киргизах в изученных до сих пор источниках относятся почти исключительно к военно-политической истории. Поэтому особую ценность для изучения истории киргизов в XVIII в. представляют сообщения китайских авторов, раскрывающие некоторые стороны внутренней жизни киргизов, в частности порядки управления у киргизских племен. О хозяйстве киргизов в китайских источниках имеются лишь отдельные упоминания, в которых подчеркивается преимущественное развитие скотоводства, в то же время отмечается и наличие у них земледелия. В «Описании Западного Края» (в разделе о «восточных» бурутах) говорится, что киргизы «превыше всего ставят занятие скотоводством, но также занимаются и обработкой земли» [47]. О земледелии у северных киргизов сообщается и в русском источнике 80-х годов XVIII в., в рукописи капитана Андреева, где утверждается, что киргизы «имеют довольное и изобильное хлебопашество» [48].

Чунь Юань так характеризует систему управления у киргизов (бурутов): «Правители их называются би. Одни из них в своем управлении имеют 10—20 айманей, другие же управляют 20—30 айманями... Хотя все они буруты, но би у них не один. Каждый би управляет своей землей и имеет своих подданных. По своему могуществу и власти они равны, и один другому ни на волосок не подчиняются. Если би умирает, то устанавливают своим би его сына или брата, другие же не могут занять это место» [49]. Словом «аймань» автор, по всей вероятности, обозначал родоплеменные группы киргизов. В другом китайском «Описании Западного Края» после перечисления наиболее значительных племен восточных бурутов и имен управлявших ими старшин говорится:

[45] См. *Л. И. Думан*. Аграрная политика цинского правительства в Синьцзяне в конце XVIII в., стр. 72—73.

[46] «Черновая история династии Цин», цзюань 537, стр. 8.

[47] «Высочайше утвержденное географическое описание Западного Края при царствующей династии, с картами», цзюань 45, стр. 1.

[48] «Описание Средней орды киргиз-кайсаков с принадлежащими и касающимися сего народа дополнениями...», стр. 17.

[49] «Описание виденного и слышанного о Западном Крае», цзюань 3, стр. 3.

«Все эти старшины независимо (друг от друга) управляют своими подданными. Каждый год избирают (одного из них) главным. В случае каких-либо происшествий (он) всех оповещает, чтобы все знали об этом. Когда же главой старшин (выбрали) Мамукэхули, то (он) стал управлять всеми племенами» [50].

Данные китайских источников совпадают с данными русских. Так, капитан Андреев писал, что у киргизов «...никакова хана и султана не находится, а имеют одного князя или бия Атекая, который во всей их орде в почтении» [51]. Далее он сообщал, что Атекай «кочевье свое имеет в средине сего народа в каменных горах в Апшарамарки» [т. е. в Апшара-Мерке], а киргизы «все разделены по волостям и имеют своих старшин». Перечисляя эти «волости» (т. е. племена), Андреев указал имена их старшин и отметил случай передачи старшинства от отца к сыну (у племени сару). Атекай (Атеке), названный здесь князем, был манапом племени сарыбагыш и во второй половине XVIII в. управлял родоплеменным подразделением тынай. Все это свидетельствует о том, что у киргизов в XVIII в. власть правителей (биев) отдельных племен передавалась, как правило, по наследству, но не было феодальной государственности во главе с династиями ханов или султанов, которым подчинялись бы все племена.

Согласно рассказам киргизов, записанным в середине XIX в. Бардашевым, манапы появились первоначально у племени сарыбагышей и в сравнительно недавнее время. По этим рассказам значение слова манап в смысле «бий, обладающий властью» происходит от собственного имени главы племени сарыбагышей Манапа, сына Сарыбагыша [52]. Манап — личность нелегендарная, время его жизни приходится примерно на вторую половину XVII в. — начало XVIII в.; по киргизским генеалогиям он был прадедом Атеке.

В записанных Бардашевым преданиях рассказывалось, что Манап был необычайно жестоким правителем и обладал большой властью над подчиненными ему соплеменниками. В дальнейшем (если только сообщаемая Бардашевым версия верна) имя этого правителя стало словом нарицательным, сарыбагышские бии начали называть себя манапами, а затем и у некоторых других киргизских родов и племен родоначальник, бий, обладающий сильной властью, стал называться манапом.

Киргизы не имели аристократии, ведущей свой род от Чингис-хана, как султаны у казахов. Власть биев в различных родах и племенах не была одинаковой. Структура управления внутри киргизских племен кратко изложена в китайском сочинении по истории династии Цин («Циншигао»): «Все высшие начальники бурутов называются би, и [они] похожи на туркестанских ациму-бокэ [т. е. хаким-беков]. За би следуют ахалакэцы [т. е. агалыкчи] — большие и малые старшины» [53].

Интерес китайских авторов к форме правления у киргизских племен, к вопросу о взаимоотношениях между киргизскими феодально-родовыми вождями и старейшинами неслучаен. В своих политических планах цинские власти придавали большое значение позиции киргизов, всячески стремясь привлечь их на свою сторону в борьбе против ходжей в Синьцзяне. В своих попытках создать буфер между Синьцзяном и Средней Азией они отводили особую роль киргизам и их стране — Тянь-Шаню. Маньчжурским властям Синьцзяна удалось добиться поддержки со стороны некоторых киргизских племен, принявших участие в военных действиях цинских войск против восточнотуркестанских ходжей Хан-ходжи и Бурхан-ад-дина. Так, Чунь Юань сообщает, что киргизский бий Аким (Хаким), находившийся в окрестностях Кашгара, оказал помощь китайским войскам: «Во главе всех своих людей он вступает в борьбу

[50] «Высочайше утвержденное географическое описание Западного Края при царствующей династии, с картами», цзюань 45, стр. 1.

[51] «Описание Средней орды киргиз-кайсаков с принадлежащими и касающимися сего народа дополнениями...», стр. 17.

[52] ЦГВИА ф. ВУА, д. 18551, ч. I, л. 19-б. Эту версию слышал от киргизов и Раддов, но почему-то признал ее невероятной (см. *В. В. Бартольд*. Киргизы. Фрунзе, 1927, стр. 49).

[53] «Черновая история династии Цин», цзюань 537, стр. 8а.

с Хан-ходжой и всеми силами воюет с ним. Император, принимая во внимание его заслуги, жалует би Акима званием саньчжидачэнь и отдает приказ о назначении его хаким-беком в туркестанский город Ташмелек, а его старшин награждает чиновничьими званиями различных рангов и павлиньими перьями» [54].

В 1758 г. бии «восточных» киргизских племен, а в 1759 г. и бии «западных» киргизов стали подданными цинской империи. Принятие киргизами подданства цинской империи имело преимущественно формальный характер и сводилось фактически, главным образом, к снаряжению посольств с дарами от киргизских племен маньчжурскому двору. Причем ценность ответных даров, получаемых этими посольствами от императора, как правило, была много большей. Бурутские старшины получали от китайских властей различные знаки чиновничьего достоинства за услуги, оказанные ими китайским властям. Так, один китайский источник приводит список бурутских старшин, получивших чиновничьи звания, с указанием заслуг, за которые их жаловали. Кроме того, многие бии были пожалованы шариками и павлиньими перьями разных классов за участие в походе и подавлении Уч-Турфанского восстания 1765 г. Некоторые из киргизских биев, очевидно, состояли на государственной службе, будучи ответственными за государственные конные заводы. Например, старшина племени чонбагышей Авалэ в 1759 г. был пожалован шариком пятого класса и павлиньим пером, в дальнейшем за свою заботу о конном заводе и за участие в походе на Уч-Турфан его ранг был повышен до шарика третьего класса [55]. Так маньчжурское правительство стремилось удержать и укрепить свое влияние над киргизскими биями. Последние, однако, признавая свою зависимость от маньчжурских властей Синьцзяна, в отношениях между собой и в управлении племенами продолжали сохранять свои прежние права. В первые годы пребывания в подданстве империи киргизы, по свидетельству китайских источников, находились на особом положении. В частности, отмечается, что киргизы (некоторые племена?) были освобождены от уплаты податей. В дальнейшем маньчжурские власти Синьцзяна пытались организовать сбор налогов и посылали с этой целью в Тянь-Шань специальных чиновников в сопровождении военных отрядов. Вместе со сборщиками податей на кочевья киргизов приезжали китайские купцы и вели с киргизами меновой торг.

В основном в XVIII в. на Тянь-Шань распространялось лишь политическое влияние маньчжурских правителей Китая, фактически же чиновники Синьцзяна не имели власти над большей частью Киргизии, и киргизы сохраняли свою автономность в управлении и прежний уклад жизни. По характеристике капитана Андреева, сведения которого о киргизах относятся к 70—80-м годам, «поступок же китайцев з дикими киргисцами весьма слабой, ибо ограждены оные неприступными каменными горами, и хотя в рассуждении своей волности великие чинят на китайских границах обиды, но с китайской стороны посыланы бывают и великие команды, но доходить до них как за трудностию мест и более ведая неустрашимость их и храбрость и защищение своему, ни один раз нападения на них учинить не могут, и возвращаясь к своим начальникам объявляют что они их сыскивать ни как не могут» [56].

До самого конца XVIII в. на сколько-нибудь значительную часть киргизских земель власть узбекских биев Коканда еще не распространялась. Она была ограничена отдельными районами восточной части Ферганской долины и прилегающих к ней гор. Это обстоятельство правильно отметил русский путешественник Филипп Ефремов, проезжавший в конце 70-х годов из Ферганской долины в Кашгар. Он писал, что «Кукан смежен с землею киргизов» [57]. Правда, кокандскими биями Ирданою (умер ок. 1770 г.) и Нарбутою (ок. 1770 — ок. 1798/99 г.) предпринимались попытки захватить некоторые горные районы Южной Киргизии. В китайских источниках сообщается, что в 1762 г. Ирдана захватил киргизские земли, расположенные в районе Ош и находившиеся под управлением Хаджи-бия, главы племени адыгене. Это вызвало вмешательство центральных китайских властей, выступивших на защиту Хаджи-бия, который к тому времени уже принял цинское подданство. Император Цяньлун приказал управляющему «Новыми границами» (т. е. Синьцзяном) — Юн Гуй'ю оказать содействие киргизам в возвращении им захваченных Ирданою земель [58].

В годы правления Нарбуты-бия (ок. 1770 — ок. 1798/99 г.) кокандские феодалы пытались подчинить горный киргизский район Кетмень-Тюбе, где, по данным В. П. Наливкина, жили три киргизских рода: багыш, саяк и сатыке [59]. Придворный кокандский историк Мавлана Мирза Каландар Муширф Исфараги сообщает о безуспешных попытках завоевать Кетмень-Тюбе, предпринимавшихся крупным сановником и военачальником Хан-ходжею [60], который «во время царствования в бозе почившего Нарбуты-хана был главнокомандующим на арене битвы и предводителем витязей» и в течение семнадцати лет управлял Наманганским вилайетом. По словам историка, этому кокандскому военачальнику, много раз наносившему поражение «бесчисленному вражескому воинству» и приложившему «...все свои благородные усилия и всю мощь своего мужества» в выступлениях против кетменьтюбинских киргизов, все же «победы над ним одержать не удалось». Сетуя на неудачу Хан-ходжи, историк пишет: «Сколько ни совещались искушенные в делах мужи и воители — столпы государства его, обмениваясь мнениями о том, как наставить на путь истинный сей мятежный народ, способа покорения этой горной местности выявлено не было. И горечь неудачи накрепко запала в душу могущественного» [61]. Далее Мирза Каландар Муширф Исфараги рассказывает о том, что в годы царствования Алим-хана (ок. 1798/99—1810 г.) киргизов Кетмень-Тюбе пытался подчинить один из его военачальников (правитель Намангана) Идрис-Кул-бий, но также не добился успеха. Историк описывает, подчеркивая свою осведомленность в происходивших событиях, безрезультатное совещание, устроенное «упомянутым военачальником» (т. е. Идрис-Кул-бием) с целью найти способы для завоевания Кетмень-Тюбе. Историк говорит, что Идрис-Кул-бий, «...призвав начальников войска и купеческих старшин, устроил с ними совещание о покорении тех мятежных киргизов... Однако, после того, как они представили себе ту горную страну и тот узкий путь, мысль и воображение у каждого оказались не в состоянии работать. Ибо властитель вселенной и создатель земли и небес с его совершенным могуществом и все заключающей в себе мудростью, воздвиг в той стране [такие] горы, что каждая из их вершин вздымается в небесную высь вровень с орбитами созвездий...» [62]. До самого конца XVIII в. киргизы, по-видимому, не были подвластны и правителю Ташкента Юнус-ходже, покорившему казахское население района Чимкента и правобережья Сыр-Дарьи, где он в 1799 г. овладел городом Туркестаном. По свидетельству Поспелова и Бурнашева, побывавших в Ташкенте в 1800 г., киргизы, жившие «поблизости» от этого города в горах Алатау, «ташкентскому владельцу» не подчинялись [63].

---

[54] «Описание виденного и слышанного о Западном Крае», цзюань 3, стр. 3а.

[55] «Высочайше утвержденное краткое описание Новой границы», цзюань 12, стр. 38.

[56] «Описание Средней орды киргиз-кайсаков с принадлежащими и касающимися сего народа дополнениями...».

[57] «Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение его оттуда чрез Англию в Россию». 3 изд. Казань, 1811, стр. 102.

[58] «Высочайше утвержденное географическое описание Западного Края при царствующей династии, с картами», цзюань 45, стр. 4.

[59] *В. П. Наливкин.* Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886, стр. 118.

[60] Хан-ходжа погиб на рубеже XVIII—XIX вв. во время похода кокандских войск на Ташкент, находившийся под властью Юнус-ходжи. См. Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. «Муптахаб ат-Таварих», рукопись С-470, лл. 366б — 368а.

[61] Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. Мавлана Мирза Каландар Муширф Исфараги. «Шах-наме». Рукопись сочинения по истории Омар-хана, С-471, л. 107б.

[62] Там же, л. 108а.

[63] «Вестник РГО», 1851, ч. 1, отд. VI, стр. 43.

После разгрома джунгарского государства маньчжурскими войсками киргизы вернулись на свои земли в Северный Тянь-Шань. По киргизским народным преданиям, их передовыми отрядами, возвращавшимися из Ферганы, командовал Атеке, сын Тыная. По всей вероятности, именно этот Атеке упоминается у Андреева в качестве «князя» киргизов, главы волости Атокайбагышская (т. е. племени сарыбагыш). С именем Атеке связана первая попытка северных киргизов (сарыбагышей) установить взаимоотношения с Русским государством. В 1784 г. впервые на «сибирскую линию» явились киргизские посланцы Абдурахман и Ширгиза, привезшие в дар русской императрице «от главного родоначальника Атяки батыря» три барсовых и шесть рысьих шкур. Посланцы эти были награждены в Петербурге, а родоначальнику было послано в подарок 800 рублей серебром.

В 70—80-х годах XVIII в. границы расселения киргизского народа в основном уже соответствовали границам начала второй половины XIX в., т. е. времени присоединения киргизов к России. В рукописи капитана Андреева они характеризуются следующим образом: «Пределы или границы называемых диких или черных киргисцев начинаются от оз. Балхаша, ... ограждены великими и непроходимыми каменными горами, лежащими от известного камня Тарбагатая, называемыми Алатау, а по ташкенски оные горы называются Тубулгуты, Шаты и Беделен,— до Сыр реки, откуда оной камень поворот свой имеет мимо озера Кубан Кунан и чрез реку Сарасу к морю Аральскому, а от повороту вниз по реке Сыру, не доходя до города Ташкента 80 верст, потому ж граничит камением мимо города Кукона, чрез реку Цуй к устью реки Или, которая впадает ниже сей грани верстах во 100 в озеро Балхаш...»

Путем сопоставления китайских и русских данных можно со значительной степенью достоверности определить численность киргизского народа во второй половине XVIII в. Китайские авторы определяли ее не менее, чем в 200 тыс. человек. В «Описании Западного Края» эта цифра приводится только для «западных бурутов», которые «...делятся на племена, но тем не менее кочуют по единой территории, которая с юго-востока ограничивается горами Цунлин, а к западу простирается до бухарских племен. [На этой территории проживает] всего около 200 000 человек, которые кочуют с места на место в зависимости от наличия воды и травы» [64]. По сведениям капитана Андреева, киргизов «... почитается всех, ежели оным збиратца на войну, до 50 тысяч». Исходя из данных капитана Андреева, численность всего киргизского народа в 70—80-х годах XVIII в. можно определить приблизительно в 250—300 тыс. человек, что примерно совпадает с китайскими данными.

SUMMARY

By comparing information from Chinese, Khoqand and Russian sources, the authors attempt to characterize the specific features of the political history of the Kirghiz in the 18th century and some aspects of their life.

Information available in Russian and Khoqand sources affords the possibility for a description in chronological sequence of the events connected with the Jungari expansion into the Kirghiz territories and into the neighbouring regions of Central Asia.

[64] «Высочайше утвержденное географическое описание Западного Края при царствующей династии, с картами», цзюань, 45, стр. 3а.

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В БОЛГАРИИ

Хр. ГАНДЕВ и *Б. НЕДКОВ*

История болгарского востоковедения началась в эпоху возрождения болгарского народа [1].

С развитием учебного дела в Болгарии в середине XIX в. появились первые болгарские труды в области тюркологии. Вначале это были главным образом учебники и словари. В 1851 г. Пенчо Радов из Карлово издал в Белграде «Краткий турецко-болгарский словарь и разговорник». Первый учебник турецкого языка «Турецкий букварь для болгарского юношества» был напечатан в 1856 г. учителем села Жеравна Стефаном Вылковым. Иоаким Груев и Нестор Марков были авторами первых грамматик турецкого языка в Болгарии. В 1870 г. Михаил Петров Векильский из Лович отпечатал в Русе перевод с турецкого известной легенды «История Фархада и Ширин». До 1877 г. вышло около 40 книг — учебники турецкого языка, учебники по истории, словари, разговорники, своды законов, приказов и других государственных актов, письменники и т. д. Из этих работ самым серьезным трудом является «Полное собрание государственных законов, уставов, наставлений и высоких приказов Османской империи» в четырех томах (1871—1886 гг.) Христо Арнаудова.

После освобождения (1877—1878 гг.) ориенталистика в Болгарии была по сути дела предана забвению, хотя для развития ее здесь имелись особенно благоприятные условия. Объясняется это тем, что все усилия болгарской буржуазии были направлены в то время на приспособление в культурном, экономическом и политическом отношениях к наиболее развитым капиталистическим странам. Отсюда ослабление внимания научных сил Болгарии к вопросам ориенталистики. Известный интерес проявлялся только к тюркологии, поскольку с Турцией Болгарию связывало многолетнее историческое прошлое. Центрами тюркологических исследований являлись Софийский университет и Софийская народная библиотека.

В 1906 г. при историко-филологическом факультете Софийского университета был организован лекторий по турецкому языку, сохранившийся и до наших дней. Его первым лектором был хороший знаток турецкого языка Стоян Тилков (1870—1948 гг.) [2].

[1] О востоковедении в Болгарии см.: *J. Kabrda*. Turecké prameny k bulharským dějinám a jejich zpracování v Bulharsku-Časopis Archivní školy. Praha, Roč. XV—XVI, 1940; p. 200—231; *его же*. Les problèmes de l'étude de l'histoire de la Bulgarie à l'époque de la domination turque. «Byzantinoslavica» XV, 1954, 2, p. 173—208; *D-r Peter Mijatev*. Die Türkalogie in Bulgarien. «Jahrbuch der Deutsch-bulgarischen Gesellschaft»; *Борис Недков*. Ориенталистиката в Софийската Народна библиотека. «Годишник на Българския библиографски институт», I (1945—1946). София, 1948, стр. 226—239; *Jan Reychman*. Wośrodkach orientalnych i orientalistycznych Bulgarii. «Przegląd Orientalistyczny», 1957, № 1 (21), s. 37—54; *А. С. Тверитинова*. Проблемы средневековой и новой истории Турции в трудах болгарских ученых. «Советское востоковедение», 1955, № 5, стр. 172 и сл.

[2] См. о нем «Алманахъ на Софийския университетъ св. Климентъ Охридски», второ издание за петдесетгодишнината на университета 1888—1939. София, 1940, стр. 602.

Преподавательской деятельностью Тилков занимался всего лишь один семестр. Следует отметить его печатные труды: «Турецкий письменник» (1895), «Малый турецко-болгарский словарь» (на арабице, 1896) и перевод собранных Панчо Доревым турецких документов, изданных Болгарской Академией наук под заглавием «Документы по болгарской истории, т. IV. Документы из турецких государственных архивов (1863—1909)» (1942) [3]. Небольшой по объему словарь С. Тилкова (в нем содержится около 5 тыс. слов) до сих пор является в Болгарии самым лучшим и широко используемым словарем. Не менее ценен в области османской дипломатики и «Турецкий письменник», однако, несмотря на это, он не известен молодым болгарским тюркологам. Тилков работал также над словарем турецких слов в болгарском языке, но не успел его опубликовать.

После Тилкова в течение 26 лет турецкий язык преподавал Димитр Гаджанов (1874—1941 гг.) [4]. Однако нам неизвестно, чтобы кто-нибудь из его учеников посвятил себя тюркологии. Гаджанов автор двух трудов: «Путешествие Эвлия Челеби по болгарской земле в середине XVII века» [5] и «Турецкие источники о нашей новой истории» [6]. Первый из них до сих пор используется в болгарской исторической и географической литературе. Он представляет собой перевод некоторых отрывков из третьего и пятого томов путевых записок Эвлия Челеби [7]. До Гаджанова отрывки из пятого тома этого сочинения, относящиеся к Македонии, были переведены и опубликованы А. Шопов ым [8]. Гаджанов не использовал сведений о Болгарии, которые содержатся в восьмом томе сочинения Эвлия Челеби. Следует сказать, что и перевод сделан недостаточно хорошо — некоторые отрывки даны в вольном переводе, другие представляют пересказ, часть мест просто опущена.

Второй труд Д. Гаджанова — «Турецкие источники о нашей новой истории» — содержит необычайно интересные материалы об апрельском восстании 1876 г. Особую ценность представляет рапорт Высокой Порте относительно повстанческих действий Пловдивского округа и протокол следствия по этому делу. К сожалению, перевод не снабжен турецким текстом и не указано, где находятся оригиналы переведенных документов. Это, разумеется, значительно снижает научную ценность труда Д. Гаджанова.

Д. Гаджанов первый занялся изучением вопроса о турецких диалектах в Болгарии [9]. Однако его система подбора диалектных материалов и выводы, к которым он

---

[3] В предисловии к этому изданию ошибочно напечатано Хр. Тилков.

[4] См. о нем «Алманахъ на Софийския университетъ св. Климентъ Охридски». София, 1940, стр. 104—105.

[5] *Д. Г. Гаджановъ.* Ижтуване на Евлия Челеби изъ българскитѣ земи прѣзъ срѣдата на XVII вѣкъ. «Периодическо списание на Българското книжовно дружество в София», кн. LXX, 9—10 свезка, 1909, стр. 639—724.

[6] *Д. Г. Гаджановъ.* Турски източници за новата ни история. «Сборник на Българската академия на науките», кн. III, клонъ историко-филологиченъ и философско-общественъ, 2, 1914, стр. 1—69.

[7] «Evliyā Čelebī Siyāhatnāmesi». Цариград, 1314 (1896—1897).

[8] *А. Шоповъ.* Евлия Челеби. «Периодическо списание на Българското книжовно дружество въ София», кн. XII, год. XIII, 3 свезка, 1901, стр. 161—194.

[9] «Anzeiger der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse. Wien», XLVIII Jahrg., 1911, № V, S. 28—29; *его же.* Zweiten vorläufigen Bericht über die ergänzende Untersuchung der türkischen Elemente im nordöstlichen Bulgarien in sprachlicher, kultureller und ethnographischer Beziehung. *Там же,* XLIX, Jahrg., 1912, № III, S. 13; *его же.* Герлово, кратки етнографски бележки. «Сборник в чест на проф. Л. Милетич по случай 25 годишната му книжовна дейност (1886—1911), стр. 104—117; *его же.* Изучаване на Македония в етнографско и диалектоложко (турски диалекти) отношение. Ограничено издание на Географския институт за Официалиа България през 1916 г.

пришел, несостоятельны в научном отношении [10]. С 1936 г. лекции по разговорному турецкому языку в Софийском университете читает Гылыб Гылыбов [11]. К этому времени увеличилось число студентов, курс турецкого языка приобрел более систематический, более научный характер, расширилась его теоретическая часть. Г. Гылыбов написал ряд трудов по вопросам мусульманского права и османского законодательства [12]. Он опубликовал также ценные материалы по истории Софии «Османтюркские источники истории Софии», I—IV [13]. Публикации и переводы Гылыбова по своей точности стоят несравненно на более высоком уровне, чем переводы его предшественников.

Вторым центром развития тюркологии был Восточный отдел Народной библиотеки (в настоящее время — государственная библиотека «В. Коларов») в Софии, обладающий богатыми рукописными фондами и другими архивными материалами. Многие источники, хранящиеся в Восточном отделе, опубликованы его первым руководителем (1900—1909) Диаманди Ихчиевым (1854—1913). До него переводы некоторых документов были напечатаны Ст. Джансызовым. Публикации Ихчиева разбросаны по различным журналам и сборникам. Отдельными изданиями в 1910 г. вышли его «Турецкие документы о Рыльском монастыре». Следует отметить, что Ихчиев не производил строгого отбора материалов для публикации. Иногда это были переводы, сделанные им с плохих рукописей, в то время как имелись уже хорошие печатные издания этих рукописей. К такого рода переводам относятся его «Материалы по нашей истории периода турецкого рабства» [14], «Историческая битва при Варне в 1444 г.» [15] и другие. «Материалы к вопросу о спахиях в Османском государстве и турецкие документы о них» [16], считавшиеся лучшей его работой, оказались неоригинальными. Несмотря на все эти недостатки, труды Ихчиева сыграли свою положительную роль в изучении ряда вопросов болгарской истории.

Отдельные документы и сборники документов опубликовал Владимир Тодоров-Хиндалов. Его научные интересы распространялись главным образом на эпоху возрождения болгарского народа [17]. Однако для Хиндалова характерно некритическое отношение к публикуемому материалу, кроме того он не дает турецких текстов и не всегда указывает, где хранится переведенный материал. В переводах Хиндалова допущено также очень много ошибок в именах и датах.

В Болгарии хорошо известны еще два переводчика турецких документов: Панчо

---

[10] См. *T. Kowalski.* Les turcs et la langue turque de la Bulgarie du Nord-Est. Krakow, p. 14—15; *J. Németh.* Zur Einteilung der türkischen Mundarten Bulgariens. Sofia, 1956, S. 3—4.

[11] См. о нем «Алманахъ на Софийския университетъ св. Климентъ Охридски», София, 1940, вт. изд., стр. 137—138.

[12] *Г. Д. Гължбовъ.* Мюсюлманско право съ кратъкъ обзоръ върху историята и догмите на исляма. София, 1924; *его же.* Един закон и други държавни документи по събирането на момчета за еничери. «Османо-турски извори за българската история», свезка II. «Годишникъ на Софийския университетъ», истор.-филолог. факултет, кн. XXXV, 1938—1939, стр. 1—36; и др.

[13] «Сердика», год VI, 1942, кн. 1—10.

[14] «Известия на историческото дружество въ София», кн. II, 1906, стр. 91—208.

[15] *Д. А. Ихчиевъ.* Историческата битка при Варна въ 1444 год. «Периодическо списание на Българското книжовно дружество въ София», кн. LXVII, 7—8 свезка, 1907, стр. 608—622.

[16] *Д. Ихчиевъ.* Приносъ къмъ въпроса за спахиитѣ въ отоманската държава и турски документи върху тѣхъ. «Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина», кн. XXV, I. Дѣлъ историко-филологиченъ и фолклоренъ. София, 1909, стр. 1—96.

[17] См. *В. Тодоров-Хиндалов.* Народни движения и възстания от предосвободителната епоха. София, 1929; *его же.* Българското въстание през 1868 год. «Църковен архив», кн. I и II, 1924—1925, стр. 142—163 и др.

Дорев и Васил Шанов. Первый подобрал и перевел сборник «Документов из турецких государственных архивов, часть I (1564—1872)» [18], вышедший под редакцией проф. П. Мутафчиева. Несмотря на ряд недостатков, это издание содержит много интересных материалов о положении болгарского народа в течение длительного периода рабства. Васил Шанов перевел шифрованную телеграмму 1872 г. [19], что помогло раскрыть предательскую деятельность Крыстю по отношению к великому болгарскому революционеру, организатору народного восстания Василию Левскому. Некоторые переводы Шанова напечатаны в сборниках «Положение болгарского народа под турецким рабством», «Васил Левский и его сподвижники перед турецким судом» и других.

Необходимо отметить даровитого, безвременно погибшего востоковеда Ивана Димитрова (1883—1913), обучавшегося вначале в Лазаревском институте в Москве, а затем в Берлинском университете. По возвращении в Болгарию он был назначен руководителем восточного отдела. Перу И. Димитрова принадлежит несколько трудов. Хорошую оценку ученых получила его докторская диссертация «Аш-Шейбани и его собрание «alǧami as-sagir»» [20]. Большую ценность представляет также его работа «Переселение сельджукских турок в Добруджу в середине XIII в.» [21]. Сопоставляя сведения средневековых византийских летописцев с аналогичными данными в сочинениях восточных авторов (преимущественно в известных книгах Кемальпаша-заде «Огуз-наме» и «Мохач-наме» (История похода в Мохач) в турецкой переработке Сеида Локмана), Димитров приходит к выводу, что в Добрудже были турецкие поселения еще до того, как Болгарией завладели османские турки.

Большое значение для болгарской науки имеют тюркологические исследования Петра Миятева. Его работы «Происхождение и родина тюркоболгар» [22], «Из старой истории тюрков» [23], «Тюркоболгары и чуваши» [24], «Болгария на Волге в средние века» [25] и другие помогают выяснению вопроса о происхождении проболгар. В них П. Миятев использовал главным образом западноевропейскую литературу. Кроме того, он опубликовал несколько турецких документов, а также сборник «Тугры османских султанов XV—XX вв.» [26], который, не являясь научным исследованием, представляет тем не менее определенный интерес для изучающих османскую дипломатику.

Полезный фактический материал по тюркологии содержит докторская диссертация Б. Недкова «Джизия (подушный налог) в Болгарии в период османского владычества» [27].

---

[18] «Документи изъ Турскитѣ държавни архиви, ч. I (1564—1872)». Документи за българската история», т. III, издава БАН. София, 1940.

[19] «Нов важен документ около предаването на Васил Левски» «Известия на Бълг. историческо дружество», кн. XIV—XV, 1937, стр. 216—228.

[20] «Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen an der Königlichen Friedrich-Wilhelms Universität zu Berlin». Jahrg. XI, Westasiatische Studien, 2 Abt. Berlin, 1908, S. 60—206.

[21] Напечатана посмертно. См. *Ив. К. Димитровъ*. Прѣселение на селджукски турци въ Добруджа около срѣдата на XIII в. «Списание на Българската академия на наукитѣ», кн. X, 1915, клонъ историко-филологиченъ и философско-обществен, 6. София, 1915, стр. 23—40.

[22] «Векове», год I, 1931—1932, кн. 3, стр. 38—39.

[23] «Просвета», год I, 1935—1936, кн. 6, стр. 663—671.

[24] «Училищен преглед», год 37, 1938, кн. 3, стр. 257—272.

[25] Сб. «През вековете», 1938, стр. 126—144.

[26] *П. Миятевъ*. Тугритѣ на османскитѣ султани от XV—XX ст. «Годишникъ на Пловдивската народна библиотека и музей 1937—1939». София, 1940, стр. 215—239.

[27] Отпечатана отдельной книжкой «Sammlung orientalischer Arbeiten», II Heft, Otto Harrassowitz. Leipzig, 1942. Содержание ее передано в резюме на болгарском языке, см. «Поголовният данък в османската империя с.огледна България». «Исторически преглед», год II, 1945—1946, кн. 9, стр. 18—33. Диссертация переведена на турецкий язык. Şinasi Altundağ. Belleten, cilt VII, sayi 32. Ankara, 1944, s. 599—622.

До 1944 г. в Болгарии вышел ряд словарей и грамматик на турецком языке, большинство которых представляет определенную научную ценность. Лучшими пособиями для изучения турецкого языка в арабской графике являются «Османская грамматика» (1906) и «Синтаксис» (1907), составленные П. Сарафовым. Первый учебник на турецкой латинице составил С. Стьршенов [28].

Материалы болгарских архивов публиковались и использовались также в работах иностранных востоковедов, посетивших Болгарию в период буржуазной власти. Так, в трудах русских ученых В. А. Мошкова [29] и Н. К. Дмитриева [30] впервые рассматривается вопрос о происхождении турецкого населения и турецких диалектов в Болгарии. Проблеме турецких диалектов в Северо-Восточной Болгарии посвящена работа выдающегося польского тюрколога Тадеуша Ковальского, в которой делается серьезная попытка охарактеризовать турецкие диалектные области в Болгарии [31]. Богатый материал по османской истории, извлеченный из болгарского архива, содержится в одной из работ польского тюрколога И. Гжегожевского [32]. Немецкий востоковед Ф. Бабингер в работе «Das Bektaschi - Kloster Demir Baba» [33] рассматривает преимущественно происхождение и деятельность религиозных сект в Добрудже. Чаще других посещал Болгарию и очень хорошо изучил вопрос о турецких диалектах известный на Балканах венгерский тюрколог проф. Немет. Его последние исследования в этой области напечатаны в издании Болгарской Академии наук под названием «К классификации турецких диалектов в Болгарии» (София, 1956). Ближайший контакт с болгарскими тюркологами уже в течение многих лет поддерживает чешский историк и востоковед Кабрда, опубликовавший ряд турецких документов, извлеченных из архива Восточного отдела [34]. Большая заслуга Кабрда в том, что он привлекает внимание иностранных востоковедов к турецким рукописям и архивным материалам Болгарии.

В Болгарии сохранилось самое большое количество письменных памятников периода турецкого господства. Собраны они были, однако, не сразу. Вначале в Восточном отделе, который был основан вскоре после освобождения страны от турецкого ига, их было совсем мало, позднее в отдел поступила огромная масса рукописей и документов, но не оказалось ни средств, ни персонала для того, чтобы привести весь этот материал в состояние, пригодное для использования; более пяти десятилетий Восточный отдел представлял собою склад необработанных архивных документов. Отношение научных и культурных институтов к востоковедению изменилось с установлением в Болгарии народно-демократической власти. Нужно было поднять культурный уровень турецкого меньшинства в Болгарии, очень отставшего в этом отношении от болгарского народа. Была поставлена задача создания интеллигенции турецкого меньшинства.

---

[28] «Ръководство за изучаване турски език с новата турска азбука (пълна гр аматика и турско-български речник). София, 1933.

[29] *В. А. Мошков*. Турецкие племена на Балканском полуострове. «Известия императорского русского географического общества», XL, 1904, стр. 406—417.

[30] *Н. К. Дмитриев*. Заметки по болгарско-турецким говорам. «Доклады Академии Наук Украинской ССР», 1927, стр. 210—215.

[31] *T. Kowalsky*. Les turcs et la langue turque de la Bulgarie du Nord-Est. Krakow. 1955, № 1—2, p. 136—177.

[32] *I. Grzegorzewski*. Z sidzyllatów rumelijskich epoki wyprawy «Wiedenskiej akta tureckie». Lwow, 1912.

[33] «Rumelische Streifen». Berlin, 1938, S. 43—52.

[34] *J. Kabrda*. Sur les bérats des métropolites orthodoxes dans l'ancien Empire Ottoman au XVIII siècle. «Известия на Българското историческо дружество», XVI—XVIII. София, 1940, стр. 259—268; *его же*. Les anciens registres turcs des Cadis de Sofia et de Vidin et leur importance l'histoire de la Bulgarie. «Archiv orientální, vol. XIX, № 3—4, 1951, p. 329—392; *его же*. Les documents turcs relatifs aux impôts ecclesiastiques prélévés sur la population Bulgare au XVII-siècle. «Archiv orientální», vol. XXIII,

ства, появились институты, которые должны были изучить его нужды, особенности хозяйственной жизни, быт.

Народная Республика Болгария установила культурные связи с Китаем, Монголией, Азербайджаном, Индией, Египтом, Сирией. Наконец, необходимость марксистско-ленинского решения ряда основных проблем болгарской истории периода турецкого господства требовала максимального использования турецких источников, относящихся к болгарским землям.

Правительством были приняты меры к развитию болгарского востоковедения. Лекторий турецкого языка в Софийском государственном университете был реорганизован в кафедру востоковедения. В Софию на преподавательскую работу пригласили доцентов филологии и истории из Бакинского университета, а также специалистов из Китая. Так постепенно подготовили молодых отечественных специалистов из числа турецкого меньшинства. В настоящее время студенты изучают арабский, турецкий, китайский, индийский, персидский и другие языки.

Восточный отдел государственной библиотеки «Васил Коларов» систематически публикует материалы ряда восточных стран и издает разнообразные сборники. Центральной задачей Восточного отдела является составление каталогов наиболее крупных рукописных и документальных коллекций, собранных за семь десятилетий, прошедших после первого освобождения Болгарии. Систематизированы документальные богатства отдела, чем значительно облегчено пользование ими [35]. В этой работе приняло участие несколько человек, служивших ранее в старых, дореволюционных турецких учреждениях и получивших среднее и высшее образование в турецких учебных заведениях [36].

В процессе составления каталогов было отобрано пять тысяч османо-турецких, арабских и персидских рукописей, среди которых имеются и уникальные. К их числу относится, например, рукопись географии Идриси, значительно дополняющая и поправляющая известные литературные тексты. Отдел заканчивает систематизацию и каталогизацию архивов турецких государственных учреждений с XV в. до освобождения Болгарии в 1878 г. Для публикации этих документов Институт болгарской истории Болгарской Академии учредил в 1954 г. издательскую комиссию под руководством проф. Христо Гандева. Первая серия публикаций будет содержать материалы, характеризующие специфику турецкой феодальной системы в болгарских землях и дающих сведения по исторической топонимике, а также сведения о размере поселений и составе их населения в период от XIV до XVI в. Во вторую серию войдут документы по истории развития феодальной системы с XVI до середины XVIII в. В третью серию предполагается включить документы, которые показывают изменения, происходившие в леннo-сипахийской системе Турции (1750—1856). Четвертая серия будет посвящена аграрной политике турецкого правительства в Болгарии в 1856—1877 гг. Издательская комиссия уже подготовила к печати несколько томов из намеченных четырех серий публикации «Турецкие источники о болгарской истории». Нет сомнения, что публикация в целом окажет большую помощь болгарским историкам в решении ряда проблем отечественной истории. Большое внимание уделяют многие болгарские историки-марксисты изучению пятивекового периода истории Болгарии под властью Турции. В своих работах они используют как болгарскую и иностранную литературу по истории Турции, так и турецкие документы. К числу таких работ следует отнести труды профессоров Жака

---

[35] *Христо Гандев*. Турски извори за аграрната история на България през Възраждането. «Исторически преглед», год X, 1954, кн. 2, стр. 120—127; *Б. Недков*. Ориенталският отдел на Държавната библиотека «Васил Коларов», там же, стр. 115—120; също «Известия на Държавната библиотека «Васил Коларов» за 1954, София, 1956, стр. 113—122

[36] Один из них — Никола Попов, сейчас ассистент того же отдела и автор двух небольших работ в «Исторически преглед», год IX, 1953, кн. 6, стр. 635—637; там же, год X, 1954, кн. 6, стр. 53—58.

Натана [37], Димитра Косева [38], Александра Бурмова [39], Христо Гандева [40], доцентов Веселина Х. Николова, Ионо Митева и многих других. На основе марксистско-ленинской методологии ставятся и решаются такие важные вопросы, как характер и особенности турецкого феодализма в болгарских землях в различные периоды с XV до XIX в.; разложение феодальной аграрной системы и появление новой формы землевладения (мелкособственнической и капиталистической); имущественное расслоение города и деревни, особенно в XIX в.; развитие торгового скотоводства; феодальные смуты XVIII в. и их социальная сущность; политическая система управления в период реформ (1839—1877) и участие в ней болгарской буржуазии; положение болгарского села во время революционного кризиса (1860—1876), отдельные события политической истории и т. д. Так, проф. Хр. Гандев обратил внимание на большое значение ликвидации ленно-сипахийской системы в Болгарии в 30—40-е годы XIX в. и на хранящийся в Восточном отделе Государственной библиотеки «Васил Коларов» документальный материал как об этой реформе, так и об аграрной политике турецкого правительства в 60—70-е годы XIX в. [41] В архивных материалах он нашел документы о восстании в Видине в 1772 г. в период русско-турецкой войны (1768—1774) [42]. Новые документы помогли Гандеву внести существенные коррективы в некоторые вопросы хозяйственной жизни, развития капитализма в недрах турецкого феодального строя — как в промышленности, так и в сельском хозяйстве [43]. Над неопубликованными турецкими архивными материалами работает также Б. Недков. Он подобрал, систематизировал и перевел тексты для двух сборников — «Васил Левский и его сподвижники перед турецким судом» и «Апрельское восстание 1876 г.» (том. III)[44]. Сборники эти помогают уяснить ряд важных моментов в истории болгарского национально-революционного движения в последнее десятилетие турецкого владычества. В них вскрываются причины, характер, организация и ход разгрома этого самого массового и самого мощного освободительного движения против чужеземного феодального гнета.

Б. Недков перевел, прокомментировал и издал сборник турецких документов, относящихся к деятельности Ботевской четы в 1876 г. [45]. В настоящее время он работает над изданием отрывков сочинения арабского географа Идриси (XII в.) [46].

Вышло второе издание (1957 г.) «Турецкой грамматики» Гылыба Гылыбова (первое издание 1949 г.). Гылыбову принадлежит также несколько исследований по поземель-

---

[37] Към въпроса за първоначалното натрупване на капитала в България. «Известия на Икономическия институт при БАН». София, 1954, кн. 1—2; «Икономическа история на България». София, 1957.

[38] «Лекции по нова българска история». София, 1951; *Д. Косев*. Към изясняване на някои проблеми от историята на България през XVIII и началото на XIX в. «Исторически преглед», год XII, 1956, кн. 3, стр. 26—62.

[39] «История на България», т. I, дял IV. София, 1954, стр. 245—293.

[40] «Причини за упадъка на Турската империя в периода от XVII до XIX в.». «Исторически преглед», год III, 1946—1947, кн. I, стр. 76—88.

[41] См. *Хр. Гандев*. Турски извори за аграрната история на България през Възраждането. «Исторически преглед», год X, 1954, кн. 2, стр. 120—127.

[42] *Хр. Гандев* «Един опит за въстание във Видин и Видинско по време на Руско-турската война от 1768—1774. «Исторически преглед», год X, 1954, кн. 6, стр. 39—52.

[43] *Хр. Гандев* и *Н. Тодоров*. Из истории развития промышленного капитализма в Болгарии в период турецкого ига. «Вопросы истории», 1957, №. 5, стр. 143—150.

[44] «Васил Левски и неговите сподвижници пред турския съд. Документи из турските архиви». София, 1952, превод на Б. Недков, В. Шанов, П. Миятев и др.; «Априлско въстание 1876 г.», т. III, «Сборник от турски документ», София, 1956. Оба сборника под. ред. проф. Ал. Бурмова.

[45] *Б. Недков*. Турски документи за Ботевата чета. «Христо Ботев. Сборник по случай сто години от рождението му». София, 1949, стр. 675—766.

[46] Описание рукописи этого сочинения: *Б. Недков*. Географията на Идриси, Софийски ръкопис.... «Известия на ДБВК за 1953 г.». София, 1955, стр. 220—231.

ным отношениям в Болгарии в период турецкого господства [47]. Тюрколог Петр Мията занимается в основном османской эпиграфикой. Много полезного материала содержит его работа «Османско-турецкие эпиграфические памятники в Добрудже».

В период народной власти появились молодые кадры тюркологов, имеющих серьезную филологическую и историческую подготовку. Молодые тюркологи изучают архивные материалы и публикуют свои исследования. Так, Быстра Цветкова в труде «Материалы к изучению турецкого феодализма на болгарской земле в XV—XVI в.» [48] приводит перевод новых документов. Она исследовала характер феодальной собственности в Османской Турции, сущность различных видов феодальных владений, формы феодальной зависимости крестьянства [49]. Б. Цветковой принадлежат также работы, в которых рассматриваются вопросы рабства, дискриминации немусульманского населения, о так называемых христианах-сипахах на Балканском полуострове, о селениях и строительстве в XV—XVI вв.

Николай Тодоров написал две статьи по истории кемалистской Турции [50] и составил сборник документов, которые характеризуют турецкую систему управления в Болгарии. Сборник включает в основном не публиковавшиеся ранее официальные турецкие документы. В своей кандидатской диссертации «Развитие капиталистических отношений в текстильном производстве Болгарии в первой половине XIX в.» (защищена в 1957 г. в Институте славяноведения в Москве) Н. Тодоров использовал турецкие и греческие архивные материалы, которые позволяют выявить особенности османских цеховых порядков и проследить процесс возникновения капиталистических элементов в ремесленном производстве [51]. Н. Тодорову принадлежат также написанная в соавторстве с Х. Гандевым работа о развитии промышленного капитализма в Болгарии в период турецкого господства во второй четверти XIX в. [52] и статья о мануфактуре в Болгарии во второй четверти XIX в.» [53].

Интересны работы Страшимира Димитрова об аграрных отношениях в Болгарии во второй половине XIX в. [54].

[47] *Глъб Д. Гълъбов.* За основните начала на поземлената собственост в Османската империя и специално в България под турско владичество. «Годишник на Соф. университет. Историко-филологичен факултет, т. XLIII, 1946—1947». София, 1947, стр. 1—92; *его же.* По някои въпроси на турското феодално землевладение. «Известия на Икономическия институт», год VI, т. 9, кн. 1—2, 1955, стр. 165—189.

[48] *Б. А. Цветкова.* Принос към изучаването на турския феодализъм в Българските земи през XV—XVI в. «Известия на Института за българска история», 1954, 5, стр. 71—153 и 1956, 6, стр. 115—191.

[49] *Б. Цветкова.* Поземлените отношения в българските земи под Османско владичество до средата на XVII век. «Исторически преглед», год VII, 1950, кн. 2, стр. 158—192; *ее же.* Характерни черти на османския феодализъм в българските земи. «Исторически преглед», год VII, 1951, кн. 4—5, стр. 380—392; *ее же.* Турският феодализъм и положението на българския народ до началото на XIX в. «Исторически преглед», год XI, 1955, кн. I. стр. 59—86

[50] *Н. Тодоров.* Национално-освободителното движение в Турция след Първата световна война и утвърждаването на кемализма. «Исторически преглед», год VIII, 1952, кн. 2, стр. 173—196; *ее же.* «Противонародната политика на турските управници преди и след Втората световна война. «Исторически преглед», год VIII, 1952, кн. 4—5, стр. 474—505.

[51] См. автореферат в «Кратких сообщениях Института славяноведения», 1958, № 23, стр. 74—87.

[52] *Н. Тодоров.* К истории мануфактуры в Болгарии во второй четверти XIX века. «Ученые записки Института славяноведения», т. XVI, 1958, стр. 109—150.

[53] *Хр. Гандев* и *Н. Тодоров.* Из истории развития промышленного капитализма в Болгарии в период турецкого ига. «Вопросы истории», 1957, № 5, стр. 143—150.

[54] *Стр. Димитров.* Чифлишкото стопанство през 50—70-те години на XIX в. «Исторически преглед», год XI, 1955, кн. 2, стр. 3—34; *С. Ат. Димитров.* Към въп-

Вера Мутафчиева является автором исследований о повинностях населения и о феодальной ренте в Османской державе в XV—XVII вв. и в XVII—XVIII вв. [55]

Перед болгарскими востоковедами стоят большие и ответственные задачи, для выполнения которых они прилагают немало усилий. Все сделанное до сих пор является залогом того, что с каждым новым годом будут расширяться наши знания по истории Османской империи и истории болгарских земель периода турецкого господства.

роса за отменяването на спахийската система в нашите земи. «Исторически преглед», год XII, 1956, кн. 6, стр. 27—58.

[55] *В. П. Мутафчиева.* Към въпроса за положението на войнушкото население. «Известия на Държавната библиотека «Васил Коларов», за 1952 г.» 1953, стр. 247—276; *ее же.* Един препис от закона за войнуците от Никополския и силистренския санджак. Там же, 1955, стр. 267-273.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ В XIX ВЕКЕ В ИНДИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Н. А. ХАЛФИН

Современные индийские историки уделяют много внимания изучению международных отношений на Среднем Востоке в XIX в., особенно во второй его половине. Этому вопросу посвящены специальные исследования [1]; в той или иной степени он затрагивается также в общих трудах по истории Индии [2]. Интерес к этой теме не случаен. История Индии тесно переплетается с историей британской колониальной политики и международных отношений на Востоке. Английские колонизаторы в политических целях систематически фальсифицировали историю индийского народа. «Несомненно одно, что работы англичан по истории Индии, особенно относящиеся к так называемому английскому периоду, вызывают резкое негодование индийцев... Истина скрывается где-то на дне глубокого колодца, а надо всем царит ложь, открытая и бесстыдная»,— такими словами характеризовал Джавахарлал Неру труды английских авторов по истории Индии [3]. Аналогичную оценку этим трудам дал индийский ученый Н. Кастури в своей «Истории британского захвата Индии», изданной в Калькутте еще во время английского господства. Он писал, что нельзя ожидать от английских специалистов создания полной и правдивой истории Индии, ибо они склонны «делать выгоду мерилом правды», они « обычно распространяют ошибочные взгляды и преувеличенную полуправду; таким образом индийцы должны отсеивать истину от массы предвзятых описаний... Британские писатели распространяют много фальшивок». Н. Кастури добавлял, что бóльшая часть опубликованных источников извращена и фальсифицирована, а неопубликованные документальные материалы хранятся под замком [4].

---

[1] См., например, *B. Prasad*. The foundations of India's foreign policy, vol. I. 1860—1882. Bombay — Calcutta — Madras, 1955. London, 1956; *A. Ch. Capur*. Disraeli's forward policy on the north-west of India, 1874—1877. «The Research bulletin (arts) of the University of the Panjab», № IV. History, Hoshiarpur, Panjab, 1951; *M. Chaudhuri*. Power-politics in Afghanistan, past and present. «The modern review». Calcutta, February 1949, vol. LXXXV, № 2, p. 137—140; *K. M. Panikkar*. The Himalayas and Indian defence. «Indian quarterly». New Delhi, April — June 1947, vol. 3, № 2, p. 127—135.

[2] См. например, *N. Kasturi*. History of the British occupation of India. Calcutta, s. a.; *K. M. Panikkar*. A survey of Indian history, 2 ed. Bombay, Calcutta, 1954; *его же*. Asia and Western dominance. A survey of the Vasco de Gama epoch of Asian history 1498—1954. London, 1954; *И. К. Синха, А. Ч. Банерджи*. История Индии. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1954; *В. Кумар*. Англо-американский заговор против Кашмира. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1954 и др.

[3] *Дж. Неру*. Открытие Индии. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1955, стр. 306.

[4] *N. Kasturi*. Указ. соч., стр. 1—2.

Исследования ученых Республики Индии, перед которыми стоит задача подлинно научного освещения прошлого своей родины, приобретают в связи с этим особенно важное значение.

После завоевания Индией независимости опубликовано много ценных работ, использующих и вводящих в научный оборот не привлекавшиеся ранее источники [5], доступ к которым в условиях колониального режима был затруднен. Значение той или иной работы, естественно, возрастает в зависимости от того, насколько новы и обоснованы выдвинутые в ней положения. И с этой точки зрения труды индийских ученых по вопросам международных отношений на Востоке в XIX в. можно разбить на две группы: в одних продолжают оставаться некоторые традиционные мотивы британской буржуазной историографии; другие выдвигают концепцию, отличающуюся от «канонических» положений этой историографии.

В подавляющем большинстве книг и статей английских историков по рассматриваемой теме развивается тезис о «русской угрозе» Индии. Этот тезис провозглашался активными деятелями британского колониализма — Г. Роулинсоном [6], Д. Керзоном [7], П. Сайксом [8]. Угрозой «русского вторжения» обосновывалась вся политика Англии на Среднем Востоке. Стремлением «предотвратить» «угрозу захвата Индии Россией» затушевывались подлинные цели Англии. Иными словами, экспансионистской, агрессивной политике британских господствующих кругов приписывался оборонительный характер.

В современной индийской историографии эту «оборонительную концепцию» английской политики на Востоке почти всецело воспринял профессор Делийского университета Бишешвар Прасад. Его перу принадлежат исследования: «Источники провинциальной автономии», «Королевство Ауд и Ост-Индская компания», «Официальная история участия индийских вооруженных сил во второй мировой войне 1939—1945 гг.», и книга «Основы внешней политики Индии» [9], рассмотрение которой имеет прямое отношение к нашей теме.

Книга эта, вышедшая в 1955 г. в Индии и в 1956 г. в Лондоне, рассматривает события 1860—1882 гг. и является первым томом из серии книг, за которым должны последовать через годичные интервалы еще три тома (т. II—1882—1907 гг.), т. III—1908—1930 гг., т. IV — 1930—1947 гг.) [10]. Вся серия составляется для Индийского совета международных отношений, что придает изданию особо ответственный характер. В предисловии к первому тому проф. Прасад указывает, что самостоятельному государству, каким является Республика Индии, необходимо четко определить свою внешнюю политику. Для этого, подчеркивает автор, чрезвычайно важно изучить историю Индии, а также — взаимоотношения ее с соседними странами в прошлом [11]. Это положение свидетельствует о том, что рецензируемое исследование должно иметь не только научное, но и практическое значение.

Содержание книги заставляет, однако, усомниться в его соответствии названию. Никакого отношения к внешней политике Индии книга не имеет. Речь в ней идет исключительно о внешней политике Англии, установившей свое колониальное господство над индийскими народами. Эта внешняя и внутренняя политика была всецело направлена на обеспечение для Англии максимальных возможностей в эксплуатации трудя-

---

[5] См. работы Б. Прасада, К. М. Паниккара, Н. К. Синха и А. Ч. Банерджи, А. Ч. Капура и других.

[6] См. *H. Rawlinson*. England and Russia in the East. London, 1875.

[7] См. *G. N. Curzon*. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian question. London —New York, 1889; *его же*. Persia and the Persian question vol. I—II. London, 1940.

[8] См. *P. Sykes*. A history of Afghanistan, vol. I—II. London, 1940.

[9] *B. Prasad*. The foundation of India's foreign policy, vol. I. 1860—1882. Bombay — Calcutta — Madras, 1955. London, 1956.

[10] Сведениями о выходе в свет последующих томов серии мы не располагаем.

[11] *B. Prasad*. Указ. соч. Preface, p. IX.

щихся Индии. Автор отождествляет интересы и цели британских колонизаторов с нуждами Индии и ее народов. Так, описывая грубый нажим вице-короля Индии лорда Литтона (1876—1880) на Афганистан, Б. Прасад отмечает, что литтоновские «методы и образ действий были плохо задуманными и вредными для индийских интересов»[12]. Автор при этом совершенно абстрагируется от того обстоятельства, что Литтон стоял на защите интересов Англии, а не Индии, и его действия в отношении Афганистана были направлены на полное подчинение Афганистана британскому владычеству, т. е. во вред индийскому и афганскому народам. Лишь на самой последней странице своей книги д-р Прасад говорит, что «внешняя политика Индии, полностью контролируемая правительством Ее величества и целиком подчиненная Уайтхоллу, была направлена на осуществление британских интересов»[13]. Это абсолютно правильное положение не легло, однако, в основу работы.

В связи с этим нельзя не напомнить высказывание одного из крупных индийских историков и политических деятелей К. М. Паниккара по поводу так называемого «британского периода истории Индии» и «тождественности» интересов метрополии и колонии. «Законно говорить о британском периоде,— писал он,— как о периоде, когда политика, относящаяся к Индии, решалась интересами другой страны, расположенной далеко; но даже это будет правильно только отчасти, ибо подлинная история Индии в течение всего этого периода делалась не в Уайтхолле и даже не генерал-губернаторами либо вице-королями в Калькутте и Дели или бюрократией, управлявшей страной, а народом Индии, который спокойно и не навязчиво преобразовал себя и черпал из своего древнего наследия новые источники силы, придававшие ему бодрость духа и позволившие в конце концов восстановить свою независимость. Подлинная история Индии в течение британского периода характеризуется не активностью Ост-Индской компании или ее преемника — британской короны, а теми преобразованиями индийского общества, которые произошли в результате активности собственных сынов Индии.

Существует, несомненно, история англичан в Индии, начиная с момента возникновения первых факторий до ухода последнего британского солдата с индийской земли. Она связана с Индией, поскольку это происходило на территории Индии, но это — часть индийской истории, не более, чем скажем, макартурова оккупация Японии в японской истории. Это важный раздел британской истории и, как таковой, заслуживает изучения теми, кто интересуется британскими заморскими подвигами,— иронически продолжает К. М. Паниккар.— ...Важное значение, приписываемое британскому периоду, и несоразмерно большое место, которое он занимает в наших учебниках, совершенно не обоснованы и могут рассматриваться лишь как пережиток английской пропаганды»[14]. Подобные же мысли неоднократно высказывал Джавахарлал Неру. Отождествление же целей и интересов британских колонизаторов с нуждами и целями Индии, проводимое Б. Прасадом, искажает ее историю.

Описывая обстановку, сложившуюся в Средней Азии во второй половине XIX в., проф. Б. Прасад показывает действия там царского правительства как своеобразный исторический фон, на котором он пытается обрисовать английскую политику на Востоке. Автор исследует далее политику Великобритании в отношении соседних с Индией Средней Азии, Афганистана, Сеистана, Кашгара и стран, расположенных в районе Персидского залива и на побережье Аравийского полуострова. Особые главы посвящены английской трактовке «мастерского бездействия» и создания «буферных государств», развитию коммуникаций.

Большим достоинством рассматриваемого труда является то, что автор привлек для своей работы документы иностранного и политического департаментов англо-индийского правительства, сосредоточенные в национальных архивах Индии. Многие из этих документов вводятся в научный оборот впервые. Прасад широко использовал такой сравнительно мало изученный источник, как сборники парламентских публика-

[12] *B. Prasad*, указ. соч., стр. 171.
[13] Там же, стр. 263.
[14] *K. M. Panikkar*. A survey of Indian history, p. IX.

ций, относящихся к Средней Азии и Афганистану, а также основную английскую литературу по вопросу об англо-русском соперничестве в Азии. Значительно хуже представлены материалы русского происхождения. Судя по приводимой в книге библиографии, к исследованию привлечено лишь очень ограниченное число случайно подобранных сочинений, которые были переведены с русского языка на английский (подчас в пересказе или сжатом изложении). Так, мы не находим среди них насыщенной большим фактическим материалом трехтомной «Истории завоевания Средней Азии» М. А. Терентьева, обширной работы Л. Н. Соболева о второй англо-афганской войне, а главное — ни одного труда советских авторов. Между тем исследования советских историков (в частности, А. Л. Попова, И. М. Рейснера, Е. Л. Штейнберга и др.) по аналогичной тематике были бы очень полезны при изучении проблемы, поскольку в них строго научно исследуется и оценивается как английская, так и царская колониальная политика, без старания приукрасить ее, как это имело иногда место в дореволюционной русской историографии. Еще более скупо использовал проф. Прасад русские источники. Сообщив, что в русских архивах, особенно в Ташкенте, есть много ценных документов «о различных аспектах царской экспансии в Азии»[15], но что он не имел возможности привлечь их к изучению (равно как и материалы афганского и иранского происхождения), Б. Прасад высказывает мнение, что наилучшими источниками для данной темы являются индо-британские [16].

Эта односторонность в использовании документов и научных трудов отразилась на всей работе доктора Прасада. Весь смысл и задачи британской политики на Востоке он свел (возможно, под влиянием английских материалов) к сопротивлению экспансии царской России (и — в значительно меньшей степени — экспансии Франции). Именно этим доктор Прасад объясняет стремление англо-индийского, а через него и имперского правительства, утвердить свое влияние в Мекране, Сеистане [17] и Кашгаре [18], а также тактику создания «буферных государств» [19], которые находились бы под полным контролем Англии и отделяли бы ее бесправную колонию Индию от «русского вторжения с севера».

Версия о необходимости «обороны от опасности с севера», как о важнейшем стимуле и определяющем моменте политической линии Англии на Среднем Востоке в XIX в., составила основу и некоторых других работ, как, например, статьи Манаранджана Чоудхури «Прошлая и настоящая политика держав в Афганистане» [20]. Хотя и в меньшей степени, ей отдали дань и авторы содержательного и полезного пособия по истории Индии — Н. К. Синха и А. Ч. Банерджи. Они считают, что агрессивная политика консервативного кабинета Дизраэли, пришедшего к власти в 1874 г., «была вызвана глубоким недоверием к России» [21]. Этот тезис британской буржуазной историографии в какой-то мере воспринял индийский журналист Виджай Кумар [22] уже в книге на современную тему (о подрывной деятельности империалистов в «кашмирском вопросе»).

Как Б. Прасад, так и другие индийские авторы совершенно обходят молчанием вопрос о том, насколько реальна была эта «русская» угроза с точки зрения военно-политического положения, экономических и транспортных возможностей России.

Некоторые индийские исследователи, к сожалению, принимают на веру тенденциозные, умышленно фальсифицированные построения апологетов британского коло-

[15] *B. Prasad*. Указ. соч., стр. X.
[16] Там же.
[17] Там же, стр. 52—64.
[18] Там же, стр. 65—82.
[19] Там же, стр. 41—51.
[20] «The Modern review». Calcutta, February 1949, p. 137—140.
[21] *Н. К. Синха, А. Ч. Банерджи*. История Индии. М., Изд-во иностр. лит-ры, стр. 381.
[22] *В. Кумар*. Указ. соч., стр. 8, 25—29, 38 и др.

нализма, не подвергая этот очень сложный вопрос самостоятельному научному анализу, который он несомненно заслуживает.

Ознакомление с документальными материалами государственных архивов царизма приводит к выводу, что правительство России, деятельность которого в Средней Азии была безусловно агрессивной, в силу очень сложного внутриэкономического и политического положения не могло серьезно помышлять о каком-либо военном вторжении в Индию, а тем более о завоевании ее или соседнего с ней Афганистана. Британские правящие круги были прекрасно осведомлены о положении в России и не опасались такого завоевания. Опасались они другого. Появление на границах Индии соперничавшей с Англией державы могло оказать и оказывало существенное влияние на развитие освободительного движения среди порабощенного населения колоний. На это в свое время указывал Ф. Энгельс [23], об этом влиянии свидетельствуют и различные посольства, прибывавшие из Индии в Россию за содействием в борьбе против поработителей (которого они, кстати говоря, и не получали), и настроения некоторой части индийского общества [24]. Защищая интересы и цели британской буржуазии, английская официальная и неофициальная историография, равно как и пресса, умышленно затушевывали, искажали суть фактов и событий.

Создававшиеся Англией «буферные государства» представляли для британских правящих кругов не только своеобразную «прокладку», которая, по их мнению, должна была ослабить надежды антиколониальных сил Индии на получение в борьбе против угнетателей поддержки извне, но и плацдармы для развития английской экспансии на Востоке, в частности в Средней Азии. Так, например, британские империалисты использовали сеистанский плацдарм для вторжения в Туркмению в годы гражданской войны и иностранной интервенции в Советской России, а Афганистан и Кашгар — для подрывных действий против советской Средней Азии.

При освещении международных отношений на Востоке едва ли можно обойтись без детального изучения экономического развития Англии во второй половине XIX в., в период перехода от домонополистического капитализма к империализму, когда правящие классы Англии максимально развивали колониальную экспансию. Настоятельность разработки материалов по этой тематике очевидна. Невнимание к ним неизбежно приводит к односторонности в трактовке исторических процессов. Характерным примером и в данном случае может служить книга Прасада «Основы внешней политики Индии». Прасад неоднократно подчеркивает, что «внешняя политика Индии» (т. е. опять-таки Англии) диктовалась соображениями стратегии и торговли. Но если о стратегии в работе говорится много и определяется она исключительно стремлением противодействовать так и не доказанной «русской опасности», то экономическая основа политики только декларирована и почти совершенно не раскрыта. Автор не анализирует внутреннего экономического и политического положения Британской империи и собственно Англии во второй половине XIX в., стимулировавшего усиление агрессии британской буржуазии в странах Востока, и в частности в Средней Азии. Мало внимания уделяется колониальной Индии как важнейшей экономической и военно-политической базе экспансии Англии на Востоке.

В работе Прасада народ как субъект истории, как важнейший фактор исторического развития отсутствует. Между тем, без учета резко отрицательного отношения, скажем, широких слоев туркмен к происках английской агентуры нельзя правильно охарактеризовать ход событий в Туркмении в 70—80-х годах XIX в., точно так же, как, не осветив подлинно народного сопротивления, оказанного британским захватчикам в Афганистане, совершенно нельзя понять ход и результаты второй агрессивной

[23] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 34.

[24] См. *И. П. Минаев*. Дневники путешествий в Индию и Бирму. 1880 и 1885—1886. М., Изд-во АН СССР, 1955; *А. А. Бенедиктов*. Индийское крестьянство в 70-х годах XIX века (Экономическое положение и борьба против феодального и колониального гнета). Сталинабад, 1953.

войны Англии против Афганистана 1878—1880 гг., да и многие другие исторические события.

При чтении книги Б. Прасада трудно отделаться от впечатления, что на автора давил груз воззрений, воспринятых из официальной британской буржуазной историографии. Если бы проф. Прасад смог вырваться из цепей сковывавшей его концепции, он сделал бы интересные выводы из им же впервые приводимых важных документов национальных архивов Индии, документов, которые так ярко свидетельствуют об отровенно экспансионистских планах Англии в отношении народов Средней Азии. Вот характерный пример. Б. Прасад цитирует телеграмму вице-короля Индии статс-секретарю по делам Индии от 30 мая 1877 г. Текст телеграммы извлечен Б. Прасадом из секретного делопроизводства иностранного департамента англо-индийского правительства. Содержание этого документа раскрывает замысел британских правящих кругов использовать туркменские племена в качестве «пушечного мяса» и при удобном случае утвердить над ними свое господство — прямо или через посредство Афганистана, находившегося в тот период под влиянием Англии. Все это завуалировано выражением стремления «помочь» туркменам. «Единственный другой путь помочь туркменам, с которыми я ныне в состоянии открыть безопасные сношения, — это через Мешхед из Кветты,— писал вице-король.—Наша информация дает возможность убедиться, что тайно организованные и подстрекаемые нами, они могут оказать мощное сопротивление любым русским силам, а поскольку они непрочь быть присоединенными к Афганистану, полученное теперь над ними влияние может в конечном итоге явиться ценной основой для переговоров об этом с Кабулом» [25].

Автор приводит не менее интересный документ из парламентских публикаций по Средней Азии. Это — донесения английского посла в Тегеране от 26 июля и 6 августа 1877 г. Они посвящены английским планам «спасения» Мерва. Изложенные в документах варианты этого «спасения» очень любопытны. Первый вариант: Англия «оккупирует Кандагар или Герат, или оба пункта вместе» и делает Мерв зависимым от них владением. Другой способ: «Поглощение Мерва Афганистаном». Наконец, третья — «наименее приемлемая альтернатива — это разрешить (!) — ему перейти под власть Персии» [26].

Число таких примеров можно было бы увеличить. Они дают вполне логичные основания для четкого вывода о том, что британское правительство широко и более или менее искусно использовало поднятую им же самим шумиху о «русской угрозе» Индии для маскировки собственных захватнических замыслов.

Вряд ли есть какие-либо основания рассматривать британскую политику на Востоке как «оборонительную». Однако д-р Прасад даже развязывание второй агрессивной войны против афганского народа британскими правящими кругами объясняет стремлением Англии противодействовать продвижению России на территорию Туркмении, а также осложнениями на Балканах, хотя сам он приводит достаточно большой материал о провокационной деятельности Англии по отношению к Афганистану.

В главе, посвященной положению в районе Персидского залива и Аравийского побережья [27], автор отмечает, что «доминирующим мотивом политики» в этом районе была торговля; здесь, по мнению Б. Прасада, «напряженное положение имело своими источниками не русскую враждебность, а возможное торговое соперничество европейских держав или аналогичные претензии Турции или Персии на господство над небольшими владениями, находившимися под британским влиянием» [28].

Как видим, концепция «оборонительного» характера английской внешней политики и в данном случае не претерпела никаких изменений, хотя она опровергается приводимыми самим автором документами об агрессивных действиях Англии против арабских

[25] *B. Prasad*. стр. 106.

[26] Там же, Указ. соч., стр. 107.

[27] Там же, стр. 233—252.

[28] Там же, стр. 233.

племен и государств, о насильственных мерах, применявшихся британской буржуазией для обеспечения своего господства на «имперских» морских и торговых путях.

Таково в общих чертах одно из направлений индийской историографии по рассматриваемому вопросу.

Другое направление может быть связано с именем К. М. Паниккара. В отличие от «традиционных» положений, этот ученый в своих трудах исходит из того, что британская экспансия на Востоке имела вполне «самостоятельный» характер, а не являлась «ответной», «оборонительной» мерой. В частности, в своей интересной работе «Азия и западное господство» К. М. Паниккар подчеркивает, что Индия превратилась в XIX в. в страну, «откуда британское владычество распространялось во все части Азии». Английские политики понимали, продолжал он, что, используя Индию как опорную базу, поставив себе на службу ее ресурсы и применяя «туземные» войска, Англия может приобрести «решающий голос в азиатских делах» [29].

Доктор Паниккар справедливо отмечает, что свою захватническую деятельность англичане проводили за счет народов Индии [30].

Взгляды Паниккара на агрессивную сущность английской политики разделяет доктор Ануп Чанд Капур. В небольшой работе «„Форвард полиси" Дизраэли на северо-западе Индии, 1874—1877» он разоблачает эту политику на конкретном частном примере. Широко привлекая неисследованную документацию государственных архивов Индии, А. Ч. Капур прослеживает «замыслы Дизраэли в отношении Средней Азии», подготовку и провоцирование британскими правящими кругами новой войны против Афганистана и роль в этом ставленника Дизраэли — вице-короля Индии лорда Литтона.

Статья Капура вскрывает «кухню» подготовки этой войны и дает яркое представление о применявшихся при этом империалистами методах и приемах. Вместе с тем она свидетельствует о том, как много еще предстоит сделать в такой, казалось бы, изученной области, как международные отношения на Востоке в XIX в. Объективное исследование этой темы тем более необходимо, что идеологи «холодной войны», по выражению акад. Е. Тарле, часто используют в своих выступлениях «русскую историю в том кривом зеркале, в котором она показана нынешней американской, английской и американизированной французской буржуазной историографией» [31]. Интересна в связи с этим реакция буржуазной печати на книгу проф. Прасада «Основы внешней политики Индии».

В конце 1956 г. газета «Таймс» поздравила доктора Прасада и Индийский совет международных отношений с выходом в свет этой книги, считая, что она «вполне может заложить основы научного изучения проблем, которые постоянно обусловливают внешнюю политику Индии». Чем же именно были вызваны поздравления «Таймса» и какие стороны работы понравились газете? «Таймс» увидел достоинство книги проф. Прасада, прежде всего, в том, что это «первое публичное признание того, что приобретение политической независимости не изменило существенно проблем, которые выдвигало перед Индией ее географическое положение на азиатском материке и характеристика стран, лежащих на ее границах». Далее следуют рассуждения, смысл которых сводится к тому, что национальное, т. е. нынешнее правительство Индии также должно учитывать интересы безопасности страны и «придерживаться во внешней политике преемственности, которая имеет значительно более существенное значение, чем какое-либо из поверхностных явлений в политике, привлекающих сегодня так много внимания» [32]. Иными словами, по мнению «Таймс», внешняя политика Индии должна основываться не на нынешнем («поверхностном», по выражению газеты) миролюбивом курсе

[29] *K. M. Panikkar.* Asia and the Western dominance, p. 158.

[30] Там же, стр. 160.

[31] *Е. В. Тарле.* Вторая мировая война в кривом зеркале, «Большевик», 1949, № 21, стр. 60.

[32] «India and her neighbours». «The Times. Literary supplement», 7 сентября 1956, стр. 520. Рецензия без подписи.

укрепления самостоятельности и дружбы со всеми странами, а на опасениях за свою безопасность перед угрозой «вторжения». Если связать эти рекомендации с текстом книги доктора Прасада о событиях 1860—1880 гг., то под угрозой «вторжения» можно разуметь лишь «нападение с севера», «из России», а в наши дни — мифическую «коммунистическую опасность». В рецензии подчеркивается то место во введении, где автор говорит о «передаче» ответственности за «безопасность и территориальную целостность» Индии национальному правительству и выражается надежда, что в последующих томах проф. Прасад разовьет тезис о «заинтересованности его страны в сохранении безопасности». Газета отмечает как положительные явления «чисто научное, непартийное, отрешенное» отношение автора к описываемым событиям, а также то, что проф. Прасад в своей исследовательской работе лишь в небольшой мере подвергся влиянию «со стороны политических взглядов, господствующих в настоящее время в его стране». Наряду с этим рецензент упрекает автора в том, что он «слишком много значения придает экономическим интересам» и «распространению британского господства» в районе Персидского залива, по сравнению с более основательным, по мнению «Таймс», фактором политики — «обеспечением безопасности Индийского океана».

Таким образом, автора хвалят за слабые стороны работы и упрекают за правильные положения, к сожалению, не развитые в книге. Объективистское, поверхностное изучение такого острого вопроса, как британская политика на Востоке вполне устраивает «Таймс». Всячески пытаясь провести параллель между «вчера» и «сегодня», этот орган реакционных кругов Англии старается обелить британскую империалистическую деятельность в прошлом, подчеркивая, что ее целью были всего лишь «поиски безопасности», вызванные «угрозой для Индии с севера».

Книга Б. Прасада обратила на себя внимание также английского журнала «Интернешил Афферс», откликнувшегося на нее небольшой реферативной заметкой [33]. Ее автор — Эрик Стоукс — отметил, что название книги вызвало много возражений в Индии, что индийцы ведут «свою внешнюю политику целиком с позиций высоких моральных принципов «панча шила»» и не желают иметь ничего общего с «проклятой наследственностью империализма Симлы», т. е. военно-политического центра колониальной Индии. Эти замечания Стоукса вполне уместны и приемлемы, но они — увы! — имеют лишь иронический, насмешливый характер. Положительными чертами работы рецензент считает «намек на то, что в настоящее время необходима более реалистическая внешняя политика, выраженная в условиях безопасности Индии», а также мнение о необходимости «использовать основную часть опыта и сведений, приобретенных иностранным департаментом в британский период». «Если автор преуспеет в привлечении внимания к прошлому, к традиционным проблемам политики в дни Британского раджа — обеспечения безопасности северных границ Индии от приближения какой-либо первоклассной державы, он внесет ценный корректирующий импульс»,— отмечает Э. Стоукс. Далеко не все, однако, нравится Стоуксу в исследовании Б. Прасада и, в частности, излишняя детализация, а главное — то, что «широкий анализ вытеснен утомительными выдержками из документов». Рецензента в данном случае можно легко понять: «утомительные выдержки из документов» очень хорошо изобличают подлинную захватническую сущность британской внешней политики на Востоке.

Как видим, «Интернешил Афферс» полностью солидаризируется с «Таймс». И там и здесь между строк можно уловить один и тот же мотив: желание, чтобы Индия покончила, «наконец», с миролюбивой политикой, «позаботилась о своей безопасности» и вступила для этого, скажем, в СЕАТО. Так история теснейшим образом переплетается с политикой.

[33] «International affairs», vol. 33, № I, January 1957, p. 127.

SUMMARY

The reviewer deals with some of the works of modern Indian historians whose attention is concentrated on international relations in 19th century Middle East. Some of the Indian scholars (Dr. B. Prasad, in particular), writes the reviewer, have not yet abandoned the traditional viewpoint of British bourgeois historiography which justifies Britain's predatory policy by the Russian «threat» to India. Other Indian scientists (especially K. M. Panikkar) draw their conclusions from the correct premise that British expansson in the East was an aggressive and by no means a «defence» measure.

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ В АФГАНИСТАНЕ В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ ПУШТУНИСТАНА

(По страницам афганской прессы)

Р. Т. АХРАМОВИЧ

Процесс консолидации афганской нации определяется значительными социально-экономическими сдвигами, происходящими в новейшее время в афганском обществе. В стране сложилась местная торгово-промышленная буржуазия, формируется рабочий класс, включающий растущую прослойку промышленного пролетариата. Рост торгового земледелия и скотоводства способствует развитию капитализма в сельском хозяйстве, хотя здесь и преобладают еще полуфеодальные аграрные отношения.

Новые классы афганского общества формируют свое отношение к действительности. Господствующая идеология отражает интересы торгово-промышленной буржуазии и помещиков, пришедших на смену феодалам. Основу этой идеологии в условиях распада колониальной системы империализма составляет национализм.

Одним из проявлений афганского национализма является, несомненно, политика правящих кругов страны в вопросах национального самоопределения афганцев Пакистана (пуштунов, либо так называемых «патанов»). Проявляемое этими кругами пристальное внимание к судьбам зарубежных пуштунов, оформившееся в последние годы в один из основных факторов внешней политики Афганистана, дает интересный материал для характеристики афганского национализма.

Материалы, использованные в данном обзоре, опубликованы в прессе Афганистана в течение 1953—1955 гг. Именно в эти годы отчетливо обнаружилось противоречие между внешнеполитическим курсом суверенного Афганистана и той политикой, которую проводят в Азии империалистические державы. К событиям, осложнившим внешнеполитическое положение Афганистана в рассматриваемый период, относятся такие акты империалистической политики, как создание СЕАТО — агрессивного военного блока в Юго-Восточной Азии, заключение в 1954 г. под эгидой США турецко-пакистанского пакта, а также американо-пакистанского военного договора, создание агрессивного Багдадского военного блока на Ближнем и Среднем Востоке.

Стремясь вовлечь Афганистан в агрессивные группировки, империалистические круги пытаются оказать на него давление, используя афгано-пакистанский спор по вопросу о Пуштунистане. Проблема Пуштунистана является одним из источников афгано-пакистанских разногласий со времени основания государства Пакистан в 1947 г. Вопреки стремлениям пакистанских правящих кругов, рассматривающих насильственно включенные в свое время в состав Британской Индии районы с 5-миллионным афганским (пуштунским) населением в качестве части территории Пакистана, Афганистан выступает в защиту права зарубежных афганцев на национальное самоопределение. При этом предлагается мирное решение проблемы путем проведения среди пуштунов всеобщего референдума.

Отстаивая свои позиции в пуштунистанском вопросе, афганские деятели обычно указывают на необходимость защитить права малых народов, оградить последние от

национального угнетения, проводимого и поощряемого империалистическими силами. Эти прогрессивные тенденции в афганском национализме связаны с противоречиями между национальной буржуазией Афганистана и империализмом. Именно такого рода тенденции питают характерные для господствующей в Афганистане идеологии выступления в защиту суверенитета государства, против попыток превращения слаборазвитых стран в орудия чуждой их интересам империалистической политики.

Широкая кампания, ведущаяся правящими кругами Афганистана вокруг вопроса о судьбе зарубежных афганцев, ярко показывает развитие национального общественного сознания и его специфические черты, характерные для слаборазвитой страны. Указанная кампания в течение 1953—1955 гг. не только приобрела широкий размах, но и сопровождалась также конкретизацией ряда принципиальных установок и положений. В отличие от расплывчатых рассуждений первых послевоенных лет, на страницах афганской прессы зазвучали темы национальной консолидации афганского народа, общности его исторических судеб. Обосновывая историческую закономерность освободительных устремлений пуштунов Пакистана и критически высказываясь об «иностранных силах», стремящихся подавить эти устремления, афганская печать отводит национальному движению пуштунов определенное место в ряду отстаивающих свое право на независимое развитие народов Индокитая, Индии, Индонезии, Марокко, Алжира, Туниса и т. д. Уже сам факт наличия этой тематики, несомненно, свидетельствует о поступательном развитии национальной общественной мысли в современном Афганистане.

* * *

Идею об этнической общности пуштунов Афганистана и северо-западных районов бывшей Британской Индии представители современного Афганистана восприняли еще от своих предшественников. Так, оригинальные афганские материалы по истории страны, относящиеся ко второй половине XIX в., показывают, что это положение широко использовалось еще представителями афганского феодально-монархического государства, выступавшими в защиту афганской независимости, против посягательств на нее английских колонизаторов. Вместе с тем, современная постановка вопроса о национальной принадлежности зарубежных пуштунов отличается от той, которая имела место в предшествующий период, когда национальные идеи афганцев облекались в религиозную оболочку. В основе ее лежат уже не призывы к единству афганцев на базе религиозной общности под началом духовного главы, функции которого принадлежали эмиру. Теперь, в первую очередь, выдвигаются идеи национального единства, национальной самобытности народа, подчеркиваются условия возникновения и развития народа и значение национального самоопределения как важнейшего фактора этого развития. Национальные идеи у афганцев лишены своей прежней религиозной оболочки.

«Пуштунистан — это имя той земли, которая существует в течение веков. На ней живет народ, имеющий все элементы и признаки нации ... Название «Пуштунистан», видимо, появилось во время раздела Индии, однако, в действительности, оно имеет очень древнюю и многолетнюю историю»,— пишет в газете «Ислах» крупный афганский ученый и публицист Садикулла Риштин [1]. При этом весьма знаменательна попытка Риштина определить «элементы и признаки народа» — дать своеобразный анализ компонентов нации: «Мы понимаем, что важнейшими элементами и главными условиями существования... народа являются следующие: родство, родина, язык, религия, история, обычаи, географическое положение, стремление к жизни, единая воля, государственный порядок». Применительно к зарубежным афганцам, эти «элементы» выглядят, по Риштину, следующим образом: «все жители Пуштунистана одного рода, расы и происхождения», «родина у них также одна — из поколения в поколение жили на одной земле, бок о бок», «первостепенным и общим языком Пуштунистана является пушту», «весь народ исповедует ислам ханифитского направления», «история у него едина»,

[1] «اصلاح» («Ислах»), 5 февраля 1953 г.

«обычаи — также», «географически, Пуштунистан — одна земля», «все пуштуны живут ради единой цели — сохранить свое бытие и историческое величие и не склонять головы перед другими народами», «все жители Пуштунистана хотят стать хозяевами своего государства», «события сложились так, что государственный порядок пуштунов разрушился..., однако непреложно то, что они не хотят жить под властью других, и никто не в состоянии ликвидировать их сильное национальное чувство»[2]. Не вдаваясь в разбор высказываний Риштина, следует отметить, что его обращение к «элементам, составляющим народ», показательно в данном случае для представителя национальной мысли.

Обосновывая и подчеркивая национальную самобытность зарубежных пуштунов, афганская печать особо отмечает их этническую самостоятельность по отношению к прочим народам, населяющим Пакистан: «Страна Пуштунистан... простирается от Хайбера до Дера-Гази-Хана, от Гилгита и Читрала до Аравийского моря. Жители этой земли — все пуштуны, полностью отличающиеся по языку, обычаям, культуре от жителей Пакистана» [3].

Вместе с тем, опираясь как раз на упоминавшиеся «элементы нации», афганские авторы формулируют непреложное положение о национальном единстве пуштунов Пакистана и Афганистана. «Семь миллионов пуштунов... с точки зрения веры, крови, языка, обычаев, законов, истории и даже географических условий подобны нам (афганцам Афганистана.— *Р. А.*),— пишет «Ислах».— Так как между нами не существует никакой разницы, то смысла в нашей разобщенности нет, т. е.— рассматривая их с любой точки зрения, видим их подобными себе — такими, как мы сами» [4]. Подобные положения развиваются также в официальных заявлениях и изданиях. «Наша общность с пуштунами не ограничивается только семью годами (существования Пакистана.— *Р. А.*),— заявил премьер-министр Мухаммед Дауд в 1954 г., выступая по кабульскому радио в связи с Днем Независимости Афганистана.— Наше родство основано на общих крови, языке и обычаях»[5]. Наличие «самых близких и неразрывных уз, с исторических времен существующих между двумя народами (афганцами и пуштунами.— *Р. А.*) в отношении расы, языка, религии», подчеркивается в правительственном издании 1954 г., именуемом «Текущие афганские замечания о Пуштунистане» [6].

Если авторы ряда публикаций ограничиваются рассмотрением тесных родственных связей «народов Афганистана и Пуштунистана» — двух, хотя и братских народов, то другие идут еще дальше, ставя вопрос о едином афганском народе по обе стороны границы. Для подтверждения указанного положения в афганской печати часто приводятся сведения о расселении афганских племен по обе стороны афгано-пакистанской границы. Территория Пуштунистана, указывает «Ислах», «была отрезана у народа Афганистана и является родиной тех племен пуштунов, которые имеются как в Афганистане, так и в Пуштунистане». В этой связи упоминаются племена момандов, шинвари, вазиров, какаров, афридиев, цамкани, мангаль, ширани, даваров и другие, «часть которых живет на территории Афганистана, а другая часть — в районах Пуштунистана» [7].

К явлениям, свидетельствующим об активном процессе укрепления афганского национального самосознания, относятся представляющие несомненный интерес попытки афганских публицистов осмыслить такие понятия, как народ, племя, соотношение племени и народа и т. п. Это особенно важно для афганского народа, в общественной жизни которого до настоящего времени сохранились значительные пережитки общинно-родового строя. Вопросы принадлежности к определенному племени и его подразде-

[2] «Ислах», 5 февраля 1953 г.
[3] «Ислах», 1 октября 1953 г.
[4] «Ислах», 29 апреля 1953 г.
[5] «Current Afghan observations on Pashtoonistan». «The Government central press». Kabul [1954].
[6] Там же. Введение.
[7] «Ислах», 5 июня 1955 г.

лению — «хелю» до сих пор играют заметную роль в сознании и быту значительной части афганцев. Характер такого рода попыток иллюстрирует статья крупного афганского писателя и публициста, президента Афганской академии Гуль Пача Ульфата «Пуштун — это не название племени, а имя народа» [8]. Отмечая, что отличие племени от народа состоит в том, что народ — это «собрание племен, сообщество племен», Ульфат пишет: «Кто отождествляет народ и племя, тот считает пуштунов племенем». Между тем, «пуштуны должны знать, что понятие «пуштуны» значительно шире племени. Это понятие не настолько мало и незначительно, как думают некоторые, рассматривая его чрезвычайно ограничительно». Констатируя наличие у афганцев устойчивых групп родственных племен, Ульфат относит такие группы — например, гильзаев и дурранием — к категориям, которые «более широки, чем племя, но уже народа. В целом вывод автора гласит: «Пуштуны — это те, кто расселяется в двух странах — в Афганистане и Пуштунистане».

Афганская печать последних лет призывает к «укреплению национального чувства», что, как указывает журнал «Кабул», является «источником величия» народа[9].

* * *

Острую антиимпериалистическую направленность имеет трактовка современной афганской публицистикой вопроса о роли английских колониальных захватчиков в разобщении афганского народа, две части которого разделены в настоящее время государственной границей.

Зарубежные афганцы, пишет «Ислах», «были отделены от нас и от нашей дорогой родины в конце XIX столетия искусственной и злополучной границей, называемой линией Дюранда, с помощью силы, гнета и притеснения»[10]. Подчеркивая, что линия Дюранда (ныне — афгано-пакистанская граница) «проведена насильно», путем нажима англичан на эмира Абдуррахман-хана (1880—1901 гг.), газета квалифицирует этот акт, как «раздел на две части одного народа, который объединен единой верой, единой культурой, единым родством»[11]. В печати отмечается упорное сопротивление афганцев иноземным захватчикам и тщетность усилий колонизаторов ликвидировать национальное единство разобщенных пуштунов. Характеризуя долголетние традиции освободительной борьбы «братского народа Пуштунистана» против английской империалистической политики, афганская публицистика отмечает, что зарубежные пуштуны «сохранили свое существование, свою национальную самобытность до нынешних времен» [12]. «Освободительное движение Пуштунистана — давнее движение», — заявляет «Ислах», имея в виду антианглийскую борьбу патанов в прошлом веке [13]. «Пуштуны силой своих сабель и винтовок дали понять англичанам, что мы не согласимся стать чьими-либо рабами» [14].

Особое внимание уделяется совместной борьбе афганцев, живущих по обе стороны линии Дюранда, против английских захватчиков и той поддержке, которую патаны оказывали делу афганской независимости. «Мы должны знать, что в достижении независимости нашего дорогого государства Афганистана роль наших дорогих братьев — пуштунистанцев очень велика»,— пишет «Ислах» [15]. «На пути достижения независимости Афганистана, во всех событиях, касавшихся афганцев, племена Пуштунистана оказывали нам помощь и поддержку» [16]. Тезис о важной роли зарубежных пуштунов

[8] «Ислах», 28 декабря 1953 г.
[9] كابل, «Кабул»), 1955, № 376, стр. 14.
[10] «Ислах», 29 апреля 1953 г.
[11] «Ислах» 4 мая 1953 г.
[12] «Пслах», 26 декабря 1954 г.
[13] «Ислах», 4 мая 1953 г.
[14] «Ислах», 2 сентября 1954 г.
[15] «Ислах», 29 апреля 1953 г.
[16] «Ислах», 7 марта 1953 г.

в истории Афганистана XIX в., когда афганской государственности неоднократно угрожали английские колониальные хозяева Индии, фигурирует в печати как свидетельство исторического единства и общности освободительных устремлений афганского народа. При этом подчеркивается, что до самого последнего времени, включая и годы второй мировой войны, зарубежные пуштуны выступали за сохранение независимости Афганистана [17].

В афганской публицистике упоминается и роль антианглийских выступлений афганцев северо-запада Индии в общеиндийском освободительном движении. Отмечая, что пуштуны принимали активное участие «в борьбе народа Индии против угнетения»[18], газета «Ислах» пишет: «Нынешний Пакистан получил свою свободу и независимость с помощью этих пуштунских племен» [19].

Некоторые авторы останавливаются на экономических результатах колониального правления англичан в пуштунских районах. «В районах Пуштунистана во времена английского управления не наблюдалось какого-либо промышленного прогресса,— пишет Садикулла Риштин.— Территория Пуштунистана во времена англичан использовалась лишь для возведения военных укреплений и размещения гарнизонов... По этой причине Пуштунистан в экономическом и культурном отношениях оказался чрезвычайно отсталым[20]. Следует отметить вместе с тем, что афганские авторы еще весьма редко и недостаточно глубоко характеризуют экономические последствия английского колониального господства в пуштунских районах. Однако уже появление хотя бы и отрывочных замечаний об экономических последствиях английского колониализма в Пуштунистане представляет интерес.

Антиимпериалистический характер оценки афганскими публицистами исторических событий, связанных с включением части пуштунских районов в британские владения в Индии, — совершенно очевиден. Этот акт квалифицируется как колонизаторский, насильственный, совершенный вопреки воле и интересам афганского народа, оказавший отрицательное влияние на экономическое положение зарубежных пуштунов.

При этом популяризируются традиции освободительной, антиимпериалистической борьбы афганцев, характеризующейся как кровное дело всего афганского народа, отвечавшее и отвечающее интересам обеих его частей. В качестве девиза этой борьбы утверждается необходимость сохранения и укрепления афганской национальной государственности.

* * *

Публикации афганской печати отчетливо свидетельствуют о том, что вопросам религии отводится ныне в афганском национализме подчиненная роль, а утверждению же в защите прав афганцев на самостоятельное национальное существование и развитие — основная. Выступления афганской периодики последних лет в защиту национальных прав патанов отличаются определенностью формулировок, когда речь идет о попытках ограничить эти права под предлогом религиозной общности населения Пакистана.

«Каждый народ у мусульман имеет право сохранять свое национальное существование»,—пишет «Ислах»[21]. «В нынешний век свободы народы не согласны быть рабами и, так же как свободу вероисповеданий, охраняют и защищают от посягательств других свое право на политическую независимость и национальную свободу»,— указывается в одном из номеров газеты «Хивад» [22]. Современная афганская публицистика реши-

[17] «Ислах», 29 апреля 1953 г.
[18] «Ислах», 26 декабря 1954 г.
[19] «Ислах», 2 сентября 1954 г.
[20] «Ислах», 31 мая 1955 г.
[21] «Ислах» 23 апреля 1953 г.
[22] هواد («Хивад»), 22 сентября 1954 г.

тельно выступает против «политического использования чистого имени ислама» для посягательства на права других народов» [23]. Афганская печать ведет широкую кампанию, опровергая тезис о примате религиозного «единства» над национальным. Подобные выступления знаменуют определенный этап в развитии афганского национализма.

Афганская пресса отстаивает свою точку зрения на вопросы «единства народов в мусульманском мире». Ислам — официальная религия в Афганистане. В вопросах внутренней политики правящие круги этой страны заботятся о сохранении позиций мусульманского духовенства. Последнее располагает широкими возможностями оказывать влияние на ход государственных дел. Согласно конституции, высшие представители духовенства участвуют в законодательных мероприятиях, в соответствии с нормами шариата функционирует судебная система и т. д. Нынешний Афганистан подчеркивает в международных вопросах свою приверженность делу «мусульманского братства». Вместе с тем, тезис о «единстве мусульманских стран» понимается прессой Афганистана применительно к пуштунской проблеме так, что указанное единство должно не препятствовать, а содействовать достижению мусульманскими народами их национальных прав. Например, газета «Ислах», призывая к взаимному сотрудничеству и сочувствию народов, исповедующих ислам, в то же время протестует против ущемления их национальных прав [24]. Национальная основа подобного рода высказываний, вытекающих из современных интересов афганской нации, очевидна.

Выступая против ущемления национальных прав зарубежных пуштунов «под покровом ислама», современная афганская публицистика, даже утверждая право народов на самостоятельное национальное развитие независимо от религиозной общности с другими народами, в то же время обращается к религии для подтверждения своих новых положений, вытекающих из интересов консолидирующейся нации. Большое место в печати занимают материалы, в которых попрание национальных прав малых народов квалифицируется как «отступление от ислама».

* * *

Активное участие современной афганской публицистики в идеологической борьбе за национальные права афганцев неизбежно требует от нее определения своего отношения к явлениям международной жизни.

Афганские публицисты анализируют исторические условия, в которых существуют слаборазвитые страны, и факторы, которые влияют на самостоятельное национальное развитие этих стран. Это глубоко прогрессивное явление, свидетельствующее о поступательном развитии общественной мысли в Афганистане. Оно отчетливо прослеживается в афганских публикациях последних лет.

Для характеристики взглядов афганских публицистов большой интерес представляет опубликованная официозом «Хивад» в 1954 г. статья Гулям Сарвара Рахими «Свобода Пуштунистана в свете естественных прав человека» [25]. Автор с антиимпериалистических позиций характеризует отношения господства и подчинения, существующие между колониальными державами и порабощенными ими народами. «Экономическую основу колониализма и эксплуатации» Рахими видит в том, что «метрополии стремятся держать свои колонии на положении источника дешевого сырья и рынка сбыта готовой продукции по взвинченным ценам». «Главное зло колониализма»,— указывает автор,— состоит в том, что страна (угнетаемая.— *Р. А.*) экономически слабеет, в результате возникают бедность и нищета». Автор связывает рост освободительного движения на Востоке с национальными интересами народов, «решительно поднявших национальные знамена против колониализма и угнетения».

[23] «Хивад», 22 сентября 1954 г.
[24] «Ислах», 17 февраля 1953 г.; 23 апреля 1953 г.
[25] «Хивад», 22 и 24 сентября 1954 г.

«На обширную землю Азии пришли огромной силы ураганы,— пишет «Ислах».— И в результате этих бурь Индонезия, Индия, Пакистан, Цейлон, Бирма и некоторые другие большие государства стали свободными, и осуществились заветные желания многих народов» [26]. «Век, в который мы живем,— век освобождения»,— заявила в одной из передовых газета «Хивад» [27].

Подчеркивая национальный характер освободительных устремлений зарубежных пуштунов, афганская печать расценивает их движение как часть общей освободительной борьбы народов против «колониализма и угнетения». Публикации афганских газет, отмечающие связь национального движения пуштунов с современными событиями на Востоке, имеют антиимпериалистическую направленность. «Все те страны мира,— пишет «Хивад»,— которые до настоящего времени находятся под гнетом чужестранцев, ведут против них борьбу... И отважные пуштуны также твердо и решительно борются за достижение своей свободы» [28]. При этом выражается твердая уверенность в неодолимости национально-освободительного движения народов и в тщетности попыток подавить его с помощью силы.

Утверждая, что удовлетворение законных прав народов — верный путь ко всеобщей безопасности и миру, газета «Ислах» заявляет: «Пока не будут удовлетворены права народов..., до тех пор не принесут пользы старания водворить в мире спокойствие. До тех пор, пока в мире будет существовать насилие, ...останутся тревога и отсутствие всеобщей безопасности» [29]. Это положение непосредственно связывается с заявлениями о необходимости разрешить проблему Пуштунистана в соответствии с национальными требованиями пуштунов.

[26] «Ислах», 4 ноября 1953 г.
[27] «Хивад», 3 сентября 1954 г.
[28] «Хивад», 22 сентября 1954 г.
[29] «Ислах», 16 июля 1953 г.

Н. В. ПИГУЛЕВСКАЯ. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956, 366 стр.

Исследователь истории раннего средневековья Н. В. Пигулевская была одним из первых советских историков, который поставил перед собой проблему становления феодализма в странах Ближнего Востока. В дальнейшем она в своем творчестве продолжала укреплять свою аргументацию и в многочисленных статьях и в ряде документальных монографий, воссоздавая путем привлечения все нового и нового материала конкретную историю разложения форм рабовладельческой эксплуатации и становления форм крепостнической эксплуатации.

Н. В. Пигулевская соединяет с главной своей, редкой у нас, специальностью — сириологией, также обширные знания в области византиноведения. В монографии «Месопотамия на рубеже V и VI вв. н. э.», основанной на сирийской хронике Иешу Стилита (Изд-во АН СССР, Л., 1940) впервые даны анализ сирийской социальной терминологии и сопоставление ее с греческими эквивалентами византийских юридических и летописных памятников.

Вскрыв социальные и экономические явления, автор показал разложение рабовладельческой системы и зарождение феодальных отношений.

Другая монография Н. В. Пигулевской «Сирийские источники по истории народов СССР» (Изд-во АН СССР, Л., 1941) была в свое время оценена акад. И. Ю. Крачковским в следующих словах: «Это исследование помимо обстоятельной характеристики сирийских источников и особой главы об истории Передней Азии в VI—VII вв. рассматривает вопрос по трем основным проблемам, связанным с географическими территориями: Средняя Азия и Прикаспийские области в V—VI вв., Кавказ между Ираном и Византией в VI в., Славяне и Авары в VI в. Уже эти заголовки говорят, насколько важна работа и для всемирной истории и для истории народов СССР. Вся она выполнена с известной у автора филологической акрибией и большим историческим тактом.

В частности, тот оживленный интерес и обмен мнений, который недавно вызвал в Отделении истории вопрос о значении сирийских источников для истории славян и авар говорят, с каким нетерпением ученые ждут появления этой важной книги. Эта монография, давшая новый материал и новые выводы и для истории народов Закавказья и Средней Азии, была удостоена премии Президиума Академии наук СССР в 1941 г.

В своей третьей книге «Византия и Иран на рубеже VI и VII вв.» (Изд-во АН СССР, Л., 1946) Н. В. Пигулевская выбрала темой своего исследования исключительно важный момент в истории международных отношений на Ближнем Востоке, мало освещенный в исторической литературе. Излагая историю борьбы Византии и Ирана за господство в восточном Средиземноморье, автор развертывает не только своеобразные и тонко разработанные приемы дипломатии этих сильнейших и культурнейших стран Ближнего Востока, не только их военное искусство, но и те классовые противоречия, ту внутреннюю борьбу, которая определяла и направление их внешней политики, и набрасывает широкую и яркую картину. Эта работа получила высокую оценку, на страницах как отечественной, так и зарубежной прессы (*G. Moravcsik.* Erasmus. Speculum scientiarum, vol. II, № 19—20, 1949—15. XI).

Надлежит указать на значение исследований Н. В. Пигулевской по истории доисламских арабов. В работах «Арабы VI в. по сирийским источникам» («Труды 2 сессии ассоциации арабистов», Л., 1937), «Оборона городов Месопотамии в VI в.» («Ученые записки ЛГУ», серия исторических наук, вып. 12, Л., 1941) автор характеризует северные арабские племена как «племенной союз, стоящий на грани доклассового и классового общества», опираясь на детальный филологический анализ терминологии современных событиям сирийских источников. История гасанидов и лахмидов, федератов Византии и Ирана, роль сирийцев в дипломатии великих держав, стремление разделить арабов — раскрыты автором на основании греческих, латинских, сирийских и арабских источников. И Н. В. Пигулевская приходит к выводу, что разобщенность арабов мешала им стать силой на Востоке, а их консолидация с распространением ислама обеспечила им господство в Передней и Средней Азии.

Опубликованный в 1951 г. труд «Византия на путях в Индию» вызвал широкий отклик как в советской («Византийский временник», т. VII, 1952; «Вестник древней истории», 1952, № 1), так и в зарубежной печати, отметившей «широкую эрудицию, строгость метода и тонкость критического чутья» автора и приветствовавшей появление этой оригинальной работы (*G. Ryckmans.* N. Pigulevskaja. Visantija na putjach v Indiju. «Le Muséon», 1953, t. 66, f. 1—2, p. 197—199). Особо подчеркивали критики значение данного автором на основании многочисленных нарративных источников и южноарабских надписей анализа социальных отношений в государстве химьяритов и ее общей концепции (*B. Spuler.* N. V. Pigulevskaja. Византия на путях в Индию. «Oriens», 1952, vol. 5, № 2; *F. Dölger* «Byzantinische Zeitschrift», 1953, Bd. 46, H. 1).

Надлежит также отметить работы Н. В. Пигулевской по изданию уникальных рукописей наших отечественных коллекций.

Важным открытием был найденный конец уникальной Страсбургской рукописи Сахдоны, благодаря чему была определена спорная дата рукописи. Редчайшие отрывки написанные на сиро-палестинском наречии, сиро-тюркский уникальный текст из Хара Хото, сирийские вертикальные тексты, найденные там же, представляют исключительный интерес как для лингвистики, так и для палеографии.

Со всеми этими предшествующими работами связана и новая рецензируемая монография Н. В. Пигулевской.

Той же проблеме перерастания в странах Ближнего Востока рабовладельческого строя в строй крепостнический посвящена и новая обстоятельная монография Н. В. «Города Ирана в раннем средневековье».

В этом труде Н. В. использовала наряду с греческими и латинскими источниками и многочисленные сирийские, познавательную ценность которых она первая, как известно, установила в нашей историографии. Вместе с тем она привлекла и поздневавилонские и пехлевийские источники. На основе тщательно изученных источников Н. В. создала ценное исследование, в котором ставятся и находят свое разрешение многообразные проблемы истории общества Западного Ирана раннего средневековья.

Весьма содержательная проблематика новой монографии Н. В. может быть выявлена кратким изложением ее содержания, к которому я и перехожу.

Во введении (стр. 3—5) к монографии дается общая характеристика общества Ближнего Востока ко времени греко-македонского завоевания. Развитое рабовладельческое общество, сложившееся в древних государствах Ближнего Востока, переживало некоторый кризис и производительные силы его до известной степени тормозились. При таких условиях было облегчено греко-македонское завоевание, которому автор вместе с тем, в противоположность буржуазной историографии, не придает слишком большого значения. Я полностью присоединяюсь к данному положению Н. В. Само исследование распадается на две части, из которых первая посвящена истории городов Западного Ирана, начиная с македонского завоевания и кончая падением парфянской империи, а вторая часть излагает судьбы городов названной области в период расцвета империи Сасанидов в III—V вв. н. э.

Первая часть—«Города Междуречья и Ирана в эллинистическое и парфянское время» (стр. 9—106) решает поставленную проблему не только на основании крайне скудного материала, относящегося к области Западного Ирана, но и на основании известного нам вавилонского материала. Таким образом автор в состоянии показать разрушение древних и создание новых городских центров, в которых греко-македонскими завоевателями осуществлялось полисное самоуправление. Путем привлечения вавилонских хроник, вавилонских хозяйственных и юридических документов и греческих надписей Малой Азии решается также вопрос о земле, принадлежавшей царю или городу.

В третьей главе «Город Карка де бет Селох» (стр. 37—49) характеризуется названный город Западного Ирана в селевкидское время на основании сирийской хроники. Карка де бет Селох являлся городом с иранским и сирийским населением, что, безусловно, и представляет большой интерес. Другой город Западного Ирана Нисибия становится предметом изучения главы, названной именем данного города (стр. 50—64). Характеристику последнего автор смог дать благодаря наличию греческих и латинских источников. Внеполитическая история, засвидетельствованная указанными источниками, помогает выяснить и некоторые специфические черты внутренней структуры города.

В последней главе первой части монографии «Парфия и Рим в I и II веках в борьбе за Междуречье» (стр. 65—106) раскрывается внешняя политика Парфянской державы, ее ожесточенная борьба с Римом и роль городов в этой борьбе, которая велась путем дипломатических ухищрений и путем кровопролитных войн. Автор доказывает тонким анализом источников, что внутренние столкновения в городах отдельных общественных групп и имевшая место классовая борьба были

тесно связаны с тяготением к римской империи или к Парфянской державе.

В главе «Общественный строй Парфии и ее города» (стр. 91—101) автором сделана заслуживающая внимания попытка определить изменения, происходившие в общественном строе Парфии и показать превращение некоторых родовых терминов в термины территориальные. Автор также коснулся вопроса о «клиентах» в парфянском обществе, засвидетельствованных и греческими историками и эпитомой Иустина «Историй» Трога Помпея.

Вторая часть монографии включает в себя пять глав и начинается она главой, посвященной исследованию источников для истории городов Западного Ирана в III—V вв. н. э. Эта первая глава второй части монографии (стр. 109—316) содержит анализ пехлевийских надписей сасанидских царей, книги Карнамаг, так называемого письма Тансара. Надлежит особо отметить и подчеркнуть неоспоримую большую заслугу автора в деле изучения и характеристики пехлевийского судебника — Матикана — и тесно связанного с ним сирийского юридического сборника Ишобохта. Здесь же рассматриваются сирийские хроники и агиологические памятники, данные которых были использованы во второй части исследования.

Во второй главе второй части «Иран в III веке н. э.» (стр. 150—173) рассматривается вопрос об объединении Ирана в начале III в. н. э. под властью сасанидской династии, а также вопрос об основании городов Арташиром I. Автор несомненно прав, когда он утверждает, что новое и более прочное объединение Ирана было обусловлено дальнейшим развитием производительных сил, потребностью отдельных его областей в мире и спокойствии, а также и поддержкой Сасанидов со стороны более широкого социального строя. Дело в том, что, согласно установлению автора в первой части главы, в состав господствующего класса империи Сасанидов входила не только малочисленная крупная рабовладельческая знать, окруженная массами клиентов, как это было в эпоху Аршакидов, но и новые социальные слои, так называемые «аристократы» и «благородные». Можно предположить, что выдвинувшиеся представители клиентов древней знати были теперь включены в состав господствующего класса. Предметом изучения автора являются походы Шапура I (240—273 г. н. э.) на Запад, массовый привод военнопленных, их роль в экономике Ирана (стр. 159—168). В заключении главы автор останавливается на значении обновления старых и основания новых городов.

Третья глава второй части монографии — «Социальный строй Ирана и вопросы земельной собственности» (стр. 174—218) является самой обширной. На самом деле развернутая характеристика социального строя Ирана, без чего развитие и положение городов не может быть понято, требовала весьма обстоятельного изложения. Поэтому богатое содержание этой главы распадается на несколько разделов, из которых в первом разделе главы (стр. 178—187) автор выявляет положение семьи, в которой продолжается сокращение числа ее членов за счет выделения и отделения «малой семьи», состоящей из отца, матери и детей. Второй раздел посвящен характеристике рабовладения в обществе Сасанидской державы (стр. 187—202). Автор устанавливает характеристику на основании двух основных юридических памятников Ближнего Востока раннего средневековья, из которых первый—сасанидский судебник «Матикан и хазар Датестан» («Книги тысячи правовых решений»), а второй —сирийский юридический сборник «Ишобохт». Оба памятника детально изучены автором и из них «Матикан» особенно интересен еще тем, что он некоторыми своими постановлениями восходит, по мнению некоторых исследователей, к персидскому законодательству времени Ахеменидов. С помощью «Матикана» и сборника «Ишобохт» автор устанавливает, что засвидетельствованное здесь рабовладение соответствует стадии его разложения. Об этом свидетельствует и появление промежуточных форм эксплуатации, как, например, освобождение раба в размере одной части дней его труда и тесная связь раба с землей.

Четвертый раздел второй части — «Значение города в социальном строе Ирана IV—V веков н. э.» (стр. 219—277) автор дал новое направление в изучении проблемы городов.

Два названных выше памятника («Ишобохт» и «Матикан») дали возможность автору в следующем разделе главы (стр. 251—261) выяснить важные моменты в вопросе о торговле и товариществах. Здесь ставится вопрос о заселении тех городов, которые были царскими и в которых большое экономическое значение приобрели царские мастерские. Затем изучаются подати и налоги городских ремесленников. В основу этого раздела положены данные, извлеченные автором из сирийских агиологических памятников.

Существенное значение имеет изучение социальных последствий, обусловленных ростом городов и той относительной свободой, которой они пользуются. Согласно установлениям автора, дробление семьи и дальнейшее выделение ремесла поставлено в связь с ростом города, а свобода города вызывала отрицательную характеристику города в классово-враждебных источниках (стр. 267—277).

В тесной связи с вопросом о социальном строе Сасанидской империи находится пятый раздел второй части монографии «Маздакитское движение» (стр. 278—316). Согласно автору, это мощное социальное движение, потрясшее Иран в конце X в., находилось в тесной связи с изменениями

в экономическом базисе. Н. В. вполне закономерно утверждает, что маздакитское движение в своей основе было крестьянским движением, которое содействовало в конечном итоге победе процесса феодализации в Иране. Дело в том, что оно было вызвано протестом сельских общин против попыток землевладельческой знати прикрепить их к земле и подчинить тяжкой эксплуатации землевладельцев. В данном отношении маздакитское движение было несомненно прогрессивным явлением. Ярко выраженное в учении Маздака стремление к общему равенству было обусловлено теми сторонами бытия сельских общин, которые восходили своими корнями к устоям древнего первобытно-общинного строя. Эти требования общности имущества, являвшиеся лозунгами маздакитского движения, не могли быть осуществлены в феодализирующемся обществе Западного Ирана. С этой точки зрения движение маздакитов потерпело поражение при Хосрове I. Зато движение, возглавленное Маздаком, продолжало жить как один из факторов, содействующих перерастанию рабовладельческого строя в более прогрессивный строй — феодальный.

Небольшая глава «Феодальная земельная собственность (стр. 211—218) существенна для вопроса о зарождении феодальной собственности на землю. В ней были использованы сведения нарративных источников, восходящих в основном к пехлевийскому письменному памятнику «Хвадайнамаг».

Приложения в монографии Н. В. посвящены решению вопросов, связанных с идеологическими течениями в Западном Иране раннего средневековья. Глава «Религиозные движения III в.» (стр. 321—334) изучает проблемы зороастрийской религии и манихейства как идеологических надстроек соответствующего времени. Манихейский синкретизм преследовал цель идеологического объединения всей империи Сасанидов, не только областей Ирана, но и стран Запада с их древней культурой. Но сложное учение Мани было не по плечу господствующему классу Западного Ирана и поэтому манихеизм был отвергнут империей Сасанидов, и официальной религией остался зороастризм, впрочем значительно приспособивший свои идеи и ритуал к сближению с древними идеологическими построениями Запада. Следующая небольшая глава «Праздник Шахрабгмуд-Тираган» (стр. 334—338) исследует традиции о древних, уходящих в седую старину, обычаях, бытовавших в некоторых областях Ирана. Последняя глава труда Н. В. «Нисибийская академия» (стр. 338—349) характеризует на основании сирийских источников просвещение и науку у христианизованного, преимущественно городского населения Ирана, персов и сирийцев. В заключении, завершающем монографию, подводится итог выводам отдельных глав всего исследования.

Изложение содержания нового труда Н. В. Пигулевской свидетельствует о богатстве наблюдений и выводов, сделанных ею на основании изучения многообразных и разноязычных источников по истории городов Западного Ирана раннего средневековья.

Историческое построение новой монографии Н. В., взятое в целом, покоится на надежной основе глубоко изученных источников и поэтому его выводы безусловно войдут в состав большого труда, посвященного истории Ближнего Востока раннего средневековья. На основании всего вышесказанного я должен оценить труд Н. В. Пигулевской «Города Ирана в раннем средневековье» посвященный истории и культуре народностей Ближнего Востока раннего средневековья как серьезный творческий успех, столь же крупный, как и ее предшествующие монографии.

В. В. Струве

SUMMARY

Reviewing N. V. Figulevskaya's monograph, «The Cities of Western Iran in th Early Middle Ages», Academician V. V. Struve begins with a historiographic survey of N. V. Figulevskaya's earlier works. After giving a brief summary of the book under review, V. V. Struve emphasizes that N. V. Figulevskaya's monograph rests upon thoroughly studied sources and that her deductions are therefore of great value for the history of the Middle East in the early Middle Ages. On the whole, notes the reviewer, this monograph, as all the earlier books of the same author, is an outstanding contribution to science.

АКАДЕМИК ИГНАТИЙ ЮЛИАНОВИЧ КРАЧКОВСКИЙ. Избранные сочинения, том IV. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1957, 919 стр.

Четвертый том избранных трудов крупнейшего советского арабиста включает очерки по истории арабской географической литературы. Интерес автора к исследуемому вопросу зародился у него еще до 1908 г. в процессе занятий у В. Р. Розена, усилился в 1909—1910 гг., когда он слушал в Каирском университете лекции Карло Наллино по истории арабской астрономии, практически проявился в 1910—1917 и 1935—1946 гг., когда И. Ю. Крачковский читал специальные курсы арабской географической литературы в С.-Петербургском (затем Ленинградском) университете. Материалы этих курсов и легли в основу будущего исследования, задуманного, главным образом, как развернутая филологическая характеристика литературных жанров, в той или иной степени связанных с предметом непосредственно географии. Научные интересы Игнатия Юлиановича в арабистике далеко не исчерпывались одной географической литературой, однако, именно с этим предметом связано его пристальное внимание к работам зарубежных востоковедов-географов — Г. Мжика в Австрии и И. Крамерса в Голландии, Г. Феррана во Франции и М. Асина Паласиоса в Испании, К. Наллино в Италии и В. Минорского в Англии, О. Тальгрена-Туулио в Финляндии и Т. Ковальского с его школой в Польше. И. Ю. Крачковский внимательно следил также за достижениями развивающегося востоковедения в арабских странах, где со многими учеными его связывали и личные отношения: он знал и отдавал должное трудам — египтян Заки Мухаммада Хасана и Хусайна Фавзи, сирийцев Мухаммада Йасина и Са'ида ал-Кармы, иракца Давуд-бека Челеби, громадному географическому и картографическому материалу, собранному в томах «Monumenta cartographica Africae et Aegypti» Йусуфа Камаля.

Первым сжатым наброском монументального филологического исследования истории арабской географической литературы следует считать доклад И. Ю. Крачковского «Арабские географы и путешественники», прочитанный им 15 марта 1937 г. в годовом собрании Географического общества СССР и затем опубликованный в «Известиях» этого общества (т. LXIX, 1937, стр. 738—765). К такого рода наброскам можно отнести и его статьи по частным вопросам: «Географические представления древней Аравии» (1945), «Первое арабское описание путешествия в Южную Америку» (1947), «Вторая записка Абу Дулафа в географическом словаре Йакута (Азербайджан, Армения, Иран)» (1949), «Бируни и его роль в истории восточной географии» (1950). Подготовкой к созданию монографии служила также редакторская работа И. Ю. Крачковского: в начале 20-х годов он редактировал первые русские переводы «Чудес Индии» и «Путешествий Синдбада», выполненные Р. Л. Эрлих; в начале 30-х годов — второй русский перевод «Путешествий Синдбада», выполненный М. А. Салье; в начале 40-х годов — русский перевод глав об арабских географах из книги французского ориенталиста Б. Карра де Во «Мыслители ислама», выполненный О. А. Крауш. Непосредственную работу над монографией И. Ю. Крачковский вел с перерывами на протяжении шести лет (1938—1944). Значительная часть ее выполнена в суровые годы Великой Отечественной войны в тяжелых условиях блокады Ленинграда.

В монографии излагается история арабской географической литературы за двенадцать столетий. Обзор нередко выходит за географические рамки арабского мира, касаясь Турции и Ирана, областей Средней Азии и Закавказья.

В предисловии редактора IV тома Г. В. Церетели сказано, что «автор лучше и яснее, чем кто-нибудь из других ученых, подтвердил на основании большого количества материалов хорошо известный факт важного значения арабской культуры в мировой истории и показал, что в этом отношении арабская географическая наука занимает одно из ведущих мест» (стр. 6).

Однако крупное значение труда И. Ю. Крачковского состоит более в том, что он исходит из четкого представления о непрерывности исторической линии развития арабской географической литературы, линии, которая никогда не нарушалась, несмотря на неравноценность отдельных периодов развития. Чтобы показать это, изложение ведет нас в разнообразные уголки восточного мира. Ярко показана преемственность сюжетов и приемов географического повествования, стойкость традиционных форм при постепенно обновляющемся содержании. Такой трезвый исторический подход отодвигает на задний план схематическое деление на «золотой век» и «эпоху упадка», поэтому несколько излишне категорично звучат слова автора, что «для некоторых областей географической литературы X век является апогеем» (стр. 243). Ведь деятельность таких крупнейших географов Востока, как ал-Бируни, ал-Идриси, Йакут, Ибн Халдун, Ибн Баттута, ал-Макризи, Ахмад ибн Маджид прогекала в более позднее время. Выдающееся значение книги определяется и тем — здесь следует согласиться с Г. В. Церетели — что она рельефно показывает важную роль в истории арабской географической литературы наряду с самими арабами деятелей культуры Средней Азии, Кавказа, Ирана и Турции. В частности, значительное место (стр. 244—261) отведено алБируни, труды которого составили целую эпоху. Работа И. Ю. Крачковского представляет собой самое широкое и углубленное обобщение фактов истории арабской географической литературы. Впервые в полной мере учтен громадный фактический материал, накопившийся в науке за столетие, минувшее со времени выхода в свет классического «Introduction Générale à la géographie des Orientaux» Рено (1848). Таково значение географического тома трудов Игнатия Юлиановича для арабистов. Иранист и турколог оценят систематический анализ географических произведений персидской и османской литератур, а историку европейской культуры монография в целом будет полезна как исчерпывающий обзор громадного вклада, сделанного арабскими учеными, без учета которого односторонним и неточным будет представление о культуре европейских народов. Это касается, в частности, терминологии, связанной с развитием знаний в области астрономии и математической географии.

Непрерывное развитие науки постоянно подвергает проверке, казалось бы, безошибочные, десятилетиями сложившиеся выводы. К оценке известных фактов нередко приходится подходить с новых позиций, порой неожиданных; прогресс науки требует подчас отказа от привычных представлений в пользу новых, иногда еще не вполне сформировавшихся, но открывающих более широкую перспективу. С этой точки зрения представляется неправомерным утверждение автора, что в древности арабские морские маршруты не выходили за пределы прибрежных вод Аравийского полуострова (стр. 554). Арабы задолго до ислама открыли закон чередования муссонов, первыми применили косой парус на бизань-мачте и в сравнительно короткие сроки совершали торговые путешествия в другие страны Индийского океана. Следовательно, они пользовались кратчайшими маршрутами в открытом море; именно такие маршруты, а не пути каботажного плавания показаны на карте рис. 41 (стр. 331). На этой карте неточно переданы три топонима. Так, недоразумением является приведенное здесь название «острова Дивов»: арабы называли острова Мальдивского архипелага «Дибаджат» или просто «Дибу», «Диб» от санскритского dvipa «остров». «Зохар» и «Кулам-Малайя», представленные на этой же карте, должны быть исправлены на «Сухар» и «Кулам-малай».

Круг лиц, причастных к морскому делу, не был «узким», как пишет автор (стр. 552). Исследование энциклопедического труда крупнейшего арабского морехода XV в. Ахмада ибн Маджида «Книги польз», отдельные фрагменты которой были известны еще Г. Феррану, позволяет значительно расширить известный нам круг деятелей арабского мореведения. Логически это совпадало бы и с утверждением И. Ю. Крачковского, что область морской географии имела очень давнюю традицию в арабской литературе (стр. 549). С другой стороны, известные нам источники упоминают лишь об одном арабском лоцмане XV в., проводнике Васко да Гамы. Поэтому употребление множественного числа в выражении «знаменитые пилоты XV в., современники Васко да Гамы, участники его перехода из Африки в Индию» (стр. 243) является неточным. Более мелкие замечания сводятся к следующему: Ахмад ибн Маджид делил окружность горизонта не на 240 «пальцев» (стр. 562), а на 224; нельзя говорить, что термин «ништайам» командир пиратского корабля безвестен (стр. 553), ибо он имеет соответствующие параллели в других семитских языках.

Ученого, поглощенного напряженной творческой работой, каким был всю свою жизнь И. Ю. Крачковский, нельзя упрекать за мелкие технические недосмотры. Устранить эти неточности было делом редакционной коллегии; следует признать, что эта работа, к сожалению, не доведена до конца. Большой список опечаток, учитывающий к тому же не все фактически допущенные погрешности, свидетельствует о пропусках при правке корректур. Кроме того, отсутствует необходимая последовательность в передаче иноязычных имен. В книге в русском переводе приведено большое число отрывков из текстов разных географов. Это одно из несомненных достоинств работы, поскольку читатель получает возможность составить отчетливое представление о стиле того или иного автора, познавательную ценность имеет и содержание текста. Однако созвучные в русской и арабской передаче формы «Кипр», «Самос», «Родос», «Сицилия» переданы в переводе без транскрипционных знаков (стр. 249), тогда как столь же созвучные по-русски и по-арабски «Хабаш» (Абиссиния) или «Забадж» (Ява) приведены с транскрипционными знаками. Рядом с переведенной формой «Китай» в том же тексте (стр. 551) оставлена транслитерированная форма «Хинд»(не Индия и не ал-Хинд), в другом месте дано «ал-Хинд» (стр. 101). Вместо предпочтительных переводных форм «Византия», «Египет», «Абиссиния», доступных пониманию широкого читателя, в переводах сохранены механически транскрибированные «ар-Рум», «Миср», «ал-Хабаш». На стр. 103 упомянуто «море ар-Рума», а на стр. 205 «море Румов»; на стр. 147 «ал-масалик ва-л-мамалик» переведено как «путешествия и государства», а на стр. 179 как «пути и области». В некоторых главах автор уже не успел полностью оформить библиографические ссылки. Подготовители издания провели в этом отношении огромную работу, но не во всем довели ее до конца. Не указаны страницы цитируемых работ, а иногда и названия их на стр. 52, прим. 2, стр. 89,

прим. 1, стр. 141, прим. 2, стр. 297, прим. 6 и 7, стр. 314, прим. 6, стр. 589, прим. 1 и 2, стр. 703, прим. 2 и 3 и др. Не упомянута вышедшая в Польше работа А. Зайончковского об астролябии.

Опубликование Академией наук СССР IV тома избранных лучших научных трудов Игнатия Юлиановича Крачковского является важным событием в жизни советской арабистики. Непреходящий научный интерес и общественная значимость одного из крупнейших исследований покойного ученого навсегда сохранят имя Игнатия Юлиановича в истории науки.

Т. А. Шумовский

SUMMARY

The reviewer believes that Volume IV of I. J. Kraczkowski's selected works contains an elaborate and profound description, as well as general conclusions drawn from the history of Arab geographical literature, and welcomes its publication as an important event in science.

There are some critical remarks in the review relating mainlyto the make-up of the volume.

В. Я. ВАСИЛЬЕВА. Распад колониальной системы империализма. М., Изд-во АН СССР, 1958, 610 стр.

Давно назрела необходимость в обобщающей работе, освещающей обширный комплекс проблем, связанных с распадом колониальной системы империализма. Книга В. Я. Васильевой — одна из первых работ такого рода. К достоинствам книги следует отнести то, что распад колониальной системы империализма, обычно рассматривавшийся в нашей литературе на материале стран Азии, на этот раз анализируется и на материалах, относящихся к африканским и латиноамериканским странам. Внимание автора к колониальным странам Африки следует оценить особенно положительно.

В первой главе автор показывает возникновение, развитие и распад британской, французской и других колониальных империй. Совершенно правильно на первый план выдвинут экспорт капитала как форма колониальной эксплуатации, наиболее типичная для эпохи империализма. Приводятся фактические данные, показывающие соотношение сил американской, британской и французской финансовых империй.

Автор прав, доказывая, что до тех пор, пока сохраняется политическое господство империализма, экспорт капитала в колонии приводит к односторонней выгоде империалистов. Положение существенно меняется, как только колониальная страна добивается политической независимости и постепенно ограничивает хищническую деятельность иностранного капитала, используя в целях достижения наиболее благоприятных условий импорта капитала также и возрастающую конкуренцию империалистических держав между собой.

Социалистическая система мирового хозяйства оказывает все большее влияние на ликвидацию экономического колониализма, укрепляя принцип национального суверенитета в мировых хозяйственных связях слаборазвитых стран.

Серьезным недостатком работы В. Я. Васильевой является крайне незначительное внимание, уделяемое национальному вопросу, т. е. проблеме формирования новых наций в молодых многонациональных государствах Востока. Трудно согласиться, в частности, с утверждением, что «индийцы, бирманцы, индонезийцы... представляют сформировавшиеся нации» (стр. 107). В советском востоковедении установилось представление об Индии, как о многонациональном государстве, часть народов которого уже сложилась в отдельные нации, другая же часть находится еще в процессе формирования. То же самое следует отнести к Бирманскому Союзу, где тибето-бирманская группа составляет лишь около $^2/_3$ населения страны, и к Индонезии, где имеется около 15 главных этнических групп.

Вопрос этот имеет принципиальное значение. Не только Индия, Бирма и Индонезия, но и такие государства как Малайя, Судан, Гана, Нигерия и многие другие сложились или еще складываются как многонациональные государства. Далеко не везде национальные проблемы уже разрешены: достаточно указать на недавнюю борьбу вокруг нового административного деления Индии. Сложностью национального вопроса и наличием неразрешенных противоречий неуклонно стремится воспользоваться империализм. В Гане британский империализм использовал в своих целях феодальную верхушку ашанти. Борясь против скорейшего предоставления независимости Нигерии, он также стремится разжечь противоречия между различными национальностями, населяющими страну: ибо, йоруба, хауса, фульбе и др.

Национальный вопрос — одна из крупных проблем формирования независимых государств Азии и Африки — безусловно требует глубокого научного анализа.

Аграрно-крестьянскому вопросу посвящена вторая глава. Автор показывает, что колониальный вопрос не может быть сведен только к крестьянскому вопросу, особенно в наше время, но он в очень большой степени по своему экономическому содержанию является аграрно-крестьянским вопросом.

Экономический аспект политики создания «земельного голода» заслуживает более тщательного анализа. Суть его заключается в том, что империализм на протяжении десятилетий всей своей политикой вызывал громадное относительное аграрное перенаселение там, где его не было и где оно оказалось необходимым в интересах местных помещиков, иностранных плантаторов и капиталистов.

Вопрос о классовом распределении земельной собственности приобрел в колониальных и слаборазвитых странах большую остроту. Он стал вопросом жизни или смерти для миллионов тружеников земли, а разрешение его — первым условием социального прогресса и развития производительных сил деревни. Необходимость аграрных преобразований стала настолько настоятельной, что правящие круги суверенных слаборазвитых стран (а порою — и колониальные власти) не могут их игнорировать. В ряде случаев аграрные реформы смогли лишь несколько модернизировать аграрный строй и расширить социальную базу правящей верхушки. В других странах они вызвали заметные сдвиги в экономике. Их сравнительный анализ мог бы представить большой интерес. Между тем об аграрных реформах в Пакистане и Алжире автор говорит в одной главе, а в Индии, Бирме, Индонезии в другой, тем самым нарушая цельность изложения. Нельзя также не пожалеть, что о крестьянском движении автор пишет лишь мимоходом.

Большое внимание уделено развитию за последние 15—20 лет в слаборазвитых странах обрабатывающей промышленности. Однако следовало бы свести воедино данные о динамике развития и о доле отдельных колониальных и слаборазвитых стран в главных отраслях добывающей и обрабатывающей промышленности капиталистического мира.

В работе правильно поставлен вопрос о двустороннем процессе развития промышленности: с одной стороны, капиталистические формы хозяйства насаждает иностранный капитал, с другой стороны, в процессе внутреннего развития возникает и усиливается национальный капитал. Национальная буржуазия вступает в противоречия с империализмом, достигающие значительной остроты. Автор проводит деление буржуазии на национальную, имеющую самостоятельное положение в общественном производстве и находящуюся в оппозиции к империализму, и буржуазию компрадорского типа, занимающую посреднические позиции в сфере товарного и денежного обращения, спаянную с империализмом. В общей форме с этим нельзя не согласиться. В. Я. Васильева, однако, не указывает, что существует множество промежуточных групп, позиция которых зависит не только от экономических, но также политических и социальных факторов. Вопрос о том, какие группы буржуазии, когда и при каких условиях оказываются в наиболее острых, порой непримиримых противоречиях с империализмом или наиболее тесно спаянными с ним, заслуживает более тщательного анализа.

Стихийное экономическое развитие, расширение промышленного производства в колониях не может привести к индустриализации и к экономической независимости, ибо развитию национальной промышленности империализмом поставлены определенные пределы — таков важнейший вывод, который делает автор в третьей главе. Для изменения характера экономического развития необходимо достижение политической, национально-государственной независимости. Формированию и развитию рабочего класса посвящена четвертая глава.

В ряде стран рабочий класс составляет весьма значительную силу. В Индии его численность уже до войны превышала 5 млн. человек. Число рабочих в Индонезии в 1954 г. достигло почти 1,5 млн., по последним данным, численность африканского пролетариата достигла 10 млн. человек. Несмотря на общую слабость промышленного развития, рабочий класс большинства колониальных и зависимых стран сконцентрирован в немногих крупных центрах.

Автор характеризует структуру колониального рабочего класса; убедительно показывает жестокую эксплуатацию, которой он подвергается, в результате чего империализм изымает не только прибавочный, но и часть необходимого продукта, а то обстоятельство, что разоряющаяся деревня является неиссякаемым источником самой дешевой рабочей силы для капиталистической промышленности, снимает с империалистов и местных капита-

листов заботу о нормальном воспроизводстве рабочего класса. Необходимо отметить, что экономическое содержание отходничества проанализировано автором не в полной мере. Сохранение ничтожного участка земли у семьи рабочего-отходника позволяет снижать заработную плату до уровня, немыслимого при других условиях.

Несомненный интерес представляет раздел, посвященный росту организованности пролетариата. Как показывает автор, этот процесс проходил особенно быстро после второй мировой войны.

В пятой главе рассматриваются новые формы колониализма и среди них две наиболее широко применяемые империализмом после второй мировой войны: создание агрессивных военных блоков и так называемая «экономическая помощь» слаборазвитым странам.

Роль и место, соотношение старых и новых методов колониализма показаны автором недостаточно четко. Следовало бы обосновать, что новые формы колониализма не отрицают старых, что они возникли как реакция империализма на современную ступень национально-освободительного движения, что не отказываясь от старых методов, они дополняют их, применительно к новой исторической обстановке. Автор не показал также империалистические противоречия, которые проявились, например, между США, с одной стороны, Англией и Францией — с другой, во время агрессии против Египта. В том же плане следовало бы рассмотреть ведущуюся сейчас между империалистами борьбу за Африку. С одной стороны — попытки заигрывания с общественным мнением африканских стран, примером которых может служить прошлогоднее турне вице-президента США Никсона по Африке. С другой стороны — стремление сохранить положение в неизменном виде, позиция, одним из наиболее ярких выражений которой являются попытки южноафриканских империалистов созвать конференцию держав, «ответственных за Африку», т. е. стран, обладающих колониальными владениями в Африке. Целью такой конференции могло бы явиться согласование методов борьбы с национально-освободительным движением. В целом в Африке все еще доминируют не новые, а старые методы. Новые формы колониализма, как правило, более широко применяются империализмом в отношении бывших колониальных и зависимых стран, достигших ныне государственной самостоятельности.

Новые методы поддержания колониализма, получившие широкое распространение в послевоенные годы и связанные с его идеологической экспансией в колониях и слаборазвитых странах, к сожалению, оказались за пределами рецензируемого исследования.

Шестая глава занимает особое место в монографии и по объему (около трети книги) и по значению. Ее содержание — национально-освободительное движение и его основные черты. На многочисленных фактах убедительно показано, как вчерашние колонии становятся на путь независимого развития. Автор правильно определяет важнейшие черты, характеризующие национально-освободительное движение на современном этапе.

Содержащееся в начале главы указание на то, что главными движущими силами антиимпериалистической борьбы является пролетариат, крестьянство и национальная буржуазия, нуждается, однако, в некоторых уточнениях.

Во-первых, это деление неполно, ибо исключает мелкую буржуазию города. Между тем, такое исключение, равно как и отождествление ее с национальной буржуазией, вряд ли является правомерным. Не случайно во всех программных документах Коммунистической партии Китая речь идет не о трех, а о четырех классах, образующих национальный антиимпериалистический фронт. Неправильно было бы отождествлять мелкую буржуазию города с крестьянством, представляющим в условиях подавляющего большинства колониальных и слаборазвитых стран совершенно отличный от нее класс. Удельный вес и политическая позиция мелкой буржуазии хотя и не являются решающими факторами, но во многом определяют соотношение сил в той или иной стране. Для национально-освободительного движения и социального и политического прогресса страны является далеко не безразличным, вовлекается ли мелкая буржуазия в движение под руководством национальной буржуазии (как в Египте), или идет за рабочим классом (как в Китае), или различные части ее выступают под руководством разных классов, (как это, по-видимому, имеет место в Индонезии).

Во-вторых, постановка вопроса об основных классах, образующих национальный антиимпериалистический фронт, не может заменить конкретного анализа взаимоотношения классов в различных странах. Именно в этих взаимоотношениях следует искать движущие силы тех скрытых и глубоких процессов, которые не видны на поверхности. Приведем некоторые примеры.

Различие социально-политической обстановки и внешней политики Индии и Пакистана имеет свою классовую основу, раскрытие и анализ которой представляли бы большой научный интерес. Совершенно очевидно, что обстановка в Индии определяется своеобразным соотношением сил: исторически сложившейся антиимпериалистической позицией индийской национальной буржуазии, широким влиянием индийского Национального Конгресса — на крестьянство, наличием организованного авангарда рабочего класса, заметно укрепившего свое влияние в стране за последние годы. Участие этих сил в борьбе против

лизма создает определенную последовательность внешней политики страны, чего нельзя сказать о Пакистане.

В Индонезии соотношение сил складывалось иным образом. Хорошо организованная буржуазия компрадорского типа, тесно связанная с империализмом и помещиками, руководит одной из крупнейших партий страны — Машуми и ведет ожесточенную борьбу за власть. Национальная антиимпериалистическая буржуазия, противостоя реакционному натиску, пользуется поддержкой широких слоев народа, среди которого велико влияние компартии. Без поддержки народных масс национальная буржуазия не смогла бы успешно противостоять империалистической и феодальной реакции. Компартия стала одной из самых сильных партий в стране. Именно в этой обстановке возникла выдвинутая в феврале 1957 г. известная программа Сукарно, безусловно, заслуживающая научного анализа.

Нельзя не высказать сожаления также в связи с тем, что развитие национально-освободительного движения в Африке автор рассматривает почти исключительно на материале арабской части континента. О развитии борьбы угнетенных народов Южно-Африканского Союза — одного из главных центров колониализма, не сказано ни слова. Между тем, страны Черной Африки, взятые в целом, отличаются определенной спецификой развития национально-освободительного движения. Без ее изучения любая картина распада колониальной системы империализма останется неполной.

В заключительной, седьмой главе автор рассматривает народную демократию как одну из форм освобождения колониальных и полуколониальных стран от империалистического гнета, при которой задачи антиимпериалистической и антифеодальной революции непосредственно связываются с задачами социалистического преобразования общества.

Автор справедливо указывает, что путь народных демократий Востока привлекает внимание прогрессивных слоев населения стран, добившихся национальной независимости, но оставшихся в системе капитализма.

Возникновение и развитие народных демократий Востока показаны как результат антиимпериалистических и антифеодальных революций, протекавших в определенной социальной обстановке, характеризовавшейся тесным сплочением всех антиимпериалистических сил в едином национальном фронте, высокой степенью организованности и руководящей ролью рабочего класса по отношению к остальным участникам национального фронта, правильным руководством со стороны компартий. Именно ведущая роль рабочего класса, его неразрывный союз с крестьянством позволяют совершить мирный переход от первого этапа революции ко второму, от революции народно-демократической к социалистической.

Следует указать на некоторые частные недостатки и неточности, встречающиеся в книге. Вызывает возражения приведение обширных некомментируемых таблиц (табл. 29 на стр. 347, табл. 30 на стр. 394). Автор не всегда приводит более поздние данные, которые могли бы быть почерпнуты из легко доступных источников. Так, данные о торговле Индии с Англией и США (стр. 98) обрываются на 1953 г. Цифры за 1954—1955 гг. («Экономическое положение капиталистических стран в 1955 г.», М., Внешторгиздат, 1955, стр. 492) показывают, что общая тенденция в последние годы неуклонно вела к повышению роли Англии и понижению — США на индийском рынке. Венесуэла занимает не первое, а второе место среди капиталистических стран по добыче нефти (стр. 81). Данные об английском импорте из Канады и Новой Зеландии (стр. 76) не имеют прямого отношения к предмету исследования, так как эти страны не являются ни колониальными, ни угнетенными. Крупная буржуазия ЮАС выросла не преимущественно, а исключительно из европейской части населения. Африканцев в составе крупной буржуазии нет (стр. 109). Данные о составе и порядке формирования Законодательного Совета Кении устарели (стр. 112). Европейские поселенцы ныне представлены не 39, а 38, африканцы — не 6, а 8 членами, притом избранными, а не назначаемыми. Европейское население ЮАС — не 2, а около 3 млн. чел. (стр. 112), население Нигерии — не 23, а свыше 30 млн. человек (стр. 284). В Сирии и Ливане после второй мировой войны не мог быть сброшен монархический режим, ибо его не было там со времени окончания первой мировой войны (стр. 509).

Разумеется, все эти погрешности не могут изменить общей оценки книги. Работа В. Я. Васильевой является ценным исследованием и представляет значительный интерес.

А. З. Зусманович

SUMMARY

V. Y. Vassilyeva's monograph on the disintegration of the colonial system of imperialism is favourably appraised by the reviewer. The author shows the great sweep of the national liberation movement of the peoples of Asia, Africa and Latin America to-day and analyses the specific features of its development in different countries.

Special attention is devoted to the agrarian relations, to the position of agriculture and conditions of the peasantry in the colonies and other underdeveloped countries. Much attention is directed to the industrial development and to the working class in the colonies. A special chapter covers the formation and progress of the People's Democracies in the East.

А. И. ДИНКЕВИЧ. Экономика послевоенной Японии (1945—1955 гг.) М., Госполитиздат, 1958, 200 стр.

Обрисовать в одной, сравнительно небольшой по объему книге послевоенное экономическое развитие такой сложной по своей социально-экономической структуре страны, как Япония — нелегкая задача. Хорошее знание документального материала, статистики, японской периодической печати и научных трудов помогло А. И. Динкевичу отобрать для исследования то, что является наиболее важным и типичным при характеристике послевоенного экономического развития Японии.

В книге тесно увязывается анализ экономических и политических проблем. Во всех разделах работы автор показывает, какие препятствия приходится преодолевать японскому народу в борьбе за мирное и независимое развитие национальной экономики.

Самым большим препятствием на этом пути является подчиненное положение Японии по отношению к американскому империализму. До сентября 1951 г. в Японии существовал оккупационный режим, и господство США над Японией осуществлялось открыто. С заключением Сан-Францисского договора оккупационный режим был отменен, и юридически Япония обрела суверенитет. Но это не принесло Японии подлинной независимости. Во «Введении» и в главе «Методы экономической экспансии США в Японии» А. И. Динкевич шаг за шагом вскрывает те методы, при помощи которых Соединенные Штаты держат под своим контролем экономическую и политическую жизнь Японии. Американские войска и военные базы, расположенные в Японии по так называемому «пакту безопасности», система неравноправных договоров, экономическая и военная «помощь», военные заказы и закупки США — вот те основные рычаги, позволяющие Соединенным Штатам вмешиваться во внутренние дела Японии, ограничивать свободу ее внешнеэкономических связей, которые играют в ее экономике огромную, во многих отношениях, решающую роль. Когда в главе V на стр. 157 автор сообщает об исходивших от правительства США угрозах применения к Японии экономических санкций в случае восстановления ею нормальных торговых отношений с Китайской Народной Республикой, читателю из предыдущего анализа уже ясно, сколь эффективны были бы такие санкции при господствующем положении США на японском рынке и в области международных расчетов Японии.

Но не одна лишь угроза санкций лежит в основе нынешней зависимости Японии. Сама возможность такой угрозы проистекает из господства японских монополий в политической и экономической жизни страны. Санкции не были бы для Японии страшны, если бы правящие круги страны не положили бы в основу своей внешней политики неравноправный для Японии союз с американским империализмом как одну из гарантий своего господства.

Несмотря на все трудности и препятствия, с которыми сталкивается ныне японский народ в борьбе за мирное и независимое развитие своей страны, поражение японского империализма во второй мировой войне положительно сказалось на социально-экономическом развитии Японии. В четвертой главе автор показывает то благотворное влияние, которое оказала на развитие японского сельского хозяйства послевоенная аграрная реформа. Ее проведение было обусловлено мощным подъемом борьбы демократических сил как в самой Японии, так и на международной арене.

Разгром японского милитаризма привел к сокращению военных расходов Японии, которые в настоящее время хотя и растут, но все же далеко не достигают довоенного уровня. Тем самым дополнительные средства были высвобождены для целей накопления капитала, что позволило достигнуть значительных успехов в развитии промышленности, правильно охарактеризованном в главе III книги.

Наконец, военный разгром японского империализма помог трудящимся Японии, и прежде всего ее рабочему классу, поднять свою организованность, укрепить позиции в борьбе за защиту своих классовых интересов, что удачно показано автором в последней, VII главе работы. В результате этого выросла роль рабочего класса и его организаций в политической жизни страны. В современной Японии рабочий класс выступает как мощная организованная сила, сплачивающая широкие массы трудящихся для отпора политике ремилитаризации, для активной борьбы за независимость и мир.

Таковы вкратце достоинства рецензируемой работы, которая займет свое место в нашей японоведческой литературе в качестве содержательного общего очерка послевоенной японской экономики.

А. И. Динкевич успешно справился с задачей, которую он перед собой поставил. Но при чтении книги всякого, кто знаком с нашей послевоенной литературой по Японии, не оставит известное чувство неудовлетворенности тем, что перед нами — краткий и общий очерк, в который не умещается детальный и глубокий анализ важных проблем, имеющих самостоятельное значение и требующих специального исследования.

Вот некоторые примеры. Говоря о реорганизации дзайбацу после войны, автор справедливо утверждает, что эта реорганизация не ослабила господствующего положения монополий в экономике страны, она привела лишь к изменению форм монополий. Но каковы результаты этого изменения? Какие изменения произошли в распределении собственности, в соотношении сил различных монополий и монополистических групп? Кто занял место прежних полутора десятков концернов, которых теперь не существует? На эти вопросы читатель убедительных ответов, к сожалению, не находит.

В главе об аграрной реформе автор заявляет: «В результате реформы парцелляция крестьянских хозяйств усилилась» (стр. III). Но как могла она усилить парцелляцию, если благодаря реформе, как сообщает автор на той же странице, 60% крестьянских хозяйств увеличили размер своих земельных участков? Парцелляция крестьянских хозяйств действительно происходит. Но понять ее причины можно, лишь глубоко и конкретно проанализировав развитие процесса аграрного перенаселения в послевоенных условиях. Простая ссылка на реформу не вскрывает действительной сущности этого весьма сложного процесса.

Бегло коснувшись на стр. 130 вопроса об экспортных и импортных ценах, автор отмечает, что «ввозя товаров на 16,4% меньше, чем до войны, Япония платит за них на 3,8% больше». Это лишь одна сторона дела. Из цифр, приводимых самим же автором, видно, что соотношение между стоимостью и физическим объемом импорта (принимая за 100 уровень 1934—1936 гг.) составило в 1955 г. 1,3, а экспорта — около 1,5. Значит, соотношение цен изменилось не в ущерб, а в пользу Японии, что подтверждается и многими другими данными. Сам этот факт и его причины заслуживают специального анализа.

Еще пример: дважды, в 1953—1954 и в 1957—1958 гг., японское правительство прибегало к так называемой «политике дефляции» для того, чтобы сократить дефицит внешнеторгового баланса, усилить экспорт за счет внутреннего рынка. Возможность проведения такой политики и, особенно, средства, при помощи которых она осуществляется — явление сравнительно новое для современного капитализма. Понять его суть можно только путем анализа всей системы государственно-монополистических мероприятий, выяснения той роли, которая ныне принадлежит государству в процессе накопления капитала, изучения изменений в структуре и функциях кредитно-денежной системы. В рецензируемой книге читатель не найдет такого анализа, и поэтому утверждение автора о том, что «политика дефляции призвана... замаскировать ограбление народа монополистическим капиталом» (стр. 172), остается нераскрытым.

Назрела необходимость перейти к глубокому анализу основных проблем экономики Японии. Такой анализ позволит дать научно обоснованную оценку перспектив экономического развития одной из крупнейших стран современного империализма и поднимет исследование до уровня теоретических обобщений.

Я. А. Певзнер

SUMMARY

Appraising A. I. Dinkevich's «Economy of postwar Japan», the reviewer points out that the book gives a correct picture of postwar economic developments in that country. He considers the combined analysis of economic and political problems to be one of its merits. At the same time the reviewer stresses the need for passing over from general outlines to a deeper analysis of the basic problems of Japanese economy. This would permit to find the solution of many important problems and lead to theoretical conclusions.

В. Л. ТЯГУНЕНКО. Войны и колонии. М., Военное изд-во МО СССР, 1957, 176 стр.

Автор рецензируемой книги поставил перед собой задачу систематизировать имеющиеся разрозненные данные и на опыте двух мировых войн вскрыть действительную роль и место колоний и зависимых стран в обеспечении воюющих сторон ма-

териальными и людскими ресурсами и показать происходящее ныне «ослабление военно-экономической базы империализма в слаборазвитых странах на основе распада колониальной системы» (стр. 4).

Бесспорно, что подобная задача является весьма актуальной. И надо сказать, что в целом автор с ней успешно справился.

Достоинство книги состоит в том, что она в доходчивой и убедительной форме показывает, какое огромное влияние уже оказал и продолжает оказывать кризис колониальной системы на ослабление позиций капиталистических держав в колониях и зависимых странах и на сужение военно-экономической базы империализма в целом. Автору также удалось проиллюстрировать богатым фактическим материалом грабительский характер колониальной политики империализма, проследить обострение борьбы между империалистическими государствами за источники сырья, материальные и людские ресурсы слаборазвитых стран, показать, что растущее сопротивление народов стран, ставших на путь независимости, подрывает военно-экономическую базу империализма и его возможности для подготовки агрессивных войн.

Однако не все поставленные автором вопросы получили исчерпывающее разрешение на страницах книги. Так, на наш взгляд, мало внимания уделено анализу форм и методов закабаления империалистами США слаборазвитых стран, которыми они пользуются в условиях нарастания национально-освободительной борьбы и сопротивления национальной буржуазии, стремящейся к независимому экономическому развитию и самостоятельной внешней политике. Это произошло, как нам кажется, вследствие недостаточного учета изменений в политике империалистических агрессоров в связи с изменением характера и масштабов будущей войны и системы ееподготовки. Агрессивные круги планируют будущую термоядерную войну как войну «глобальную», охватывающую все континенты, развертывающуюся на суше, море и в воздухе. Поэтому к материальным и людским ресурсам предъявляются иные, более высокие качественные требования, чем в период второй мировой войны. Именно этим можно объяснить ту ожесточенную борьбу, которая ведется империалистами за стратегические резервы в будущей войне, за использование военно-экономического потенциала слаборазвитых стран.

Ссылка автора книги (стр. 46) наподсчеты, сделанные акад. Ферсманом в начале второй мировой войны, относительно возросших потребностей в стратегическом сырье уже не отражает современного положения вещей. Для обеспечения 300 дивизий современной организации необходимо значительно большее количество стратегического сырья, чем раньше. Нужны и новые недостаточно разведанные и редкие виды сырья. Взять, к примеру, атомную промышленность США, нуждающуюся в 22 элементах периодической системы Менделеева. За счет своих ресурсов США обеспечивают себя только 10 видами сырья, а 12 видов этого сырья им приходится ввозить из других стран.

Все это, естественно, резко обостряет межимпериалистическую борьбу. Американским монополиям удалось в последние годы почти полностью вытеснить своих английских соперников из главных районов добычи урановой руды — Канады, Бельгийского Конго, Анголы и др.

Автор книги убедительно показывает, что погоня за дешевым сырьем является одним из определяющих факторов агрессивной политики империалистов, одним из мотивов закабаления и систематического ограбления народов слаборазвитых стран.

Образование агрессивных военных группировок (НАТО, СЕАТО, Багдадский пакт) и создание многочисленных военных баз США на территории многих стран Азии и Европы внесли определенные изменения в проблему использования ресурсов союзников и их колоний и привели к еще более активному проникновению американских монополий в экономику зависимых от них в той или иной степени государств. Учитывая вероятную уязвимость морских и воздушных коммуникаций во время войны, США и их союзники создают запасы «мирного времени» за счет колоний, что, естественно, усиливает их ограбление империалистами.

Автор правильно отмечает, что «империалисты не заинтересованы в развитии производительных сил колоний и зависимых стран» (стр. 75) и поэтому «развитие получают главным образом добывающая и легкая отрасли промышленности» (стр. 76). К этому, однако, следует добавить, что в зависимости от стратегического положения той или иной колонии или зависимой страны, империалисты в силу конкретно складывающейся обстановки нередко развивают в колониях некоторые военные отрасли промышленности. Вторая мировая война дала тому немало примеров. Планируя сейчас военные операции в еще более широких масштабах, империалисты стремятся уже в мирное время организовать в колониальных странах ряд смешанных предприятий, чтобы обеспечить себе в будущем возможность налаживания там военного производства.

На наш взгляд, В. Л. Тягуненко следовало бы более подробно остановиться на том, как, в связи с расширением национально-освободительного движения в колониях и усилением борьбы народов слаборазвитых стран за полное освобождение от колониализма, против империалистиче-

ла, империалисты, особенно американские, изыскивают и пытаются применить новые формы и методы закабаления народов Азии и Африки. Известно, что в США настойчиво выдвигается, например, теория так называемых «малых войн», прямо направленная против национально-освободительных движений на Востоке, против независимости стран, обретших суверенитет. Авторы этой «теории» признают необходимым использование в «малых войнах» всех новейших средств истребления, дабы устрашить народы слаборазвитых стран, запугать их применением разрушительной военной силы. При этом американские агрессоры, как правильно подчеркивает автор книги, планируют открытое и широкое использование «в малых войнах» своих войск.

Недостаточное освещение в работе В. Д. Тягуненко получил вопрос об организации империалистами в освободившихся от колониального гнета странах антинародных военных путчей и переворотов, о снабжении реакционных сил деньгами, оружием и другими военными материалами.

Нам кажется, что надо было также обратить внимание на то, что создание под эгидой США агрессивных группировок в Азии преследует цель открыть Соединенным Штатам «шлюзы» к источникам стратегического сырья для своей военной промышленности, ведет к подчинению армий участников этих блоков американскому командованию.

Следует отметить, что глава V книги «Колонии и зависимые страны как военные базы и плацдармы» и, особенно, глава VI «Рост солидарности народов Востока в борьбе за мир и предотвращение новой мировой войны» из-за своего обзорного характера выглядят слабее других разделов.

Несмотря на отмеченные недостатки книга В. Л. Тягуненко, исследующая важный вопрос о роли колоний в агрессивных планах империалистов, является интересной и нужной работой.

Б. Г. Сапожников

SUMMARY

The author of the book under review analyses the role played by the colonies in the aggressive plans of the imperialists.

А. Х. БАБАХОДЖАЕВ. Провал английской антисоветской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке в период признания Советского государства де-факто и де-юре (1921—1924 гг.). Ташкент, Изд-во Академии наук Узбекской ССР, 1957, 216 стр.

Книга А. Х. Бабаходжаева во многом заполняет существующий в советской исторической литературе пробел в освещении борьбы народов Средней Азии за установление Советской власти. На широком историческом фоне автор описывает беспримерно трудную борьбу народов Средней Азии во главе с коммунистической партией против внутренних и внешних врагов, за упрочение Советской власти и восстановление народного хозяйства. В книге говорится о влиянии Великой Октябрьской социалистической революции на подъем и развитие национально-освободительного движения народов Афганистана, Ирана и других стран Востока. Претворение в жизнь великих ленинских идей сыграло выдающуюся роль в победе советского народа над силами контрреволюции, в упрочении Советской власти в Средней Азии и способствовало усилению борьбы народов Ирана и Афганистана против английского империализма.

Рассматривая политику британского империализма Бабаходжаев показал, что инициаторами военной интервенции в Советской республике были английские империалисты, их интервенция в Средней Азии была частью империалистической агрессии против Советского государства. Автор всесторонне осветил роль коммунистической партии, поднявшей советский народ на борьбу против объединенных сил контрреволюции и иностранной интервенции, в защиту великих завоеваний Октября.

Одним из звеньев борьбы мирового империализма против Советского государства было басмачество, организованное и вдохновленное феодалами, местной националистической буржуазией, духовенством, эмирскими чиновниками и кулаками. «Один эксплуататоры без поощрения и поддержки внешних врагов не могли бы в течение длительного периода вести вооруженную борьбу против Советской власти» (стр. 5). Ликвидация басмачества, по мнению автора, была одним из важнейших условий, обеспечивших успешное восстановление народного хозяйства в Средней Азии,

победой, имевшей огромное значение для всех народов Востока.

В книге приведены документы, вскрывающие антинародную деятельность английского империализма в странах Среднего Востока, его попытки осложнить взаимоотношения Советского государства с Ираном и Афганистаном. Особое внимание уделяли англичане плану окружения советских республик со стороны Афганистана. Английское правительство потребовало от Афганистана прекращения дипломатических отношений с СССР (стр. 155), угрожая в противном случае его независимости. На объединенном заседании БУХЦИК'а и Совета Народных Назиров БНСР специально обсуждался вопрос об английской ноте Афганистану и была принята резолюция протеста (стр. 155—156). Этот документ сыграл важную роль в обуздании империалистических хищников.

Впервые освещен вопрос об установлении дипломатических отношений Бухарской Народной Республики с Афганистаном и Ираном. Автор отмечает, что подписание в Кабуле предварительного советско-афганского договора о дружбе и установление дипломатических отношений Бухарской Народной Республики с Афганистаном укрепили международное положение последнего. Одновременно А. Х. Бабаходжаев рассказывает о планах английского империализма включить Бухару в состав британских колониальных владений.

Автор характеризует пробуждение и нарастание национально-освободительного движения в Иране. Твердая ленинская внешняя политика Советского государства, его непреклонное стремление содействовать ликвидации колониального режима вдохновили народы Ирана на борьбу за изгнание английских империалистов и за проведение независимой, соответствующей национальным интересам внешней политики. Эта борьба сыграла решающую роль в спасении Ирана от неминуемого превращения в колонию, она способствовала изгнанию из страны английских оккупантов и ликвидации англо-иранского кабального договора 1919 г. В революционной борьбе иранский народ добился от своего правительства установления дипломатических и экономических отношений с Советской республикой и заключения с ней 26 февраля 1921 г. договора. В новейшей истории Ирана это был первый равноправный договор с иностранным государством. Советско-иранский договор способствовал укреплению советско-иранских отношений и защите национальной независимости народов Ирана от покушений со стороны английского империализма.

А. Х. Бабаходжаеву следовало бы более подробно изложить ирано-советские отношения того времени, обратив особое внимание на то, что Советское правительство отказалось от экономических привилегий царской России, объявило недействительными все концессии и передало их иранскому народу, отказалось от права на режим капитуляций. Все это сыграло важную роль в укреплении суверенитета Ирана, позволив иранскому правительству в 1928 г. отменить режим капитуляций в отношении других стран. Таким образом, советско-иранский договор создал благоприятные условия и необходимые материальные предпосылки для самостоятельного развития Ирана.

И в Иране, и в Афганистане большой успех имела советская мирная политика. В лице Советского государства народы Среднего Востока увидели защитника от империалистических хищников.

После победоносного завершения гражданской войны советский народ под руководством коммунистической партии приступил к мирному труду по восстановлению и развитию народного хозяйства. А. Х. Бабаходжаев приводит интересные данные о достигнутых в 1922 г. определенных успехах в восстановлении и подъеме народного хозяйства Средней Азии. Вырос удельный вес общественного сектора в промышленности, улучшилось материальное положение народа, укрепился политический союз рабочих и крестьян, упрочилось морально-политическое единство народов.

Одним из недостатков книги является то, что автор слабо осветил такое важное событие как национально-государственное размежевание в Средней Азии.

Монография А. Х. Бабаходжаева будет с интересом встречена советским читателем.

А. А. Кузнецов

SUMMARY

The reviewer notes that the documentary material cited in A. Babakhojayev's book discloses the disruptive activities of British imperialism in the countries of the Middle East, its attempts to make more complicate the relations of the USSR with Iran and Afghanistan.

«МАХАБХАРАТА». Перевод с санскритского, введение и примечания действительного члена АН Туркменской ССР Б. Л. Смирнова. Ашхабад, Изд-во АН Туркменской ССР, 1955, т. I; 1956, т. II; 1957, т. III.

Труд Б. Л. Смирнова содержит переводы из III, V и VI книг «Махабхараты» и обширные введения к ним[1]. По объему это — самый большой перевод с санскрита на русский язык. Его значение не только в открывающейся теперь для широких масс читателей возможности узнать один из величайших памятников древней литературы Востока, но и в том, что введения к переведенным книгам дают нам возможность познакомиться с философией, религией, образом жизни творцов Махабхараты, носителей великой устной эпической традиции.

В первый том входят сокращенные переводы известных эпизодов III книги «Махабхараты»: «Наль» и «Савитри». Переводу предпосланы точное и яркое краткое изложение содержания поэм, краткий анализ поэтической формы, а также превосходный очерк о религии и мифах. Сам перевод адекватен подлиннику и в то же время изящен.

Второй том содержит художественный и буквальный перевод части VI книги «Махабхараты» — «Бхагавад-Гиты», которая занимает особое и, даже можно сказать, исключительное положение не только в «Махабхарате», но и во всем духовном наследии индийского народа. «Бхагавад-Гита» и в наши дни является одной из самых популярных книг в Индии. Вскоре после ее перевода на английский язык в конце XVIII в. Ч. Вилкинсом она привлекла к себе пристальное внимание в Европе, и с тех пор начинается не оконченное и поныне соревнование между санскритологами всех стран по лучшему и адекватному пониманию и интерпретации замечательных идей «Бхагавад-Гиты». До последнего времени наши индологи, к сожалению, не принимали участия в этом соревновании; все русские переводы ее были сделаны не с оригинала, а с переводов на европейские языки, причем зачастую при такой вторичной передаче увеличивалось количество ошибок и неточностей.

Переводить древний санскритский текст, особенно философский, на другой язык — весьма нелегкая задача. Трудность заключается не только в воспроизведении содержания во всей его сложности, но и в необходимости точной передачи значения санскритских терминов и выработке адекватного стиля перевода. Правильное решение этой задачи требует большого умения и вкуса, и в этом отношении перевод «Бхагавад-Гиты», сделанный Б. Л. Смирновым, является удачным образцом.

Язык перевода — несколько архаизированный и торжественный — прекрасно передает стилистические особенности подлинника. Б. Л. Смирнов, с нашей точки зрения, пошел по совершенно правильному пути, оставив непереведенными некоторые основные философские термины индуизма (дхарма, йога, бхакта, майя, гуна, брахма и др.) и подробно объяснив их значение в комментариях (характерно, что этот же путь избрал автор последнего и лучшего из всех перевода Ригведы Карл Гельднер): невозможно было бы однозначно передать в разных контекстах содержание одного и того же термина.

Многочисленные сложные эпитеты подлинника удачно передаются сложными прилагательными, образованными самим переводчиком («совершеннознающий», «многораздельный», «солнцецветный», «всетайнейший» и др.). Именно такова русская традиция передачи многочисленных сложных эпитетов, характерных для древних эпосов.

Следует признать совершенно справедливым решение Б. Л. Смирнова переводить «Бхагавад-Гиту» вольным стихом, а не размером подлинника, ибо последнее нельзя осуществить достаточно точно.

Если другие части «Махабхараты», переведенные Б. Л. Смирновым, представляют интерес для широкого читателя, в основном, в плане литературном, то «Бхагавад-Гита» важна прежде всего как памятник философской и этической мысли. Переводчик, формулируя ее значение, говорит, что она «не может потерять своей духовной и философской ценности уже хотя бы потому, что это — один из наиболее ранних памятников в истории человечества, где нравственная задача возведена в степень всечеловеческой проблемы, до уровня, где личность человека вынуждена признать общечеловеческий нравственный закон выше своего индивидуального существования» (стр. 22). В более конкретной форме значение «Бхагавад-Гиты» состоит в том, что в ней чуть ли не впервые в индийской философской литературе высказывается осуждение широко распространявшихся в Индии теории и практики аскетизма, квиетизма, самосозерцания и т. п. и проводится идея о необходимости бескорыстного выполнения общественного долга.

Хотя основной специальностью Б. Л. Смирнова является область, далекая от индологии — медицина, многолетнее глубокое изучение «Махабхараты» дало ему возможность в целом и основном верно понять и передать смысл «Бхагавад-гиты». В то же время во введении к переводу есть некоторые, как представляется, ошибочные или, по крайней мере, спорные по-

[1] Уже после того, как рецензия была сдана в печать, проф. Б. Л. Смирнов выпустил четвертый том, содержащий перевод философских «Бесед Маркандейи».

ложения. Так, Б. Л. Смирнов утверждает, что мышление индийцев следовало «своеобразным логическим законам», непривычным для европейцев (стр. 23), причем в подтверждение этого мнения он ссылается на авторитет Ф. И. Щербатского. Однако, как известно, последний в своих работах всегда стремился показать, что индийская логика и мышление, несмотря на их формальное своеобразие, следовали тем же самым законам, что и европейские. Правильно подчеркивая главное, непреходящее значение «Бхагавад-Гиты»— проповедь ею необходимости для человека бескорыстного действия, Б. Л. Смирнов нигде даже не оговаривает, что в тех условиях эта проповедь использовалась для оправдания существующего кастового строя и лишь широкий кругозор автора (или авторов) «Гиты» помог им превзойти рамки национальной и временной ограниченности и войти в вечность.

Помещаемые в третьем томе части из III и V книг «Махабхараты» («Горец», «Восхождение на небо Индры», «Сказание о Раме», «Книга Санатсуджаты» и «Путешествие Бхагавана») появляются на русском языке впервые. Читатель оказывается в мире совершенно не знакомых ему образов, обычаев, представлений. В обширном введении Б. Л. Смирнов не только рассказывает о древнеиндийской религии, мифологии и философии, но и подвергает их анализу, широко, хотя, как кажется, далеко не всегда достаточно обоснованно применяя сравнительный метод. Весьма ценны приводимые здесь сведения об астрономических воззрениях древних индийцев, интересны, хотя и не бесспорны поиски связей некоторых аспектов эпоса с анимистическими воззрениями индийских автохтонов или арийцев доиндийского периода (заметим, что Б. Л. Смирнов склоняется, как кажется, к принятию гипотезы о северной прародине индийских арийцев). В целом метод автора в исследовании религии и мифов можно охарактеризовать как сравнительно-эволюционный. Несколько спорным кажется нам убеждение автора в существовании «эпической Санкхьи» как философской системы. Представляется более вероятным, что здесь мы имеем дело с комплексом религиозных представлений и идей, использованных впоследствии для раннесредневековой Санкхьи.

Что же касается качества переводов из III и V книг «Махабхараты», то они, безусловно, могут явиться образцом художественной выразительности. Нельзя, наконец, не отметить прекрасного оформления всех трех книг, выполненного с большим вкусом и высоким стилизаторским мастерством художником Ю. М. Волобуевым.

Отдельные упущения в капитальной работе Б. Л. Смирнова нисколько не умаляют ее значения. Крайне желательно, чтобы с ней мог ознакомиться возможно более широкий круг советских читателей. Однако тираж в одну тысячу экземпляров, каким изданы книги, отнюдь не способствует этому. Необходимо переиздать переводы Б. Л. Смирнова (за исключением буквального перевода «Бхагавад-Гиты») более массовым тиражом, устранив многочисленные ошибки корректорского порядка.

Было бы также крайне желательно издать параллельный санскритский текст и подготовленный Б. Л. Смирновым санскритско-русский словарь к тексту «Бхагавад-Гиты», которые не могли быть опубликованы в Ашхабаде по техническим причинам.

Н. П. Аникеев, Т. Я. Елизаренкова, А. М. Пятигорский

SUMMARY

The Russian translation of extracts from Books III, V and VI of the Mahabharata done by Prof. Smirnov from the Sanskrit is considered to be a most important achievement of Soviet Indology for the last years. This translation is a real work of art, it conveys most accurately the meaning and spirit of the original. Of great value are the translator's notes explaining in detail the religious and philosophical ideas, traditions and customs of the authors of this ancient epic poem.

К. К. КУРДОЕВ. Грамматика курдского языка. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1957, 343 стр.

Курдский язык стал предметом изучения как в России, так и за рубежом начиная с XVIII в. За истекший период написано немало статей и грамматических очерков, среди которых особое место занимают работы отечественных ученых П. Лерха, С. Егиазарова, А. Жабы, Л. Загурского и других. Грамматические исследования продолжают вести и советские иранисты, в частности, специалисты по курдскому

языку. Среди опубликованных ими трудов наиболее значительным является, несомненно, грамматика курдского языка К. Курдоева, изданная Институтом востоковедения АН СССР.

Рецензируемая работа является первой грамматикой курдского языка, написанной на русском языке, вместе с тем это первая грамматика, в которой обстоятельно рассматриваются почти все вопросы фонетики и морфологии. Большой научный интерес и важное практическое значение имеет также то обстоятельство, что автор подробно излагает и анализирует грамматические и фонетические нормы не одного, а двух основных диалектов курдского языка (курманджи и курди).

Положительной стороной данной работы мы считаем систему изложения различных вопросов грамматики: при подаче материала четко выделяются правила и подтверждающие их примеры. Однако К. Курдоев не просто систематизирует грамматические правила, известные из предыдущей специальной литературы. В результате всестороннего и глубокого анализа большого количества языкового материала, собранного из печатных изданий, фольклорных текстов и устной речи, он проникает в самые трудные детали языка и дает правильное объяснение многим важным вопросам, не нашедшим своего отражения в работах прежних исследователей курдского языка.

Обратимся к некоторым конкретным фактам. При характеристике звуков автор особое внимание уделяет тем из них, которые отличают фонетику курдского языка от фонетики других иранских языков (придыхательные *п'*, *т'* *к'*, раскатистое — *р̄*; мягкая аффриката *ч'*; сонорный круглощелевой *w* и т. д., стр. 19—22). К. Курдоев расширяет круг сведений об ударении в курдском языке. Рассматривая слова с различным количеством слогов и различного морфологического состава, он на конкретных примерах показывает, как распределяется главное и дополнительное ударение (стр. 23—25).

В грамматике К. Курдоева впервые приводится полный перечень частей речи курдского языка и дается их подробная характеристика (стр. 31). Хорошо вскрыты в работе функции артикля «эк» (к), играющего важную роль как в склонении имен существительных, так и в определительно-изафетных сочетаниях. Правильно отмечается, что склонение имен существительных без артикля отличается от склонения с неопределенным артиклем «эк» (стр. 39—43). В прежних грамматиках курдского языка этот вопрос никем не рассматривался. Естественно, что авторы этих работ не смогли дать правильное объяснение употреблению различных изафетных показателей (*а*, *е*, *э*, *и*).

Известно, что грамматический род в курдском языке был впервые обнаружен советскими курдоведами А. Шамиловым, К. Курдоевым и И. Цукерманом[1]. В последующих работах по курдскому языку категория рода становится предметом более подробного изучения. На основе уже известных фактов, а также собственных наблюдений К. Курдоев в своей грамматике еще более углубляет этот вопрос. Он рассматривает род в связи с падежом, числом, артиклем. При этом большое внимание уделяется проявлению рода в местоимениях, которые до сих пор почти не анализировались с этой точки зрения.

Отсутствие специальных родовых показателей у имен существительных в прямом падеже, взятых вне контекста, весьма затрудняло различение грамматического рода. Автор рецензируемой грамматики на основе семантики имен существительных, а также изафетных показателей и падежных флексий совершенно правильно разделяет имена существительные на три группы: женского, мужского и общего рода. Зная принципы классификации имен существительных, которых придерживается автор, легко определить принадлежность данного имени к тому или другому роду. Эта сложная проблема, таким образом, полностью разрешается (стр. 44—56).

В работе подробно объясняются способы образования падежей и их функции. Правильно понимая большое значение рода при склонении имен существительных и некоторых местоимений, К. Курдоев все имена существительные разделяет на три типа склонения по их родовому признаку. При группировке имен существительных по различным типам и подтипам склонения, автор учитывает и другой важный момент— окончание существительных, а также устойчивость и неустойчивость именной основы (стр. 56—89).

Значительный интерес представляет классификация и характеристика местоимений. При анализе функций местоимений автор выходит из узких рамок морфологии и привлекает к рассмотрению многие вопросы синтаксиса курдского языка.

Автор грамматики расширяет наши знания также в области имен прилагательных. Как известно, исследователи курдского языка считали, что в отличие от имен существительных прилагательные в курдском языке не изменяются по родам, числам и падежам. К. Курдоев вносит в это существенную поправку, разделяя прилагательные на две группы: собственно прилагательные, которые не изменяются по родам, числам, падежам и выступают в речи только в функции определения (*тэзи* 'голый'; *тэл* 'горький'; *сор* 'красный': и т. п.), и на слова, которые обладают свойством прилагательного и стой-

[1] *А. Шамилов, И. Цукерман* и *К. Курдоев.* О проблеме рода в курдском языке. «Революция и письменность». М., 1933, № 1.

ством существительного и в речи могут выступать как в функции определяемого слова, так и в функции определения (*хорте бэдэw* 'красивый юноша', но *бэдже мэ* 'наш красавец', *бэджа мэ* 'наша красавица'; *мэрийе мезын* 'большой человек', но *мэзыне еле* 'начальник племени') и т. д., (стр. 104—135).

Значительное внимание уделено в работе сравнительно мало изученному разделу курдской грамматики — числительным.

Являясь наиболее важным и сложным разделом курдской грамматики, глагол занимает особое место в работе. Рассматривая значительно глубже и шире, чем в прежних грамматиках и очерках, вопросы о характере курдского глагола, о выявлении глагольных основ и образовании временных форм, К. Курдоев проявляет большое исследовательское умение и показывает глубокое знание предмета.

Подробному анализу подвергаются в работе производные и сложные глаголы, о которых почти ничего не говорилось ранее в грамматиках и грамматических очерках курдского языка. Значительный интерес представляет характеристика значений и функций большого количества различного рода глагольных префиксов, рассматриваемых в работе, а также описание способа образования новых глаголов с помощью вспомогательных глаголов. Авторы прежних грамматик курдского языка считали, что все глаголы в курдском языке спрягаются одинаково, независимо от их характера и значения. Анализируя спрягаемые формы большого количества глаголов, К. Курдоев приходит к правильному выводу о том, что в курдском языке существуют разные типы спряжения. Критериями, определяющими тот или иной тип спряжения, он считает переходность и непереходность, а также окончания неопределенных форм и основ глаголов. Отлично от своих предшественников автор рассматривает также образование некоторых временных форм глагола (стр. 157—250).

Большое внимание в работе К. Курдоева уделяется залогам курдского языка, весьма скупо описанным в прежних грамматиках.

Выше мы коснулись лишь некоторых вопросов языка, нашедших свое правильное объяснение в рецензируемой работе. Однако и из этого видно, что К. Курдоевым проделана большая исследовательская работа по выявлению и описанию фонетических и грамматических норм курдского языка, не отражавшихся ранее в специальной литературе. Вместе с тем в работе имеются и некоторые недостатки.

Считая труды прежних исследователей курдского языка всего лишь материалом к изучению лексики и диалектов, автор пишет во введении: «Старое курдоведение накопило большой фактический материал, который может быть использован в изучении лексики курдского языка и его диалектов и говоров различных районов» (стр. 3). Приходится сожалеть, что редактор грамматики М. Н. Боголюбов согласился с этой явно несправедливой оценкой старых работ, в которых содержится много правильных и ценных сведений не только по лексике, но и по грамматике и фонетике курдского языка. В том же введении (стр. 4) К. Курдоев пишет, что в Армении издан курдско-армянский словарь. Такого словаря нет. Видимо автор имеет в виду изданный в Армении небольшой армянско-курдский словарь.

В разделе «Фонетика» при характеристике звука *и* говорится, что он «в середине слова — безударный, в конце и в начале слова принимает на себя ударение» (стр. 15). Однако очень часто в начальной позиции *и* остается безударным, например: *инсан* 'человек'; *инсанэт* 'человечество'; *имт'h'ан* 'экзамен'; *илун* 'сентябрь'; *Игырдаг* 'Арарат', *Иран* 'Иран'; *имдат* 'помощь'; *идарэ* 'учреждение'; *инглаб* 'революция'; *институт* 'институт'; *имт'. барнамэ* 'доверенность'; *ищат* — 'орудие; *иштэ* 'аппетит' и т. д. Нельзя согласиться и с тем, что послелоги *ра, ва, да* «всегда принимают ударение» (стр. 25). В говоре курдов СССР послелоги всегда безударны. Если они принимают ударение в языке зарубежных курдов, в чем мы сильно сомневаемся, следует это оговорить.

Далее автор грамматики считает, что в курдском языке наряду с тремя первичными падежами (прямым, звательным и косвенным, стр. 56) существуют три вторичных падежа (совместно-направительный, совместный и местный), которые образуются посредством послелогов *р̄а, ев, да*, присоединяемых к имени (или местоимению) в косвенном падеже (стр. 66). Эта точка зрения автора кажется нам весьма спорной. Послелоги, как и предлоги, являются служебными словами. Они употребляются с формой косвенного падежа для дифференциации и конкретизации его многообразных значений и никаких новых падежных форм не образуют. Подобно предлогам послелоги по своему характеру резко отличаются от падежных флексий и в зависимости от употребления (от характера контекста) могут выражать самые различные значения. Кроме того, в отличие от падежных флексий они могут очень легко отделяться от характеризуемого ими имени (местоимения) и присоединяться к другому имени, например, *бавēра hэр̄э* 'иди с отцом' (*бав* — 'отец', *е* — формант косв. падежа, *р̄а* — послелог, *hэр̄э* — 'иди'); но *бавe хwэр̄а hэр̄э* 'иди со своим отцом' (*бав* — 'отец', *е* — формант косв. падежа, *хwэ* — возвратное местоимение «свой», *р̄а* — послелог, *hэр̄э* — иди).

Нам кажется, что с морфологической точки зрения можно говорить о наличии в курдском языке трех падежей, из которых два (прямой и косвенный) являются полно-

ценными падежами, а один (звательный) является неполноценным, так как он образуется от небольшого количества одушевленных имен существительных при определенных условиях.

В разделе «Времена, наклонения и их образование» (стр. 207—209) автор указывает, что в курдском языке имеется два будущих времени (первое и второе). Он считает, что первое будущее время образуется путем присоединения к основе настоящего времени приставки *бь* и личных окончаний, при этом подлежащее всегда оформляется показателем будущего времени *е*. Первое будущее время выражает ближайшее определенное время, напр., *эз бьк'эвьм* 'я упаду'. Второе будущее характеризуется употреблением дополнительной частицы *we* между глагольной формой будущего времени и подлежащим, оформленным показателем *е*. Образованная таким образом форма второго будущего времени имеет оттенок отдаленного неопределенного будущего, например: *эз we бьк'эвьм* 'я упаду'. С подобным утверждением автора едва ли можно согласиться. В курдском языке существует одно будущее время, которое образуется способом, указанным автором для первого будущего времени. Различие же в произношении и написании форм «первого» и «второго» будущего—результат следующего обстоятельства: исторически будущее время образовывалось посредством частицы *we*, префикса *бь* и личных окончаний, употребляемых с основой глагола настоящего времени. При этой форме подлежащее необходимо, например: *эгит we бькэ* 'Агит сделает'.

Впоследствии частица *we* стала употребляться в краткой форме, т. е. без элемента *w* и говорящий мог сказать: *эгит we бькэ* и *эгит е бькэ* 'Агит сделает'. В дальнейшем элемент *е* присоединился к подлежащему, превратившись в суффикс и образовав новую форму *эгите бькэ* 'Агит сделает'. Но этот процесс происходил очень медленно, с различной степенью интенсивности в диалектах и говорах; кроме того, в языке частица *we* имела еще широкое употребление, поэтому между синтетической и аналитической формами выражения одного и того же понятия (*эгите бькэ* и *эгит we бькэ*) шла 'борьба', которая ввиду отсутствия литературного курдского языка не привела к окончательной победе одной из них. (Эти формы продолжали сохраняться в языке на равных правах. Больше того, иногда синтетическая (*эгите бькэ*) и аналитическая формы (*эгит we бькэ*) в отдельности казались недостаточными для выражения будущего времени, поэтому говорящие в подобных случаях повторяли показатель будущего времени (*е, we*) и, таким образом, появилась в языке форма смешанного характера: *эгите we бькэ* 'Агит сделает'. В настоящее время в языке можно встретить все формы (*эз we бькьм, эз е бькьм, эзе бькьм* и *эзе we бькьм* 'я сделаю'). Однако в последнее время замечается более широкое употребление флективной формы (*эгите бькэ*). Это в частности, касается литературного языка курдов СССР. Остальные же формы постепенно исчезают. Но если они до сих пор и употребляются, то только в том значении, в каком употребляется флективная форма. Таким образом, наличие двух будущих времен в курдском языке не подтверждается фактами современного языка.

Большое сомнение вызывает ирреальное наклонение (стр. 247). Насколько нам известно, приводимые автором в качестве образца ирреального наклонения примеры (*эз кōштьне бум* 'чуть было не был я убит', 'чуть-чуть меня не убили'; *езе кōштьне бума* 'я был бы убит'; *экōштьне мэ* 'меня убивают'; *эзе кōштине бьм* 'наверное ,я буду убит' и т. д.) в подобной форме не употребляются, во всяком случае, в языке курдов СССР. Нам известна несколько иная форма, а именно: *эз бэр кōштьне бум* 'я был при смерти' (букв. я был при убиении); *эзе бэр кōштьне бума* я был бы при смерти (букв. 'при убиении'); *эз бэр кōштьне мэ* 'я нахожусь при смерти' (букв. 'при убиении'); *эзе бэр кōштьне бьм* 'я буду находиться при смерти' (букв. 'при убиении') и т. д. Что касается приведенных автором русских переводов, то они соответствуют следующим курдским формам: 'чуть было не был я убит'— *ньндьк мабу эз бiнатама кōштьне*; 'я был бы убит' — *эзе бaнтама кōштьне*; 'меня убивают' *мьн' дькōэжьн*; 'наверное, я буду убит'— *к'ъвши hэйэ, кō эзе бемэ кōштьне* и т. д.

Трудно понять, каким образом сослагательное наклонение становится одним из четырех времен ирреального наклонения. Как пишет К. Курдоев, «ирреальное наклонение имеет 4 времени: простое прошедшее, сослагательное наклонение, настоящее время и будущее время». Равным образом непонятно, почему сослагательное наклонение рассматривается автором в разделе «Времена, наклонения и их образование» (стр. 213), а повелительное и ирреальное наклонения в разделе «Наклонения и модальные значения временных форм глагола» (стр. 245). Нам кажется, было бы лучше и правильнее рассматривать наклонения вместе как особую категорию.

Перечисленные нами недостатки и спорные положения не смогут повлиять на общую оценку рецензируемой работы, в которую вложены большой труд и исследовательское умение.

Ч. Х. Бакаев

SUMMARY

K. Kurdoyev's grammar of the Kurdish language, the first of its kind in the Russian language, is a valuable contribution to Soviet linguistics. It gives a detailed and generally correct analysis of almost all the aspects of the Kurdish language and is based on rich materials collected by the author from the literature and the two basic dialects of the language: the Kurmanji and Kurdish.

Many complex questions relating to the Kurdish language and not reflected in earlier works of this kind, are treated and correctly explained in this grammar.

Trần-Văn-Giàu. Giai Cấp Công Nhân Việt-Nam.

ЧАН ВАН ЗАУ. Рабочий класс Вьетнама. Ханой, Изд-во «Сы тхат», 1957, 219 стр.

В 1957 г. в Ханое вышла в свет монография вьетнамского историка и политического деятеля Чан Ван Зау «Рабочий класс Вьетнама», являющаяся, по существу, первым во вьетнамской исторической литературе марксистским исследованием на эту тему.

Достоинство работы Чан Ван Зау состоит в том, что она написана на основе изучения большого количества источников на вьетнамском и французском языках, и, что самое ценное, не известных доселе архивных материалов.

Монография охватывает период с зарождения вьетнамского рабочего класса до 1929 года, т. е. до момента превращения его в самостоятельную политическую силу.

Работа Чан Ван Зау состоит из пяти глав. В первой главе «Формирование рабочего класса» автор подробно рассматривает состояние промышленности Вьетнама до французского завоевания, анализирует экономическую политику французских колонизаторов в первый период их господства и на этом фоне показывает, как параллельно с развитием промышленности зарождался и формировался вьетнамский пролетариат.

Промышленность Вьетнама до захвата его Францией была крайне отсталой, в стране существовали лишь отдельные элементы капитализма.

Приход французов в Индокитай дал толчок развитию капиталистических отношений, особенно в торговле, а также в промышленности. Жестоко грабя страну, расхищая ее природные богатства, обирая народ при помощи разнообразных налогов и поборов, захватывая землю и разоряя крестьянство, французские колонизаторы постепенно развернули строительство различных промышленных предприятий, главным образом по переработке технических культур и сельскохозяйственных продуктов, различных путей и средств сообщения.

В 1906 году во Вьетнаме насчитывалось уже 90 фабрик и заводов. Все это вызвало быстрый рост численности рабочего класса, который до того был весьма немногочислен. Представителям местной буржуазии французские империалисты позволяли развивать только те отрасли обрабатывающей промышленности, продукция которых не могла конкурировать с французскими товарами. По мере развития промышленности во Вьетнаме росло и крепло капиталистическое хозяйство, начали складываться новые классы вьетнамского общества: буржуазия и пролетариат.

Далеко не сразу смог вьетнамский пролетариат выработать свое классовое самосознание и противопоставить свои классовые интересы интересам других классов вьетнамского общества. Чан Ван Зау считает, что пролетариат Вьетнама превратился в класс «в себе», но его выражение в период, предшествовавший первой мировой войне (стр. 70). В 1909 г. общее число промышленных и строительных рабочих уже достигало 55 тыс. В 1912 г. в одной только горнорудной промышленности было занято 12 тыс. рабочих. На текстильной фабрике Намдиня работало 7000 рабочих, на цементном заводе в Хайфоне — 1500, в железнодорожных мастерских и в депо г. Виня — 1000; на судостроительном и оружейном заводе «Басон» в Сайгоне — 1000 рабочих. Происходит постепенная концентрация вьетнамского рабочего класса в индустриальных центрах: Сайгоне, Телоне, Намдине, Хонгае, Хайфоне и Ханое. В годы первой мировой войны в связи с расширением добычи цветных металлов и угля и производства военно-стратегических материалов, а также продовольствия для французской армии ряды вьетнамского пролетариата быстро росли, и к концу войны численность рабочего класса в промышленности Вьетнама достигла 100 тыс. человек.

Рабочее движение во Вьетнаме до первой мировой войны носило неорганизованный, стихийный характер, оно было, в основном, направлено на удовлетворение экономических требований трудящихся. Рабочий класс еще не стал самостоятельной политической силой; марксизм еще не проник в рабочее движение. «Рабочий класс Вьетнама до 1914 г., — пишет Чан Ван Зау, — был классом «в себе», а не классом «для себя» (стр. 62).

Во второй главе книги прослеживается

количественный рост вьетнамского рабочего класса в период 1919—1929 гг. Автор отмечает, что после первой мировой войны начался новый этап колониальной эксплуатации Вьетнама, характерный резко усилившимся притоком капиталов из метрополии. Если французские капиталовложения во Вьетнаме с 1888 г. по 1918 г. составили 492 млн. франков (по курсу 1930 г.), то в течение лишь 1924—1931 гг. в колонию было вывезено капиталов на сумму 2500 млн. франков.

Интенсивность капиталовложений, указывает Чан Ван Зау, привела к некоторому развитию экономики страны, а следовательно, и к увеличению численности рабочего класса. Общее количество рабочих, занятых в горнорудной промышленности, выросло с 11 840 человек в 1919 г. до 52 тыс. человек в 1929 г. По французским данным, в 1929 г. на принадлежащих французам промышленных предприятиях и плантациях работала 221 тыс. человек.

Увеличилась численность и рабочих на национальных предприятиях в связи с тем, что, как отмечается в книге, в послевоенные годы (особенно после 1925 г.) национальная промышленность заметно выросла. В книге приводятся данные о созданных местными капиталистами промышленных предприятиях, шахтах, сообщается об основанных в этот период пароходных компаниях, национальном банке «Нган Ханг Вьетнам» и т. п.

По мнению Чан Ван Зау, в период 1919—1929 гг., в результате роста капиталовложений в экономику Индокитая и бурного расширения плантационного хозяйства, во Вьетнаме оформляется класс национальной буржуазии (стр. 110).

Характеризуя значительный численный рост вьетнамского пролетариата, автор подчеркивает, что в указанный период рабочий класс изменился и качественно: он стал более концентрированным и организованным.

Третья глава книги посвящена положению рабочего класса Вьетнама в 1919—1929 гг. Автор приводит множество фактов, свидетельствующих о чрезвычайно тяжелых условиях жизни и труда рабочих, испытывавших двойной гнет — иностранных и местных капиталистов. Законодательство о труде существовало только на бумаге. Зато было издано много законов, направленных против рабочего движения. Например, до 1930 года рабочие не имели права создавать свои профессиональные организации. Закон от 11 ноября 1918 г. предоставлял хозяину полную свободу в подавлении забастовок.

В четвертой главе исследуются новые политические условия, создавшиеся во Вьетнаме после первой мировой войны. В этой главе большой интерес представляет анализ влияния Великой Октябрьской революции в России на развитие рабочего движения во Вьетнаме. Автор убедительно показывает, что Октябрьская революция помогла вьетнамским революционерам понять, по какому пути им нужно итти. Идеи Октября достигли Вьетнама через те десятки тысяч вьетнамских рабочих и солдат, которые в годы первой мировой войны были посланы во Францию, а потом возвратились на родину. Любопытно в этой связи приводимое в книге донесение генерал-губернатора Индокитая, указывавшего на необходимость установления строжайшего контроля над рабочими, прибывшими из Франции, «так как они стали лучше разбираться в своих классовых врагах» (стр. 197). В книге рассказывается о ряде возвратившихся из Европы вьетнамцев, ставших во главе рабочего и революционного движения во Вьетнаме. Тон Дык Тханг, нынешний председатель Постоянного Комитета Национального собрания ДРВ, одним из первых вьетнамских революционеров воспринял идеи социалистической революции. Будучи механиком французского военного судна «Париж», он участвовал в восстании команды корабля, поднятом в районе Одессы в знак поддержки молодой Советской России, а затем — в революционной борьбе рабочих и моряков Тулона. После возвращения в 1920 г. на родину он организовал первые подпольные профсоюзы, осуществлявшие руководство рабочим движением страны.

Хо Ши Мин (Нгуен Ай Куок), который в тот период вел революционную борьбу во Франции, был первым вьетнамцем, увидевшим в Октябрьской революции путь к национальному освобождению всех угнетенных народов. Он же первым из вьетнамцев вступил в ряды Коммунистической партии Франции вскоре после ее основания. Автор подробно анализирует революционную деятельность Хо Ши Мина.

Коммунистические партии Франции и Китая вели широкую пропаганду марксизма-ленинизма среди вьетнамских рабочих и студентов, проживавших во Франции и в Китае. Под влиянием революционной борьбы в Китае вьетнамские революционеры, эмигрировавшие в Китай, спасаясь от репрессий французских империалистов, создали там ряд своих политических организаций. В июне 1925 г. Хо Ши Мин создал в Китае первую вьетнамскую марксистскую организацию под названием «Вьетнам Тхань Ниен Кать Манг Донг Ти Хой» («Товарищество вьетнамской революционной молодежи»). Указанная организация подготовила условия для создания коммунистической партии Вьетнама.

Последняя глава исследования Чан Ван Зау посвящена борьбе вьетнамского рабочего класса в 1919—1929 гг. Автор подчеркивает, что именно в это время рабочий класс Вьетнама превращается в самостоятельную политическую силу. Чан Ван Зау подразделяет историю вьетнамского

рабочего движения от Октябрьской революции до создания Коммунистической партии Вьетнама на три периода. В первый период — 1919—1925 гг.— рабочее движение, носившее все еще стихийный характер, начинает приобретать лишь отдельные элементы организованности.

Второй период — 1926—1928 гг.— характеризуется усилением рабочего и спадом буржуазно-демократического движения. В это время разворачивает свою деятельность среди трудящихся марксистское «Товарищество вьетнамской революционной молодежи» — Тхань Ниен, в различных районах страны создаются профсоюзные организации. Именно в этот, второй, период начинается борьба за гегемонию в национально-освободительном движении между буржуазией во главе с партией Куок Зан и рабочим классом во главе с Тхань Ниен.

В третий период—1929—1930 гг.—происходит дальнейшая дифференциация классов и политических партий, еще более усиливается и активизируется рабочее движение. Вместе с тем становится очевидной недостаточность руководства рабочим движением со стороны Тхань Ниен. Сложившаяся в стране обстановка настоятельно требует создания единой коммунистической партии, партии нового типа, призванной стать революционизирующей и руководящей силой рабочего и всего национально-освободительного движения.

Автор работы убедительно показывает, как на протяжении всех этих трех периодов нарастала борьба рабочего класса. Он упоминает обо всех основных стачках и манифестациях, имевших место в течение 1919—1929 гг. Особенно усилилось стачечное движение в 1929—1930 гг.: с апреля 1929 по апрель 1930 г. произошло 43 забастовки. Стачечное движение в это время охватило почти все отрасли хозяйства страны: плантации, горнорудные предприятия, транспорт, электростанции, фабрично-заводскую промышленность. Возглавлявшиеся профсоюзными организациями и местными коммунистическими ячейками стачки 1929 г. отличались своей организованностью; требования рабочих носили как экономический, так и политический характер. Особенность подъема рабочего движения в 1929 г. заключалась в том, что рабочий класс сумел к этому времени привлечь на свою сторону крестьянство, часть мелкой буржуазии, революционное студенчество и некоторые другие слои населения. На протяжении 1929 г. ни одна политическая организация не пользовалась таким авторитетом и уважением, как марксистская группа Тхань Ниен. В 1930 г. рабочий класс и его передовой отряд — созданная 6 января 1930 г. Коммунистическая партия Вьетнама становится руководящей и направляющей силой национально-освободительного движения вьетнамского народа.

Книга Чан Ван Зау — глубокое марксистское исследование по истории рабочего движения во Вьетнаме. Было бы весьма полезно издать эту книгу на русском языке.

С. А. Мхитарян

SUMMARY

Written by the Vietnamese historian Tran Van Giau the book «The Working Class of Viet-Nam» is a valuable contribution to Marxist research. It covers the history of the Vietnamese proletariat from the moment of its appearance until 1929, i. e., until its development into an independent political force.

കെ. ദാമോദരൻ

.ഭാരത സംസ്കാരം

К. ДАМОДАРАН. Дух Индии. Паришат Букстол. Ернакулам, 1957 (язык малаялам), 389 стр.

Среди множества книг по истории общественно-политической мысли и прогрессивных движений в Индии очень мало марксистских исследований. Книга К. Дамодарана[1] в какой-то мере заполняет этот пробел.

Автор не претендует на исчерпывающее освещение истории всех философских, религиозных и политических течений в Индии. Он ставит перед собой задачу лишь определить место важнейших из этих течений в истории Индии, охарактеризовать предпосылки их появления, их классовую сущность, показать, что борьба в сфере идей, в конечном счете, является лишь отражением борьбы классов.

К. Дамодаран опровергает мнение некоторых историков, будто история Индии начинается только с приходом арийских племен. На основании изучения данных о раскопках в Мохенджо-Даро и Хараппе, автор пришел к следующим выводам: культура аборигенов Индии — дравидов была развита относительно высоко; имущественное неравенство и классовая дифференциация возникли в эпоху, предшествующую вторжению ариев, и в это время появилось государство. Однако на основании имеющихся сейчас материалов трудно еще судить о характере этого государства.

Характеризуя древнеиндийское общество, К. Дамодаран показывает социально-экономические изменения, обусловившие появление классов, начало столкновений между ними и зарождение системы варн, которую автор считает особенностью рабовладельческого строя в Индии. По мнению К. Дамодарана, рабовладельческая формация в истории Индии характеризовалась сохранением элементов первобытно-общинного уклада, отсутствием громадных латифундий, на которых использовался бы труд сотен и тысяч рабов. Рабство в Индии, как считает К. Дамодаран, было патриархальным. Рабы выполняли преимущественно домашние работы. Они имели свое жилье, семью и кое-какое личное имущество.

Большое внимание уделяет автор вопросам идеологии и идеологической борьбы в древней Индии. Он отмечает, что VII—II вв. до н. э. были временем сильных социальных потрясений. По стране прокатилась волна антибрахманских выступлений рабов и крестьян. Именно в это время формируются различные философские системы. Подробно описывая принципы чарвака, санкхья, йога, вайшешика, ньяя, миманса, веданта К. Дамодаран стремится выделить в каждой из этих систем элементы материализма и диалектики, установить соотношение и взаимодействие этих элементов. По его мнению, влияние материалистических идей особенно возросло в начале периода Маурьев: идеи чарвака были распространены среди большинства простых людей. Автор согласен с теми исследователями, которые считают, что все священные книги чарваков были уничтожены брахманами-жрецами.

Возникновение буддизма и джайнизма К. Дамодаран относит ко времени дальнейшего развития рабовладельческих отношений, обострения социальных противоречий в результате соперничества брахманов и кшатриев, борьбы между брахманами и торговцами — вайшья, а также между рабами и рабовладельцами. Идеи буддизма, пишет Дамодаран, с самого начала были поддержаны кшатриями и торговцами — вайшья, и развернувшееся движение явилось социальной революцией, направленной против засилья брахманизма. Последовавший затем упадок буддизма в Индии автор объясняет социальными изменениями, ростом новых философских идей и, особенно, сокрушительной критикой со стороны Шанкарачарья, философа VIII в. н. э.

В главе о литературе, искусстве и науке древней Индии К. Дамодаран основное внимание уделяет «Рамаяне» и «Махабхарате». Он считает, что в начале они не были религиозными книгами, а представляли собой народные предания об умерших героях, но когда «Рамаяну» и «Махабхарату» начали использовать при совершении священных обрядов и жертвоприношений, перья ловких жрецов внесли в эти произведения массу изменений, причем многое было написано заново. Так в них появилась мистическая основа. Автор отмечает, что «Артхашастра» Каутильи и «Махабхарата» представляют собой исключительную ценность для изучения общественно-политической жизни того времени.

К. Дамодаран подробно описывает процесс становления феодализма в Индии. Вместе с развалом империи Гуптов рушится и экономическая система, покоящаяся на рабстве. В период V — VI вв. н. э., пишет Дамодаран, в Индии созревает феодализм. Зародыши его автор усматривает в системе варн. Феодальный способ производства в Индии возник, по его мнению, не в результате революций и открытых войн между классами, поэтому сохранялись пережитки первобытно-общинного строя и рабства, что в той или иной мере затрудняло развитие феодального способа производства. Ссылаясь на записки Фа Сяня, посетившего Индию в начале V в., К. Дамодаран делает вывод, что феодализм в то время еще не укоренился, однако, уже в «Шукранидисара», написанном в VI или VII в., нашли отражение его важнейшие особенности. Автор рассматривает характерные черты феодального способа производства в Индии, некоторые из них схожи с чертами феодальной системы в европейских странах, но имеется и ряд существенных отличий. Так, в Индии не встречалась барщина (тожилпаттам), хотя К. Дамодаран признает, что в заключительный период феодализма имели место случаи, когда помещик заставлял крестьян обрабатывать свою землю. Автор подробно рассказывает как при феодализме на смену варнам приходит система каст (джадивьявастха) и показывает различие между варной и кастой.

Именно в это время идеологией феодализма становится индуизм. Характеризуя различные аспекты индуистской философии и культа, К. Дамодаран высказы-

[1] К. Дамодаран — известный публицист Кералы, автор многих трудов. Он написал, например, «Введение в политэкономию», «Принципы политэкономии», «Экономические проблемы Индии», «Революция в Китае», «Что такое литература», «Марксизм» (10 выпусков).

вает мысль, что ахимса, приобретшая популярность со времен буддизма, использовалась как орудие подавления борьбы и протеста угнетенных (стр. 201).

В книге прослеживается развитие Индии в так называемый мусульманский период ее истории.

Как и в Европе, пишет Дамодаран, период XIV—XVII вв. в Индии характеризуется большими социальными переменами, подъемом экономики и оживлением культурной жизни страны. Подрываются в своей основе феодальные отношения и начинают активизироваться капиталистические элементы. Именно в это время, по мнению Дамодарана, появляются зародыши будущих наций, начинают формироваться литературные языки некоторых индийских народностей.

Значительный интерес представляет глава о народном движении бхакти в Индии. Автор проводит параллель между этим движением и войнами времен реформации в Европе. Опираясь на высказывания Энгельса, он показывает, что здесь, как и в крестьянской войне в Германии, за религиозной оболочкой скрывались интересы и нужды различных классов. Бхакти, отмечает Дамодаран, началось как движение ремесленников и торговцев, из которых впоследствии вырос класс буржуа. Рассматривая четыре известных принципа движения бхакти, К. Дамодаран подчеркивает, что идеологи этого движения в основном были выходцами из народа, например, хиндустанцы Кабир и Даду, маратхи Намадев и Тукарам, телугу Вемана и малаяли Эжуттаччан. Поддержанное широкими массами крестьян движение бхакти выросло в открытый протест против привилегий брахман, мусульманских правителей и иностранных завоевателей. Бхакти, по мнению Дамодарана, дало толчок некоторым важным политическим событиям XVII и XVIII вв., в частности, войнам в Махараштре и Пенджабе против власти Моголов.

Яркие страницы посвящены характеристике английской колониальной политики и ее последствий. Автор показывает, что в период английского господства пришли в упадок сельское хозяйство, торговля и ремесло, подчеркивает, что британские завоеватели для укрепления своего владычества осуществляли политику «разделяй и властвуй», в частности стремились разъединить индусов и мусульман.

В научной литературе имеются различные характеристики великого народного восстания 1857—1859 гг. К. Дамодаран рассматривает это восстание как народное, хотя его и возглавляли, как правило, феодалы. Одну из главных причин поражения восстания автор видит в предательстве и трусости феодалов.

Несколько последних глав книги посвящено подъему национально-освободительного движения в Индии за последнее столетие. Останавливаясь на заслугах Рам Мохан Роя, «отца индийского национального движения», Дамодаран отмечает, что присущий его мировоззрению монотеизм был тесно связан с мыслью о единстве Индии. Шри Нараянагуру (1854—1928) для Кералы явился, по мнению автора, тем, кем Рам Мохан Рой был для Бенгалии. Интересен раздел о Свами Вивекананде и его учителе Рамакришне. Отмечается большое влияние на Вивекананду идей социализма.

В книге охарактеризована также роль Балгангадхара Тилака и Ауробиндо Гхоша в освободительном движении Индии. Дан анализ различных сторон миросозерцания Рабиндраната Тагора. Гуманизм Тагора, по мнению автора, направлен против слепой веры и предрассудков, угнетения и эксплуатации. На споре Махатмы Ганди и Рабиндраната Тагора о причинах землетрясения в Бихаре, автор показывает разницу их религиозных воззрений. Он отмечает, что «Письма о России» Тагора оказали колоссальное влияние на развитие в Индии борьбы за национальное освобождение, они заставили индийскую молодежь взглянуть на мир другими глазами.

После первой мировой войны, когда всю страну захлестнула волна ненависти к империализму, пишет Дамодаран, во главе национально-освободительной борьбы встал Махатма Ганди. Автор указывает, что Ганди был одним из немногих великих людей, понявших истинную роль народа в истории. Он преодолел многие суеверия и предрассудки, которые до него никто не сумел поколебать. Национальному движению, в которое до того вовлекались лишь верхушечные слои интеллигенции, он придал общенародный характер. Рассматривая гандистскую концепцию ахимсы, автор говорит, что она стала орудием, направленным против империалистического господства и отвечала целям развития национального и антиколониального движения. Поэтому в условиях Индии ахимса Ганди, вне сомнения, сыграла прогрессивную роль.

Подробно останавливается Дамодаран и на ограниченности философии Ганди. «Гандиджи, — пишет он, однако совершенно не желал изменения существовавших общественных отношений революционным путем. Хотя он и питал безграничную веру в ахимсу, он поддерживал общество, опирающееся на насилие» (стр. 371—372). К. Дамодаран указывает, что это противоречие было подмечено еще Д. Неру.

«Сатья и ахимса, — отмечает Дамодаран, — использовались для того, чтобы с самого начала обезоружить революционные выступления, принимавшие угрожающие размеры. Часто они использовались для того, чтобы ограничить размах народного движения, направленного против империалистического господства. Например, с помощью ахимсы было остановлено движение несотрудничества в 1920—1922 гг. в условиях, когда народные массы, несмотря на всевозможные репрессии, рвались вперед. В то самое время, когда начал активизироваться рабочий класс, являющийся освободительной силой общества, все больше стала выявляться буржуазная ограниченность мировоззрения и недостаток воинственности Ганди. Новые растущие силы совершенно не удовлетворяли его мнение, что не следует полностью уничтожать капиталистическую систему, что было бы хорошо оставить капиталистов «опекунами» (стр. 372). «Его принцип, что не следует уничтожать помещичью систему, которая отжила свой век, породил недовольство и протесты внутри национального движения» (стр. 373), — пишет Дамодаран. «Несмотря на многие подобные недостатки и слабости его философско-политических взглядов и практической деятельности, роль, которую Ганди сыграл в пробуждении сознания трехсотмиллионного народа, никогда не померкнет» (стр. 374—375).

В заключительных главах книги рассказывается о растущем влиянии марксистской философии на прогрессивные силы Индии, кратко характеризуются основные черты диалектического материализма и подчеркивается важность в современных условиях объективного анализа всех великих традиций Индии.

Использовав многочисленные исследования по истории Индии и опираясь на труды Маркса и Энгельса, автор написал интересную книгу о развитии общественной мысли Индии, от ее истоков до последних дней. Книга богата фактами и выводами. Книга К. Дамодарана «Дух Индии» получила высокую оценку на страницах прогрессивной печати Кералы. Мы считаем полезным издание этой книги на русском языке.

Ю. Я. Глазов

SUMMARY

The reviewer emphasizes that K. Damodaran has written an excellent book, tracing the development of social ideas in India up to our days. Based on his studies of numerous works on the history of India and of the works of Marx and Engels, the book is rich in facts and new conclusions. The reviewer considers it useful to publish book in Russian.

ZOË MARSH AND G. W. KINGSNORTH. An introduction to the history of East Africa. Cambrige, University press, 1957, 263 p.

Книга Марш и Кингснорта «Введение в историю Восточной Африки», которая служит учебным пособием для студентов Кембриджского университета, является первой работой, систематически излагающей основные события в истории Кении, Уганды, Танганьики и Занзибара с IX в. до наших дней [1].

Отражая в вопросе о колониальной политике господствующую в английской буржуазной историографии антинаучную концепцию, Марш и Кингснорт рассматривают народы Африки не как субъект истории, а как ее объект, не признавая за африканскими народами роли активного творца истории.

По существу авторы написали не историю африканских племен и народностей, а историю колониального захвата Восточной Африки и деятельности колонизаторов.

Авторы справедливо отмечают, что период древней истории Восточной Африки исследован еще недостаточно. Однако нельзя согласиться с их утверждением, что в распоряжении исследователей нет никаких сведений, характеризующих социально - экономический строй африканских племен до европейской колонизации.

Известно, что за последние годы в результате археологических раскопок, произведенных в ряде мест Восточной Африки, обнаружены древнейшие памятники культуры коренного населения, имеются ценные свидетельства путешественников, посещавших Восточную Африку до ее раздела Англией и Германией. К сожалению, эти ценные материалы до сих пор не обобщены. Не сделали этого и авторы рецензируемой книги.

Большое внимание Марш и Кингснорт уделяют вопросу о рабстве и работорговле, которые, несомненно, принесли неисчислимые бедствия жителям Африки, и в этом

[1] Следует указать на интересную книгу *R. Reusch*. History of East Africa. Stuttgart, 1954, посвященную главным образом истории арабских поселений и португальских захватов на побережье до европейской колонизации.

авторы правы. Но оценка ими роли англичан в борьбе против рабства и работорговли не может быть признана правильной.

Авторы пытаются убедить читателя в том, что меры, предпринятые Англией против арабской работорговли, диктовались исключительно соображениями гуманности. В действительности же они определялись стремлением Англии, вытеснив из Восточной Африки арабов, укрепить здесь свои собственные позиции.

Большое место в рецензируемой книге отводится деятельности католических и протестантских миссионерских обществ. Нельзя сказать, что авторы рецензируемой книги не понимают зловещей роли христианских миссионеров в порабощении африканских народов. Они признают существование связи между деятельностью Лондонского миссионерского общества и стремлениями Сесиля Родса захватить территорию современной Северной Родезии (стр. 83) и приводят факты о предоставлении миссионерам специальных субсидий для развертывания их деятельности в Уганде в целях подготовки почвы для захвата этой территории англичанами (стр. 83). Однако из всего этого они не делают соответствующих выводов, не показывают, как вслед за миссионерами пришли колонизаторы, как огнем и мечом устанавливали европейцы свое господство в Африке.

Рассказывая о борьбе европейских держав за африканские территории и оценивая значение раздела Африки между империалистическими державами, Марш и Кингснорт пишут: «Раздел принес африканцам больше выгод, чем потерь» (стр. 98). Исходя из этой оценки империалистического разбоя, авторы стараются в самом лучшем свете представить итоги Берлинской конференции 1884—1885 гг., которая узаконила империалистические захваты европейских держав в Африке. Брюссельскую конференцию 1889—1890 гг. они изображают как конференцию, преследовавшую чисто гуманные цели: «Брюссельская конференция (1889—1890) имела три задачи, каждая из которых преследовала гуманные цели: первая — полное и окончательное уничтожение африканской работорговли, вторая — защита африканского населения и третья — обеспечение для Африки благ от мира и цивилизации» (стр. 98—99). Так пытаются Марш и Кингснорт убедить читателя «в доброй воле» империалистов. Вслед за английским колонизатором Лугардом они утверждают, что целью английской колониальной политики является стремление использовать материальные ресурсы отсталых стран, в частности и Африки, в общих интересах всего человечества и добиться культурного прогресса отставших в своем развитии народов (стр. 92). На самом деле целью колониальных захватов было обеспечение метрополии источниками сырья и рынками сбыта. Сами авторы рассказывают о борьбе между Англией, Германией, Францией, Португалией и Бельгией за африканские территории. Ни о каких интересах всего человечества в данном случае говорить не приходится. А о том, как Англия «добивалась» культурного прогресса африканских народов, можно судить по результатам семидесятилетнего господства Англии в Восточной Африке. За этот достаточно большой срок уровень развития производительных сил у африканских народов остался здесь почти таким же, как и до прихода англичан. Основным орудием сельскохозяйственного производства продолжает оставаться мотыга. Промышленность в Восточной Африке развита чрезвычайно слабо, а имеющиеся промышленные предприятия находятся не в руках африканцев, а принадлежат европейцам. Лишь незначительная часть африканского населения имеет возможность получить начальное образование, очень ограниченное число — законченное среднее и единицы — высшее. Английские колониальные власти не только не содействуют росту грамотности африканцев, а наоборот, осуществляя политику расовой дискриминации, всячески препятствуют их стремлению получить образование. В 1950 г. число африканских детей, окончивших среднюю школу, по отношению к общему количеству школьников, составляло: в Уганде—0,14%, в Кении — 0,08%, в Танганьике — 0,04% [2]. В Кении на обучение каждого европейского школьника расходовалось в 1955 г. в среднем 95 ф. ст. в год, а на обучение каждого африканского школьника только 6 ф. ст. и 2 шиллинга [3]. Таким образом, английские колонизаторы меньше всего заботятся о культурном прогрессе своих восточноафриканских колоний.

Марш и Кингснорт почти не касаются такого важного вопроса как отношение коренного африканского населения к европейским колонизаторам, упоминая об этом лишь вскользь в различных местах книги. Между тем известно, что африканцы оказывали упорное сопротивление европейским захватчикам. С 1888 по 1894 гг. немцам пришлось вести настоящую войну против восставших арабов и африканцев. Восстание приняло такие размеры, что немецкие вооруженные силы были вынуждены оставить ряд важных пунктов на побережье Восточной Африки (Багамойо, Пангани, Танга, Кильва и Линди). В 1892—1894 гг. широкий размах получило восстание африканских племен на юге Танганьики и в районе Килиманджаро на севере. В 1905—1907 гг. снова вспыхнуло

[2] «Institut International des civilisations differentes. Dévelopement d'une classe moyenne dans les pays tropicaux et subtropicaux». Bruxelles, 1956, p. 216.

[3] «United Nations. Non-Self-governing territories».

крупное восстание против немецкого господства в Восточной Африке. Все это — события большой важности, однако, авторы книги проходят мимо них, что, несомненно, целиком вытекает из их колониалистской концепции. Если бы Марш и Кингснорт показали борьбу африканцев против колонизаторов, это поколебало бы провозимую ими идею благотворного влияния политики колонизаторов на жизнь африканского народа.

Освещая историю отдельных стран Восточной Африки, авторы отмечают существование в Уганде до прихода англичан хорошо организованного в политическом и военном отношениях феодального государства — Буганды. Довольно ярко показана развернувшаяся в конце XIX в. борьба за Уганду между Германией, Англией и Францией. Авторы правильно рассматривают соперничество различных христианских миссий как борьбу между Францией и Англией за господство в Уганде (стр. 131). Протестантские миссии боролись за усиление влияния англичан, а католические, располагавшие в Уганде большим влиянием, пытались укрепить позиции Франции. Сами африканцы стремились прогнать всех проповедников и обеспечить независимое существование своего государства. Все это привело к гражданской войне 1888—1890 гг., завершившейся победой английских ставленников. В 1897 г. в Уганде началось новое крупное восстание против англичан, которое им удалось подавить только в 1899 г. В 1900 г. между Англией и Бугандой, самым большим королевством Уганды, было подписано соглашение о протекторате. Соглашение предусматривало выделение значительной земельной площади кабаке Буганды, его семье и вождям. В результате в Буганде возник класс крупных земельных собственников — опора английских колониальных властей.

Борьба за независимость в Уганде, и особенно в Буганде, значительно усилилась после второй мировой войны. Авторы не показывают, однако, движущих сил национально-освободительного движения и тех социально-экономических изменений, которые его обусловили.

Ряд извращений допускают Марш и Кингснорт при изложении истории Кении. В течение 1895—1901 гг. англичане построили железную дорогу, соединяющую Момбасу с озером Виктория. Авторы утверждают, что главной целью строительства дороги было покончить с арабской работорговлей в Восточной Африке. Это утверждение не соответствует действительности хотя бы потому, что основные караванные пути работорговцев проходили не по территории Кении, а по территории Танганьики. Строительство железных дорог в Восточной Африке, как и в других колониях, имело своей главной целью использование колоний как источника сырья и рынка сбыта промышленных изделий метрополии. Еще одна причина, заставила англичан форсировать строительство Момбасской железной дороги, которая также замалчивается авторами книги: в случае неблагоприятной обстановки для Англии в Египте или Судане эта дорога могла сыграть весьма важную стратегическую роль. И не случайно сейчас, когда Англия потеряла свои позиции в Египте и Судане, английские империалисты стремятся превратить Кению в свою военную базу.

Завершение строительства железной дороги ознаменовалось величайшими бедствиями для африканских племен, живших в близлежащих к железнодорожному полотну районах. Земли нагорья, через которые проходило железнодорожное полотно, самые плодородные в Кении. Англичане решили превратить их в европейские поселения, в «страну белого человека». С этой целью скотоводческие племена масаи, насчитывавшие примерно 45 тыс. человек, были согнаны со своих земель в специально созданные для них резервации. Также поступили с земледельческими племенами кикуйу, эмбу, нанди и др. В настоящее время в распоряжении африканцев Кении осталось всего лишь 24% земельной площади страны. Остальная земля считается собственностью британской короны. Для европейских поселенцев выделено 21 366 кв. км лучшей земли. Королевские леса и национальные парки занимают 20 392 кв. км [4]. Обо всех этих вопиющих фактах ограбления африканского населения Кении европейскими колонизаторами Марш и Кингснорт предпочитают умалчивать. По-видимому, они считают подобные явления естественными и справедливыми, ибо эти явления не встречают с их стороны никакого осуждения.

Специальная глава посвящена конституционному развитию Кении. Авторы стараются убедить читателя в том, что английские колониальные власти делали все возможное для усиления роли африканцев в управлении страной и что в этом направлении достигнуты значительные успехи. В действительности же коренное население Кении совершенно отстранено от управления страной. Африканцы Кении лишены элементарных политических прав. Высшую государственную власть в стране осуществляет губернатор, назначаемый английским правительством и ответственный перед ним за свою деятельность. Правда, существует Законодательный совет с совещательными функциями, но и здесь господствующее положение занимают европейцы. Из 60 членов Законодательного совета только 14 африканцев представ-

[4] «Great Britain. Colonial office. Report on the colony and protectorate of Kenya for the year 1955». London, 1956, p. 39.

ляют 96% населения страны! Неудивительно, что африканцы Кении развернули сейчас упорную борьбу за расширение африканского представительства в Законодательном совете и за введение всеобщего избирательного права.

После второй мировой войны в Кении развернулось широкое национально-освободительное движение и в течение четырех лет англичане вели там колониальную войну. Но напрасно читатель будет искать отражения этих событий в работе Марш и Кингснорта.

Излагая историю Танганьики, Марш и Кингснорт хотят доказать, что превращение этой бывшей германской колонии в подмандатную территорию под управлением Великобритании явилось большим благом для африканцев. Они нигде не упоминают о том, что ООН предоставила Англии мандат на временное управление Танганьикой с целью подготовки ее к самоуправлению, они не только стараются предать это забвению, но и пытаются доказать, что население Танганьики заинтересовано в сохранении английского управления. И в этой части книги не показано национально-освободительное движение, получившее широкий размах после второй мировой войны.

Мы рассмотрели лишь некоторые наиболее важные вопросы, затронутые в книге Марш и Кингснорта. Из сказанного видно, что авторы рецензируемой книги подходят к проблемам истории Восточной Африки с позиций колонизаторов.

М. И. Брагинский

SUMMARY

The reviewer notes that Z. Marsh and G. W. Kingsnorth treat problems relating to the history of East Afrika from the standpoint of colonialists. Regarding the African peoples not as active makers of history, but as pawns, the authors do not pay sufficient attention to the social and economic system and to the culture of the aborigines. They consider the British rule to be a positive factor, notwithstanding the well known fact that it has caused the Africans great sufferings. The struggle of the African peoples for freedom and independence is not reflected in the book.

G. C. ALLEN, A. G. DONNITHORNE. Western enterprise in Indonesia and Malaya. London, George Allen and Unwin, 1957, 321 p.

Английские ученые Г. К. Аллен и А. Г. Доннитори посвятили две работы роли западного предпринимательства в экономическом развитии стран Дальнего Востока. Первая из них — «Западное предпринимательство в экономическом развитии Дальнего Востока: Китай и Япония» вышла в 1954 г., а вторая — «Западное предпринимательство в Индонезии и Малайе» — в 1957 г.

В этой последней работе рассматривается как экономическая политика бывших колониальных властей Малайи и Индонезии, а также правительства независимой Индонезийской республики в последнее десятилетие, так и деятельность частных иностранных компаний в этих странах с начала XIX в. до середины 50-х годов нашего столетия.

Авторы обобщили большой фактический материал, почерпнутый из ряда опубликованных трудов и статистических изданий на английском, французском и голландском языках, и сведения, полученные непосредственно от представителей частных компаний, действующих в Юго-Восточной Азии.

Книга состоит из 16 глав, статистических приложений и библиографического указателя.

В первых двух главах Аллен и Доннитори рассматривают основные этапы экономического развития Индонезии и Малайи с момента появления там первых европейцев в начале XVI в. вплоть до последних лет и анализируют основные пути и методы проникновения частного иностранного капитала в эти страны.

Хотя авторы специально оговаривают в предисловии к книге, что они не являются апологетами западного предпринимательства, во всей работе настойчиво проводится мысль о том, что европейцы имеют большие заслуги перед народами Юго-Восточной Азии, так как они принесли с собой прогресс, технику, культуру и т. д. В первой главе авторы, например, не раз говорят о том, что приток иностранного капитала оказал благотворное влияние на экономику стран этого района, убеждают в том, что колониальные правительства в Индонезии и Малайе ревностно заботились о благосостоянии местного населения, развивали систему здравоохранения и народного образования и т. п. Все эти доводы не новы. С их помощью защитники интересов крупного финансового капитала пытаются затушевать экономическое ограбление слаборазвитых стран империалистическими монополиями. Государственный аппарат колониальных стран лишь облекал в «законную» форму ограбление и угнетение местного населения иностранными капиталистами.

Авторы отмечают, что в Индонезии и Малайе формы западного предпринимательства были разнообразны, хотя и специфичны для каждой из них.

Значительную роль играла экономическая деятельность колониальных правительств, которые, как не могут не признать Аллен и Доннитори, были призваны обеспечить благоприятные условия для вложения капиталов западными предпринимателями (стр. 51).

Рассматривая основные формы частных компаний, авторы подчеркивают роль управляющих агентств (особенно в Малайе), которые возникали как торговые фирмы и внедрялись затем в область производства, непосредственно владея и контролируя плантации и промышленные предприятия. Такие агентские компании, как английские — «Гутри», «Гаррисон энд Кросфильд», «Баустед», и голландские — «Борсумей», «Якобсон ван ден Берг», «Гео Вейс», имеют свою длительную историю. Среди других форм деятельности иностранного предпринимательства авторами выделяется создание крупнейшими европейскими и американскими компаниями новых предприятий. «Дэнлоп раббер компани» и «Юнайтед Стейтс раббер компани» создали крупные плантации в Малайе, а последняя — и в Индонезии. Предприятия обрабатывающей и горнорудной промышленности были созданы такими компаниями международного значения, как «Юнилевер», «Форд моторс», «Бата», «Калтекс», «Биллитон» и др. Особой формой частного предпринимательства в Индонезии являлись голландские акционерные финансовые компании, первоначально связанные с торговлей. В дальнейшем они продолжали играть важную роль в кредитовании торговли, а также занимались кредитованием плантаций и предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции. К такого рода компаниям относятся «Международный кредитный и торговый союз «Роттердам»», «Торговая компания «Амстердам»» и некоторые другие.

Ряд глав книги посвящен разбору деятельности иностранного капитала в отдельных отраслях экономики Индонезии и Малайи: в сельском хозяйстве, горнорудной промышленности, банковском деле, судоходстве, предприятиях общественного пользования, обрабатывающей промышленности. Здесь же приводятся и некоторые данные о предприятиях, принадлежащих национальному капиталу. Подробные сведения о развитии отдельных отраслей экономики этих стран, о деятельности различных компаний, об их структуре и т. п., несомненно, представляют большой интерес. Однако вопрос об эксплуатации индонезийского и малайского народов иностранными монополиями обходится авторами книги. А ведь именно на эксплуатации рабочих, ремесленников и крестьян слаборазвитых стран монополисты наживали и еще продолжают наживать огромные прибыли.

Последняя глава работы «Достижения и перспективы» содержит общие выводы авторов по вопросу о роли иностранного предпринимательства в экономическом развитии Индонезии и Малайи. Подобно ряду других буржуазных экономистов, оправдывающих деятельность империалистических монополий в слаборазвитых странах, Г. К. Аллен и А. Г. Доннитори, как уже отмечалось, пытаются доказать, что иностранный капитал принес большие блага Малайе и Индонезии: там была, заявляют они, упорядочена система управления, созданы крупные капиталистические предприятия и развитая сеть торговли, осуществлено строительство транспортной сети (стр. 264—270).

Подобным апологетам империализма хорошо ответил в статье «За свободную Индонезию» президент Индонезийской республики д-р Сукарно: «О, конечно, современный империализм принес с собой «цивилизацию», при современном империализме появились прекрасные шоссе и густая сеть железных дорог, при современном империализме появились совершенные средства морского сообщения, появились «спокойствие» и «мир», телефон и телеграф, радио и электрическая лампа, медицинское обслуживание и техническое оснащение. Да, современный империализм принес различные знания ...Но разве все принесенное империализмом служит интересам Мархаэна»?[1] (имеются в виду широкие народные массы, Мархаэн—имя, довольно распространенное в Индонезии).

«Современный империализм, постоянно кичащийся своей «цивилизацией» и «общественным спокойствием»,— говорил Сукарно, — сумел превратить Мархаэна из полуживого в полузадушенного»[2].

Иностранные монополии создавали крупные предприятия в слаборазвитых странах, но делалось это отнюдь не ради интересов народов этих стран, а ради собственной наживы. Однобокий, уродливый характер, который придали империалисты экономике слаборазвитых стран, специализация этих стран на производстве отдель-

[1] *Сукарно.* Индонезия обвиняет. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1956, стр. 196.
[2] Там же.

ных видов сельскохозяйственного и минерального сырья, выкачиваемого колонизаторами, делали их всецело зависимыми от колебаний цен на мировом рынке. Строительство колониальными державами средств транспорта велось в целях создания благоприятных условий для эксплуатации природных богатств и населения экономически отсталых стран Востока.

В ряде мест своей работы Аллен и Доннигорн останавливаются на проблемах послевоенного периода. Они вынуждены признать, что стремление народов стран Юго-Восточной Азии к освобождению от колониального господства, достижению полной независимости и к самостоятельному развитию представляет собой такую силу, с которой нельзя не считаться. Независимым государством является Индонезийская республика, колониальный режим в Малайе, как уже было ясно к моменту завершения книги, доживал последние дни.

Для стран, завоевавших политическую самостоятельность, наиболее важной и сложной является проблема обретения экономической независимости. В книге приводятся некоторые сведения о мероприятиях индонезийского правительства по укреплению позиций национального капитала и ограничению деятельности иностранных монополий. Однако Аллен и Доннигорн считают, что перспективы экономического развития слаборазвитых стран в условиях политической независимости не очень радужны, ибо народы этих стран, по мнению авторов, пытаются сразу же добиться повышения благосостояния, зачастую не связывая его с общим экономическим прогрессом (стр. 285). Основываясь на своей концепции благотворности иностранного владычества в Индонезии и Малайе, авторы, конечно, не могут признать, что основные экономические трудности, которые приходится преодолевать этим странам (однобокое развитие экономики, отсутствие тяжелой промышленности, недостаток капиталов, отсутствие технически подготовленных кадров, отсталость сельского хозяйства и др.), являются результатом длительного колониального господства западных держав.

Авторы книги отмечают, что иностранные капиталисты в последние годы неохотно вкладывают свои капиталы в те слаборазвитые страны, где с их точки зрения политические условия неблагоприятны. В то же время авторы книги вынуждены признать, что с точки зрения азиатских народов инвестиции иностранных монополий и американская программа «помощи» «не свободны от колониализма или империализма» (стр. 284).

Г. С. Шабалина

SUMMARY

The reviewer notes that the book under review is a thorough study of foreign capital activities in Malaya and Indonesia, and of the structure of different companies.

At the same time, the raviewer observes that as other bourgeois economists who seek to justify the doings of imperialism in underdeveloped countries, the authors of this book avoid discussing the question of exploitation of the peoples of Indonesia and Malaya by foreign monopolies and try to prove that foreign capital has greatly benefied them.

المنجد فى اللغة و الادب و العلوم

«Помощник по языку, литературе и наукам». Бейрут, 1956, стр. 14+1097+4+590

Рецензируемая книга состоит из двух частей. Первая ее часть широко известна на арабском Востоке и представляет собой учебный толковый словарь арабского языка. Этот словарь, составленный иезуитским патером Луисом Ма'луфом, был впервые издан в 1908 г., В пятом издании 1927 г. он был дополнен новыми словами, а также иллюстрациями, и с тех пор многократно переиздавался. Слова И. Ю. Крачковского о том, что словарь Ма'луфа принадлежит к тому же типу, что и «Petit Larousse illustré»[1], в полной мере оправдались только теперь, когда к толковой части «Мунджида» присоединена новая — словарь собственных имен, составленный также иезуитским патером Фердинаном Таутал. Обе части вышли в одном переплете под общим заглавием в 1956 г.

Не будем останавливаться подробно на первой части. В уже цитированном предисловии к словарю Х. К. Баранова И. Ю. Крачковский оценивает этот словарь как лучший из толковых словарей, изданных в арабских странах в наше время, но вместе с тем указывает, что «Мунджид» недостаточен для понимания современных арабских текстов ввиду ориентировки на классический язык[2].

Вторая часть, озаглавленная «Помощник по литературе и наукам. Словарь собственных имен Востока и Запада», содержит 590 страниц. Статьи расположены по алфавиту заглавных слов. В книге много прекрасно выполненных иллюстраций и карт.

В словаре собственных имен свыше одиннадцати тысяч статей. Преобладают географические справки по Ближнему Востоку особенно по арабским странам. При названиях населенных пунктов в квадратных скобках дается написание латинскими буквами. Иногда это оригинальное написание (английский, немецкий, французский, испанский, итальянский языки), но часто — английская, французская или даже немецкая транскрипция для русского и других языков с нелатинскими алфавитами; в этом случае читателю трудно определить, какая транскрипция выбрана составителем. Заслуживает внимания, что в словаре можно найти справки о таких малонаселенных, но известных в арабской истории и литературе пунктах, как Блудан или Бискинга.

Второй многочисленной категорией справок являются биографические. В предисловии составитель говорит, что он воздерживался давать справки о ныне здравствующих деятелях. Но на самом деле автор дает даже подробные и снабженные портретами справки о сошедших со сцены прежде деятелях своего народа типа Шишекли. Зато пропущены имена Т. Хусейна и Махмуда Теймура, хотя совершенно ясно, что их деятельность в области литературы не может быть зачеркнута. Нет имени покойного Омара Фахури — одного из известнейших деятелей арабской литературы XX в.

Значительное место занимают справки о книгах, расположенные в словаре по первым буквам заглавий. Из них можно почерпнуть краткие сведения об истории создания того или иного труда. В целом данные выверены достаточно тщательно. Однако иногда составитель допускает некоторые неточности. Так, в заметке о «Китабал-агани» указывается: «Последняя часть [книги] была найдена в одном из европейских книгохранилищ; эта двадцать первая часть была в 1888 г. напечатана в Бруно. Итальянский востоковед Гвиди собирается напечатать ее в издательстве «Дар ал-кутуб ал-мисрийа» (Каир)» (стр. 26). Во-первых, арабский читатель напрасно будет искать в Европе город Брумо, название которого возникло, по-видимому, из фамилии Р. Брюннова, опубликовавшего 21-й том «Китаб ал-агани» в Лейдене. Во-вторых, итальянский востоковед И. Гвиди умер в 1935 г., а его отношение к «Китаб ал-агани» заключается в издании указателя к этой работе (Лейден, 1895—1905). Кстати, фамилия Гвиди в данной статье приводится с начальным غ, а в соответствующей биографической справке с начальным ج, т. е. согласно египетскому произношению. Вообще, передача иностранных имен в разных местах словаря по-разному встречается нередко. Так, в статье о словарях знаменитый английский арабист, лексикограф Лейн (Lane) назван لاين, а в биографической справке о нем ليين. Если бы к словарю был приложен список иностранных имен в их латинской передаче, это облегчило бы их отыскание и, вероятно, уменьшило разнобой в арабской передаче.

К перечисленным трем типам словарных статей: географическим, биографическим и библиографическим справкам нужно еще прибавить сводные статьи, в которых собраны сведения о различных предметах данной рубрики. Таковы, например, статьи «Пресса», где указываются даты возникновения старейших газет в арабских странах (стр. 304), «Библиотека», в которой называются крупнейшие библиотеки Ближнего и Среднего Востока с указанием года их основания, числа имеющихся томов и, отдельно, рукописей (стр. 508). В этом перечне отсутствуют почему-то сведения о библиотеках восточных советских республик.

Аналогична статье «Библиотека» статья «Университет» (124—128), но в ней перечисляются также университеты Европы, Индии и США. Из неарабских университетов указаны те, где представлено востоковедение. Сведения о соответствующих учебных заведениях в СССР, ограничивающиеся Ленинградом и Москвой, сильно устарели.

В статье «Война» (стр. 155—156) указываются годы крупнейших войн арабов доисламского периода, а затем позднего средневековья, нового и новейшего времени. Иногда очень кратко говорится о договорах и крупнейших изменениях, происшедших в результате войн. В статье «Революция» (стр. 120—121) составитель называет несколько крупнейших мировых революций, начиная с английской революции XVII в. и кончая египетской 1952 г. Затем перечисляется несколько местных восстаний, начиная с восстания наемных солдат Карфагена в III веке до н. э. и кончая крестьянским восстанием 1853 г. в Ливане. К числу местных революций отнесено и восстание Спартака. Восстания в Египте, Сирии и Палестине в 1919—1929 гг. обойдены молчанием.

---

[1] *И. Ю. Крачковский.* «Избранные труды», т. I. М.—Л., 1955, стр. 322.

[2] Там же. В новом издании «Мунджида» почему-то пропущен список лексикографических работ, использованных составителем, хотя он и значится в оглавлении.

Таким образом, составитель в ряде случаев выходит за рамки собственных имен, чтобы сосредоточить в одном месте справки об аналогичных предметах. Иногда это делается из тех соображений, что соответствующее имя пропущено или недостаточно представлено в толковом словаре. Так, например, дан термин «дуализм» в его историко-религиозном (а не философском) значении (стр. 120). Дана справка о коммунизме, в которой искажается существо этого учения. Вульгаризируя принципы исторического материализма, автор приписывает ему утверждение, что «одни экономические факторы обусловливают развитие истории человечества», но о главном в марксизме — классовой борьбе и диктатуре пролетариата — ничего не говорит.

Давая географические справки, составитель часто упоминает о важных исторических событиях, связанных с тем или иным городом. В статье «Версаль», например, (стр. 387) перечисляются подписанные здесь договоры, в справке о Нагасаки говорится о взрыве атомной бомбы. К сожалению, этот принцип выдерживается не всегда. Так, Стокгольм характеризуется только как место производства пушек, и ни слова нет о том, что в этом городе было принято воззвание о запрещении атомного оружия. В справке «Бандунг» (стр. 63) не сказано ничего о Бандунгской конференции. Надо надеяться, что подобные пробелы будут восполнены в следующем издании.

В заключение хочется сказать немного об истории востоковедения, которому во второй части «Мунджида» уделяется большое внимание. О русских и советских востоковедах мы нашли 13 заметок, причем в статьях о Саблукове, Крачковском, Шмидте даны даже портреты ученых.

К сожалению, оказались пропущенными даже такие крупные историки-востоковеды, как Бартольд. В словаре нет и имен лингвистов, сделавших многое для теоретического изучения семитских языков: немецкого ученого Г. Бергштрессера, советского лингвиста Н. В. Юшманова, а из ныне здравствующих крупнейшего французского лингвиста М. Коэна.

Хотя отмеченные недостатки значительно снижают ценность словаря, однако и в своем теперешнем виде он будет полезен арабскому читателю. Большую услугу окажет словарь и арабистам, особенно начинающим, в изучении языка и культуры арабских народов.

В. П. Старикин

SUMMARY

The review contains information about the encyclopedic part of the al-Munjid dictionary. Appraising this part as a useful handbook in geography, history and culture of the East, and the Middle East especially, the reviewer directs attention to certain shortcomings some of which are due to the political orientation of the author of the dictionary.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Э. Д. ТАЛМУД. Современный Цейлон. М., Изд-во восточной лит-ры, 1958, 83 стр.

Небольшая работа Э. Д. Талмуд «Современный Цейлон» является одной из первых у нас попыток проанализировать современное состояние экономики и политическое положение Цейлона на основе изучения исторического прошлого острова.

Брошюра состоит из 5 разделов.

Первая глава посвящена географии острова и его природным условиям. В ней дается описание особенностей рельефа острова, климатических условий, приводятся данные о полезных ископаемых (железная руда, графит, радиоактивный песок) и разнообразном животном и растительном мире Цейлона. Однако можно было бы пожелать более подробного анализа возможностей хозяйственного использования природных ресурсов страны за счет, может быть, сокращения описания животного мира.

В историческом очерке впервые в советской научной литературе систематически изложена история Цейлона, начиная с древнейших времен и до последнего времени. Основное внимание уделяется новой и новейшей истории страны. За 150 лет господства на острове англичане превратили его в аграрно-сырьевой придаток метрополии, они получали огромные прибыли от экспорта чая, каучука, продуктов кокосовой пальмы. Непрекращающаяся борьба народов Цейлона за свою независимость особенно усилилась за последние десятилетия. Размах национально-освободительного движения вынудил в 1948 году английских империалистов оставить Цейлон. Автор показывает, что правительства Д. Сенанаяке и Д. Коталавала, стоявшие у власти после получения страной независимости, проводили политику, по существу направленную на сохранение позиций империализма. В результате всеобщих выборов 1956 года к власти пришло правительство Объединенного Народного фронта во главе с С. Бандаранаике, взявшее твердый курс на отстаивание национальной независимости Цейлона как во внешней, так и во внутренней политике. К сожалению, в историческом очерке не отражена взаимосвязь национально-освободительных движений в Индии и на Цейлоне.

Одной из наиболее удачных в брошюре является, на наш взгляд, глава, посвященная населению Цейлона. В ней подробно охарактеризованы основные национальные группы цейлонского населения: сингалы, тамилы, бюргеры, ведды и др. Целесообразным является включение в главу о населении сведений о быте, культуре, религии различных национальностей. Однако по прочтении главы остается неясным, в каких формах проявляется на Цейлоне национальный вопрос, в каких отношениях друг к другу находятся различные национальные группы и т. п.

В небольшом разделе книги повествуется о современном административном и государственном устройстве Цейлона.

Экономический раздел брошюры дает довольно ясное представление о структуре сельского хозяйства страны, о современном уровне промышленности, транспорта, внешней торговли. Подробно описаны формы аренды в земледелии, нынешнее состояние плантаций основных экспортных культур. Однако недостаточно уделено внимания планам экономического развития страны, лишь вскользь упоминается о шестилетнем плане развития хозяйства Цейлона.

Брошюра написана простым и живым языком. Украшают ее со вкусом подобранные иллюстрации.

Р. Долнякова

Հ. Կ. Թրյան Նավթարդյունաբերության տեղաբաշխումը և անգլո-ամերիկյան իմպերիալիստների հակասությունները Մերձավոր և Միջին Արևելքի երկրներում

А. К. ТРЯН. Размещение нефтяной промышленности и противоречия между англо-американскими империалистами в странах Ближнего и Среднего Востока. Ереван, Изд-во АН Армянской ССР, 1957, 290 стр.

Книга А. К. Тряна посвящена одной из самых актуальных проблем современной капиталистической экономики и политики.

Весьма отрадно, что важные научные вопросы, связанные с мировой экономикой и международной политикой на Востоке, ставятся и удачно разрешаются в Академиях наук союзных республик. Это наглядное свидетельство роста национальных научных кадров.

Отличительной особенностью работы А. К. Тряна является ее многоплановость, всесторонний анализ рассматриваемой проблемы.

Первая глава книги представляет собой обзор состояния нефтяной промышленности капиталистических стран и империалистической борьбы за источники нефти и рынки ее сбыта.

Во второй главе дается всесторонняя характеристика нефтяных богатств Среднего и Ближнего Востока. Автор описывает геологию залегания нефтяных пластов на Ближнем и Среднем Востоке, приводит много технических и технологических сведений, связанных с добычей, переработкой и транспортировкой нефти и нефтепродуктов каждой ближне- и средневосточной страны в отдельности. Он обстоятельно, на цифрах и фактах, показывает, какие монополии и в какой мере участвуют в ограблении этих стран, как распределены акции между различными компаниями и какие дивиденды они приносят.

Третья глава посвящена истории проникновения иностранного капитала в страны Ближнего и Среднего Востока в период второй мировой войны. Используя обширный материал, автор внимательно прослеживает развитие борьбы между империалистами за право на эксплуатацию нефтяных ресурсов этого района. В этой главе автору удалось раскрыть процесс зарождения национально-освободительного движения среди народов Ближнего и Среднего Востока против иностранного империализма.

В четвертой главе А. К. Трян анализирует послевоенное англо-американское соперничество на Ближнем и Среднем Востоке и вскрывает причины укрепления позиций монополий США в этом районе и вытеснения ими своих английских конкурентов.

Разбирая недавние события в Египте и Сирии, автор показывает, что в принявшей чрезвычайно острый характер империалистической борьбе за господство на Ближнем и Среднем Востоке, в стремлении задушить народно-освободительное движение империалисты прибегают к всевозможным способам и методам вплоть до попыток государственных переворотов, натравливания одной арабской страны на другую и т. п. Он приходит к выводу, что многие политические события на Ближнем и Среднем Востоке непосредственно вызваны войной монополий за обладание нефтью.

Вообще необходимо отметить, что работа А. К. Тряна носит как экономический, так, в равной мере, и исторический характер. На фоне истории развития нефтяной промышленности в странах Ближнего и Среднего Востока в книге довольно подробно освещается общая история этих стран в новейший период — с конца 30-х годов до 1956 г. включительно. В книге нашли отражение все важнейшие события этого времени, так или иначе связанные с историей арабских стран.

Круг вопросов, которых касается автор в своей книге, обширен. Однако не все вопросы, затронутые им, раскрыты одинаково полно. Так, демократическая, антиимпериалистическая борьба арабских народов не проанализирована в достаточной степени и носит весьма общий, декларативный характер. Мало места в книге уделено также международно-правовым вопросам, касающимся Ближнего и Среднего Востока.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что книга А. К. Тряна — фундаментальное научное исследование, не повторяющее, а дополняющее уже изданные у нас работы на соответствующую тему. Нам представляется целесообразным ее издание на русском языке, что позволит значительно расширить круг ее читателей.

В. М. Геворгян, Э. А. Агаронов

احمد قاسم. البوريني الامارات السبع على الساحل الاخضر.

АХМАД КАСИМ- АЛ-БУРЕЙНИ. Семь княжеств Зеленого берега. Бейрут, 1957, 197 стр.

Книга Ахмада Касима ал-Бурейни посвящена одной из наименее изученных и отдаленных областей Аравийского полуострова — району княжеств Договорного Омана. Автор книги входил в состав делегации, направленной органами просвещения Кувейта в княжество аш-Шарика. В первой части книги содержится экономико-географическое описание княжеств Договорного Омана, во второй части дан исторический очерк. Заключительная глава книги посвящена проблеме оазиса Бурайми. Наиболее крупным княжеством Договорного Омана является княжество аш-Шарика. На его территории английские империалисты построили свой военный аэродром. В 1951 г. под контролем и при помощи англичан в княжестве были созданы вооруженные силы. Ими командуют офицеры английской армии, живущие в специальном военном городке.

Главный город княжества, также называемый аш-Шарика, насчитывающий 7000 жителей, является центром внутренней и внешней торговли Договорного Омана. Неподалеку от города, на побережье, в настоящее время сооружается порт. Жители Омана ведут довольно широкую торговлю с Индией, Ираном и странами Африки. Из княжеств вывозятся сухие финики, цитрусовые культуры (лимоны), хлопок, ароматические вещества, рыба. В качестве денежной единицы в княжествах используется индийская рупия.

Главное занятие жителей княжеств — земледелие и садоводство, основанные на древнейшей системе искусственного орошения. Большую роль играет рыболовство. Ловля жемчуга в прибрежных водах, приносившая в прошлом значительный доход, в настоящее время, в связи с появлением искусственного жемчуга, утратила свое былое значение.

Современной промышленности в княжествах Договорного Омана почти нет. В городах распространено ремесленное производство: прядение, ткачество, изготовление гончарных изделий. Развито также ювелирное дело, производство оружия и украшений для одежды. Строятся небольшие суда — водоизмещением до 300 тонн. Наличие полезных ископаемых исследовано пока слабо, хотя известно о месторождениях каменного угля, меди, железа, золота. На прилегающих к Оману островах английские компании ведут добычу нефти. Спрос на рабочую силу в Саудовской Аравии в связи с развитием там нефтедобывающей промышленности вызвал значительную эмиграцию туда беднейшей части населения Договорного Омана.

Правитель княжества — хаким — обладает неограниченной властью. При хакиме имеется совещательный орган, в который входят представители племенной знати и купечества. Кади (судья) подчинен хакиму. Имеется полиция, состоящая в основном из бедуинов. Система просвещения в княжествах ограничивается начальными мусульманскими школами.

Научный интерес представляют в книге сведения по этнографии. Автор описывает быт жителей княжеств, их одежду, жилище, местные обычаи, различные празднества, свадебные церемонии; специфические увеселения в этой части Аравийского полуострова: танцы, верблюжьи гонки и т. п.

В политическом, экономическом и культурном отношениях княжества Договорного Омана мало чем отличаются друг от друга. Автор кратко рассказывает о каждом из них: Дубай (население —15—18 тыс. жителей), Абу-Заби (7 тыс.), Иджман (2,5 тыс.), Умм аль-Кивин (4 тыс.), ал-Фиджира, (4 тыс.), Рас аль-Хайма (7 тыс.).

Краткий очерк истории княжеств Договорного Омана основан на арабских и европейских источниках. Отдельные главы посвящены периоду распространения ислама в восточной части Аравийского полуострова, периоду португальского господства, англо-португальской и англо-голландской борьбе в районе Персидского залива. Интересна глава о XVII в.— «Золотом веке» княжеств Договорного Омана, когда имел место политический и культурный расцвет княжеств. Исторический очерк завершается изложением событий XVIII—XIX вв. и историей установления английского протектората.

В заключительной главе автор говорит об оазисе Бурайми, который до 1955 г. принадлежал Саудовской Аравии, а в 1955 г. был захвачен английскими колонизаторами. В книге указывается на исключительно важное стратегическое значение оазиса как ключа ко всему району побережья Оманского залива и Аравийского моря. Для усиления своих позиций в восточной части Аравийского полуострова, где совсем недавно были открыты значительные нефтяные запасы, подчеркивает автор, англичане и решили захватить оазис.

Для исследователей, занимающихся изучением стран Аравийского полуострова, книга ал-Бурейни представляет значительный интерес.

И. М. Фильштинский

«Ten years of Pakistan; 1947—1957». Karachi, Pakistan Publications, 1957, 360 p.

Книга «10 лет Пакистана, 1947—1957» принадлежит к серии ежегодно выпускаемых в Пакистане официальных справочников, материал которых освещает различные стороны внутренней жизни и внешней политики страны за весь период ее существования, особенно — за последний год.

Настоящий справочник состоит из двух больших частей. В первой части подробно рассматриваются основные моменты в развитии государственного строя современного Пакистана, проекты конституции, деятельность центральных административных органов. Некоторые важнейшие проблемы политической жизни страны, как, например, не решенная до сих пор проблема всеобщих прямых выборов центрального законодательного органа, лишь констатируются, но не объясняются.

Экономический раздел первой части посвящен характеристике состояния финансов, основных отраслей промышленности, прежде всего, текстильной, бумажной, добывающей, торговли и средств сообщения. Приводимые факты свидетельствуют о тяжелом положении сельского хозяйства Пакистана. За период с 1947 г. по 1956 г. включительно эта аграрная страна вынуждена была ввезти 2 422 тыс. тонн продовольственного зерна (стр. 106). Приводятся также данные относительно крайне низкой урожайности основных культур: с одного акра в Восточном Пакистане, например, собирают 775 фунтов риса, а в Японии — 2930 фунтов (стр. 94). Эрозия почв губит большие массивы земель. В результате — «сельскохозяйственное производство,— отмечается в справочнике,— отстает от роста населения» (стр. 44). Следует отметить, что в книге почти совсем не освещается вопрос об аграрных преобразованиях существующей системы помещичьего землевладения.

Данные относительно иностранной и, прежде всего, американской помощи показывают, что эта помощь в значительной степени состоит из предметов потребления.

Изучение годовых бюджетов Пакистана показывает непрерывное увеличение расходов на армию и административный аппарат и рост налоговых поступлений за счет широких масс населения (стр. 52).

В остальных разделах первой части рассматриваются вопросы государственной службы, обороны, системы просвещения, медицинского обслуживания и т. д. До сих пор страшным бичом для населения продолжает оставаться малярия. В районах, где распространена эта болезнь, проживает около 60 млн. человек; ежегодно около 30% населения всей страны страдает от малярии (стр 269).

В книге чрезвычайно мало данных, и к тому же они очень отрывисты, относительно положения различных категорий трудящихся, размеров безработицы и пр.

Что касается внешней политики страны, то справочник оправдывает участие Пакистана в агрессивных блоках — СЕАТО и Багдадском пакте — якобы интересами мира и безопасности в Юго - Восточной Азии и на Среднем Востоке.

Вторая часть книги посвящена провинциям Пакистана и столичному округу Карачи. Специальное место занимает так называемый «Кашмирский вопрос». Подробно рассматривая его историю, авторы справочника обвиняют Индию в «непримиримости» и совершенно игнорируют тот факт, что иностранные империалисты в своих интересах постоянно раздувают страсти вокруг этого «вопроса» и превращают его в средство давления на Индию и усиления международной напряженности в этом районе.

В целом надо отметить, что сборник «10 лет Пакистана» содержит фактический материал, представляющий интерес для специалистов - востоковедов.

В. Москаленко

ЦЕННЫЕ ПОСОБИЯ ПО ИСТОРИИ КОРЕИ

Среди большого числа книг по истории Кореи, вышедших в КНДР в течение 1957 г., особое внимание привлекают две крупные работы общего характера: изданная Институтом истории Академии наук КНДР «Хронология корейской истории»[1] и «Очерк истории Кореи»[2] — коллективный труд кафедры корейской истории Пхеньянского государственного университета имени Ким Ир Сена.

При составлении «Хронологии корейской истории» Институт истории АН КНДР проделал сложную и трудоемкую работу по отбору наиболее важных фактов из истории Кореи с древнейших времен до начала 1956 г. «Хронология» принесет огромную пользу всем историкам, изучающим прошлое Кореи; в ней по годам, месяцам и дням представлен ход развития основных исторических событий. В отличие от аналогичных справочников, написанных буржуазными авторами, «Хронология» уделяет серьезное внимание фактам социально-экономического развития, что обеспечивает более глубокое понимание исторических процессов. События датируются в справочнике не только по общепринятому европейскому календарю, но и по годам правления корейских и китайских правителей, как это было принято в древности и в средние века. Хронологическим таблицам предшествуют приведенные в предисловии и в корейском переводе имеющиеся немногочисленные выдержки из первоисточников, в которых содержатся сведения о древнейшей истории Кореи до возникновения трех ранних государств; в приложениях даны генеалогические таблицы правителей различных корейских династий, а также справочные таблицы указов, характеризовавших годы правления различных корейских королей и китайских императоров. Очень большое внимание в справочнике уделено событиям новейшей истории, особенно истории Кореи периода после освобождения.

В «Очерке истории Кореи» рассматривается история Кореи с древнейших времен до начала семидесятых годов XIX в. После изданного в 1956 г. Институтом истории АН КНДР 1 тома «Истории Кореи»[3] этот курс является дальнейшим шагом в области марксистского обобщения истории корейского народа, учитывающим все достижения корейской исторической науки за последнее десятилетие. Главное внимание авторов направлено на то, чтобы представить историю Кореи как историю закономерной смены общественно-экономических формаций, историю борьбы классов. Но, как известно, целый ряд коренных вопросов, относящихся к характеристике социально-экономического развития Кореи (о существовании рабовладельческой формации в Корее, о характере феодальной собственности на землю, о времени складывания буржуазной нации и др.), остается еще нерешенным, поэтому авторы курса стремятся высказать свою собственную точку зрения по спорным проблемам. Например, в разделе, посвященном истории трех ранних корейских государств (Когурё, Пэкче и Силла), автор относит их не к рабовладельческим (как это имеет место, например, в упомянутой «Истории Кореи»), а раннефеодальным или государствам периода зарождения и формирования феодальных отношений в Корее. Политическая история Кореи рассматривается авторами в тесной связи с теми социально-экономическими сдвигами и изменениями, которые имели место внутри феодальной формации.

Большое внимание в книге уделено истории многовековой героической борьбы корейского народа против многочисленных иноземных захватчиков, особенно истории войн государства Когурё против Суйской и Танской империй, борьбы корейского народа против киданьских нашествий (в X — XI вв.), против монгольских завоевателей (в XIII в.) и японских пиратов (в XIV в.), против варварского нашествия войск японского феодального правителя Хидэёси в конце XVI в., а также против военных экспедиций капиталистических держав Франции и США в 60—70-х годах XIX в.

На богатом фактическом материале освещается история корейской культуры, внесшей замечательный вклад в общую культурную сокровищницу человечества. Авторы ее стремятся проследить взаимовлияние корейской культуры и культур соседних с Кореей народов.

Содержание рассмотренных трудов свидетельствует о значительных успехах корейских историков в разработке отечественной истории.

М. Н. Пак

[1] 조선 민주주의 인민공화국 과학원 력사연구소 편저 조선사년표.

[2] 저자 김일성 종합 대학 조선사 강좌. 조선사 개요, 국립출판사,

[3] 조선 통사(상). 조선 민주주의 인민공화국 과학원 력사연구소

ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛЕ «АФГАНИСТАН» В 1957 ГОДУ

Свидетельством успешного развития афганской исторической науки наряду с опубликованными за последнее время монографическими исследованиями афганских историков являются их статьи в различных периодических изданиях и, прежде всего, в журнале «Афганистан»— органе афганского «Исторического общества». Перечень одних только основных статей, опубликованных в журнале «Афганистан» в 1957 г., дает представление о широком диапазоне научных интересов афганских ученых, изучающих как далекое историческое прошлое своей страны, так и события современности.

В 1-м номере продолжается публикация работы Мухаммада Али «Ариана»[1]; по-

[1] *Mohammad Ali*. Aryana. «Afghanistan», 1957, № 1, p. 29—54.

мещенные здесь разделы (с XI по XIV) посвящены истории Афганистана с III в. до н. э. до VII в. н. э. В этом же номере напечатан краткий очерк развития изобразительных искусств в Афганистане от греко-бактрийской эпохи до конца XV в. Очерк написан известным историком Ахмад Али Кохзадом, возглавляющим афганское «Историческое общество» и Кабульский музей[2].

Ахмад Али Кохзаду принадлежит также весьма интересная работа по истории Афганистана в новое время, опубликованная во 2, 3 и 4 номерах журнала[3]. А. А. Кохзад рассказывает о длительной междоусобной борьбе, вспыхнувшей в Афганистане в конце XVIII в. при преемниках Ахмад-шаха Дуррани. В результате этой борьбы распалась обширная империя, созданная этим выдающимся афганским полководцем и политическим деятелем. Свое изложение А. А. Кохзад иллюстрирует рядом официальных документов, хранящихся в Кабульском музее. Так, он дает перевод трех писем Мухаммад Азим-хана к Аминулле-хану Логари (прославившемуся во время борьбы за независимость Афганистана в 1838—1842 гг.). В этих письмах, написанных в зул-кадда и зул-хидже 1233 г. хиджры, Мухаммад Азим-хан приглашает Аминуллу-хана и его клан присоединиться к баракзаям, чтобы отомстить шаху Махмуду Дуррани за убийство знаменитого Фатх-хана Баракзая[4]. Повествуя о возвышении Дост Мухаммад-хана, А. А. Кохзад приводит перевод полного текста договора, заключенного 10 раби-ас-сани 1242 г. хиджры между сыновьями Паинда-хана Баракзая, разделившими между собой Афганистан на отдельные уделы[5]. Очень интересен обстоятельный рассказ о восстаниях наместников Кашмира против власти афганских шахов (№ 3), а также сообщение о событиях, связанных с осадой Газни армией английских колонизаторов во время первой англо-афганской войны (№ 4).

К этому разделу работы А. А Кохзада хронологически примыкает очерк новой и новейшей истории Афганистана, написанный Мухаммадом Али и опубликованный в № 1 журнала[6]. Изложение событий в нем начинается с конца первой англо-афганской войны и доведено до наших дней.

Кроме исследований на чисто исторические темы в 1957 г. в журнале «Афганистан» было напечатано несколько статей по этнографии, языкознанию и археологии, в том числе статьи Ахмад Али Кохзада о газневидской бронзе[7], Мухаммад Наби Кохзада о языке «парачи»[8] и Ахмад Али Мотамеди о народной афганской игре «бузкаши»[9]. А. А. Мотамеди принадлежат также заметки о кочевых и полукочевых племенах современного Афганистана[10] и материалы по мифологии кафиров-сиях-пушей, собранные им летом 1953 г. во время поездки по Нуристану[11]. Мухаммад Али поместил статью о некоторых народных обычаях афганцев, например, об обычае гостеприимства, а также о свадебных обрядах и церемониях этого народа[12].

Журнал «Афганистан» откликается также на события современности; на его страницах публикуются материалы о растущей дружбе и крепнущих связях между Афганистаном и Советским Союзом и странами социалистического лагеря.

Ю. В. Ганковский

---

[2] *Ahmad Ali Kohzad*. Un court aperçu sur l'évolution de l'art en Afghanistan. «Afghanistan», 1957, № 1, p. 23—28.

[3] *Ahmad Ali Kohzad*. In the High Lights of Modern Afghanistan. «Afghanistan», 1957, № 2, p. 41—64; № 3, p. 41—64; № 4, p. 41—64.

[4] «Afghanistan», 1957, № 2, p. 53—56.

[5] Там же, № 3, стр. 44—46.

[6] *Mohammad Ali*. Afghanistan. An historical sketch. «Afghanistan», 1957, № 1, p. 1—16.

[7] *Ahmad Ali Kohzad*. Les bronzes Ghaznavide d'Afghanistan. «Afghanistan», 1957, № 2, p. 7—9.

[8] *Mohammad Nabi Kohzad*. The distribution of the Parachi language. «Afghanistan», 1957, № 2, p. 39—41.

[9] *Ahmad Ali Motamedi*. Buzkashy Game in Afghanistan. «Afghanistan», 1957, № 2, p. 1—6.

[10] *Ahmad Ali Motamedi*. Nomadism in Afghanistan. «Afghanistan» 1957, № 1, p. 17—22.

[11] *Ahmad Ali Motamedi*. Some notes on the Mythology of the Kafirs of Hindu Kush (Before 1898). «Afghanistan», 1957, № 3, p. 9—15; № 4, p. 7—12.

[12] *Mohammad Ali*. Manners and customs of the Afghans. «Afghanistan», 1957, № 3, p. 1—8.

ALESSIO BOMBACI. Storia della letteratura turca dall'antico impero di Mongolia all'odierna Turchia. Milano, 1956.

В рецензируемой книге рассматриваются некоторые периоды развития литератур тюркоязычных народов.

После вступительной части, посвященной дописламской эпохе, дается общая характеристика ранних исламских литератур тюркских народов, подробно рассматриваются вопросы о влиянии арабской и персидской литератур и об истоках суфийской мистической литературы.

Свой обзор литератур народов Средней Азии автор начинает с эпохи Караханидов (XI–XIII вв.) и кончает эпохой Тимуридов (XV—XVI вв.). От среднеазиатской литературы XI—XII вв. через огузский эпос, раннюю литературу сельджукидов и другие литературы, распространенные на территории «вплоть до границ восточной Анатолии» (книга «Деде-Коркут», М. Несими, Аль-Халиль, Джиханхан и Физули) перебрасывается мост к литературе, территориально связанной с Анатолией. Изложению истории этой литературы посвящены две последующие части.

Заключительную часть составляет обзор современной турецкой литературы. В качестве приложения дан библиографический справочник ко всем разделам книги. Таким образом автор, по существу, впервые дает полный свод известных сведений о тюркских литературах.

Существенной особенностью этого свода является то, что автор, прослеживая основные направления развития тюркских литератур, пытается установить их преемственность, представляя отдельные периоды и этапы как часть единого, закономерно протекающего процесса. Так, например, подчеркивая преемственность между литературой Средней Азии и Анатолии, автор при характеристике творчества узбекского суфийского поэта Ахмеда Есеви (Ясави) и его преемника Хекима-ата отмечает, что их произведения «и по сей день почитаются тюркскими народами Средней Азии и Волги. Старая суфийская поэзия эпохи Караханидов... явилась прототипом народной суфийской поэзии, получившей свое дальнейшее развитие в Анатолии» (стр. 106). Таким образом, автор сводит литературы различных тюркских народов к единой турецкой литературе. При этом он забывает о тюркских народах Средней Азии, Восточной Европы, Западной и Восточной Сибири, своими путями продолживших древнетюркские литературные традиции.

Наряду с литературоведческой частью, особенно в первых разделах книги, автором освещается и языковедческий аспект литературных памятников: орхонских и узбекских, огузских и азербайджанских. Суждения автора и на этот счет не всегда отличаются точностью, что объясняется тем же стремлением свести все тюркское многообразие к анатолийско-турецкому образцу. Так, например, характеризуя диван стихов кадия Бурханэддина Сивасского (1344—1397), автор лишь вскользь отмечает его «территориальную и даже лингвистическую изоляцию» от основной массы анатолийских турок, не раскрывая с достаточной полнотой этот тезис. Между тем у Бурханэддина (равно как и в «Деде Коркут» или у Физули) наблюдаются очевидные «азербайджанизмы» (в частности, падение j в начале слова, аффиксы - am, -em в спряжении глагола и др.) что отмечает, в частности, даже турецкий языковед А. Дилачар[1].

Среди лингвистических замечаний автора встречаются и прямо ошибочные. Характеризуя труды узбекского историографа Абульгази Бахадур-хана Şecerei terakime (Родословная туркмен) и Şecerei türk (Родословная турок), автор пишет: «Узбекский властитель не ставит перед собой целью произвести стилистический эффект. Абульгази пользуется языком чистым и понятным для всех, избегая слов турецко-чагатайских, арабских и персидских...» (стр. 193).

Действительно, в предисловии к своим сочинениям автор заявляет, что он написал свою историю на чистом тюркском языке (türkî til birlen ayttim).

Изучавший этот памятник Абдулькадир Инан[2] свидетельствует, однако, что только на одной странице из 180 слов — 9% заимствованных, в том числе такие, как resim ‘рисунок’, istilah ‘выражение’, kitap ‘книга’, vatan ‘родина’ и т. п.

Если несомненное владение А. Бомбачи мастерством научного анализа литературных явлений и его тонкая наблюдательность вследствие ложной основной концепции и не привели его к решению центральной проблемы — созданию истории «общетурецкой литературы», то отдельные разделы книги сохраняют свою ценность довольно полного и богато насыщенного материалом источника. В частности, весьма содержательно, хотя и лаконично, представлена здесь история турецкой литературы со времени зарождения турецкой государственности на территории Малой Азии.

Периодизация, принятая А. Бомбачи для турецкой литературы, следующая:

---

[1] См. *A. Dilaçar*. Türk lehçelerinin meydana gelisinde genel temayüllerin koyulaşmasc ve körlenmesi. «Türk dili araştırmaları yıllığı», 1956.

[2] См. *Abdülkadir Inan*. Ebülgazi Bahadur han ve türkçesi. «Türk dili araştırmaları yıllıgı», 1956.

«Литература эпохи сельджукидов» (Джеляльэддин Руми, Султан Велед, Сейяд Хамза, Юнус Эмре), «На пути к возвышению османов» (Ашик-паша, Кадий Бурханэддин Сивасский, Шейхи, Сулейман Челеби), «Классический период» (Ахмедпаша, Месихи, Хаяли, Баки, Кемаль-пашазаде), «Позднеклассический период» (Нефи, Наби, Недим, Эвлия Челеби и др.) и, наконец, раздел о новой и новейшей литературе.

Рассматривая современную турецкую литературу со времен И. Шинаси до наших дней, автор выделяет литературные группы—«основоположников» (И. Шинаси, Зия-паша), «романтиков» (Намык Кемаль, Абдулхакк Хамид Тархан), «представителей школы «Сервети фюнун» (Экрем, Т. Фикрет, Халид Зия), «представителей националистической литературы» (Мехмед Эмин, Зия Гёк альп, Омер Сейфетдин) и писателей республиканского периода («между двумя мировыми войнами»).

Книга Бомбачи, несмотря на ее недостатки, представляет собой единственный в своем роде, довольно полный источник сведений о развитии литератур тюркских народов, который не может не привлечь к себе внимание научной общественности.

Л. Н. Долганов

АННОТАЦИИ

Г. Ф. КИМ. Борьба корейского народа за мир, национальное единство и демократию. М., Госполитиздат, 1957, 155 стр.

В книге излагается история развития Корейской Народно-Демократической Республики. В ней показана борьба трудящихся Северной Кореи за создание после освобождения страны от японской оккупации народных органов власти, рассмотрены проведенные в 1945—1947 гг. социально-экономические мероприятия, обобщены успехи Корейской Народно-Демократической республики в государственном, экономическом и культурном строительстве в 1945—1950 гг., приведены данные о бескорыстной помощи Советского Союза корейскому народу в его созидательной работе.

Разоблачая политику американских империалистов, направленную на раскол Кореи, автор вскрывает тщательную подготовку ими и их южнокорейскими марионетками преступной агрессивной войны против КНДР.

Отдельная глава книги посвящена всенародной освободительной войне корейского народа против американских интервентов.

В заключительной части книги дана картина созидательного труда рабочих, крестьян и интеллигенции КНДР по восстановлению разрушенного народного хозяйства. Большое внимание уделяется анализу задач трехлетнего народнохозяйственного плана. Автор рассматривает также некоторые вопросы борьбы за мирное объединение Кореи.

С. К. РОЩИН. Социалистический уклад в экономике Монгольской Народной Республики. М., Изд-во восточной лит-ры, 1958, 157 стр.

Победа народной революции в Монголии, покончившей с империалистической и феодальной эксплуатацией народа, освободила производительные силы страны и обусловила их быстрый рост.

В работе С. К. Рощина анализируется процесс создания социалистических форм хозяйства в Монгольской Народной Республике, показывается, как возникли и как развиваются ныне новые, социалистические производственные отношения в экономически отсталой стране.

Автор указывает, что социалистический уклад в МНР возник на демократическом этапе революции и явился в основном результатом государственного строительства новых хозяйственных предприятий. В настоящее время социалистический уклад занимает в экономике страны командные высоты и стал уже преобладающим по объему продукции. В книге приводятся почерпнутые из монгольских источников данные, характеризующие все возрастающее значение государственного и кооперативного секторов в экономике МНР.

Автор подчеркивает решающую роль укрепления и развития братских связей МНР с СССР в возникновении и росте социалистических форм хозяйства в монгольской экономике.

Б. И. БУХАРОВ. Политика США в отношении Китайской Народной Республики (1949—1953 гг.). М., Изд-во АН СССР, 1957, 238.

В книге подробно разбирается проводившаяся в 1949—1953 гг. Соединенными Штатами враждебная политика в отношении народного Китая. Автор, излагая события в хронологической последовательности, рассматривает тактику экономического и политического бойкота Китая Соединенными Штатами, подробно останавливается на американской оккупации Тайваня и интервенции США в Корее.

В работе показывается последовательная и неуклонная борьба Китайской Народной Республики за упрочение мира на Дальнем Востоке и во всем мире, рост ее международного авторитета, укрепление связей с различными государствами Европы и Азии.

Приведенные в книге факты наглядно свидетельствуют об огромной роли миролюбивой политики Советского Союза в борьбе за мир на Дальнем Востоке. Достойную оценку дает автор также важному

вкладу Индии и некоторых других миролюбивых государств в смягчение напряженности в Азии.

И.П.БЕЛЯЕВ. Американский империализм в Саудовской Аравии. М., Изд-во восточной лит-ры, 1957, 208 стр.

В работе И. П. Беляева анализируется проникновение американского империализма в Саудовскую Аравию и его последствия для страны и ее населения. Хронологически работа охватывает 1933—1956 гг.; основное внимание уделено послевоенному времени. Автор показывает, как капитал Рокфеллера и других американских монополистов постепенно захватил важные позиции в стране, как в острой конкурентной борьбе с английскими нефтяными монополиями он после второй мировой войны занял господствующее положение в Саудовской Аравии.

Предметом специального анализа служат в книге навязанные Саудовской Аравии американским империализмом неравноправные договора и соглашения, посредством которых систематически и безжалостно выкачиваются богатства страны.

Заключительная глава книги рисует растущее сопротивление народа Саудовской Аравии американскому империализму.

AUGUST MARCUS. Afrika gestern und heute Streiflichter und Zahlen. Bonn, Ludwig Röhrsch id Verlag, 1957, 116 S.

Автор книги — видный западногерманский специалист по африканским проблемам. Работа состоит из следующих разделов: географический очерк, характеристика населения, развитие политических отношений, хозяйство, производство и торговля, транспорт, торговля Африки с ФРГ. В книге приводится большой цифровой и фактический материал, в статистических таблицах по африканской экономике использованы новейшие данные.

Книга издана западногерманским обществом «Дейче Африка гезельшафт» в целях ознакомления деловых кругов ФРГ с африканским континентом, который, как говорится в предисловии, «на глазах нашего поколения становится сферой всеобщих интересов и объектом мировой политики».

Thailand. Past and Present. Bangkok, Published by the Publicity Committee, Tenth Pacific Science Congress, 1957, 193 p.

Книга представляет собой справочник, содержащий основные сведения о населении, природных условиях и естественных ресурсах Таиланда, очерки по истории, экономике, культуре и искусству этой страны.

В разделе, посвященном экономике, приводятся подробные и доведенные до последних лет данные, характеризующие основные отрасли таиландского народного хозяйства (динамика производства, экспорта потребления). В отношении сельского хозяйства публикуются данные относительно его удельного веса в национальном доходе, количества занятого в нем населения, размеров пахотных земель, производства и урожайности основных культур, методов ведения сельского хозяйства и орошения, типов почв, а также развития кооперативного движения в стране.

Включенные в книгу сведения дают представление также об истории буддизма в Таиланде, о системе просвещения, уровне грамотности, состоянии здравоохранения.

W. MOREHOUSE (ed.) American Institutions and Organizations Interested in Asia. New York. Taplinger Publishing C°, 1957, 510 p.

В книге, изданной под редакцией секретаря американского общества «Конференция по делам Азии» Уорда Морхауза, содержится подробный обзор более 600 программ всех неправительственных организаций и институтов в США, занимающихся проблемами Азии «от Афганистана до Японии». Среди этих учреждений— университеты, научные институты, профсоюзные, религиозные и просветительские организации, филантропические фонды и общества, библиотеки, музеи и др.

Их деятельность весьма разнообразна по своему характеру: исследование различных азиатских вопросов (по странам, по проблемам), просветительская работа, оказание технической помощи, сбор произведений литературы, сотрудничество с аналогичными организациями в Азии и т. д.

Приводимые в книге данные об этих организациях включают сведения о месте расположения каждой организации, ее председателе, времени создания, структуре, условиях членства, общих задачах и целях, характере деятельности, касающейся стран Азии, выпускаемых печатных изданиях.

Книга снабжена подробным алфавитным и предметным указателями.

ИНДИЙСКИЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

А) ОБЩИЕ ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ:

हजारीप्रसाद द्विवेदी. हिंदी साहित्य (उस का उद्भव और विकास)

ХАЗАРИПРАСАД ДВИВЕДИ. Литература хинди. Ее происхождение и развитие. Дели, Аттарчанд Капур энд санз, 1955, 12+510+12 стр.

Общий курс истории литературы хинди профессора Хазариприсада Двиведи представляет собой учебник для университетов. Он считается лучшим после классического труда Рамчандры Шуклы, написанного около 30 лет тому назад. Главы книги Х. Двиведи сопровождаются обширнейшей библиографией, имеется указатель.

लक्ष्मण ओझा. हिंदी नाटक : उद्भव और विकास

ЛАШМАНДЖХА ОДЖХА. Драма хинди: происхождение и развитие. Дели, Раджпал энд санз, самват 2013, 1956—1957, 26+556 стр.

Второе исправленное и расширенное издание капитального труда, освещающего историю драматургии хинди от ее истоков до наших дней (первое появилось в 1954 г.). Работа снабжена предисловием Хазариприсада Двиведи. Значительное внимание в книге уделено вопросам становления жанра драмы в литературе хинди, его связи с народными представлениями в честь бога Кришны и с традициями классической санскритской драматургии, а также влиянию европейской (главным образом, английской) литературы. Центральное место в книге занимает анализ творчества классиков драматургии хинди — Бхаратенду и Прасада. Подробно рассматривается современная драматургия. Книга снабжена указателем (стр. 545—556).

नित्यानंद मिश्र. खड़ीबोली का आंदोलन

НИТИКАНТХ МИШРА. Выдвижение кхари боли. Бенарес, Нагари-прачарини сабха, самват 2013, 1956—1957, 12+4+366 стр.

Книга посвящена вопросам развития литературы на диалекте кхари боли, давшем современный литературный хинди. В ней рассматривается этимология термина «кхари боли», история развития диалекта, проявления характерных для него черт в ранних литературных памятниках различных областей Индии, становление прозы на нем. Основное внимание уделяется проникновению кхари боли в поэзию, вытеснению им традиционного диалекта лирики — браджа

современной поэзии хинди. Изложение иллюстрируется большим количеством примеров. Приложена библиография (стр. 360—366).

हंसकुमार तिवरी. बंगला और उसका साहित्य

ХАНСКУМАР ТИВАРИ. Бенгали и литература на нем. (Очерк бенгальского языка и литературы). Дели, Раджкамал пракашан, [б/г.], 147 стр.

Книга, вышедшая под редакцией Кшемендры Сумана, является одним из выпусков серии «Очерки индийских литератур», служащей целям культурного сближения разноязычных народностей Индии. В краткой общедоступной форме даются основные сведения о развитии бенгальского языка и литературы на нем.

डॉ०सरला शुक्ल. उर्दू–साहित्य का इतिहास

Д-Р САРАЛА ШУКЛА. История литературы урду. Лакнау, Видья-мендир, 1956, 156 стр.

Книга содержит краткий, не претендующий на оригинальность очерк истории литературы урду. Очерк построен по обычной для аналогичных трудов схеме: сначала рассматривается все развитие поэзии, затем автор обращается к прозе. В книге упоминаются все значительные писатели урду с XVI в. до наших дней; приводятся образцы стихов лучших поэтов.

تنقیدات عبد الحق

Критические статьи Абдул Хака. Дели, Мактаба-е чингари, 1956, 159 стр. (литография).

В книге собраны критические статьи и рецензии д-ра Абдул Хака, крупнейшего авторитета в области изучения языка и литературы урду. Этими статьями, публиковавшимися в индийских периодических изданиях 20-х—30-х гг., автор откликался на важнейшие выходившие в то время на урду художественные произведения, а также литературоведческие и лингвистические исследования. Сборник представляет большой интерес для историков литературы урду и языковедов.

Б) ПУБЛИКАЦИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ И ИССЛЕДОВАНИЯ:

रामानंद की हिंदी रचनाएं. संपादक डा०पीतांबर दत्त बड़थ्वाल

Творчество Рамананда на хинди. Текст издал д-р Питамбар Датт Баратхвал. Бенарес, Нагарипрачарини сабха, самват 2012, 1955—1956, 4+50+56 стр.

Гимнам Рамананда (XV в.), основоположника средневекового рамаизма и

одного из создателей ранней вишнуитской литературы на хинди, предпосланы обширное введение издателя текста (стр. 1—32) и очерк жизни Рамананда, написанный д-ром Кришналалом (стр. 33—50). За текстом, подготовленным по авторитетным рукописям, содержащим гимны Рамананда (стр. 3—16), следуют пять приложений, в которых даются описания рукописей, приводятся особые редакции гимнов и сравнительные материалы, характеризующие раннюю вишнуитскую литературу на хинди.

प्रो० मुरलीधर श्रीवास्तव . मीरां –दर्शन

ПРОФ МУРЛИДХАР ШРИВАСТАВ. Творчество Миры. Аллахабад, 1956. Сахитья бхаван, 1956, 165 стр.

Книга представляет собой исследование творчества средневековой поэтессы хинди Мира Баи (XV в.), основывающееся на наиболее достоверных, по мнению автора, рукописях ее сочинений. Работа содержит очерк биографии Мира Баи, критический анализ ее творчества, характеристику источников и издание текста гимнов (стр. 123—160). В приложении даны библиография вопроса и стихотворное жизнеописание Мира Баи, относящееся к началу XVIII в.

भूषण ग्रंथावली

СОЧИНЕНИЯ БХУШАНА. (Комментарий Рамнараяна Шармы). Аллахабад, Хинди бхаван, [б/г.], 87+237+130 стр.

Вступительная статья Девгандры Вишарада содержит очерк жизни поэта и биографию его героя — Шиваджи, оценку поэтического таланта Бхушана, анализ особенностей его творчества и языка сочинений (стр. 1—87). Основное место занимают текст и подробный комментарий важнейшего сочинения поэта — «Шиварадж Бхушан» (стр. 1—237). Каждая строфа текста сопровождается здесь словарем (шабдартх), переводом на современный хинди (артх) и пояснениями (вивараи). Далее представлены менее значительные произведения Бхушана: «Шива-бавани», «Чхатрасал дашак» и разные стихи. Заключает книгу указатель стихов.

यज्ञदत्त शर्मा . सूर – साहित्य और सिद्धान्त

ЯДЖНЯДАТТ ШАРМА. Сур — творчество и учение. Дели, Атмарам энд санз, 1955, 159 стр.

В книге дается анализ творчества и мировоззрения Сур Даса (XVII в.) на фоне идеологических и литературных течений эпохи. В конце дан общий обзор кришнаитской литературы.

मुल्ला वजही . सबरस

МУЛЛА ВАДЖАХИ. Сабрас (Текст издал Шрирам Шарма). Хайдарабад, Дакхшин пракашан самити, 1955, 2+2+66+205+ +22 стр.

Важнейший источник для истории языка (в форме как урду, так и хинди), аллегорический роман-проповедь «Сабрас» выпущен в серии публикаций древнейших памятников литературы дакхни в графике деванагари. Издание снабжено многочисленными постраничными толкованиями малоупотребительных слов и примечаниями, а также двумя глоссариями в конце—заимствований (арабизмов и иранизмов) и слов собственно дакхни, не свойственных северному хиндустани. Обширное предисловие издателя текста знакомит читателя с творчеством Ваджахи и анализирует особенности языка произведения. Недостатком издания, если рассматривать его как источник для исследования языка, следует считать то, что, являясь транскрипцией оригинала (написанного арабской графикой), оно передает индивидуальную трактовку текста издателем.

كتب نورس—مصنفه ابراهيم عادل شاه ثانى مرتبه ڈاكٹر نذير احمد (۹۸۸–۸۳ هجرى)

Д-Р НАЗИР АХМАД. Книга «Наурас», сочинение Ибрагима Адил-шаха II (988–1037 гг. хиджры). Лакхнау, Даниш махал 1955, 168 стр. (литография).

Книга «Наурас» — трактат по теории музыки Ибрагима Адил-шаха II, принадлежит к числу самых ранних образцов деканской поэзии. Написанная весьма отличающимся от современного урду языком, она представляет значительный лингвистический интерес. Д-р Назир Ахмад впервые сделал попытку издать критический текст сочинения, использовав девять рукописей. Текст памятника (стр. 63—112) приводится с указанием разночтений и снабжен харакатами. Он сопровождается переводом на современный урду (стр. 113—141), комментарием и словарем архаизмов. Во введении издатель характеризует сочинение, особенности его языка и использованные рукописи.

в) ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

हिन्दी काव्य की प्रवृत्तियाँ

Течения в поэзии хинди. Дели, Раджкамал пракашан, [б/г.], XIV+68 стр.

Книга представляет собою сборник статей видных индийских литературоведов, характеризующих основные направления в современной поэзии хинди: мистицизм, романтизм («чхаявад»), прогрессивную поэзию, натурализм и символизм.

हिन्दी गद्य की प्रवृत्तियाँ

Течения в прозаической литературе хинди. Дели, Раджкамал пракашан, [б/г.], XII+65 стр.

Входящие в этот сборник статьи освещают, собственно, не направления, а основные жанры прозы хинди: роман, исторический роман, рассказ, драму, очерк и, в заключение, критику.

हिंदी आलोचना की अर्वाचीन प्रवृत्तियाँ

Современные течения в критике хинди. Дели. Раджкамал пракашан, [б/г.], X+41 стр.

Статьи сборника характеризуют творческий метод выдающихся критиков, начиная с основоположника современного литературоведения хинди — Рамчандры Шуклы. Далее рассматриваются его непосредственные преемники, затем отдельно Гулабрай, Ваджпейи и Хазариприсад Двиведи. Заключительная статья посвящена анализу достоинств и недостатков современной критики.

हिंदी के आलोचक

Литературоведы хинди (Составитель Шачирани Гурту). Дели, Атмарам энд санз, 1955, 19+414 стр.

Сборник посвящен истории современного литературоведения и критики хинди. За предисловием составителя следуют 32 статьи разных авторов, касающиеся как деятельности отдельных выдающихся литературоведов с первых десятилетий нынешнего века (Махавирприсад Двиведи, Мишрабандху, Падмасинх Шарма, Шьямсундар Дас, Рамчандра Шукла) до наших дней (Нагендра, Сатьендра и др.), так и целых направлений в современной критике. Значительное внимание уделено прогрессивным литературоведам и критикам (Пракашчандра Гупта, Рамвилас Шарма, Амритрай и др.).

डा० नगेन्द्र . आधुनिक हिंदी – नाटक

Д-Р НАГЕНДРА. Современная драма хинди. Агра, Сахитья-ратна-бхандар, самват 2012, 1955—1956, 159 стр.

Книга представляет собою очерк развития современной драмы хинди, рекомендуемый в качестве пособия для сдающих магистерские экзамены по литературе хинди. Большое внимание уделено тематике и проблемам современной драматургии, вопросам связи ее с жизнью.

रामविलास शर्मा . लोकजीवन और साहित्य

РАМВИЛАС ШАРМА. Общественная жизнь и литература. Агра, Винод пустак мандир, 1955.

Собранные здесь восемь статей прогрессивного индийского критика Рамвиласа Шармы были написаны им в разное время. В них освещаются важные проблемы современной литературы хинди и характеризуется творчество отдельных писателей.

प्रेमचन्द और गोर्की . सम्पादिका शचीरानी गुर्टू

ПРЕМ ЧАНД и ГОРЬКИЙ (Составитель Шачирани Гурту). Дели, Раджкамал пракашан, 1955, 7+22+585 стр.

Основоположника современной реалистической литературы хинди и одного из вдохновителей Ассоциации прогрессивных писателей Индии Прем Чанда обычно называют индийским Горьким. Сопоставлению творческих методов этих двух великих писателей посвящена рассматриваемая книга, которая содержит статьи, публиковавшиеся в течение последних лет в различных периодических изданиях. Сборник открывается вступительным очерком составительницы — «Прем Чанд и Горький», затем следуют тридцать три статьи о Прем Чанде и двадцать три о Горьком. В них освещается жизнь писателей, рассматриваются кардинальные проблемы их творчества, анализируются отдельные произведения.

सत्यपाल चुघ . महादेवीकी काव्य – साधना

САТЬЯПАЛ ЧУГХ. Поэтическое творчество Махадеви (Предисловие Бабу Гулабрая). Дели, Ориентал бук дипо, [1956], 10+165 стр.

Махадеви Варма занимает видное место в современной литературе хинди. В книге рассматриваются основные черты творчества поэтессы, ее мировосприятие, поэтическое мастерство, тематика произведений; дается общая оценка роли писательницы в развитии литературы.

г) ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ:

उदयनारायण तिवरी . हिंदी भाषा का उद्गम और विकास

УДАЯНАРАЯН ТИВАРИ. Происхождение и развитие языка хинди. Аллахабад, Бхарати-бхандар, самват 2012, 1956, 24+611 стр.

Этот объемистый труд по истории языка хинди принадлежит автору, уже известному своим обширным исследованием диалекта бходжпури и литературы на нем (Патна, 1954).

Первая часть книги (стр. 1—310) содержит краткий очерк генеалогической классификации языков мира, а затем знакомит читателя с историей индоарийских языков от ведической эпохи до наших дней и дает развернутую характеристику современного хинди и его диалектов (используя при этом классификацию, предложенную Дх. Вармой в его «Истории хинди»). Во второй части дается историческая фонетика и морфология ихнди. Два приложения со-

держат: первое — очерки грамматического строя, санскрита, английского, персидского и арабского языков в сопоставлении со строем хинди; второе — историю развития и характеристику особенностей современных индийских алфавитов, к сожалению, не представленных в их оригинальном написании. Книга снабжена четырьмя указателями: языков и алфавитов, упоминаемых сочинений, географических названий и собственных имен.

गनपत वर्मा, अविनाशचन्द्र श्रीवास्तव. हिन्दी राष्ट्र भाषा

ГАНПАТ ВАРМА, АВИНАШЧАНДРА ШРИВАСТАВ. Государственный язык хинди. Аллахабад, Рамнараян Лал, 1957, 7+311 стр.

Вслед за признанием хинди государственным языком Индии, все в больших масштабах ведется работа по его распространению. Этой цели служит и рассматриваемая книга, в которой можно найти общие сведения о языке хинди и истории его развития, краткий очерк грамматики, характеристику словарного состава, описание стилей языка и перечень важнейших идиоматических выражений. В заключение излагаются основные принципы стихосложения хинди и дается практическое руководство по ведению разного рода переписки.

एल० पी० तेस्सितोरी. पुरानी राजस्थानी .

Л. П. ТЕССИТОРИ. Старый раджастхани. Пер. Намвар Синх. Бенарес, Нагарипрачарини сабха, самват 1012, 1955—1956, 7+212 стр.

Перевод публиковавшегося в «Indian Antiquary» за 1914—1916 гг. исследования итальянского востоковеда Л. Тесситори «Notes on the grammar of the Old Western Rajasthani with special reference to Apabhramsa and Gujarati and Marvari» выполнен Намвар Синхом — индийским лингвистом, занимающимся ранней историей новоиндийских языков, автором книги о роли апабхрамша в развитии хинди.

तुलसी – शब्दसागर

Словарь языка Тулси Даса (Сост. Харговинд Тивари. Под ред. Бхоланатх Тивари). Аллахабад, Хиндустани экедеми, 1954.

Словарь классического авадхи, составленный на материале произведений Тулси Даса. Содержит около 22 000 слов. Эта первая в своем роде работа особенно ценна тем, что приводимые значения подкрепляются в ней точно документированными примерами.

वृहत् पर्यायवाची कोष . संग्रहकर्ता तथा संपादक भोलानाथ तिवारी

Большой синонимический словарь. Сост. и ред. Бхоланатх Тивари. Аллахабад, Китабмахал, 1954, 10 + 555 стр.

Синонимический словарь хинди в таком объеме издан впервые. Первая часть (стр. 1—248) содержит 5187 гнезд синонимов, классифицированных по тематическому признаку (система классификации изложена в предисловии, стр. 4—5); вторая часть (стр. 249—555) представляет собою алфавитный указатель всех включенных в гнезда слов (число их около 20 000).

राजेन्द्र द्विवेदी . साहित्यशास्त्र का पारिभाषिक शब्द – कोष

РАДЖЕНДРА ДВИВЕДИ. Словарь литературоведческих терминов. Дели, Атмарам энд санз, 1955, 296+10 стр.

Словарь содержит подробные толкования литературоведческих терминов санскрита и хинди. Он охватывает как материалы традиционной индийской поэтики, так и терминологию современной литературной критики. Нередко термин иллюстрируется литературными примерами. В приложении даны библиография и краткий глоссарий английских терминов с переводом на хинди.

سید نسیم امرو هوی—نسیم اللغات اردو

САЙИД НАСИМ АМРОХВИ. Словарь урду Насима. Лахор, Шейх Гулям Али энд санз, 1955, 998 стр. (литография).

Толковый словарь урду Насима содержит около 50 000 слов. По составу словника и выбору идиоматики он мало отличается от известного словаря «Фероз-уллугат». Строение словарных статей в нем менее четкое: не выделены основные группы значений слова, этимологические пометы отсутствуют. Зато во многих случаях приводимые значения иллюстрируются примерами из поэзии урду.

Г. А. Зограф

БИБЛИОГРАФИЯ НАУЧНЫХ ТРУДОВ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК ПРОФЕССОРА И. М. РЕЙСНЕРА

1. Экономические предпосылки политической борьбы в современной Индии. «Новый Восток», М., 1922, № 1, с. 119—132.
2. Братство борцов за веру («Джамиатуль Муджахедин»). «Новый Восток.», М., 1924, № 6, с. 255—266.
3. Англо-русская конвенция 1907 г. и раздел Афганистана. «Красный Архив», М., 1925, т. 3 (10), с. 54—56.
4. На путях экономического сближения с Афганистаном. «Торговля России с Востоком», М., 1925, № 5-7, с. 2—5.
5. Пять лет внутренних реформ в Афганистане. «Новый Восток», М., 1925, кн. 8—9, с. 40—64.
6. Афганистан. В справочнике «Страны Востока», изд. 1, Российская Восточная Торговая палата, М., 1925, с. 57—80 в разделе «Средний Восток».
7. Аграрный вопрос и крестьянство в Индии. «Аграрные проблемы», М., 1927, № 3-4, с. 184—192.
8. Крестьянство Индии в эпоху Великих Моголов. «Новый Восток», М., 1927, № 19, с. 179—193.
9. Десять лет внешней политики Афганистана (1919—1928 гг.). «Новый Восток», 1928, № 22, с. 67—86.
10. Землевладение и аренда в Индии. «Аграрные проблемы», М., 1928, № 3, с. 92—118.
11. «Крестьянское движение сикхов (1700—1849). «Революционный Восток», М., 1928, № 4-5, с. 100—126.
12. Независимый Афганистан. МИВ, М., 1928, 221 с.
13. Проблемы индийской революции. «Новый Восток», М., 1928, № 23-24, с. 1—24.
14. (Леоринус—Рейснер И. М.) Рабочая Индия на подъеме. «За партию», Ташкент, 1928, № 8 (12), с. 21—27.
15. Рец. Das werktätige Indien. Von K. Schrader und F. Furtwängler, Berlin, 1928.

«Печать и революция», М., 1928, с. 187—188.

16. Афганистан, М., Коммунистическая Академия, 1929, 267 с., 5 л. карт.
17. (Леоринус—Рейснер И. М.) Борьба в Афганистане. «Мировое хозяйство и мировая политика», М., 1929, № 3, с. 16—27.
18. Рец. Н. И. Вавилови Д. Д. Букинич. Земледельческий Афганистан, Л., 1929; Днепровский. Хозяйство Гератской провинции Афганистана. М., 1928. «Новый Восток», М., 1929, № 26-27, с. 374—377.
19. Рец. П. Г. Галузо. Туркестан—колония, М., 1929, 162 с. «Аграрные проблемы», 1929, № 6, с. 200—201.
20. Рец. Ф. Илютко. Басмачество в Локае. ГИЗ, 1929, 157 с. «Аграрные проблемы», 1929, № 6, с. 201.
21. Новый этап в рабочем движении Индии. «Новый Восток», М., 1929, № 25, с. 47—73.
22. Платформа индийской буржуазии. «Мировое хозяйство и мировая политика», М., 1929, № 1, с. 44—52.
23. Политика Индии в 1928 г. «Мировое хозяйство и мировая политика», М., 1929, № 10, с. 108—132.
24. События в Афганистане. «Международная жизнь», М., 1929, № 3, с. 3—11.
25. Уроки крестьянского движения в Афганистане. «Аграрные проблемы», 1929, № 5, с. 5—11.
26. Экономические предпосылки восстания в Афганистане (1928—1929 гг.). «Аграрные проблемы», 1929, № 1, с. 105—117.
27. Рец. «All parties conference». Report of the committee appointed by the conference to determine the principles of the constitution for India. Published by the General secretary all India congress committee, Allahabad, 1928, «Новый Восток», 1929, № 25, с. 313—316.
28. Рец. B. C. Horniman. Amritsar and our duty to India. «Новый Восток». 1929, № 5, с. 411—414.
29. Рец. Sirdar Ali Ikbal Shah. Afghanistan of the Afghans, London, 1928, «Новый Восток», 1929, № 26-27, с. 377—378.
30. Афганский абсолютизм и просвещение. «Просвещение национальностей», М., 1930, № 4-5, стр. 106—110.
31. Ганди, пророк индийской буржуазии. «Коммунистический интернационал», М., 1930, № 15, с. 37—42.
32. Классовая сущность гандизма. «Историк-марксист», М., 1930, № 18-19, с. 63—82.
33. Крестьянское движение в Индии. «Аграрные проблемы», М., 1930, № 5-6, с. 149—160.
34. Кризис в Индии. В кн. «Мировой экономический кризис», М., 1930, с. 217—239.
35. Кризис в Индии (1929—30 гг.). «Мировое хозяйство и мировая политика», М., 1930, № 4, с. 30—44.
36. Национальный конгресс и индийская революция. «Международная жизнь», М., 1930, № 3, с. 59—71.
37. Пути индийской революции. «Международная жизнь», М., 1930, № 7-8, с. 28—42.
38. Три месяца индийской революции. «Революция и национальности», 1930, № 3, с. 95—107.

39. Классовые корни гандизма. В кн. «Индия. Кризис и революционное движение», М., 1931, с. 132—152.

40. На новом подъеме индийской революции. В кн. «Индия. Кризис и революционное движение». М., 1931, с. 5—38.

41. Индийские национальные конгрессы. «Аграрные проблемы», М., 1932, № 3-4, с. 109—142.

42. Очерки классовой борьбы в Индии, ч. I. М., Международный аграрный институт, 1932, 233 с.

43. Подъем крестьянского движения в Индии. «Аграрные проблемы», М., 1932, № 10-11, с. 201—214.

44. Ред. и введ. П. Алексеенков. Аграрный вопрос в афганском Туркестане, М., 1933, 107 с.

45. Аграрный вопрос в Афганистане. В кн. «Аграрный вопрос на Востоке», М., 1933, с. 226—253.

46. Аграрный вопрос в Афганистане (по новейшим данным). «Революционный Восток», 1933, № 3-4 (19—20), с. 93—118.

47. Аграрный кризис в Индии. В кн. «Аграрный кризис». Кн. 4, М., 1933, с. 110—154.

48. То же. В кн. «Революционный подъем в Индии», М., 1933, с. 94—126.

49. Ред. и введ. И. Маздур. Аграрный вопрос и крестьянское движение на Северо-Западе Индии (Пограничная провинция и Белуджистан), М., Международный аграрный институт, 1933, 102 с. с карт.

50. Маркс и индийская революция. «Аграрные проблемы», М., 1933, № 2-3, с. 207—229.

51. То же. В сб. «Карл Маркс и аграрный вопрос», М., 1933, с. 261—283.

52. Новая сделка индийской буржуазии с империализмом. К вопросу о новой конституции Индии. «Аграрные проблемы», М., 1933, № 4-6, с. 96—113.

53. Письмо в редакцию «Революционный Восток», 1933, № 3-4 (19—20), с. 327.

54. Соединенные провинции Ауда и Агры (аграрные отношения), М., 1933, стекл.

55. Аграрная программа Индийского национального конгресса. В кн. «Империализм, национал-реформизм и аграрная революция в Индии», М., 1934, с. 108—123.

56 То же. «На зарубежном Востоке», Ташкент, 1934, № 2, с. 1—11.

57. Аграрный кризис и крестьянское движение в Индии в 1933 г. В кн. «Революция и культура в Средней Азии». Сб. I, Ташкент, 1934, с. 69—95.

58. Предисл. А. Вафа. Гирни камгар. Пер. с хиндустани А. Саргиджана, М., Гослитиздат, 1934, 141 с.

59. Ред. М. К. Ганди. Моя жизнь, М., Госполитиздат, 1934, 336 с. + 4 с.

60. Ред. D. H. Buchanan. The development of capitalist enterprise in India, New York, 1934. «Плановое хозяйство», М., 1935, № 9, с. 180—185.

61. Лекции по новой истории колониальных и зависимых стран, М., МГУ, 1936, 100 с., стекл.

62. Афганистан (совместно с Н. А. Лавровым, М. Н. Марховым, И. И. Полюкайтисом и В. М. Примаковым под ред. И. М. Рейснера). В экономическом справочнике «Страны Востока», т. II.— Средний Восток, М., Всесоюзная торговая палата, 1936, с. 208—325.

63. Индия. Исторический очерк (от начала проникновения европейцев до революционного подъема 1930—1934 гг.), «БСЭ», изд. I, т. 28, М., 1937, с. 249—314.

64. Индия накануне Французской буржуазной революции. «Ученые записки Московского университета», вып. 41, 1940, с. 139—156.

65. Новая история колониальных и зависимых стран. Т. I. Под ред. С. Н. Ростовского, И. М. Рейснера, Т. С. Кара-Мурза, Б. К. Рубцова, М., 1940, 784 с. И. М. Рейснером написаны: главы II, XIV, XXVI (Индия) и XIII, XXV (Афганистан), с. 34—60, 238—297, 556—604.

66. Предисл. Ананд Н. Кули. Пер. с англ. С. Станевич, М., Гослитиздат, 1941, 424 с.

67. Современная Индия. Стенограммы публичных лекций И. М. Рейснера и Н. С. Щербиновского..., М., 1945, 51 с. с илл.

68. Некоторые проблемы истории Индии. «Вопросы истории», 1947, № 5—6, с. 105—115.

69. Памятная дата в истории афгано-советских отношений (29 годовщина независимости Афганистана). «Труд», 30 мая 1947 г.

70. Афганистан, М., Воениздат, 1948, 64 с.

71. Абдуррахман-хан, Аманулла-хан, Англо-афганские договоры, Англо-русское соглашение 1907 г., Афганские «независимые племена», Афганский кризис, Берса миссия, Гандамакский мирный договор 1879, Ганди, Дюранда линия, Индийские вассальные княжества, «Круглого стола» конференции. «Дипломатический словарь», т. I, Госполитиздат, М., 1948, с. 6—7, 62—63, 78—79, 118—120, 186—188, 235—236, 448—451, 618—620, 682—684, 836—839.

72. Реакционные идеи в современной историографии Афганистана. «Вестник АН СССР», М., 1948, № 5, с. 108—110.

73. Реп. Тулси Дас. «Рамаяна». В переводе акад. А. П. Баранникова. «Вестник АН СССР», М., 1948, № 12, с. 75—80.

74. К вопросу о складывании афганской нации. «Вопросы истории», 1949, № 7, с. 66—85.

75. Роль афганцев в Индии в XVIII в. «Ученые записки Тихоокеанского института» (АН СССР), М.—Л., 1949, т. 2, с. 94—128.

76. Хронологические выписки по истории Индии К. Маркса в свете его ранее опубликованных трудов и высказываний по Индии. «Вестник Московского университета», 1949, Серия общественных наук, № 2, с. 13—33.

77. Афганистан. Население. Исторический очерк, «БСЭ». Второе изд., т. 3, М., 1950, с. 494—496, 500—504.

78. Советско-афганские договоры и соглашения. «Дипломатический словарь». Т. II. Госполитиздат, М., 1950, с. 694—695.

79. Рец. (совместно с Эренбургом Г. Б.). Кризис колониальной системы, М.—Л., АН СССР, Тихоокеанский ин-т, 1949. «Советская книга», М., 1950, № 6, с. 69—76.

80. Падение державы Сефевидов и нашествие афганцев на Иран (1722—1729 гг.). «Доклады и сообщения историч. ф-та Московского университета», кн. 10, М., изд. МГУ, 1950, с. 62—77.

81. Возникновение и распад Дурранийской державы. В сб. «Очерки по новой истории Среднего Востока». М., МГУ, 1951, с. 53—82.

82. К вопросу об отставании стран зарубежного Востока к началу нового времени. «Вопросы истории», М., 1951, № 6, с. 74—89.

83. Крестьянское движение сикхов во второй половине XVII и в начале XVIII века. «Ученые записки Ин-та востоковедения» (АН СССР), М., Изд-во АН СССР, 1951, т. 3, с. 191—224.

84. Западная Европа и страны Востока в XVII—XVIII вв. Глава XIX из учебного пособия «Новая история», т. I (1640—1789), М., Госполитиздат, 1951, с. 421—442.

85. Ред. (совместно с Н. М. Гольдбергом). Очерки по новой истории стран Среднего Востока, М., изд. МГУ, 1951, 251 с.

86. Ред. А. М. Дьяков. Индия во время и после второй мировой войны. М., Изд-во АН СССР, 1952, 248 с.

87. Народные движения в Индии в XVII—XVIII вв. и распад державы Великого Могола, М., 1952, 30 с. (МГУ. Автореферат докт. дисс.).

88. Новая история стран зарубежного Востока, т. I. Под ред. И. М. Рейснера и Б. К. Рубцова. Изд. Московского университета, 1952.

И. М. Рейснером написаны: введение, глава «Персия» из ч. I, главы «Афганистан» и «Индия» из ч. I и ч. II (с. 9—40, 78—180, 388—455).

89. Новая история стран зарубежного Востока, т. II. Под ред. И. М. Рейснера и Б. К. Рубцова. Изд. Московского университета, 1952.

И. М. Рейснером написаны главы «Индия» и «Афганистан» (с. 247—321).

90. Индия. Исторический очерк (совместно с А. М. Осиповым, К. А. Антоновой, А. М. Дьяковым). «БСЭ». Второе изд., т. 18, 1953, с. 52—75.

91. Колонии (совместно с В. А. Масленниковым и Е. М. Жуковым). «БСЭ». Второе изд., т. 22, М., 1953, с. 30—41.

92. Ред. Л. Р. Гордон. Аграрные отношения в Северо-западной пограничной провинции Индии (1914—1947 гг.). Изд-во АН СССР, М., 1953, 201 с.

93. Некоторые данные о разложении деревенской общины у маратхов в XVII — начале XIX в. «Ученые записки» ИВ АН СССР, № 15, М., 1953, с. 176—244.

94. Новейшая история стран зарубежного Востока. Выпуск I (1918—1929 гг.), М., Изд-во Московского университета, 1954, 371 стр. Ред. коллегия: И. М. Рейснер, Н. А. Смирнов, Л. В. Симановская, М. Ф. Юрьев. И. М. Рейснером написаны: глава «Афганистан» и глава «Иран» (последняя совместно с К. А. Болдыревым и Р. А. Сеидовым, с. 211—234, 235—273).

95. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М., Изд-во АН СССР, 1954, 416 с. с илл.

96. Рец. Годы борьбы. О книге Дж. Неру «Автобиография». «Литературная газета», 3 декабря 1955 г.

97. Рец. Книга об исторических судьбах индийского народа. О книге Дж. Неру «Открытие Индии». «Литературная газета», 9 июня 1955 г.

98. Наш сосед Афганистан (совместно с Р. Т. Ахрамовичем). «Новое время», М., 17 ноября 1955, № 47, с. 6—9, с илл.

99. Новейшая история стран зарубежного Востока. Выпуск 2 (1929—1939 гг.), М., Изд-во Московского университета, 1955. 228 с. Ред. коллегия: И. М. Рейснер, Н. А. Смирнов, Л. В. Симановская, М. Ф. Юрьев.

И. М. Рейснером написана глава «Афганистан» (с. 180—189).

100. Первая русская революция и пробуждение Азии. «Знание», М., 1955, 24 с.

101. Русская революция 1905—1907 гг. и пробуждение Азии. «Советское востоковедение», М., 1955, № 2, с. 14—30.

102. Выдающийся индийский патриот и демократ Бал Гангадхар Тилак. (К столетию со дня рождения). «Советское востоковедение», 1956, № 4, с. 73—89.

103. Наш сосед Афганистан (совместно с Ахрамовичем Р. Т.). «Знание», М., 1956, 48 с.

104. Ред. М. Г. Пикулин. Афганистан (экономический очерк). Изд-во АН УзССР. Ташкент, 1956, 301 с.

105. Революционный подъем в Индии в 1905—1908 гг. и первая русская революция. В кн. «Первая русская революция 1905—1907 гг. и международное революционное движение», ч. 2, М., 1956, с. 405—408.

106. Роль Ганди в национально-освободительной борьбе народов Индии (совместно с А. М. Дьяковым). «Советское востоковедение», М., 1956, № 5, с. 21—34.

107. 35 лет советско-афганской дружбы. «Красная звезда», 28 февраля 1956 г.

108. Восстание джатов области Агра — Дели в к. XVII — н. XVIII в. «Ученые записки Института востоковедения» № 18. Изд. АН СССР, М., 1957, с. 3—21.

109. История стран зарубежного Востока в средние века. Изд-во Московского университета. Под ред. Ф. М. Адамбы, Е. А. Беляева, И. М. Рейснера, Л. В. Симановской, 1957.

И. М. Рейснером написана глава V. Индия под властью Великих Моголов (при участии Л. Б. Алаева) (с. 303—330).

110. Рец. (совместно с В. И. Павловым), А. И. Левковский, Некоторые особенности развития капитализма в Индии до 1947 г. Ин-т востоковедения АН СССР, М., Госполитиздат, 1956, 419 с. «Советское востоковедение», М., 1957, № 3, с. 169—176.

111. Народное восстание в Индии 1857—1859 гг. Сборник статей к столетию восстания. Ответственные редакторы А. М. Осипов и И. М. Рейснер. Изд-во восточной литературы, М., 1957, 326 с.

И. М. Рейснером написана статья: «Маркс и Энгельс о предпосылках и характере восстания 1857—1859 гг.» (с. 7—32).

112. Предисловие к книге Мухаммеда Али. Афганистан. Новый путеводитель. Географгиз, М., 1957, с. 5—6.

113. Новейшая история стран зарубежного Востока. Выпуск 3 (1939—1945 гг.). Изд-во Московского университета. 1957. Редакционная коллегия: И. М. Рейснер, Н. А. Смирнов, Л. В. Симановская, М. Ф. Юрьев. И. М. Рейснером написана глава «Афганистан» (стр. 139—143).

114. Основные моменты освободительной борьбы народов Индии (от начала английского завоевания до 1947 г.). В кн. Первая Всесоюзная конференция востоковедов.

Тезисы докладов и сообщений. Ташкент, 1957, с. 133—140.

115. После конференции писателей Азии. «Иностранная литература». Изд-во «Известия». М., 1957, № 7, с. 240—243.

116. Вступительная статья и комментарии к переводу с персидского книги М. Губара «Ахмед-шах-баба-и Афган» (в рукописи).

117. Всемирная история. Том V (макет). Под ред.: Я. Я. Зутиса (ответ. ред.), О. Л. Ваншгейна, Н. И. Павленко, И. М. Рейснера, В. Ф. Семенова. М., 1956, 705 с. И. М. Рейснером написаны: гл. VII. Народные движения в Индии в XVII в. Распад империи Великого Могола; гл. XXI. Английские завоевания в Индии и разграбление Бенгала; гл. XXIV. Итоги колониальной политики европейских держав в XVII—XVIII вв. (с. 138—157, 422—440, 479—495).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО КАПИТАЛИЗМА В СЛАБОРАЗВИТЫХ СТРАНАХ ВОСТОКА

(Научная дискуссия в Институте востоковедения АН СССР)

Экономическая секция Ученого совета Института востоковедения провела научную дискуссию на тему «Государственный капитализм в слаборазвитых странах Востока».

Кратким вступительным словом дискуссию открыла д-р эконом. наук М. И. Лукьянова, охарактеризовавшая проблему государственного капитализма как одну из наиболее актуальных и сложных проблем в изучении экономики слаборазвитых стран Востока, освободившихся от гнета колониализма.

С докладом о государственном капитализме в Индии выступил канд. эконом. наук А. И. Левковский. Он подчеркнул, что содержание и особенности госкапитализма в Индии, как и в других странах, могут быть правильно поняты только на основе изучения их внутренних социально-экономических условий с учетом также международной обстановки, при которой он возник и развивается. При выяснении вопроса о происхождении госкапитализма в Индии необходимо иметь в виду три основных момента: а) Индия ко времени достижения независимости являлась экономически отсталой страной с отсталым сельским хозяйством и крайне недостаточно развитой промышленностью; б) в то же время в Индии развился относительно сильный местный капитализм и сформировались новые классы — национальная буржуазия и пролетариат; в) национально-освободительная борьба индийского народа завершилась в 1947 г. завоеванием политической независимости и возникновением нового государства, у власти в котором оказалась национальная буржуазия. Важнейшая задача молодой Индийской республики состояла в скорейшем преодолении тяжелых последствий колониализма, особенно экономической отсталости.

Государственный капитализм в том виде, в каком он в настоящее время существует в Индии, сделал вывод А. И. Левковский, порожден противоречием между экономической отсталостью страны и потребностью в ее быстром самостоятельном экономическом и политическом развитии. Хотя это противоречие существовало уже давно, возможность для появления госкапитализма, то есть средства преодоления указанного противоречия, появилась только после того, как государственная власть была вырвана из рук британских колонизаторов. Именно то обстоятельство, что госкапитализм в Индии направлен на решение исторически важной задачи — ликвидацию экономической отсталости в интересах самостоятельного экономического и политического развития страны — и делает его прогрессивным явлением, придает ему определенную антиимпериалистическую направленность.

Докладчик заметил, что в разных странах бывшего колониального мира острота вышеупомянутого противоречия неодинакова, а потому и потребность в госкапитализме и степень его развития различны. Однако во всех этих самостоятельных государствах причина возникновения госкапитализма существенно отличается от той, которая вызвала к жизни государственно-монополистический капитализм на Западе.

А. И. Левковский предложил ввести в научный оборот понятие колониального государственно-монополистического капитализма, осуществлявшего максимальную эксплуатацию народов колоний и потому по самой своей природе антагонистичного национальным интересам этих стран. С ликвидацией английского господства в Индии было покончено с английским колониальным государственно-монополистическим капитализмом в Индии, а экономические позиции последнего перешли к независимому индийскому государству и стали одной из экономических основ современного госкапитализма в этой стране.

Далее докладчик подробно осветил основные пути образования государственной собственности в Индии, сферы и основные формы деятельности госкапитализма в отдельных отраслях народного хозяйства

страны. Большое внимание уделил он анализу экономической политики государства, в которой отражается специфика роста индийского госкапитализма.

Индийский госкапитализм, захватывая не только сферу экономики, но и политики, имеет определенное классовое содержание. Это классовое содержание госкапитализма определяется классовым характером государства. Именно коренные интересы национальной буржуазии, находящейся у власти, и определяют суть и своеобразие индийского госкапитализма, всю его противоречивость и непоследовательность, сказывающиеся, в частности, в отношении к иностранному капиталу и помещичьему землевладению.

Наряду с развитием госкапитализма в независимой Индии значительно убыстрился и рост частного капитала, возросла мощь индийских монополий, причем государство оказывает частнокапиталистическому предпринимательству всемерное содействие. Это объясняется тем, что государственный и частный секторы однотипны и представляют собой одну капиталистическую экономику, хотя между ними и имеются противоречия, не носящие, однако, антагонистического характера.

Индийский госкапитализм стремится разрешить породившее его противоречие на путях капиталистического развития. Однако постольку, поскольку госкапитализм в Индии направлен на ликвидацию экономической отсталости и содействует самостоятельному экономическому и политическому развитию страны, заявил докладчик, его нельзя не признать на данном этапе прогрессивным и в значительной мере отвечающим интересам широких народных масс явлением.

Докладчик считает, что развитие государственного капитализма в Индии прошло через три этапа. Первый этап — с момента провозглашения независимости страны до 1951 г., второй — совпадает со временем действия первого пятилетнего плана (1951—1956 гг.); третий — начинается с 1956 г. Со второго этапа пятилетние планы стали одним из важнейших проявлений госкапитализма в современной Индии. В докладе были приведены фактические данные, характеризующие итоги первого и основные задачи второго пятилетних планов. Докладчик подчеркнул коренное отличие планирования в Индии, где господствует капиталистическая собственность на средства производства, от планирования в социалистических странах.

Указав, что во втором пятилетнем плане основной упор делается на индустриализацию, докладчик охарактеризовал те трудности, которые возникли ныне на пути его выполнения и ту политическую борьбу, которая ведется вокруг него. В этой связи А. И. Левковский обратил внимание на усилившееся в последние годы стремление индийских монополий подчинить госкапитализм своим интересам. Однако пути развития госкапитализма в Индии зависят не только от борьбы внутри национальной буржуазии, они в решающей степени будут определяться всей политической обстановкой в стране и главным образом ходом классовой борьбы.

В заключение докладчик остановился на отношении к индийскому госкапитализму со стороны иностранных государств. В этом вопросе отчетливо сказывается раскол мира на два лагеря. Советский Союз оказывает Индии серьезную экономическую помощь, которая в отличие от помощи западных держав направлена на содействие развитию в Индии самостоятельной промышленной базы.

Подытоживая все сказанное, А. И. Левковский сделал вывод о том, что развитие госкапитализма в Индии является серьезным фактором обострения общего кризиса капитализма на современном этапе. (Ряд положений доклада А. И. Левковского более подробно изложен в его статье в № 5 журнала «Современный Восток» за 1958 г.)

Доклад о госкапитализме в Египетском районе ОАР сделала канд. эконом. наук Л. Н. Ватолина, указавшая, что госкапитализм в Египте выражает интересы господствующего класса египетской буржуазии, но он направлен на укрепление экономической независимости и национального суверенитета страны и потому является прогрессивным, отвечая объективно интересам всего египетского народа.

Госкапитализм способствует развитию промышленности страны, созданию новых крупных предприятий. Государство привлекает частный капитал и всячески поддерживает его развитие. Госкапитализм в Египте проявляется в создании государственного сектора в промышленности, в национализации иностранных компаний, в составлении пятилетнего и десятилетнего планов индустриализации и электрификации страны, в образовании специальных органов экономического регулирования и планирования. Он имеет защитный антиимпериалистический характер, ибо ограждает страну от засилия иностранного капитала и укрепляет национальную экономику. Средства, получаемые ОАР от эксплуатации национализированного Суэцкого канала, предназначаются для строительства промышленных объектов и проектируемой высотной плотины, которая в будущем должна стать энергетической базой индустриализации страны.

Особое значение для укрепления позиций национального капитала в экономике имеет изданный правительством в январе 1957 г. закон о египтизации, предусматривающий прекращение деятельности иностранных страховых и торговых компаний и банков в Египте и передачу их в руки египетских предпринимателей в течение пяти лет. Правительство также привлекает и иностранные компании к участию в государственных предприятиях.

Л. Н. Ватолина отметила важную роль экономических связей ОАР со странами социалистического лагеря в деле индустриализации страны.

О характере развития госкапитализма в независимой Бирме говорил А. Ф. Жабреев. Причины возникновения современного госкапитализма в Бирме докладчик видит в предшествующем развитии страны как колонии британского империализма. Острое противоречие между объективной потребностью развития национального бирманского капитализма и гнетом иностранных монополий и связанных с ними феодальных пережитков привело к тому, что после ликвидации империалистического господства развитие национального капитала наиболее яркое выражение получило в госкапитализме.

Значительное развитие государственного сектора в Бирме А. Ф. Жабреев объяснил исторической слабостью бирманского частного капитала и его неспособностью развивать на данном этапе крупное производство собственными силами.

Госкапитализм в Бирме ускоряет экономическое развитие страны и потому в настоящих условиях он безусловно имеет прогрессивный характер.

Основными путями образования государственного сектора в Бирме являются: 1) переход собственности, находившейся в руках колониального государства, в собственность национального государства; 2) частичная или полная национализация за выкуп иностранных предприятий; 3) создание новых государственных предприятий.

В заключение А. Ф. Жабреев остановился на серьезных трудностях, возникающих на пути развития госкапитализма в Бирме, особо выделив при этом ожесточенное сопротивление иностранного монополистического капитала и зависимость экономики и состояния финансов страны от конъюнктуры на мировом капиталистическом рынке, а также стремление определенных групп бирманской буржуазии использовать госкапитализм в своих классовых интересах.

Доклад канд. ист. наук Е. С. Троицкого был посвящен проблеме госкапитализма на Филиппинах. Наиболее существенная черта, характеризующая условия развития государственного сектора на Филиппинах, в отличие от таких стран, как Индия, Бирма, состоит в том, что Филиппинская республика находится в сильнейшей экономической, политической и военной зависимости от американского империализма. В американо-филиппинских отношениях существуют тенденции двоякого рода: с одной стороны, зависимость филиппинской буржуазии от финансового капитала США, с другой — обострение противоречий между ними на почве стремления Филиппинской буржуазии к экономической независимости. Эти обстоятельства оказывают непосредственное влияние на развитие государственного капитализма на Филиппинах. Основные формы филиппинского госкапитализма можно свести к деятельности государственных предприятий и экономическому регулированию. При этом, Е. С. Троицкий отметил, что филиппинское буржуазное государство не играет решающей роли в экономике страны, хотя и может прямо или косвенно воздействовать на нее. Экономическая деятельность филиппинского государства играет служебную роль по отношению к частному предпринимательству.

Для «регулирования» «трудовых отношений» на Филиппинах характерны реакционно-бюрократические тенденции, выражающиеся в усилении эксплуатации трудящихся, повышении налогов, вмешательстве в трудовые конфликты на стороне предпринимателей. Государственный капитализм на Филиппинах имеет также определенную милитаристскую окраску. Наряду с пятилетним планом экономического развития в стране осуществляется план военного строительства.

Важнейшая особенность развития госкапитализма на Филиппинах заключается в том, что монополии США глубоко проникли в некоторые местные государственно-капиталистические предприятия. В филиппинских государственных экономических учреждениях действуют американские «советники» и «эксперты». Рычагами проникновения американского империализма в филиппинский государственно-капиталистический сектор служат займы, так называемая «помощь», поставки промышленного оборудования.

Государственно-капиталистические тенденции на Филиппинах, способствуя укреплению реакционного режима на архипелаге и в известной мере содействуя проникновению США в экономику страны, в то же время отражают обострение филиппино-американских противоречий и служат рычагом обогащения крупной филиппинской буржуазии. В этом проявляется противоречивость в развитии госкапитализма на Филиппинах.

Доклад о государственном секторе в Индонезии сделала канд. эконом. наук Г. С. Шабалина, показавшая, что возникновение государственного капитализма в Индонезии после второй мировой войны явилось результатом объективной экономической, политической и военной необходимости.

Экономическое развитие Индонезии протекает в сложной обстановке. Индонезийскому народу приходится непрестанно отстаивать государственную независимость своей страны от происков внешней и внутренней реакции.

Правительство Индонезии принимает меры к тому, чтобы постепенно добиться экономической независимости страны. В последнее время борьба индонезийского на-

рода за освобождение Западного Ириана и за полное уничтожение остатков голландского колониализма вызвала необходимость установить государственный контроль над всей голландской собственностью в стране.

Ведущую роль в деле развития и упрочения национальной экономики призван сыграть государственный сектор. Тенденция к его расширению усиливается с каждым годом. Этого настоятельно требует экономическая действительность, поскольку частный национальный капитал в Индонезии еще очень слаб, значительная часть денежных капиталов отвлечена от производительного использования и занята в торгово-ростовщических операциях, а в сельском хозяйстве частный национальный капитал широко применяет полуфеодальные методы эксплуатации.

В условиях непрекращающегося давления со стороны империалистов только государство может осуществить задачу преодоления экономической отсталости Индонезии, производить крупные капиталовложения, способствовать аккумуляции частного капитала и контролировать использование этих средств.

Канд. эконом. наук В. Г. Растянников выступил с докладом о государственном капитализме в Пакистане. Рассмотрев предпосылки возникновения государственного капитализма в Пакистане, докладчик подробно остановился затем на направлении и характере его деятельности, а также охарактеризовал источники его финансирования. Основная особенность промышленной политики пакистанского правительства состоит в том, что государство не вторгается в те области промышленного производства, которые могут быть освоены частным капиталом. Предоставляя частному капиталу различные привилегии и льготы, государство стремится всячески привлечь его в сферу промышленного производства. Эта линия экономической политики государства находит свое отражение, в частности, в том, что государственная «Корпорация промышленного развития» передает построенные ею предприятия частному капиталу. Докладчик подчеркнул, что наибольшие выгоды от развития госкапитализма получает крупная торгово-промышленная буржуазия, как правило, в ущерб и за счет интересов мелкого и среднего пакистанского капитала.

Промышленное развитие страны в той мере, в какой оно отражает стремление к созданию независимой экономики, наталкивается на противодействие со стороны иностранного монополистического капитала, и государство нередко уступает ему, капитулируя перед его требованиями. Антиимпериалистическая направленность госкапитализма в Пакистане объективно выражена пока лишь в виде тенденции.

Особое внимание В. Г. Растянников уделил вопросу о взаимосвязи перспектив дальнейшего развития госкапитализма с проблемой создания условий для расширения внутреннего рынка, то есть преобразования аграрного строя страны. Отметив, что правящие классы пока не вступают на путь проведения крайне назревшей ломки помещичьего землевладения, докладчик заключил, что сохранение такого землевладения в условиях, когда государство стремится взять курс на ускорение промышленного развития страны, обостряет все внутренние противоречия Пакистана и чревато ожесточенной классовой борьбой.

В. Г. Растянников отметил, что слабость государственного капитализма, как оплота крупной буржуазии Пакистана, по отношению к иностранному монополистическому капиталу определяется прежде всего его слабостью по отношению к «национальному» помещичьему классу, то есть к решению неотложных задач внутренней жизни страны.

Согласившись с выдвинутым А. И. Левковским положением о причинах появления госкапитализма в экономически слаборазвитых странах и данным им критерием его прогрессивности, докладчик вместе с тем подчеркнул, что эта прогрессивность в известной мере ограничена, поскольку стоящий в Пакистане у власти блок класса помещиков и крупной буржуазии, сохраняя помещичье землевладение, предоставляет для госкапитализма только крайне узкие возможности развития производительных сил в стране, а финансирование госкапиталистического сектора на данном этапе основывается на изъятии громадной массы доходов трудящихся слоев населения.

По докладам развернулись оживленные прения. Наиболее острые споры вызвали такие теоретические проблемы, как вопросы о причинах и условиях возникновения и развития государственного капитализма в экономически слаборазвитых странах Востока, о соотношении экономических и политических факторов в его генезисе, о критерии прогрессивности госкапитализма, о связи госкапитализма с разрешением аграрного вопроса. Участники дискуссии останавливались также на генетическом различии и различии политико-экономического содержания госкапитализма в слаборазвитых странах и государственно-монополистического капитализма в империалистических государствах, характеризовали особый, ранее не известный антиимпериалистический тип государственного капитализма, который существует ныне во многих слаборазвитых странах.

Канд. эконом. наук Ю. Н. Розалиев посвятил свое выступление проблеме государственного капитализма в Турции. Политика госкапитализма проводится в Турции вот уже более 35 лет и представляет собой по существу историю развития капитализма в отсталой стране в условиях общего кризиса капитализма.

Опираясь на положение В. И. Ленина о том, что «государственный капитализм состоит не в деньгах, а в общественных отношениях» (В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 279), оратор определил госкапитализм в Турции как особую форму развития капиталистических отношений, выражающуюся в том, что надстройка (государство) выступает настолько активно в защиту базиса, что становится непосредственным проводником капиталистических отношений, превращаясь в крупнейшего предпринимателя. Прибавочная стоимость, созданная на государственных предприятиях путем усиленной эксплуатации рабочих, идет в конечном счете в распоряжение всей буржуазии. Госкапитализм не ликвидировал частной собственности, а лишь изменил ее форму. Частный и государственный капитализм в Турции однотипны. С помощью госкапитализма частная собственность получает дальнейшее развитие. Укрепление позиций турецкой буржуазии с помощью политики госкапитализма отвечало до второй мировой войны интересам национальной независимости турецкого народа. Поэтому государственный капитализм в тот период был положительным явлением, так как содействовал экономическому развитию страны по капиталистическому пути, что объективно было направлено против империализма. Госкапитализм в 30-х годах в известной мере противостоял также феодальным отношениям в деревне.

Однако по мере развития связей турецкой буржуазии с империалистической буржуазией Европы и США на основе известного учета империалистическими монополиями интересов первой происходили определенные изменения методов и форм политики госкапитализма.

Если до окончания второй мировой войны госкапитализм в Турции выступал главным образом в форме государственного предпринимательства без участия частного капитала, то после войны турецкая буржуазия настолько окрепла, что государственный капитализм принял преимущественно форму совместного государственно-частного предпринимательства. Иностранные монополии стали более активно участвовать в проведении политики госкапитализма. После прихода к власти демократической партии в 1950 г. государственный капитализм в Турции стал осуществляться в союзе с империализмом и превратился в один из факторов укрепления позиций иностранных монополий, в один из рычагов милитаризации страны. Роль государственного капитализма в Турции изменилась. Он перестал отвечать интересам трудящихся, интересам нации.

В результате политики госкапитализма в Турции усилилось общее развитие капитализма, особенно в сельском хозяйстве. Госкапитализм проложил в Турции дорогу крупному фабрично-заводскому предпринимательству, расчистил пути для деятельности частного капитала. Частный сектор в промышленности Турции за последние 5—6 лет значительно опередил по своему развитию государственный сектор. Эксплуатация рабочих на государственных предприятиях и налоговое ограбление трудящихся — главные источники финансирования политики государственного капитализма, который таким образом способствовал росту относительного и абсолютного обнищания пролетариата.

Канд. эконом. наук Б. М. Данциг считает, что в слаборазвитых странах государственный капитализм является единственным путем обеспечения экономической самостоятельности. Он выразил несогласие с утверждением А. И. Левковского о том, что госкапитализм порожден прежде всего несоответствием между низким уровнем развития экономики и потребностью развития по капиталистическому пути. Такое несоответствие существовало и в колониальной Индии, однако госкапитализм стал развиваться в Индии только после достижения ею политической независимости.

Госкапитализм, по мнению Б. М. Данцига, прогрессивен лишь там, где он носит антиимпериалистический характер, а страна, осуществляющая его, проводит миролюбивую внешнюю политику, не участвует в агрессивных блоках и т. д. В таких странах, как Израиль и ему подобные, госкапитализм служит не целям укрепления независимости, а упрочению позиций империализма и поэтому не может рассматриваться как исторически прогрессивное явление. Некоторые страны получают от иностранных нефтяных концессий значительные средства, которые используются и для развития государственно-капиталистического сектора. Однако контроль за расходованием этих средств осуществляют империалисты, сооружающие здесь свои военные базы и т. п.

Б. М. Данциг не согласен также с высказанным В. Г. Растянниковым утверждением о том, что слабость госкапитализма в Пакистане связана с неразрешенностью аграрного вопроса. Так, в Турции этатизм достиг наивысшего расцвета к 1938 г., в то время как попытка разрешить аграрную проблему была предпринята там только после второй мировой войны.

По мнению д-ра ист. наук А. М. Дьякова, согласившегося с большинством положений доклада А. И. Левковского, последний совершает методологическую ошибку, отходя от вопросов политики при рассмотрении проблем госкапитализма. В Индии власть из рук империалистической буржуазии перешла к национальной буржуазии. В этот переходный период политика играет решающую роль, и поэтому нельзя недооценивать государственной власти, забывать о классовой борьбе. Верно, ко-

нечно, что госкапитализм есть средство преодоления отсталости, однако в Индии имеются такие слои буржуазии, которые, выступая за преодоление отсталости, вместе с тем возражают и против госкапиталистических планов правительства. С другой стороны, крупные монополии предпринимают попытки проникнуть в государственный сектор и укрепить там свои позиции. А. М. Дьяков охарактеризовал в связи с этим борьбу различных групп буржуазии вокруг путей дальнейшего развития страны.

Канд. ист. наук В. И. Павлов остановился на внутренних противоречиях индийского госкапитализма, вытекающих из внутренних противоречий, свойственных национальной буржуазии. Двойственность национальной буржуазии определяется, с одной стороны, ее противоречиями с империализмом, а также с феодальным способом производства в деревне, а с другой стороны, тем, что индийская буржуазия, как и всякая буржуазия, является эксплуататорским классом. До настоящего времени в позиции буржуазии и в характере государственного сектора определяющими являются национальные антиимпериалистические и, в известной степени, антифеодальные элементы. Однако не исключена и возможность подчинения государственного сектора местными монополиями при поддержке иностранного капитала, который ныне все более активно проникает в государственную тяжелую промышленность.

Последовательному развитию госкапитализма, подчеркнул В. И. Павлов, содействуют социалистические страны, поддержка которых дает Индии возможность успешно противостоять натиску иностранных монополий.

Р. А. Ульяновский отметил, что в Индии, Египте, Индонезии, Бирме и некоторых других странах существует госкапитализм особого рода — госкапитализм антиимпериалистический, направленный на отстаивание национальной независимости страны, на предотвращение возможности нового колониального порабощения, на преодоление технико-экономической отсталости.

Оратор отметил, что из тезисов доклада А. И. Левковского вытекает, что государственный капитализм в слаборазвитых странах порожден их экономической отсталостью, то есть противоречием между потребностью в развитии производительных сил и их низким уровнем. Это утверждение, заявил Р. А. Ульяновский, является односторонним и потому неправильным, ибо оно не учитывает главного противоречия между слаборазвитыми странами, стремящимися отстоять и укрепить свою национальную независимость, и империализмом, стремящимся ее раздавить.

Возражая против изложенной в докладе А. И. Левковского концепции происхождения и роли госкапитализма, Р. А. Ульяновский сказал, что в истории различных стран имеются многочисленные примеры того, как господствующий класс и его государство форсировали развитие производительных сил, стремясь преодолеть их отставание. Однако для названной выше группы экономически слаборазвитых стран Востока госкапитализм — это прежде всего защита от колониализма, условие сохранения независимости страны, как предпосылки сохранения власти господствующего класса. Нельзя считать единственным или главным критерием прогрессивности государственного капитализма развитие при его помощи производительных сил и преодоление отсталости. В этом случае пришлось бы признать наиболее прогрессивным госкапитализм на Филиппинах или в Израиле, где темпы капиталистического накопления выше, нежели в Индии, Бирме, Индонезии. Однако в первой группе стран госкапитализм приспособлен к потребностям империализма и соответствует его интересам.

Признание прогрессивности госкапитализма только потому, что он развивает производительные силы, и, следовательно, допущение отрыва всей проблематики этого вопроса от решающих факторов борьбы с империализмом и колониализмом за национальную независимость характерны для концепции А. И. Левковского, что отмечалось также в выступлении А. М. Дьякова.

Госкапитализм в слаборазвитых антиимпериалистических странах не стал государственно-монополистическим, хотя влияние монополий довольно сильно (например, в Индии) и борьба их за преобладание в государственном секторе принимает все более острый характер.

Р. А. Ульяновский критиковал В. Г. Растянникова за недооценку им роли политики в борьбе за национальную независимость, как главного фактора в обеспечении господства данного правящего класса, ибо относительная слабость буржуазии, ее способность или неспособность разрешить аграрный вопрос еще не определяют характера госкапитализма той или иной страны. Главное в исследовании проблемы госкапитализма состоит в том, чтобы определить конкретно-историческое место госкапитализма данной страны в системе международных политических и экономических отношений.

Критикуя положения, высказанные Р. А. Ульяновским, канд. эконом. наук А. А. Поляк (Институт мировой экономики и международных отношений) говорил о том, что если некоторые из выступавших рассматривали создание государственного сектора только с точки зрения преобладающего значения внутренних экономических факторов в данной стране, то Р. А. Ульяновский впадает в другую крайность, утверждая, что развитие государственного сектора, а следовательно, и развитие экономики в слаборазвитых странах полностью зависит от внешних политических условий. Это также неверно. В развитии госкапитализма имеют значение и внутренние и внешние факторы. По утверждению Р. А. Ульяновского выходит, заявил А. А. Поляк, что надстройка оказывает определяющее воздействие на экономический базис. Ни Б. М. Данциг, ни Р. А. Ульяновский не анализируют развитие государственного сектора с точки зрения классовой борьбы. А ведь вопрос о государственном секторе неизбежно связывается с вопросом о путях развития страны.

Л. И. Рейснер отметил, что государственный капитализм является известным продолжением государственного аппарата в области экономики. Он непосредственно направляется государственной властью, а иногда и насаждается ею. Возникновение и развитие госкапитализма всегда отражают экономические и политические интересы господствующего класса. По мнению Л. И. Рейснера, в Индии существовал колониальный государственный капитализм, порожденный колониализмом и отражавший экономические потребности империалистической буржуазии. Он не являлся продуктом внутреннего капиталистического развития Индии.

Госкапитализм на национальной основе сложился в Индии после прихода к власти местной буржуазии в 1947 г. и занял важное место в последующем развитии экономики потому, что он соответствует коренным интересам этого класса.

Оратор обратил внимание на то, что в настоящее время индийский госкапитализм направлен на быстрое развитие не всех, а определенных отраслей национальной экономики, в первую очередь тяжелой промышленности. Индустриализация и развитие тяжелой промышленности возможны вначале и при сравнительно медленном расширении внутреннего рынка. Рынком для новых предприятий первого подразделения служат уже существующие предприятия как второго, так и первого подразделений. Такой тип развития, по мнению Л. И. Рейснера, отвечает и классовым интересам индийской буржуазии. Однако полное раскрепощение и подлинный подъем производительных сил страны невозможны без радикального решения аграрного вопроса и расширения внутреннего рынка.

В. М. Федоренко отметил, что национальная буржуазия, придя к власти в ряде стран Востока пытается найти социальную опору в деревне. Она обращается к крестьянству, обещая провести ряд мер для облегчения его положения. В. М. Федоренко согласен с В. Г. Растянниковым в отношении необходимости связывать вопрос о развитии госкапитализма с осуществлением аграрных реформ. Он охарактеризовал мероприятия по аграрному законодательству, осуществленные в ОАР, на Филиппинах и других странах.

По мнению В. М. Федоренко, неправильно полагать, что госкапиталистические предприятия не могут при определенных условиях вновь превратиться в частнокапиталистические. В последние годы такие факты имели место, в частности, в Турции.

Д-р эконом. наук Н. К. Вайнцвайг считает, что в докладах недостаточно освещено то влияние, которое оказывает современная историческая эпоха, характеризующаяся переходом от капитализма к социализму, на появление и развитие современных форм госкапитализма. В частности, уделено мало внимания влиянию социалистической системы на современные формы госкапитализма в экономически слаборазвитых странах. Государственное управление хозяйством в том виде, в каком оно осуществляется в этих странах, ставших на путь независимости, несомненно возникло под влиянием успехов социализма, а не только как результат капиталистического развития. Известно, что социалистические государства оказывают бескорыстную помощь странам, освободившимся от империалистической кабалы. Развитие госкапитализма в странах Востока неотделимо от этой помощи. Н. К. Вайнцвайг проиллюстрировал это положение на примере развития госкапитализма в кемалистской Турции. Опыт показывает, что если страна Востока, ставшая на путь независимости, не пользуется помощью социалистического лагеря, ее сопротивление империализму неизбежно слабеет, а это, в свою очередь, приводит к ослаблению госкапиталистических тенденций. Для характеристики госкапитализма решающее значение имеет выяснение того, в чьих руках находится государственная власть, на какой лагерь — социалистический или империалистический — во внешней политике ориентируются правящие классы страны.

По мнению С. А. Бессонова (Московский государственный университет), основную причину возникновения госкапитализма нужно искать в специфике экономики данной страны или группы стран, учитывая вместе с тем и влияние внешней среды, в тесном взаимодействии с которой развивается госкапитализм. Другой важной причиной является противоречие между объективной потребностью данной слаборазвитой страны в независимом политическом и экономическом развитии и стремлением иностранного монополистического капитала вернуть утраченные позиции.

Специфика целей госкапитализма, отметил С. А. Бессонов, определяется тем, что он является средством ликвидации экономической отсталости и защиты национальной экономики слаборазвитых стран от попытки империалистов вновь подчинить ее своему влиянию. Госкапитализм в этих странах является также средством

обеспечения высоких прибылей для национальной буржуазии. Наконец, госкапитализм преследует цель смягчения классовых и политических противоречий в слаборазвитых странах Востока. Эти противоречия усугубляются неразрешенностью аграрного вопроса.

Канд. ист. наук М. Н. Егорова остановилась на характеристике отношения рабочего класса Индии к госкапитализму. Поскольку в современных условиях госкапитализм является главной экономической предпосылкой сохранения политической независимости страны и преодоления ее экономической отсталости,— рабочий класс заинтересован в его развитии. Он заинтересован в развитии госкапитализма также и потому, что оно ведет к определенной эволюции экономики, которая по степени обобществления крупного производства в материальном отношении является более высокой формой организации производства.

Между рабочим классом и буржуазией развертывается острая борьба вокруг того, кто должен финансировать промышленное развитие страны. Буржуазия хочет осуществить это за счет народных масс, а рабочий класс требует привлечения других источников — национализации иностранных предприятий и их прибылей, плантаций, проведения аграрных реформ, увеличения налогов на прибыли буржуазии и т. д. Рабочий класс стремится не только обеспечить осуществление второго пятилетнего плана, но и не допустить ухудшения своего экономического положения.

В настоящее время, отметила М. Н. Егорова, монополистическая верхушка буржуазии, выступающая против второго пятилетнего плана, усилила наступление на рабочий класс Индии. Эти слои буржуазии всячески стремятся доказать нереальность нынешнего курса экономического развития страны.

Канд. эконом. наук М. А. Максимов (Институт мировой экономики и международных отношений), возражая против определения генезиса госкапитализма, данного Р. А. Ульяновским, подчеркнул, что госкапитализм является прежде всего экономической, а не политической категорией. Нельзя объективно исследовать проблемы госкапитализма, положив в основу изучения такой преходящий и в известной мере конъюнктурный фактор, как участие или неучастие той или иной страны или группы стран в различных империалистических блоках, или на основании того, проводит или не проводит национальная буржуазия какой-либо страны антиимпериалистическую политику. Неправильно выводить генезис госкапитализма только из внешнеполитического фактора и не исходить в первую очередь из потребности разрешения господствующим классом внутренних противоречий, как политических, так и экономических. По мнению М. А. Максимова, при изучении госкапитализма весьма важно учитывать обострение классовой борьбы.

М. А. Максимов говорил о необходимости детального исследования тех методов, которые избирает буржуазия для развития экономики. Развивающемуся в Индии капиталистическому способу производства препятствует, в частности, крайняя узость внутреннего рынка. Как и В. Г. Растянников, оратор считает, что для развития госкапитализма чрезвычайно важно создание емкого внутреннего рынка путем разрешения аграрного вопроса. «Грубо говоря, и судьбы госкапитализма и судьбы индийского капитализма вообще решаются сейчас не той или иной степенью выполнения пятилетних планов и т. п.— они решаются сейчас на полях страны»,— заявил он. В связи с этим он охарактеризовал проводимые индийским правительством мероприятия по разрешению аграрного вопроса, указав при этом, что развитие сельского хозяйства Индии происходит ныне по пути медленного преобразования и долголетней борьбы с крестьянскими массами, по пути, который В. И. Ленин назвал «прусским», помещичьим путем развития земледельческого капитализма. Таким образом, непоследовательное разрешение аграрного вопроса объективно усиливает противоречия, породившие госкапитализм.

В заключение М. А. Максимов высказал предположение, что госкапитализм, как орудие ускорения развития капитализма, берется на вооружение правящими классами именно тех стран, где они пытаются толкнуть это развитие по помещичьему пути, и нужен в тех условиях, когда капитализм развивается при нерешенном или решаемом помещичьим путем аграрном вопросе.

Канд. ист. наук Л. Р. Полонская признала в целом правильность характеристики причин возникновения и условий развития госкапитализма в слаборазвитых странах, данной в докладе А. И. Левковского. В то же время, по мнению Л. Р. Полонской, следует подчеркнуть, что наряду с противоречием между отсталым (по сравнению с другими капиталистическими странами) уровнем развития капитализма и объективными задачами независимого развития существует и другое, более общее противоречие — между тенденцией азиатских стран, добившихся политической независимости, к самостоятельному экономическому развитию и стремлением империалистических государств воспрепятствовать такому развитию. Л. Р. Полонская полагает, что госкапитализм даже в тех странах, которые в нынешних условиях еще не проводят антиимпериалистической политики, имеет потенциально антиимпериалистическую направленность. Поэтому, если в таких странах сложится объединенный фронт сил, стоящих за последовательно независимое развитие, если именно эти силы окажутся правящими, то проводимая ими политика госкапитализма примет открыто антиимпериалистический характер. Нельзя смешивать причины возникновения и развития госкапитализма как определенной системы экономических отношений с вопросом о том, используется ли политика госкапитализма в прогрессивных или реакционных целях. Вопрос о прогрессивности госкапитализма определяется прежде всего политическим характером власти. При определении вопроса о прогрессивности госкапитализма политические факторы могут играть более важную роль, чем чисто экономические. Однако эти политические факторы не являются решающими при определении причин возникновения госкапитализма и его широкого распространения в слаборазвитых странах Востока, причин, обусловленных рядом общих закономерностей экономического развития этих стран.

Канд. юрид. наук А. И. Калинин (Институт мировой экономики и международных отношений) указал, что ряд вопросов, поднятых на дискуссии, имеет значение и для еще одной группы слаборазвитых стран — для стран Латинской Америки. Демократические силы в этих странах подчеркивают, что проводимые там госкапиталистические мероприятия вытекают из противоречия между экономической отсталостью и потребностью самостоятельного национального экономического развития. Многие госкапиталистические мероприятия в странах Латинской Америки являются прогрессивными, так как направлены против империализма. Именно благодаря антиимпериалистической направленности эти мероприятия пользуются поддержкой рабочего класса и всех демократических сил. Таким образом политический фактор при оценке характера госкапитализма играет весьма важную роль. Основным противником госкапиталистического сектора в латиноамериканских странах является империализм США, хотя ему и удается использовать в своих интересах некоторые госкапиталистические меры. Демократические силы Латинской Америки справедливо считают, что дальнейшее развитие прогрессивных государственно-капиталистических мероприятий неразрывно связано с проведением миролюбивой политики и укреплением экономических отношений с социалистическими государствами.

Д-р эконом. наук Н. Д. Гродко осветил вопрос о влиянии сферы обращения на развитие госкапитализма и рассмотрел источники финансирования госкапиталистического строительства. Он охарактеризовал метод дефицитного финансирования, означающий прежде всего увеличение краткосрочного государственного долга. В Индии колоссальные расходы и систематическое применение подобного метода финансирования привели в последнем году первого пятилетнего плана к повышению цен. План финансирования второй пятилетки отражает большие трудности, с которыми столкнулась экономика Индии. Чрезвычайно быстро уменьшаются запасы иностранной валюты, а между тем потребности импорта непрерывно возрастают. Происходит ослабление финансовых позиций Индии, что заставляет ее прибегать к иностранным займам. В заключение Н. Д. Гродко остановился на борьбе различных классов Индии по вопросу о путях преодоления экономических трудностей.

Л. А. Гордон (Фундаментальная библиотека общественных наук) охарактеризовал влияние, которое оказывает государственно-капиталистическое регулирование экономики на положение рабочего класса. Поскольку, сказал он, государственное регулирование экономики способствует независимому развитию Индии, переходу от колониальных форм эксплуатации к более «нормальным» условиям капиталистического производства в самостоятельной стране, постольку индийский рабочий класс в экономическом отношении выигрывает. Способствуя индустриализации страны, государственно-капиталистическое развитие экономики содействует и некоторому рассасыванию относительного перенаселения. Л. А. Гордон привел ряд примеров прогрессивного рабочего законодательства в Индии, подчеркнув вместе с тем, что эти мероприятия отнюдь не означают исчезновения капиталистической эксплуатации.

Р. Н. Долнykова обратила внимание на все усиливающуюся в Индии тенденцию восполнить недостаток иностранной валюты за счет привлечения иностранных частных капиталовложений. Невысокие нормы прибыли, невыгодность вложения капитала в ряд новых отраслей, боязнь национализации и угроза инфляции отпугивают иностранных предпринимателей, поэтому крупная индийская буржуазия предпринимает некоторые практические меры, чтобы привлечь частный капитал из-за границы, и требует предоставления ему уступок. Одним из таких шагов явилась известная миссия Бирлы в Западную Европу и США. Р. Н. Долнykова подчеркнула необходимость исследования проблемы роста иностранного частного капитала в Индии и связанных с этим противоречий.

В выступлении д-ра эконом. наук Ю. Н. Шпирта отмечалось, что вмешательство государства в экономику и проведение политики госкапитализма не ограничиваются сферой материального производства, но охватывают и сферу обращения. Ю. Н. Шпирт предостерегал против недооценки глубоких противоречий, существующих между партнерами по агрессивным блокам. Он подчеркивал необходимость более тщательной разработки таких проблем, как роль государственного капитализма в воспроизводстве, соотношение

государственного и частного секторов в отдельных странах, милитаризация экономики в экономически слаборазвитых странах и ее последствия, положение рабочего класса и т. п.

Выступивший вторично Р. А. Ульяновский, полемизируя, в частности, с выступлением А. А. Поляка, подчеркнул, что проблема борьбы с империализмом не есть внешняя проблема для экономически слаборазвитых стран, она является «самой внутренней из всех внутренних проблем». Рассматривая вопрос о происхождении и утверждении государственного капитализма, сказал он, надо помнить о том, что в вопросе о госкапитализме в слаборазвитых странах соотношение между экономикой и политикой иное, чем между базисом и надстройкой. Нельзя одно подменять другим. Госкапитализм, по мнению Р. А. Ульяновского, выражает прежде всего политические противоречия между экономически слаборазвитыми странами и империалистическим колониализмом, противоречия, являющиеся концентрированным выражением экономических противоречий. Оратор напомнил высказывание В. И. Ленина о том, что «политика не может не иметь первенства над экономикой. Рассуждать иначе, значит забывать азбуку марксизма» (В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 62).

Отсталая экономика любой слаборазвитой страны объективно выражает потребности развития и преодоления технико-экономической зависимости, но экономика сама по себе относительно инертна и непосредственно из нее госкапитализм не вытекает. Экономическая отсталость и потребность в развитии производительных сил слаборазвитых стран сами по себе не могут породить государственного капитализма. Политика господствующего класса, то есть государственная власть, определяет развитие экономики в госкапиталистической форме, ей принадлежит первенство.

Возражая Н. А. Максимову, Р. А. Ульяновский подчеркнул, что основным содержанием буржуазных революций является не приспособление докапиталистических пережитков к капитализму, а утверждение классового господства буржуазии в своем национально-независимом государстве. Решающее значение для судеб слаборазвитых стран имеет не столько аграрная проблема, сколько сохранение и укрепление национальной независимости, то есть обеспечение суверенитета государственной власти. Ошибочно считать, что политическая оценка генезиса и прогрессивности госкапитализма — это «конъюнктурная» оценка. Неправильно также изображать в качестве «блага» всякое развитие производительных сил безотносительно к направлению и формам их развития. Надо точно установить, каковы тенденции этого развития. Нас должна интересовать не только общность госкапитализмов в различных странах как капитализмов, но и различие характера, форм, тенденций развития государственного капитализма в каждой экономически слаборазвитой стране.

Канд. ист. наук Э. Н. Комаров в своем выступлении указал на то, что преодоление экономической отсталости слаборазвитых стран Востока, то есть в данных условиях развитие в них капитализма, является основной и наиболее общей закономерностью их исторического развития. Империализм препятствует социально-экономическому развитию слаборазвитых стран и поэтому меры, направленные на преодоление экономической отсталости, могут приобрести и приобретают на практике антиимпериалистический характер. Этим определяется их прогрессивное значение. Задачи преодоления экономической отсталости и задачи антиимпериалистической борьбы неразрывно связаны между собой. Попытка разделить эти две стороны одного и того же процесса или рассматривать одну из них как причину, а другую как следствие — бесплодна.

Э. Н. Комаров разделяет мнение А. И. Левковского о существовании государственного капитализма в колониальной Индии. Единственная цель государственно-капиталистических мер колониальных властей состояла в осуществлении колониальной эксплуатации, а отнюдь не в ускорении капиталистического развития страны. Э. Н. Комаров согласен также с теми, кто считает, что имеется несомненная связь между государственно-капиталистическим развитием и разрешением аграрного вопроса.

Что касается стремления монополий к подчинению государственного сектора своим интересам, то, по мнению Э. Н. Комарова, это стремление будет существовать до тех пор, пока Индия остается капиталистической страной. Будет также и возможность перехода государственных предприятий в частные руки (реприватизация). Однако закономерности и условия, породившие государственно-капиталистическую политику, при сохранении власти в руках буржуазии будут существовать длительное время и поэтому быстрое и полное подчинение государственного сектора монополиям, а также широкая реприватизация государственных предприятий в Индии представляются маловероятными.

Взявший слово вторично С. А. Максимов не согласился с критикой Р. А. Ульяновским его выступления, подчеркнув, что главным противоречием является не противоречие между слаборазвитыми странами и империализмом, а противоречие между социалистическим лагерем и империализмом.

М. А. Кочарян, отметив, что он согласен с тезисами А. И. Левковского, сказал, что госкапитализм в Индии является показателем кризиса развития Индии по капиталистическому пути. Перед лицом таких явлений, как узость внутреннего рынка, неспособность крупной буржуазии использовать кустарную промышленность, медленное увеличение основных фондов промышленности, а с другой стороны, в связи с ускорением общих темпов развития мировой науки и техники, индийская национальная буржуазия не могла решать вопросы экономического подъема страны обычными капиталистическими методами. Потребность во вмешательстве государства становилась объективно необходимой. Необходимость госкапитализма в Индии вызывалась и рядом политических факторов, в частности, такими, как давление средней и мелкой национальной буржуазии на крупную буржуазию, нежелание США и Англии помочь Индии в решении главных экономических задач. М. А. Кочарян подчеркнул огромное значение, которое имела в деле укрепления позиций Индии на международной арене, поддержка мощного социалистического лагеря.

Канд. ист. наук Г. Г. Котовский в своем выступлении остановился на противоречиях, в которых происходит развитие госкапитализма в Индии, указав, что в докладе А. И. Левковского этому было уделено недостаточное внимание. Госкапитализм в Индии, как сумма экономических и политических явлений, заявил он, выражает интересы всего класса национальной буржуазии в целом, включая и крупную буржуазию. Однако ряд мероприятий государственно-капиталистического характера в Индии, предоставляющих формально равные возможности для всех слоев и групп национальной буржуазии, в действительности используется в первую очередь крупной буржуазией, в особенности — ее монополистической верхушкой.

Г. Г. Котовский считает, что госкапитализм во всех странах, ставших на путь национальной независимости, носит прогрессивный характер, однако его исторические судьбы весьма сложны. Не исключена возможность постепенного превращения его в некоторых странах в государственно-монополистический капитализм. Характерно, что за последнее время крупная индийская буржуазия повела политику проникновения в государственный сектор и пытается овладеть им. Оратор подчеркнул, что при изучении отношения национальной буржуазии к иностранному капиталу следует особо учитывать уровень национально-освободительного движения, развитие классовой борьбы в стране, а также степень экономической и политической мощи самой национальной буржуазии.

Решение аграрного вопроса и, прежде всего, ликвидация феодально-помещичьего землевладения является одним из основных условий дальнейшего развития капитализма в Индии потому, что только этим путем может быть расширен внутренний рынок. Важную роль для понимания этого вопроса должно сыграть изучение связи различных слоев и групп буржуазии с различными слоями и группами помещичьего класса, а также с ростовщичеством. Оратор поддержал А. И. Левковского, указав, что укрепление национальной независимости — не самоцель, а необходимое условие для утверждения и дальнейшего развития национальной буржуазии как класса.

Полемизируя с Р. А. Ульяновским, Г. Г. Котовский отметил, что не следует уходить от глубокого изучения внутренних социально-экономических условий появления и дальнейшего развития госкапитализма в каждой отдельной стране. Рождение госкапитализма в разных странах — это проявление одного и того же основного экономического противоречия, а дальнейшее развитие, характер и историческое место того или иного госкапитализма определяются в значительной степени характером власти в каждой из стран. Определяя характер госкапитализма, необходимо подходить с одним критерием: в какой степени госкапитализм в данной стране способствует или не способствует ослаблению мирового империализма.

Канд. эконом. наук Ш. М. Бади подразделил экономически слаборазвитые страны Востока на четыре основные группы: 1) страны, где у власти находится национальная буржуазия, борющаяся с империализмом; 2) страны, где у власти находится национальная буржуазия, в различной степени мирящаяся с империализмом; 3) страны, где власть находится в руках феодально-помещичьего класса и крупной буржуазии, занимающих нейтральные позиции в отношении империализма; 4) страны, где у власти стоят компрадорская буржуазия и помещичий класс, зависящие от империализма.

Характер госкапитализма в той или иной стране определяется тем, к какой из этих групп относится данная страна.

Канд. эконом. наук С. М. Мельман говорила о том, что госкапитализм — проблема экономическая и политическая. Рассматривать ее нужно с учетом внутренних социально-экономических условий и особенностей углубления общего кризиса капитализма. Она подчеркнула, что ошибочно игнорировать или недооценивать то огромное отрицательное влияние, которое оказал на весь ход экономического, политического и культурного развития колониальных стран империализм, всеми средствами тормозивший это развитие. В связи с этим она отметила, что антиимпериалистический фактор, задача борьбы против империализма при анализе генезиса госкапитализма в слаборазвитых странах Востока была недостаточно учтена в докладе А. И. Левковского. Касаясь существования в колониальных странах чужеземного государственно-монополистическо-

го капитализма, С. М. Мельман указала, что его ни в коем случае нельзя отождествлять с госкапитализмом, который возник в странах, освободившихся от господства империализма. Далее она отметила, что хотя империализм и сдерживал в огромной степени развитие колониальных стран, но в силу объективных законов исторического развития в них тем не менее развивался местный, «свой» капитализм, который порождал соответствующие социальные силы. Важнейшим противоречием, которое не могло было быть разрешено до получения этими странами национальной независимости, являлось противоречие между нуждами развития страны и господством империализма. Это противоречие было выражением противоречий между нуждами всего народа, всей нации и империализмом.

Госкапитализм в слаборазвитых странах, вступивших на путь самостоятельного развития,— прогрессивное явление на данном этапе, ибо он способствует преодолению экономической отсталости этих стран и укреплению их политической независимости. Однако, признавая прогрессивную роль госкапитализма, мы не можем и не должны абсолютизировать прогрессивность госкапитализма. Надо учитывать и то, что госкапитализм и его прогрессивные черты могут в дальнейшем в силу тех или иных конкретных причин изменить свой характер. Имеются данные, в частности в Индии, свидетельствующие о давлении со стороны монополистических групп буржуазии и иных слоев на государственный сектор. Усиливается и проникновение иностранного капитала в Индию под флагом «экономического сотрудничества» и «помощи». Развитие государственного капитализма происходит в обстановке острой классовой борьбы.

В заключительном слове А. И. Левковский ответил на ряд замечаний, высказанных по его докладу. Он, в частности, не согласился с тем, что в его докладе якобы преуменьшается роль политического фактора. Он заявил, что и в тезисах и в докладе неоднократно подчеркивалось, что госкапитализм — такое явление, в котором экономика и политика неразрывно связаны между собой.

А. И. Левковский критиковал предложенную Р. А. Ульяновским концепцию происхождения и сущности госкапитализма. По мнению А. И. Левковского, Р. А. Ульяновский выводит госкапитализм из политики, оторвав последнюю от экономики, в результате чего остается непонятным, концентрированным выражением какой экономики является политика. Важность политики подчеркивать необходимо, но, по Ульяновскому, получается, что госкапитализм возникает там и тогда, где и когда государство проводит антиимпериалистическую политику, например, в Индии. Проведение антиимпериалистической политики, сказал А. И. Левковский, имеет, конечно, огромное значение, но задача научных работников как раз и состоит в том, чтобы ответить, чем, какими внутренними социально-экономическими и политическими причинами эта политика порождена. Отрыв политики от экономики привел Р. А. Ульяновского к неверному подходу в объяснении госкапитализма, к отрицанию наличия единой причины, порождающей его в различных слаборазвитых странах.

А. И. Левковский вновь утверждал, что происхождение госкапитализма следует выводить в первую очередь из экономики, но одной экономикой при этом ограничиваться нельзя, так как дальнейшее существование госкапитализма зависит от хода политической и, в первую очередь, классовой борьбы. При исследовании проблемы госкапитализма, отметил он, нужно четко разграничивать два вопроса: а) что́ его порождает, б) в каких условиях он может появиться. Госкапитализм мог возникнуть лишь в эпоху общего кризиса капитализма, когда образовался социалистический лагерь и силы империализма оказались подорванными, когда государственная власть в стране от иностранных колонизаторов перешла в руки местного имущего класса. В Индии таким классом стала национальная буржуазия. Угроза национальной независимости слаборазвитой, недавно освободившейся от колониализма страны со стороны империализма выступает, по мнению А. И. Левковского, лишь в качестве фактора, подталкивающего, убыстряющего рост госкапитализма.

В заключение докладчик подчеркнул, что развитие госкапитализма ведет к обострению основного противоречия капитализма— противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения, что не может не усиливать классовую борьбу. В связи с этим А. И. Левковский кратко остановился на возможной эволюции индийского госкапитализма.

В. Г. Растянников, выступая с заключительным словом, признал, что вследствие того, что он работал по преимуществу над пакистанскими материалами, он недооценил такое важное противоречие, как противоречие между слаборазвитыми странами и империализмом. Вместе с тем он утверждал, что происхождение госкапитализма во всех слаборазвитых странах объясняется одной общей причиной и что повсюду госкапитализм выступает как орудие ускорения развития национального капитализма. Солидаризируясь с А. И. Левковским, докладчик не согласился с позицией Р. А. Ульяновского по данному вопросу.

По мнению В. Г. Растянникова, весьма важное значение для понимания проблемы госкапитализма в слаборазвитых странах имеет вопрос: какими методами осуществляется это подталкивание развития национального капитализма. Полемизируя в этой связи с Р. А. Ульяновским, В. Г. Растянников вновь отстаивал взгляд о необходимости неразрывно связывать проблему развития госкапитализма с решением тем или иным способом аграрного вопроса. По его мнению, неправильно утверждать, что буржуазия может осуществить индустриализацию и создать национальную независимую экономику, не разрешив аграрного вопроса, ибо подобная точка зрения игнорирует классовую борьбу, развертывающуюся именно на основе попыток решения аграрного вопроса в интересах помещичьего класса. Успех индустриализации, то есть осуществление общенациональной задачи обеспечения независимости слаборазвитых стран при данном общественно-экономическом строе зависит прежде всего от соотношения классовых сил.

Подводя итоги дискуссии, С. М. Мельман отметила ее важное значение, ибо она дала материал для дальнейшей творческой работы над изучением особенностей госкапитализма в экономически слаборазвитых странах Востока.

По некоторым вопросам выявилась общая точка зрения, по другим — мнения разошлись. С. М. Мельман оценила как положительное явление активное участие в дискуссии молодых научных работников.

ХРОНИКА

В СССР

СОЗДАНИЕ ОБЩЕСТВ ДРУЖБЫ И КУЛЬТУРНОЙ СВЯЗИ СО СТРАНАМИ ВОСТОКА

В Москве по инициативе советской общественности, в том числе ученых, состоялись организационные собрания, посвященные созданию ряда Обществ дружбы и культурной связи со странами Востока. Созданы Общество дружбы и культурной связи со странами Арабского Востока, Общество советско-монгольской дружбы, Общество «СССР—Япония» и Общество советско-корейской дружбы. Председателями правлений указанных Обществ избраны соответственно заместитель министра культуры СССР С. В. Кафтанов, член Президиума Верховного Совета СССР маршал Советского Союза С. М. Буденный, председатель Президиума Всесоюзной Торговой Палаты М. В. Нестеров и заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР М. П. Тарасов.

НАВСТРЕЧУ КОНФЕРЕНЦИИ ПИСАТЕЛЕЙ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

2, 3 и 4 июля 1958 г. в Москве происходило совещание писателей некоторых азиатских и африканских стран, посвященное подготовке к предстоящей конференции писателей стран Азии и Африки в Ташкенте.

Участники совещания единогласно одобрили предложение о созыве конференции. Была обсуждена предварительная повестка дня, которая могла бы включать доклады на следующие темы: развитие литератур в различных странах Азии и Африки; Восток и Запад — взаимосвязь культур; международная напряженность и ее влияние на писателей; проблема детской литературы и ее воспитательное значение; вклад женщин в литературу; развитие драматургии в странах Азии и Африки; связь радио, кино и театра с литературой; поощрение дружественных контактов между азиатскими и африканскими писателями.

Издательства

ВСЕСОЮЗНАЯ КНИЖНАЯ ПАЛАТА

По данным Всесоюзной книжной палаты в СССР непрерывно возрастает выпуск произведений писателей стран Азии и Африки в переводах на русский и другие языки народов Советского Союза. За годы Советской власти вышло свыше тысячи книг писателей стран Востока общим тиражом, превышающим 46 миллионов экземпляров. Произведения 75 китайских писателей переведены в СССР на 32 языка. Только за 1948—1958 гг. (по данным на 1 мая) книги китайских писателей и поэтов изданы общим тиражом, превышающим 20 миллионов экземпляров.

Книги 23 индийских авторов изданы на 24 языках народов СССР. Общий тираж произведений Рабиндраната Тагора, изданных в СССР, приближается к двум с половиной миллионов экземпляров. На 27 языках народов СССР издана литература арабских стран.

Советские читатели познакомились в переводах со многими произведениями арабской, афганской, африканской, бирманской, вьетнамской, индийской, индонезийской, иранской, китайской, корейской, монгольской, турецкой, японской и ряда других литератур народов Востока.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В 1958 г. издаются 44 книги писателей стран Азии и Африки тиражом свыше 3 миллионов экземпляров. Выпускаются сочинения китайской классической литературы: «Четверостишия» Бо Цзюй-и, «Сон в красном тереме» Цао Сюэ-цзиня, а также трехтомник Го Мо-жо, сборник произведений Чжао Шу-ли и др. В новом издании выходит древнеиндийская поэма «Наль и Дамаянти». Массовым тиражом издаются индийские сказки, а также сборник произведений пенджабских поэтов, издаются романы Шоротчондро Чоттопадхая, Прем Чанда и др.

Впервые на русском языке печатаются повести японского писателя Юрико Камото. Выходит сборник коротких рассказов Кунида Доппо. Большим тиражом издаются японские сказки. Турецкая литература будет представлена романом Гюнтекина Решада Нури «Птичка певчая», монгольская — стихами поэта Дамдинсурэна.

К открытию II конференции писателей стран Азии и Африки выйдет второй выпуск «Восточного альманаха». Значительное место в нем займет фольклор народов Черной Африки.

* * *

Издательство выпустило в свет 4-томную «Антологию китайской поэзии» под общей редакцией Го Мо-жо. В первом томе антологии помещена «Книга песен — «Шицзин»». В этом же томе помещены стихи Цюй Юаня, Цзя И, Цао Цао и Тао Юань-миня. Второй том целиком посвящен золотому веку китайской поэзии — периоду династии Тан. В эту эпоху творили такие мастера, как Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюй-и, Юань Чжень и другие. Третий том антологии посвящен поэзии периода династий Сунь, Юань, Мин и Цин. Главное место в томе занимают стихи сунских поэтов.

В четвертом томе антологии — новая поэзия 1919—1957 гг. Открывается том письмом Мао Цзэдуна в редакцию журнала «Шикань» и шестнадцатью его стихотворениями. Издание антологии китайской поэзии — яркое свидетельство плодотворного сотрудничества советских и китайских литераторов.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Издается ряд литературоведческих работ советских востоковедов: «Современная художественная проза на пушту в Афганистане» Г. Ф. Гирса, «Китайская поэзия в период национально-освободительной войны (1937—1945 гг.)» С. Д. Марковой, «Формирование мировоззрения Лу Синя» В. Ф. Сорокина, о творчестве ливанского поэта Умара Фахури — Д. Юсупова, сборник статей «Литературы Индии» и др. В сборник «Поэты Африки» войдут впервые публикуемые в СССР стихотворения современных прогрессивных африканских поэтов. Выпускается книга «Индийский фольклор о Сипайском восстании»— сборник произведений народного творчества, связанных с восстанием народов Индии против английских колонизаторов.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИСКУССТВО»

Издательство выпускает несколько пьес драматургов стран Востока: «Хори» Прем Чанда, «Это Бомбей» Х. А. Аббаса, «Успение лягушки» японского писателя Д. Киносита. Готовятся к печати драматургические произведения китайских авторов Чжо Су-ченя, Лао Шэ, корейского писателя Хан Юн Хо и др.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Готовится к изданию перевод романа «О, мой край, прекрасный мой народ!» молодого сенегальского писателя Сембене Усмана, который работает докером в Марселе. В будущем году будет выпущен сборник стихов «Молодые поэты Индии», сборник рассказов и стихотворений молодых прозаиков и поэтов Китая и т. д.

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР

В марте и апреле 1958 г. на заседаниях секции Ученого совета, изучающей проблемы феодализма в странах Востока, обсуждался вопрос о средневековом городе.

Интересное сообщение о ремесленном производстве, в частности ткачестве Китая XV—XVII веков, было сделано аспиранткой МГУ Э. П. Стужиной. В сообщении были использованы материалы происходящей в последние годы в КНР научной дискуссии по вопросу о зарождении капитализма в Китае.

Аспирант МГУ А. И. Чичеров, привлекая данные индийских письменных и эпиграфических источников, а также записок западноевропейских путешественников, остановился в своем сообщении на вопросе об организации и характере производства в индийских городах в XVII—XVIII вв., в частности, на проблеме развития кооперации ремесленного труда, появления предприятий, кото-

рым были свойственны черты капиталистической мануфактуры.

Развитию японского города в XVI в. было посвящено сообщение А. А. Искандерова. Были также заслушаны сообщения о ремесле в иранских городах XVIII в. (Н. А. Кузнецова), о некоторых чертах феодального города в Турции XIV—XVI веков (А. С. Тверитинова) и в Северной Индии XIII—XIV веков (К. З. Ашрафян), об экономических и политических позициях буддийской церкви в японском городе XV—XVI веков (Н. А. Иофан). В прениях приняли участие научные сотрудники Л. Б. Алаев, К. А. Антонова, Н. М. Гольдберг, А. И. Фалина, И. М. Смилянская, А. Л. Гальперин.

* * *

С марта 1958 г. в Институте начал работать семинар по литературоведению для аспирантов, занимающихся изучением восточных литератур. Лекции читают специалисты из Института мировой литературы и Института востоковедения АН СССР.

Уже прочитаны лекции: «Предмет литературы», «Характер и обстоятельства в художественной литературе», «Классические традиции в лирике социалистического реализма». Участники семинара прослушают также лекции на темы: «Место литератур Востока в мировой литературе», «Поэтика литератур Востока» и другие.

* * *

На заседании литературоведческой группы с докладом «Истоки и характеристика модернизма в западном искусстве» выступил профессор М. И. Лифшиц. В обсуждении доклада приняли участие научные сотрудники Института А. Е. Бертельс, Л. О. Алькаева, Е. П. Челышев и другие. Они рассказали о значении этой проблемы для изучения литератур Востока.

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР

6 и 7 мая 1958 г. состоялось совместное заседание ученых советов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР и восточного факультета Ленинградского государственного университета, посвященное столетию со дня рождения выдающегося русского иранист Валентина Алексеевича Жуковского (1858—1919).

Во вступительном слове академик И. А. Орбели охарактеризовал многогранные научные интересы выдающегося ученого, сыгравшего важную роль в развитии отечественной иранистики.

Д-р филол. наук А. Н. Болдырев подробно остановился на трудах В. А. Жуковского, посвященных истории персидской литературы.

Докладчик подчеркнул, что труды В. А. Жуковского имеют важное значение для изучения литературы Ирана.

Заслугам В. А. Жуковского в изучении персидского языка и диалектов Ирана был посвящен доклад д-ра филол. наук М. Н. Боголюбова.

В докладе д-ра ист. наук Б. Н. Заходера «Исторические взгляды В. А. Жуковского» были выявлены противоречия между консервативным мировоззрением В. А. Жуковского и его гуманистическими взглядами как ученого-востоковеда.

Участники сессии прослушали также доклады канд. ист. наук О. И. Смирновой «Место труда В. А. Жуковского «Развалины старого Мерва» в истории изучения среднеазиатских городов», канд. филол. наук Л. Т. Гюзальяна «Работа В. А. Жуковского о «странствующих четверостишиях»» и другие. Канд. ист. наук Ю. Е. Борщевский выступил с докладом «Рукописное наследие В. А. Жуковского».

На сессии выступил сын В. А. Жуковского — С. В. Жуковский, поделившийся воспоминаниями о своем отце.

Закрывая заседание сессии, академик И. А. Орбели заявил, что Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР примет меры к изданию в ближайшее время ряда неопубликованных трудов В. А. Жуковского.

* * *

Памяти выдающегося историка Александра Юрьевича Якубовского было посвящено заседание иранского кабинета.

Кратким вступительным словом заседание открыл академик И. А. Орбели.

С докладами выступили: д-р ист. наук И. П. Петрушевский — «Научная деятельность А. Ю. Якубовского», член-корр. АН УзССР А. К. Боровков — «Тарханная грамота Сахиб-Гирей-хана», член-корр. АН Арм. ССР С. Т. Еремян — «Агарцинская надпись 1184 г. н. э.», ст. научный сотрудник О. И. Смирнова — «Новые нумизматические данные по истории Пенджикента».

* * *

Ведется работа по описанию и исследованию Дуньхаунского фонда, начатая еще в предвоенные годы ныне покойным К. К. Флугом. Фрагменты, описание которых проводится, в основном представляют части буддийских сутр, но имеются и документы светского характера.

МУЗЕИ

В Москве в помещении Государственного музея восточных культур открылась выставка цейлонского изобразительного искусства и художественной фотографии. На выставке представлены произведения художников современного Цейлона: Махагамасекеры, Махаледары, Ванигаратне, Гамалатхиниядасы, Артура, Б. Л. А. Мендиса и других. Природа Цейлона и быт народов этой страны отражены также в многочисленных фотографиях.

На открытии выставки выступил посол Цейлона в СССР г-н Г. П. Малаласекера. Выставку посетили тысячи трудящихся столицы.

* * *

В конце мая 1958 г. в Государственном музее изобразительных искусств выступили с докладами ведущие египетские археологи, рассказавшие о последних археологических открытиях. Проф. д-р Ахмед Фавзи прочел доклад о раскопках в районе пирамид в Датуре. В ходе этих раскопок были обнаружены весьма интересные материалы, относящиеся к периоду Древнего царства. Найдены архитектурные сооружения, относящиеся к началу III тысячелетия до н. э.

Проф. Заки Нур рассказал о деревянных барках, найденных в районе больших пирамид. Одна из двух обнаруженных в земле барок уже извлечена на поверхность.

С большим интересом было выслушано сообщение проф. Лабиб Хабаши о недавних находках египетских археологов при раскопках в районе Ассуана.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ВЕЧЕР, ПОСВЯЩЕННЫЙ САДИ

Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, Советский комитет защиты мира, Союз писателей СССР, Министерство культуры СССР и Институт востоковедения Академии наук СССР организовали торжественный вечер, посвященный великому иранскому поэту Саади в связи с 700-летием со дня завершения произведения «Гулистан».

На вечере, состоявшемся в конце мая 1958 г., вступительное слово произнес таджикский писатель Мирзо Турсун-Заде.

С докладом «Мировое значение произведения великого иранского поэта Саади «Гулистан»» выступил д-р филол. наук чл.-корр. АН Таджикской ССР И. С. Брагинский. На вечере выступил Чрезвычайный и Полномочный Посол Ирана в СССР г-н Самии.

Азербайджанская ССР

Научные сотрудники Института востоковедения Академии наук Азербайджана приступили к составлению арабско-азербайджанского, турецко-азербайджанского и курдско (мукри)-азербайджанского словарей.

* * *

Вышел из печати «Учебник арабского языка» на азербайджанском языке, подготовленный канд. филол. наук А. Д. Мамедовым.

Книга издана восточным факультетом Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова и предназначена для студентов II—IV курсов восточного факультета.

Казахская ССР

Интенсивная работа проводится сотрудниками сектора востоковедения Академии наук Казахской ССР в области уйгуроведения. Изучаются темы: «Очерки истории советских уйгуров», «Социально-экономические и культурные преобразования Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР», «Уйгуро-индийские отношения», «Китайские источники средневековой истории уйгуров и другие. Большая работа проводится по изучению современного уйгурского языка. Научными сотрудниками сектора подготовлен русско-уйгурский словарь, выдержавший уже два издания. Готовится к сдаче в печать уйгурско-русский словарь. Составлены правила орфографии современного уйгурского литературного языка. В 1958 г. сдаются в печать два тома научных трудов работников сектора востоковедения.

Киргизская ССР

Общественность республики торжественно отметила в апреле 1958 г. 25-летие со дня смерти выдающегося поэта и мыслителя, классика киргизской литературы, талантливого композитора и певца Токтогула Сатылганова. Произведения Токтогула широко бытуют в устной форме в аилах Киргизии. С 1940 по 1958 г. его книги изданы в количестве 100 тыс. экземпляров.

Юбилею Токтогула был посвящен торжественный

вечер в городе Фрунзе под председательством старейшего акына республики, ученика Токтогула, Алымкула Усенбаева. С докладом о творчестве поэта выступил кандидат филологических наук Д. Таштемиров. С воспоминаниями о Токтогуле и стихами, посвященными ему, выступили поэты и писатели Киргизии.

Таджикская ССР

В апреле 1958 г. в Сталинабаде состоялось заседание юбилейного комитета по празднованию 1100-летия со дня рождения Рудаки. Комитет возглавляет заместитель председателя Совета министров Таджикской ССР тов. Кахаров. Участники заседания заслушали доклады академика АН Таджикской ССР А.А. Семенова «Историческая эпоха Рудаки», академика АН Таджикской ССР М. М. Мирзоева «Новый текст Рудаки», проф. М. М. Герасимова «Скульптурный портрет Рудаки» и др.

ЗА РУБЕЖОМ

ОСНОВНОЙ ПРОЕКТ ЮНЕСКО «ВОСТОК — ЗАПАД»

В январе 1958 г. в Калькутте состоялось заседание международного комитета экспертов, на котором обсуждался вопрос о роли, которую призваны сыграть социальные науки в реализации основного проекта ЮНЕСКО «Восток — Запад».

В том же месяце в Фецe (Марокко) состоялась региональная конференция национальных комиссий арабских стран по осуществлению основного проекта «Восток — Запад».

Китай

В марте 1958 г. в Пекине проходило заседание Комитета планирования науки при Государственном Совете КНР, в котором приняли участие свыше 170 ученых. С докладом «Китайско-советское соглашение о научно-техническом сотрудничестве» выступил президент Академии наук Китая и заместитель председателя Комитета планирования науки Го Мо-жо.

Секретарь Комитета Фань Цзян объявил об исключении из Комитета правых буржуазных элементов, выступавших против руководства коммунистической партии и строительства социализма.

На заседаниях секций философии и других общественных наук обсуждались вопросы улучшения научной работы и были разработаны планы научно-исследовательской работы на 1958 г. Предстоит изучение таких тем, как противоречия внутри народа, обобщение революционного опыта и опыта строительства социализма за 10 лет существования КНР, критика буржуазной социологии, важнейшие экономические проблемы современности и т. д. План предусматривает усиление изучения стран Африки и Азии.

На заседании Комитета выступил заместитель заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК КПК Чень Бо-да. Он отметил, что основной недостаток в области общественных наук заключается в явлениях схоластики, отрыва от революционной практики. Изучать древние периоды истории необходимо, подчеркнул докладчик, однако нельзя направлять на это главные силы, а само изучение древней истории должно способствовать лучшему познанию настоящего.

Чехословакия

В Институте востоковедения Академии наук Чехословакии при содействии Академии наук КНДР создана библиотека корейских книг, которой присвоено имя известного корейского поэта Чо Ги Чена. В Прагу уже прибыла первая партия книг из Кореи. Хранителем библиотеки является специалистка по корейской литературе З. Клезлова.

Уже в течение шести лет при Институте востоковедения существует библиотека китайской литературы им. Лу Синя, которая насчитывает свыше 40 тыс. томов, в том числе многочисленные издания китайской классики.

Отдел Дальнего Востока приступил к предварительной работе по составлению китайско-чешского словаря. В создании словаря принимает участие коллектив молодых синологов под руководством акад. Я. Прушека.

Сдается в печать первый том большой китайской грамматики, написанной коллективом синологов под руководством О. Шварны и Е. Каловсковой. Большое внимание в работе уделяется фонетике китайского языка. Грамматика предназначается главным образом для студентов, изучающих китайский язык.

* * *

В рамках культурного обмена между Чехословакией и Индией в годичную командировку в Индию выехали бенгалист д-р О. Збавител, занимающийся преимущественно творчеством Рабиндраната Тагора, дравидолог К. Звелебия и специалист по древней истории Индии Э. Герольд. Кроме того, в Индию выехал в научную командировку санскритолог д-р И. Фишер.

* * *

В дни празднования 150-летия Варшавского университета известному чехословацкому иранисту акад. Я. Рипке, наряду с другими иностранными учеными, была присуждена степень доктора honoris causa.

По приглашению синологов Франции акад. Я. Прушек прочитал в Сорбонне в мае 1958 г. два доклада, посвященных истории и литературе Китая.

Бирма

В течение первого десятилетия независимости Бирманского Союза Общество переводов стало крупнейшим издателем бирманской литературы. За этот период им опубликованы 3 тома бирманской энциклопедии», 6 томов «Научно-популярной энциклопедии», 5 томов из серии «За 50 лет», 11 выпусков «Народного справочника», 69 номеров ежемесячного журнала «Сапей Бейкмен».

Всего за 1948—1957 гг. Бирманское общество переводов издало 380 публикаций общим тиражом 15 600 тыс. экземпляров.

Бирманское Общество переводов проводит большую работу по созданию, транслитерации, отбору и унификации новых технических и научных терминов на бирманском языке.

Каждую субботу в здании Общества в Рангуне происходят заседания бирманских ученых и литераторов, на которых обсуждаются вопросы новой терминологии в различных областях науки и техники, искусства и литературы. К настоящему времени в «Хранилище терминов» («Terms Bank») Общества переводов накоплено 50 735 научных и технических терминов, переведенных на бирманский язык или транслитерированных по-бирмански.

Индия

В 1957 г. при Мадрасском университете создан Институт традиционных культур. Это научное учреждение организовано при активной поддержке ЮНЕСКО. Как сообщил директор Института проф. К. А. Нилаканта Шастри, институт будет изучать историю культуры, экономику, политическое развитие, этнографию, прикладное искусство народов Индии и стран Юго-Восточной Азии. Особое внимание предполагается уделить изучению влияния, которое оказывает на страны Востока быстрая индустриализация и проникновение современных общественно-политических идей.

В течение первых 3—5 лет своего существования институт, по мнению его руководителей, будет занят главным образом сбором и публикацией информации о востоковедных учреждениях в различных странах, составлением библиографий, разработкой форм международного сотрудничества в области изучения восточных цивилизаций.

Индонезия

Имя великого советского писателя А. М. Горького широко известно в Индонезии. В связи с 90-й годовщиной со дня рождения А. М. Горького многие газеты Джакарты поместили статьи, посвященные жизни и творчеству основоположника советской литературы. Недавно на индонезийском языке был издан роман А. М. Горького «Мать». Перевод выполнен известным индонезийским писателем Прамудиа Ананта Тур. В газете «Хариан Ракьят» опубликовано несколько статей, в которых рассказывается о жизненном пути и творчестве А. М. Горького.

* * *

В главном городе провинции Центральная Ява — Семаранге состоялась конференция общества «Народная культура» (ЛЕКРА) этой провинции. Конференция обсудила вопрос о необходимости сбора и изучения материалов устного народного творчества населения Центральной Явы. Решено издать на яванском языке ряд книг о литературе и искусстве Явы, а также осуществить переводы произведений видных современных индонезийских писателей на яванский язык.

Иран

Литературный факультет Тегеранского университета приобрел недавно библиотеку, принадлежавшую покойному профессору университета Аббасу Эгбалю. Эта библиотека — одно из наиболее ценных собраний книг по истории и литературе Ирана, она насчитывает свыше 3 тыс. томов. Библиотека Тегеранского университета приобрела также ценные собрания книг, принадлежавшие Али Форуги (бывш. премьер-министр Ирана) и проф. Мохаммеду Казвини.

Малайя

Общество малайского языка при Университете Малайи издает периодический журнал «Бахаса» («Язык»). Он выходит один раз в четыре месяца. Выход первого номера был приурочен ко дню провозглашения независимости Малайской федерации.

В редакционной статье говорится, что цель журнала заключается в том, чтобы способствовать изучению, развитию и совершенствованию малайского языка, которому суждено сыграть важную роль в строительстве независимого малайского государства, в развитии национальной культуры.

В журнале помещен ряд материалов, посвященных итогам III конгресса по изучению малайского языка, состоявшегося в сентябре 1956 г. в Сингапуре.

Большое место отводит журнал «Бахаса» вопросам литературы. Здесь опубликованы статьи: «Поэзия в малайской литературе» Али Х. Ахмада, «Отсутствие драмы в малайской литературе» Исмаила А. Рахмана и статья Кассиама Ахмада «Литература новой Малайи среди народа». Кроме того, журнал печатает несколько стихотворений Каса, статью Тонката Уоррента «Мой опыт стихосложения» и несколько биографий писателей Малайи.

Объединенная Арабская Республика

Каирское издательство «Дар-уль-Фикр» выпускает серию книг под общим названием «Проблемы арабского национализма». Уже вышли книги «Алжирский вопрос и арабская солидарность» Ахмеда Рифаи, «Американский заговор в Иордании» Мишеля Камиля, сборник «Америка раздувает пожар на Ближнем Востоке», «Английская агрессия в Омане и Йемене» Абдель Муним Газали, «Америка крадет арабскую нефть» Адиль Хусейна, «Народы Азии и Африки — против Багдадского пакта и «доктрины Эйзенхауэра»», принадлежащая перу одного из руководителей иракских патриотов Азиза Шарифа.

* * *

В Каире вышел многотомный труд Ахмеда Салиха Рушди «Искусство народной литературы»— обстоятельное исследование египетского фольклора. Автор приходит к выводу, что основным содержанием устного народного творчества является изображение труда и быта народа, его борьбы за свободу и независимость.

США

В 1977 г. состоялся ряд научных семинаров и конференций американских востоковедов. В Принстонском университете состоялось 167 совещание Американского общества востоковедения. Были заслушаны доклады по древней и современной истории и литературе Китая, Сирии, Индии, Египта и других стран.

В Калифорнийском университете (г. Лос-Анжелос) состоялось 7-е ежегодное совещание Западного отделения Общества востоковедения, на котором были сделаны следующие доклады: «Проблемы ранних сасанидско-византийских отношений», «Вклад А. Драгунова в изучение глагола и времен в восточных языках», «Майтрейя и Асанга», и другие.

Тунис

В Тунисе открыто Училище высшего образования для подготовки преподавателей. Студенты изучают арабский язык и литературу, историю, географию и другие дисциплины. Недавно начал свою работу Тунисский Институт журналистики. Обучение в нем ведется на арабском и французском языках.

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ЛЕНИНГРАДЕ

В июне текущего года состоялась встреча редакции журнала «Советское востоковедение» с ленинградскими читателями. Был заслушан доклад о работе журнала в период с мая 1957 г. по июнь 1958 г.

В обсуждении доклада приняли активное участие видные ученые-востоковеды, работники научно-исследовательских институтов, Государственного университета, библиотек и музеев Ленинграда. Сделали важные замечания по содержанию журнала и внесли ценные предложения по улучшению его дальнейшей работы академики И. А. Орбели, В. В. Струве, доктора наук В. П. Петрушевский, В. М. Штейн, кандидаты наук А. Д. Новичев, К. К. Курдоев, Н. Д. Миклухо-Маклай, О. Л. Вильманский, А. М. Голдобин и другие. Общее мнение участников встречи выразил председательствовавший на собрании акад. И. А. Орбели, заявивший, что «журнал не только улучшился, но и стоит на пути к дальнейшему улучшению».

Вместе с тем участники встречи указали на отдельные недостатки в работе редакции журнала. В частности, во многих выступлениях обращалось внимание на необходимость публикации бóльшего количества материалов по проблемам Арабского Востока, стран Юго-Восточной Азии и Африканского континента. Высказывались пожелания о расширении раздела медиевистики и истории древнего Востока. Выдвигались предложения о более широком освещении истории культуры народов Востока, а также истории отечественной и зарубежной востоковедной науки. Редакцию критиковали за все еще недостаточную информацию о научной деятельности в области востоковедения как в СССР, так и за границей. Отдельные участники встречи предлагали увеличить периодичность журнала и его объем.

Резкой критике была подвергнута практика распространения «Советского востоковедения» конторой «Академкнига», приведшая к тому, что в Ленинграде невозможно купить выходящие номера журнала.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

О ПЕРВОМ ИНДИЙСКОМ ЧЛЕНЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Мне неизвестно, знают ли в СССР, что уже в 1856 г. один из индийских ученых был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук. Этим ученым, первым из индийцев, удостоившимся такой высокой чести, был Райя Радхаканта Деб, родившийся в Калькутте 10 марта 1784 г.

В 1757 г. в битве при Плесси англичане свергли последнего правителя Бенгалии и установили колониальный режим. Последовавшие за битвой 50 лет характеризуются распространением английского языка, западного образования и английского образа жизни среди части имущих классов бенгальского общества. Это нанесло значительный урон развитию национальной культуры. Вместе с тем распространение английского языка привело средние классы Бенгалии в соприкосновение с передовой западной наукой и искусством. Таким образом появилась новая интеллигенция — более передовая и либеральная по своим стремлениям и идеалам,— которая в огромной степени способствовала развитию национальной культуры.

Деб был представителем этой новой интеллигенции. У известного преподавателя Калькуттской Академии Кэннигема он научился английскому языку, затем самостоятельно изучил санскрит и персидский язык. Эти знания расширили его кругозор и дали ему возможность внести свой вклад в дело социального и культурного развития нации. Деб по праву может считаться одним из зачинателей распространения в Бенгалии образования, особенно среди женщин. В 1822 г. он издал книгу «Strisikshayabidhayaka», в которой настойчиво защищал дело женского образования от нападок со стороны консервативных слоев общества, резко настроенных против эмансипации женщин. Следует отметить, что в Индии это была первая книга подобного рода.

В течение 1819—1851 гг. он издал семь томов Энциклопедического санскритского словаря «Sabdakalpadruma». Дополнительный том энциклопедии был издан позднее, в 1858 г. Этот словарь стал своего рода руководством для всех, кто сколько-нибудь серьезно хотел изучить санскрит как в Индии, так и за ее пределами. Многие иностранные ученые, изучавшие этот язык, нашли словарь чрезвычайно полезным и поздравляли Деба с успехом.

В 50-х годах XIX в. в России стало известно о работах Деба, к нему обратились с просьбой выслать все томы словаря. Деб с большой радостью выполнил эту просьбу. В 1856 г. Российская Императорская Академия удостоила Деба чести быть избранным членом-корреспондентом Академии. Фотокопию свидетельства об избрании можно увидеть в книге «Краткая биография Райя Радхаканта Деба» в библиотеке Азиатского общества в Калькутте.

В период между 1852 и 1874 гг. Российская Академия наук издала санскритские словари, подготовленные в научном содружестве русскими и зарубежными учеными. Можно предположить, что составители словаря использовали в своей работе словарь Деба.

Деб вел большую просветительскую и общественную работу и был связан с большим числом различных организаций. Он был директором одного из колледжей в Калькутте, секретарем Школьного общества в Калькутте, вице-президентом Агротехнического и садоводческого общества в Индии, членом-корреспондентом Королевского азиатского общества Великобритании и Ирландии и членом Азиатского общества в Бенгалии.

Мы в Индии многим обязаны Райе Радхаканте Дебу. Надеемся, что советские ученые смогут разыскать экземпляры томов «Sabdakalpadruma», которые Деб прислал в Россию и помогут нам пролить свет на культурные связи Деба с учеными России.

П. К. Дасгупта

Т. Г. КЕЗМА

(1882—1958)

9 апреля на 76-м году жизни в Киеве скончался видный ученый-арабист Тауфик Джабраил (Тауфик Гаврилович) Кезма.

Уроженец Дамаска, он получил первоначальное образование в Назарете и четырнадцати лет был отправлен своими родными, глубоко верующими христианами, «за четыре моря», в далекую Россию, «в православный Киев» для продолжения образования.

Тауфик Гаврилович Кезма окончил в Киеве семинарию и духовную академию. Овладев в совершенстве русским, древнеславянским, древнегреческим, латинским и древнееврейским языками и теологическими науками, он был удостоен ученой степени доктора богословия honoris causa.

Цель своей жизни Тауфик Гаврилович видел в содействии дружбе между народами России и Востока.

Сорок лет Тауфик Гаврилович был профессором арабского языка и литературы Киевского университета. После Великой Октябрьской социалистической революции интерес к арабскому языку и литературе, а также к древней культуре Востока увеличился не только у студенческой молодежи, но и у профессуры. Достаточно сказать, что среди учеников Т. Г. Кезма были известный математик академик Н. Граве, украинский поэт Н. П. Бажан и другие.

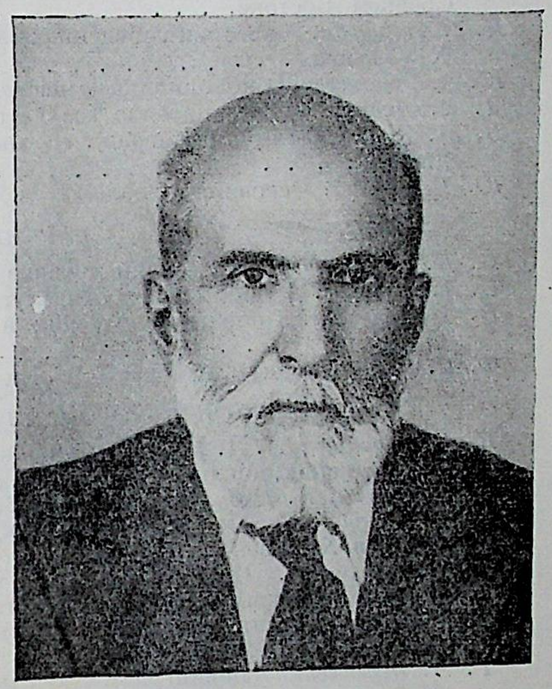
Одной из самых известных работ покойного профессора была общедоступная грамматика арабского языка, изданная Всеукраинской Академией наук в 1926 г.

До последнего дня Тауфик Гаврилович не терял связи со своей родиной. Он переписывался с видными учеными, поэтами, писателями Сирии, Палестины и Египта. В течение многих лет он активно участвовал в ряде журналов арабских стран. Киевлянин Т. Г. Кезма выступал в них со статьями о работах выдающихся советских востоковедов С. Ф. Ольденбурга, В. В. Бартольда, И. Ю. Крачковского, А. Е. Крымского и других.

Тауфиком Гавриловичем переведены на арабский язык некоторые произведения украинских писателей. Известен он и как переводчик арабской литературы на русский и украинский языки.

Вскоре после смерти Т. Г. Кезмы в Издательстве художественной литературы УССР вышли в его переводе сборники новелл Махмуда Теймура и рассказов ливанского писателя Михаила Нуайме «Знатные». Уже будучи больным, Т. Г. Кезма переводил на украинский язык автобиографическую повесть Михаила Нуайме.

Незадолго до смерти Тауфик Гаврилович в беседе с корреспондентом одной из киевских газет сказал: «Мне 75 лет, я чувствую себя очень хорошо. Хочется очень много сделать для ознакомления читателей Украины, которая стала моей второй родиной, с культурой народов арабских стран».

В последнем своем письме ко мне в дни сорокалетия Великой Октябрьской социалистической революции Тауфик Гаврилович писал: «От всего сердца поздравляю Вас с Великим праздником Октября, и с феерическими, удивляющими весь свет победами социалистической России — нашего Советского Союза, победами на фронте науки».

До последнего дня своей прекрасной жизни, полной труда и творческого горения, Тауфик Гаврилович работал не покладая рук во имя укрепления дружбы народов Союза Советских Социалистических Республик и арабских стран.

Советская арабистика потеряла в лице Тауфика Гавриловича Кезмы неутомимого ученого, замечательного воспитателя научных кадров.

М. Махаринский

СОДЕРЖАНИЕ

Материалы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Из неопубликованных рукописей Карла Маркса 3
Вторая конференция писателей стран Азии и Африки 23

СТАТЬИ, ПУБЛИКАЦИИ, СООБЩЕНИЯ

Л. Г. Гукасян. Воздействие кризиса в США на экономически слаборазвитые страны Азии и Африки 27
Р. А. Ульяновский. США и индустриализация Индии 35
Б. И. Потаповский. Экспансия западногерманских монополий на Ближнем и Среднем Востоке 51
К. З. Ашрафян. К истории городских движений в Делийском султанате в XIII—XIV веках 61
Ю. А. Сотников. О колониальном наследии в аграрном строе Индонезии . . . 74
Д. В. Деопик. Возникновение государства во Вьетнаме 83
В. М. Жирмунский (Ленинград). «Китаби Коркут» и огузская эпическая традиция 90
Ю. Н. Рерих. Основные проблемы тибетского языкознания 102

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

Н. К. Нефедова. Куда ездили древние русы — в Андалузию или Анатолию? 113
Б. А. Рыбаков. Русь и страна «Андалус» в IX—X веках 116
Н. И. Лазарев. Положение рабочих на каучуковых плантациях в Бирманском Союзе 119
Ф. С. Сеидов (Баку). Автограф Ахмеда Недима 123

ИСТОРИОГРАФИЯ, КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. А. Ромодин и *А. А. Кондратьев* (Ленинград). Опыт сопоставления сведений из китайских, кокандских и русских источников по истории киргизов . . . 125
Хр. Гандев и *Б. Недков* (Болгария). Востоковедение в Болгарии 137
Н. А. Халфин. Некоторые вопросы международных отношений на Среднем Востоке в XIX веке в индийской историографии 146
Р. Т. Ахрамович. Новые явления в развитии общественной мысли в Афганистане в связи с проблемой Пуштунистана 155
В. В. Струве (Ленинград). Н. В. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье 162
Т. А. Шумовский (Ленинград). Академик Игнатий Юлианович Крачковский. Избранные сочинения, т. IV 166
А. З. Зусманович. В. Я. Васильева. Распад колониальной системы империализма 168
Я. А. Певзнер. А. И. Динкевич. Экономика послевоенной Японии (1945—1955 гг.) 172
Б. Г. Сапожников. В. Л. Тягуненко. Войны и колонии 173
А. А. Кузнецов. А. Х. Бабаходжаев. Провал английской антисоветской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке в период признания Советского государства де-факто и де-юре (1921—1924 гг.) 175
Н. П. Аникеев, Т. Я. Елизаренкова, А. М. Пятигорский. «Махабхарата» . . . 177
Ч. Х. Бакаев. К. К. Курдоев. Грамматика курдского языка 178
С. А. Мхитарян. Чан Ван Зау. Рабочий класс Вьетнама 182
Ю. Я. Глазов. К. Дамодаран. Дух Индии 184
М. И. Брагинский. Zoë Marsh and G. W. Kingsnorth. An Introduction to the History of East Africa 187
Г. С. Шабалина G. C. Allen, A. G. Donnithorne. Western Enterprise in Indonesia and Malaya 190
В. П. Старинин. «Помощник по языку, литературе и наукам» 192
Заметки о книгах (Р. Долнякова, В. М. Геворгян, Э. А. Агаронов, И. М. Фильштинский, В. Москаленко. М. Н. Пак, Ю. В. Ганковский, Л. Н. Долганов) 195
Аннотации 203
Библиография научных трудов доктора исторических наук профессора И. М. Рейснера 209

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Дискуссия о госкапитализме в экономически слаборазвитых странах Востока 213

ХРОНИКА
ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

П. К. Дасгупта (Индия). О первом индийском члене Российской академии наук 226
Т. Г. Кезма 234
235

CONTENTS

Materials of the Marxism-Leninism Institute of the CC, CPSU 3
Second Conference of Afro-Asian Writers 23

ARTICLES, DOCUMENTS, PAPERS

L. G. Gukasyan. Effect of the Crisis in the USA upon the Economically Underdeveloped Countries of Asia and Africa 27
R. A. Ulyanovsky. The USA and India's Industrialization 35
B. I. Potapovsky. Expansion of West German Monopolies in the Near and Middle East 51
K. Z. Ashrafyan. History of Urban Movements in the Delhi Sultanate in the 13th and 14th Centuries 61
Y. A. Sotnikov. The Colonial Heritage in the Agrarian System of Indonesia 74
D. V. Deopik. Origin of the State in Viet-Nam 88
V. M. Zhirmunsky (Leningrad). «Kitabi Qorqut» and the Oghuz Epic Tradition 90
Y. N. Roerich. The main problems of Tibetan Linguistics 102

SCIENTIFIC NOTES

N. K. Nefedova. Were the Ancient Rus' Travelling to Andalusia or Anatolia? 113
B. A. Rybakov. Rus' and the land of «Andalus» in the 9th and 10th Centuries 116
N. I. Lazarev. Conditions of the Workers in the Rubber Plantations of the Burmese Union 119
F. S. Seidov (Baku). Akhmed Nedim's Autograph 123

HISTORIOGRAPHY, BOOK REVIEWS, BIBLIOGRAPHY

V. A. Romodin and *A. A. Kondratyev* (Leningrad). A Comparative Survey of Information on Kirghiz History from Chinese, Kokand and Russian Sources . . . 125
Kh. Gandeff and *B. Nedkoff* (Bulgaria). Orientology in Bulgaria. 137
N. A. Khalfin. Some Problems of International Relations in 19th Century Middle East as Reflected in Modern Indian Historiography 146
R. T. Akhramovich. New Trends in the Development of Social Ideas in Afghanistan in Connection with the Pushtunistan Problem 155
V. V. Struve (Leningrad). N. V. Pigulevskaya. Cities of Iran in the Early Middle Ages 162
T. A. Shumovsky (Leningrad). Academician I. J. Krachkowski. Selected Works, vol. IV 166
A. Z. Zusmanovich. V. Y. Vassilyeva. Disintegration of the Colonial System of Imperialism 168
Y. A. Pevzner. A. I. Dinkevich. Economy of Postwar Japan (1945—1955) . . 172
B. G. Sapozhnikov. V. L. Tiagunenko. Wars and Colonies 173
A. A. Kuznetsov. A. K. Babakhojayev. Failure of British Anti-Soviet Policy in Central Asia and in the Middle East at the Time of the de Facto and de Jure Recognition of the Soviet State (1921—1924) 175
N. P. Anikeyev, T. Y. Yelizarenkova, A. M. Piatigorsky. «Mahabharata» 177
Ch. K. Bakayev. K. K. Kurdoyev. Grammar of the Kurdish Language 178
S. A. Mkhitaryan. Chan Wan Zau. The Working Class of Viet-Nam 182
Y. Y. Glazov. K. Damodaran. The Spirit of India 184
M. I. Braginsky. Zoë Marsh and G. W. Kingsnorth. An Introduction to the History of East Africa 187
G. S. Shabalina. G. C. Allen, A. G. Donnithorne. Western Enterprise in Indonesia and Malaya 190
V. P. Starinin. A Reference Book on Linguistics, Literature and Science . . . 192
Bibliographical Notes 195
Bibliography of Scientific Works of I. M. Reüssner, Dr. Hist. 209

SCIENTIFIC LIFE

State Capitalism in Economically Underdeveloped Countries of the East (Discussion in the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences) 213

CURRENT EVENTS

A Letter to the Editors

P. K. Dasgupta (India). First Indian Member of the Russian Imperial Academy of Sciences 226
T. G. Kezma 234
235

內 容

蘇共中央馬克思主義——列寧主義研究所的資料

馬克思未曾出版的部分手稿

亞非作家第二次大會

論文，文件，通報

戈格向 . . . . . 美國經濟危機對亞非經濟不發達的國家的影響

吳良諾夫斯基 . . . . . 美國和印度的工業化

泊塔泊夫斯基 . . . . . 西德壟斷在中近東的侵略

阿斯拉芬揚 . . . . . 關於十三—十四世紀德里侯國的市民運動史

索特尼可夫 . . . . . 印度尼西亞土地制度中的殖民地遺毒

台奧皮克 . . . . . 越南國的起源

日爾蒙斯基（列寧格勒） . . . . . “葛答皮谷爾戈特”及與古世的叙事詩傳統問題

了立嚇 . . . . . 西藏語言學的問題

科學短評

涅非它娃 . . . . . 古俄人到過什麼地方——安達盧西亞（西班牙）是安那托利亞（土耳其）？

立泊科夫 . . . . . 九—十世紀俄國與安達盧西國

拉薩立夫 . . . . . 緬甸橡皮種植場的工人生活狀況

協益多夫（巴古） . . . . . 阿嚇密特逝丁的自署

歷史編纂學，書報評介

羅摩金，岡特拉乞夫（列寧格勒） . . . 關於吉爾吉斯歷史問題採用中文谷康文及俄文資料對照的經驗

甘代夫，尼特谷夫（保加利亞） . . . . . 保加利亞的東方學

哈爾芬 . . . . . 十九世紀印度歷史編纂學中關於中東國際關係的幾個問題

阿嚇郎摩維奇 . . . . . 阿富汗社會中因普雪多尼斯坦問題所發生的社會思想發展的新現象

司特魯威（列寧格勒） . . . . . 評皮古列夫斯加亞．早期中世紀西伊朗的城市

虛莫夫斯基（列寧格勒） . . . . . 評克拉乞谷夫斯基院士的選集，第四卷

若斯孟諾維奇 . . . . . 評華西列娃．殖民地系統的瓦解

皿夫士納爾 . . . . . 評定格維赤．大戰後的日本

薩巴如尼谷夫 . . . . . 評甲公逞谷．戰爭和殖民地．

阿．庫孚逞維夫 . . . . . 評巴巴哈札也夫．法律上和事實上承認蘇維埃國家的時期（1921年—1924年）英國在中亞和中東的反蘇政策

阿尼克也夫，葉立查聯谷娃，皮帝谷爾斯基 . . . . . 摩訶

巴加也夫 . . . . . 評庫爾得也夫．庫爾得語言的文

[illegible]達量 Trần-Văn-Giàu. Giai cấp công nhân Việt-Nam. . . . . .

[illegible]泊拉[illegible]夫 . . . . . 評達莫大郎．印度

雪巴[illegible]斯基 Zoë Marsh and G. W. Kingsnorth. An Introduction to the History of

Indo[illegible]林娜 East Africa G. C. Allen, A. G. Donnithorne. Western Enterprise in

[illegible]nesia and Malaya 19

語言文學及科學的借手 192

195

203

[illegible]因斯納爾科學著作的目錄 209

科學狀態

[illegible]發達的國家的國家資本主義問題的討論 213

新聞 226

來信

[illegible]（印度）—俄羅斯皇帝科學院的第一個印度院士 234

改士廖 235

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

[illegible]акция просит авторов при представлении статей учитывать следующее:

[illegible]тьи должны быть отпечатаны на машинке через два интервала в 2-х экзем-

Желательный объем рукописей: статьи — не более одного авторского листа,

[illegible]алы для раздела «Научные заметки» — 4—6 страниц; рецензии на книги —

[illegible]раниц.

[illegible]оизведения классиков марксизма-ленинизма цитируются по последнему

[illegible]ю. Ссылки на русские и иностранные источники даются без сокращений.

[illegible]ках обязательно указывать инициалы и фамилию автора, полное название

[illegible]или статьи, место, год издания и соответствующие страницы. Названия во-

[illegible]х источников следует приводить на языке оригинала и в переводе на рус-

[illegible]зык, причем цитаты, ссылки и т. п. на восточных языках, не пользующихся

[illegible]кой или русской графикой, надо прилагать к статье в двух экземплярах.

[illegible]люстрации (рисунки, фотографии) представляются в пригодном для воспроиз-

[illegible]я в печати виде (контрастные, на глянцевой бумаге) в двух экземплярах.

[illegible]каждой статье или рецензии должно быть приложено краткое резюме для пе-

[illegible]на английский язык объемом не более 1/2 страницы машинописи.

[illegible]сколько внесение авторской правки в корректуру допускается лишь в исклю-

[illegible]ных случаях, редакция просит авторов подписывать окончательно отредакти-

[illegible]ий экземпляр в печать.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1959 год
НА ЖУРНАЛЫ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Названия журналов	Количество номеров в год	Годовая подписная цена
Общеакадемические журналы		
Вестник Академии наук СССР	12	96
Доклады Академии наук СССР (без папок)	36	518—40
Доклады Академии наук СССР (с 6 коленкоровыми папками с тиснением)	36	542—40
Известия Карельского и Кольского филиалов Академии наук СССР	4	28
Известия Сибирского отделения Академии наук СССР	12	84
Природа	12	84
Журналы по общественным наукам		
Вестник древней истории	4	120
Вестник истории мировой культуры	6	90
Вопросы истории	12	84
Вопросы философии	12	84
Вопросы экономики	12	60
Исторический архив (без переплета)	6	90
Исторический архив (в переплете)	6	99
История СССР	6	72
Мировая экономика и международные отношения	12	66
Новая и новейшая история	6	60
Советская археология	4	100
Советская этнография	6	108
Советское востоковедение	6	72
Советское китаеведение	4	48
Современный Восток	12	36
Советское государство и право	12	144
Вопросы литературы	12	72
Вопросы языкознания	6	90
Русская литература	4	40
Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка	6	54

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

городскими отделами «Союзпечать», конторами и отделениями связи, общественными уполномоченными на заводах и фабриках, в научно-исследовательских институтах, учебных заведениях, учреждениях и организациях.

Подписка принимается также отделениями и магазинами «Академкнига» и отделом подписных изданий конторы «Академкнига» по адресу:

Москва, К—12, ул. Куйбышева, 8 «Академкнига»

...ан-шоу.
...цюэсжэнь хэ туцюе ханьго. Шанхай жэньминь чубаньшэ, 1957. 2, 106 с.

Миямото Матадзи.
Осака сёнин. Токио, Кобундо, 1958. 7, 270, 9 с.

Morin-Barde, Mireille. Terre marocaine. Texte et phot. de Mireille Morin-Barde. Neuchatel — Paris, Ides et calendes, [cop. 1957]. [103] p.,

Нихон ногё хаттацу си. Мэйдзи ико ни окэру.
Кансю: Тохата Сэйити. Т. 1—9. Токио, Тюокоронся, 1953—1956.

Нихон тэпугаку сисо дзэнс. Т. 1—20. Токио, Хэйбонся, 1955—1957.

Ramaswami Sastri, K. S. Hindu culture and the modern age. (Special lectures delivered at the Annamalai univ.). By K. S. Ramaswami Sastri. With a foreword by T. M. Narayanaswami Pillai. Annamalainagar, 1956, [5], 426 p.

Тивари, Рамананд.
Шри Шанкарачаръя ка ачар даршан. Аллахабад, Хинди сахитья саммелан, [1950]. [11], 197, [4] с.

Фудзимура Тору.
Киндай нихон кэйдзай си. Киндай нихон кэйдзай-но тэнкай. Токио, кадзама сёбо, 1956. 10, 365 с.

Чосонесоы пурычйоа минчок хёнсоне кванхан тхорончип. [Пхеньян], Чосон минчучуи инмин конхвагук квахаквон чхульпханса, 1957. 225 с.

...ска 12 руб.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1959 год
НА ЖУРНАЛЫ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Названия журналов	Количество номеров в год	Годовая подписная цена
Общеакадемические журналы		
Вестник Академии наук СССР	12	96
Доклады Академии наук СССР (без папок)	36	518—40
Доклады Академии наук СССР (с 6 коленкоровыми папками с тиснением)	36	542—40
Известия Карельского и Кольского филиалов Академии наук СССР	4	28
Известия Сибирского отделения Академии наук СССР	12	84
Природа	12	84
Журналы по общественным наукам		
Вестник древней истории	4	120
Вестник истории мировой культуры	6	90
Вопросы истории	12	84
Вопросы философии	12	84
Вопросы экономики	12	60
Исторический архив (без переплета)	6	90
Исторический архив (в переплете)	6	99
История СССР	6	72
Мировая экономика и международные отношения	12	66
Новая и новейшая история	6	60
Советская археология	4	100
Советская этнография	6	108
Советское востоковедение	6	72
Советское китаеведение	4	48
Современный Восток	12	36
Советское государство и право	12	144
Вопросы литературы	12	72
Вопросы языкознания	6	90
Русская литература	4	40
Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка	6	54

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

городскими отделами «Союзпечать», конторами и отделениями связи, общественными уполномоченными на заводах и фабриках, в научно-исследовательских институтах, учебных заведениях, учреждениях и организациях.

Подписка принимается также отделениями и магазинами «Академкнига» и отделом подписных изданий конторы «Академкнига» по адресу:

Москва, К—12, ул. Куйбышева, 8 «Академкнига»